

**БЕЛОРУССКАЯ
ЗЕМЛЯ
В ВОСПОМИНАНИЯХ
И ДОКУМЕНТАХ
XIX–XX вв.**

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт мировой литературы им. А. М. Горького

**БЕЛОРУССКАЯ ЗЕМЛЯ
В ВОСПОМИНАНИЯХ
И ДОКУМЕНТАХ
XIX–XX вв.
Часть 2**

Москва
ИМЛИ РАН
2019

Книга
подготовлена и опубликована
при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ)
Проект № 18-512-00004 Бел_а
«Белорусская земля
в документах и воспоминаниях XIX–XX вв.
По материалам российских и белорусских архивов»

Рецензенты:
д.ф.н. Е. В. Николаева
д.ф.н. Е. Г. Падерина

Ответственные редакторы:
д.ф.н. А. И. Алиева
д.ф.н. М. И. Щербакова

Белорусская земля в воспоминаниях и документах XIX–XX вв.
Вып. 2. М.: ИМЛИ РАН, 2019. 336 с.

Издание является продолжением вышедшей в 2018 г. одноименной книги, включившей воспоминания, письма и документы, относящиеся к историческому прошлому Белорусской земли. В нынешний выпуск вошли воспоминания С. А. Шишкина, И. С. Жиркевича, продолжение семейной хроники Жиркевичей, Кукольников, Пузыревских, Снитко. Представлена Белорусская коллекция Отдела рукописей ИМЛИ РАН. На основе переписки дается обзор творческих и дружеских контактов русских и белорусских писателей XX в.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие

|| 6 ||

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ КРАЙ В XIX ВЕКЕ

Шишанов В. А.

Мемуары С. А. Шишкина

как источник для его биографии и деятельности
на посту витебского губернатора

|| 8 ||

Жизнь С. А. Шишкина

(Подгот. текста и комм. В. А. Шишанова)

|| 13 ||

Щербаков В. И.

Иван Степанович Жиркевич: мемуарист и человек

|| 68 ||

ИЗ СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКИ...

КУКОЛЬНИКИ-ПУЗЫРЕВСКИЕ-СНИТКО-ЖИРКЕВИЧИ

Жиркевич-Подлесских Н. Г.

«Служение отечеству из века в век...»

Часть вторая

|| 103 ||

«Нет, с этим шалить забудешь! ...»

(Симбирский и Витебский губернатор

Иван Степанович Жиркевич и его мемуары)

|| 110 ||

«А что-то говорит мне, что меня еще вспомнят...»

(Александр Владимирович Жиркевич,
внук И. С. Жиркевича)

|| 134 ||

Впечатления, встречи, размышления...

(по страницам дневника А. В. Жиркевича)

|| 146 ||

Последние представители рода Жиркевичей
по прямой линии

|| 151 ||

ВЕК XX.

ПРЕДВЕСТЬЯ. ДНЕВНИКИ. ПИСЬМА. СУДЬБЫ

Курьянович Ю. В.

Туров: история и легенды

|| 154 ||

Трус Н. В.

Взращенные близ Беловежской пуши:
литературная деятельность трех поколений
рода Красковских в XIX–XX вв.

|| 176 ||

Людмила Красковская.

Скитальческая жизнь

(отрывок из воспоминаний)

|| 204 ||

Московская Д. С.

Белорусская коллекция в составе фондов
Отдела рукописей ИМЛИ РАН

|| 212 ||

Лукаш Бэндэ
Белорусская литература к XV годовщине
Октябрьской революции

|| 246 ||

Лаптенюк И. Б.
Право на литературное признание:
из переписки Я. Мавра с переводчиками
и редакторами его книг

|| 268 ||

Дроздова З. В.
Переписка Якуба Коласа с русскими писателями
Сергеем Городецким и Михаилом Исаковским

|| 280 ||

Яковенко Н. В.
«Поразительная слитность выражения»:
творческие и дружеские контакты
Аркадия Кулешова и Михаила Исаковского
(по материалам переписки поэтов)

|| 315 ||

Борисюк Т. П.
Концепт «творчество»
в письмах Максима Танка
к русским корреспондентам (1946–1966)

|| 330 ||

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящее издание является вторым выпуском результатов совместных исследований российских и белорусских ученых из Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН и Филиала Института литературоведения имени Янки Купалы ГНУ «Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси».

Международный российско-белорусский научный проект «Белорусская земля в документах и воспоминаниях XIX–XX веков. По материалам российских и белорусских архивов» (№ 18-512-00004 Бел_а) получил в 2018 г. поддержку грантом Российского фонда фундаментальных исследований. Тогда же вышел первый выпуск, в котором были представлены новые мемуарные и документальные источники, выявленные в государственных и частных архивах Российской Федерации и Республики Беларусь.

Белорусская земля как место пересечения восточного и западнославянского миров, со своим уникальным геополитическим положением, сложной исторической судьбой богатейшая тема для исследователей. Обновление ее фактографической базы имеет несомненный потенциал, существенно расширяющий научные возможности.

Впервые публикуемые мемуары, письма, архивные документы воссоздают историческую панораму XIX и XX вв.; в них целая галерея портретов исторических деятелей своей эпохи, творческой интеллигенции Северо-Западного Края и Белорусской Советской республики, современников-земляков, каждый из которых вносил свою лепту в процветание родной земли.

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ
КРАЙ
В XIX ВЕКЕ

В. А. Шишанов

**МЕМУАРЫ С.А. ШИШКИНА
КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ЕГО БИОГРАФИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
НА ПОСТУ ПЕРВОГО ВИТЕБСКОГО ГУБЕРНАТОРА**

В Отделе рукописей Российской национальной библиотеки в С.-Петербурге (ОР РНБ) хранится тетрадь с мемуарами, незамысловато озаглавленными автором «Жизнь С. А. Шишкина» (ф. 536, Q.616). В истории Витебска Сергей Алексеевич Шишкин (15 августа 1762 — 6 января 1833) занимает особое место — этот человек в 1802 г. стал первым витебским гражданским губернатором после раздела Белорусской губернии на Витебскую и Могилевскую.

Витебск приобрел статус губернского города еще в 1796 г. благодаря усилиям белорусского генерал-губернатора И.И. Михельсона, который в докладе императору смог найти доводы в пользу Витебска, исключив тем самым Полоцк из претендентов на звание «столицы» Белорусской губернии (просуществовала с 1796 по 1802 г.). Но только после 1802 г. и во многом благодаря усилиям С. А. Шишкина Витебск получил толчок в своем развитии и с течением времени стал крупным административным, экономическим и культурным центром.

Рукопись С. А. Шишкина не столь пространна, она насчитывает всего 81 тетрадный лист. Мемуарист незамысловато и достаточно открыто описывает перипетии своего карьерного роста, обстояательства жизни семьи, взаимоотношения с людьми, эпизоды служебной деятельности. Описания довольно кратки, но в то же время содержат личные наблюдения, оценки и детали, интересные для понимания эпохи и повседневной жизни провинциального русского дворянства.

Повествование начинается с указания на то, что род ведет свою историю с 1586 г., но, не останавливаясь на далеких предках, автор кратко сообщает о своих ближайших родственниках — деде Афанасии Григорьевиче и отце Алексее Афанасьевиче, который служил в артиллерии и до своей безвременной кончины в 1768 г., в возрасте 22 лет, успел дослужиться до капитана.

Далее автор переходит к описанию собственной жизни, доведя его до 1814 г. — вероятно, к этому времени и относится напи-

сание мемуаров. В 1772 г., 9 лет от роду, Сергей Алексеевич был записан «сержантом в артиллерию». Затем переведен капралом в лейб-гвардии Измайловский полк. Мальчик был очень огорчен понижением в звании, но взрослые ему объяснили преимущества лейб-гвардейского полка: «... сколь прискорбно было для меня вместо трех галунов на обшлагах носить один, сколько пролито слез, пока уверили, что я с выгодою переведен: в турецкое замирение в 1775 году июля 10-е пожалован сержантом», но юный отрок «в службе не был, а считалось, будто на ординарцах». Только в конце 1784 г. Сергей Алексеевич явился в полк и с 1 января 1785 г. был произведен в офицеры: «... один раз мне только случилось быть в карауле сержантом». В 1787 г. — произведен в подпоручики, через год — в поручики. После участия в русско-шведской войне (1788–1790) — в капитан-поручики (1790 г.).

В 1794 г. Шишкин получил звание капитана, но решив, что в гражданской службе добьется большего, 1 января 1795 г. он вышел в отставку в чине бригадира, и в мае 1796 г. был «пожалован» в смоленские вице-губернаторы. Однако в начале правления Павла I на этом посту Сергей Алексеевич навлек на себя немилость и в ноябре 1797 г. был отправлен в отставку. Вскоре позиция императора изменилась, но Шишкину пришлось приложить значительные усилия, чтобы вернуться на службу и занять соответствующее место. Этот раздел мемуаров ярко характеризует чехарду во властных структурах, когда на протяжении менее трех лет сменилось три генерал-прокурора, каждый из которых обещал Шишкину содействия в возвращении на службу.

Все счастливо разрешилось в апреле 1800 г., когда Шишкин был определен советником в Ассигнационный банк, а в декабре ему был пожалован чин действительного статского советника. В банке советники не слишком были обременены обязанностями: «... особенно же дело наше было подписывать свое имя [на ассигнациях — В. III.], что большого труда не требует, а забот и ответа никакого».

Однако Сергей Алексеевич приобрел некий авторитет и, после баллотировки в сенаторы, 28 июня 1802 г. был назначен витебским губернатором: «Государь был столь ко мне милостив, были вакансии в Архангельске и в Олонце, он изволил сказать: “Ему будет там скучно. В Польше веселее”. Пожаловал мне на проезд 3000 р., и я 20 июля и отправился к должности. Приездом в Витебск — нахожу город небольшой, грязный, мостовые деревянные, населен бедными жидами. Доходу городского 13 тысяч, расходу — 16, долгу на городской думе 30 тысяч».

Рассказ о службе Шишкина в Витебске занимает в рукописи 31 лист. Сергей Алексеевич довольно подробно останавливается на обстоятельствах своей жизни и деятельности в городе, на пребывании в нем особ императорской фамилии, видных государственных и военных деятелей России.

Первым «старанием» С. А. Шишкина было повышение городских доходов, для чего винная продажа была отдана на откуп, и это принесло 12 тыс. р. дохода. Были приняты меры к «регулярству» города: «В мое время вымощено 20 тысяч квадратных саженей, сделано четыре прекрасных моста, улицы приведены в план, гора с въезду могилевского скопана, устроена хорошая богадельня на 60 и более человек, построен и всем снабжен лазарет на 200 человек, куплен и отстроен каменный дом для губернатора, стоивший при мне 30 тысяч рублей. Кто видел за несколько лет сей город, тот его не узнавал. Все сие меня отменно занимало и утешало. Притом, и та ощущалась выгода, что от каменных мостовых воздух делается здоровее. Много труда стоило уверить жителей, из коих половина застарелых поляков, другая — жидов, но я иных ласкою, иных шумом до сего довел. Для самых неимущих велел собирать камень у шлагбаумов с приезжающих на рынок (на сие есть указ Великой Екатерины). Всякий крестьянин привозит в город камушек, польза двойная — город мостится, а поля очищаются. Я всякий день ходил по городу пешком и ездил верхом смотреть работы».

Много беспокойства и усилий по размещению и снабжению доставило Шишкину прохождение русских войск во время их следования для участия в военных действиях на стороне III и IV антифранцузских коалиций (1805, 1806–1807 г.). В это время в Витебске останавливались император Александр I, великий князь Константин Павлович, А. М. Римский-Корсаков, Ф. Ф. Буксгевден, Н. А. Толстой, П. М. Волконский, А. А. Аракчеев, М. М. Сперанский и другие.

В начале октября 1807 г. во время пребывания в Витебске Александр I осмотрел город и остался недоволен состоянием острога — в частности тем, «<...> что окошки малы, нет свежего воздуха, и что арестанты строго содержатся». Недовольство императора пало на «хозяина» губернии. Шишкин подал в отставку и 9 ноября 1807 г. был освобожден от должности.

7 января 1808 г. Сергей Алексеевич с сожалением покидает город: «Я [С.А. Шишкин — В. III.] со слезами оглядывался на любезный мне город Витебск, мною устроенный». О себе губернатор оставил добрую память, и современники — например, витебский губернский прокурор Г. И. Добрынин — высоко отзывались о его

человеческих качествах¹. Так в воспоминаниях витебского губернского прокурора Г. И. Добрынина содержится следующая характеристика С. А. Шишкина: «Человек счастливой памяти, знал два языка, знаком с литературою и ничего не писал. Рассуждая об людях, умел их теорически узнавать и различать, но деятельно не отличал умного от дурака, ребенка от старика. Ловок и вежлив в порядке разговора, и был наиприятнейший человек в гражданском обращении. Физогномии имел благородную, нравственность, подкрепленная воспитанием, не позволила ему пользоваться от должности противозаконными прибавками; но после вышли неприятные обстоятельства, которых и ожидать надлежало, что он рад бы был своему горю помочь, откуда бы то ни было; но никто ему ничего не давал, потому что губернью управлял секретарь его, а губернским городом — полицмейстер. Будучи таковым он верил от всего сердца, что целая губерния, по любви своей к нему, готова носить его на руках»².

Под «неприятными обстоятельствами», вероятно, имеется в виду упоминаемое в мемуарах «провиантское дело». Осенью 1805 г. С. А. Шишкин, выполняя распоряжение о заготовке провианта для запасного магазина в Крейцбурге, одолжил необходимые запасы из магазина в Могилеве, а для их восполнения заключил договор со смоленским купцом Шабловинским, который, получив от Шишкина 8550 р., не выполнил свои обязательства и не вернул деньги. На протяжении многих лет Сергей Алексеевич пытался добиться освобождения его от ответственности по делу о «неисправной поставке», оправдываясь тем, что «преследовал только выгоды казны». Дело, пройдя через многочисленные инстанции, 3 января 1825 г. рассматривалось на заседании Комитета министров, но прошение Шишкина об освобождении от «взыскания» было отклонено³.

¹ Добрынин Г. И. Истинное повествование, или Жизнь Гавриила Добрынина, (пожившего 72 г. 2 м. 20 дней), им самим писанная в Могилеве и в Витебске. 1752–1823 / Г. И. Добрынин; [предисл.: М. Семеvский]. [2-е изд.]. СПб.: печатня В. И. Головина, 1872. С. 331–332.

² Добрынин Г. И. Истинное повествование, или Жизнь Гавриила Добрынина, (пожившего 72 г. 2 м. 20 дней), им самим писанная в Могилеве и в Витебске. 1752–1823 / Г. И. Добрынин; [предисл.: М. Семеvский]. [2-е изд.]. СПб.: печатня В. И. Головина, 1872. С. 331–332.

³ Российский государственный исторический архив. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 368. Л. 795–797; Д. 413. Л. 72–79 об.

После отставки Сергей Алексеевич прожил в своих деревнях в Тверской губернии. Здесь 9 июля 1809 г. он женился на вдове Татьяне Александровне Гедеоновой, 11 декабря 1811 г. был избран губернским предводителем дворянства. К сожалению, эта часть рукописи менее информативна — основное место занимает перечисление переездов Шишкина и его близких из деревень в Тверь, Москву, Петербург.

В заключение приводится 3 письма великой княжны Екатерины Павловны (1788–1819) и одно ее мужа герцога Петра Фридриха Георга Ольденбургского (1784–1812) с благодарностью за поздравление, которые они получили от Шишкина, выступавшего от имени дворянства Тверской губернии.

Похоронен Сергей Алексеевич в Москве, в Даниловом монастыре⁴.

Воспоминания Шишкина — интересный памятник мемуарной литературы, раскрывающий образ жизни, ментальность русского дворянства и освещающий малоисследованный период в истории Витебска.

⁴ Саитов В.И. Московский некрополь : Т. 1–3 / [В.И. Саитов и Б.Л. Модзалевский]; [Авт. предисл. и изд. вел. кн. Николай Михайлович]. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1907–1908. Т. 3: (Р — Ъ). 1908. С. 358.

ЖИЗНЬ С. А. ШИШКИНА
(Подготовка текста и комментарии В. А. Шишанова)¹

К читателю

С летами приходит охота рассказывать старину, и обыкновенно прошедшее кажется лучше настоящего; может быть от того, что молодость все веселит; под старость же человек делается больше задумчив, не столь здоров; всякую вещь, которую предпринимает, прежде одумывает — прошедшие огорчения, даже несчастья делаются временем нечувствительны; напротив, удовольствия молодости с восхищением воспоминаются, и так намерен я написать мою жизнь, сие останется сведением для родных и приятелей моих, а мне, если доживу <до> глубокой старости — утешительною запискою; вы знаете, что для стариков нет ничего досаднее, когда забудут год, который они пожалованы в какой чин, и имя своих современников. Одного боюсь, что день от дня делается чище и приятнее, а я сего дара не имею, то простят меня, старика, что делать — не с одним со мною сие случится. Я же сии записки в свет не отдам, и разве как нечаянно попадется, то покорно прошу об одном — брось, не читай; только не рви, пусть достанется тому, который меня знал, тот и свое время сравнит с моим, и найдет в том удовольствие. Я, право, человек был не дурной, то в награду прошу пощады, если вам наскучит.

* * *

Происхождение мое — от благородной фамилии Шишкиных, выехавших из Польши служить российскому престолу; многие служили наместниками и в разных чинах, и жалованы были от государей в 1586 и других годах поместьями. Сие доказывается родословием сего рода.

Дед мой, Афанасий Григорьевич служа честно, оставил свое служение чином действительного статского советника, же-

¹ Правописание приведено в соответствие с современными нормами, с сохранением отчасти авторской редакции. Грамматические ошибки исправлены без оговорок. Слова сокращенные или недописанные автором, а также реконструированные раскрываются в угловых скобках. В текст С. А. Шишкина внесена необходимая правка для смысловой группировки предложений.

нат был на княгине Марье Дмитриевне Козловской, урожденной Потемкиной, родной сестре отца графа Павла Сергеевича² и Михаила Сергеевича³, кои по службе своей известны. Дед мой имел одного сына, се моего отца — Алексея Афанасьевича. Воспитав его, первое их желание было видеть его женатым и утешаться его потомством. На 19-ом году от роду и женился <он> на дочери действительного статского советника и ордена Св. Анны кавалера Якова Матвеевича Евреинова⁴ — Любви Яковлевне в 1762 году. От сего брака имели они трех сынов — Сергея, Николая и Павла. Судьбой вышнего угодно было прекратить на 22 году жизнь отца моего, который служил артиллерии капитаном. Столь лестный чин в молодые его года обещал многое, но власть всевышнего предназначила почтенной матери моей остаться вдовой 22 лет с тремя сиротами под опекой деда моего и бабки, людей весьма добрых и строгих, от коих она, любя нас, многое переносить должна была.

Кончина отца моего как громовой удар поразила дом наш, и попечители наши обратили все свое внимание на наше воспитание. Тотчас писали в чужие края, чтоб выбрали там учителя, коему поручить наше воспитание, и в 1768 году приехал весьма ученый человек именем Е. Шеффер, который и взял на себя сей труд. Я был по 5 год, Николай по 4, а меньшей по 3-ем⁵.

С мая по октябрь матушка с нами проживала в подмосковном, в 45 верстах от Москвы, сельце Дровне по Калужской дороге, а дедушка с бабушкой уезжали в смоленские и тверские деревни,

² Потемкин, Павел Сергеевич (1743–1796) — русский военный и государственный деятель, литератор, генерал-аншеф (1794), граф (1795). Дальний родственник Г.А. Потёмкина, пользовался его покровительством. Получил домашнее образование. Участвовал в русско-турецких войнах 1768–1774 и 1787–1791 гг. Командующий Кавказским корпусом (1782–1787). Подписал с российской стороны Георгиевский трактат (1783). Участвовал в действиях против польских конфедератов (1794).

³ Потёмкин, Михаил Сергеевич (1744–1791) — русский военный и государственный деятель. Генерал-поручик, генерал-кригс-комиссар (1783), действительный камергер. Дальний родственник Г.А. Потёмкина, пользовался его покровительством. Получил домашнее образование. Участвовал в русско-турецкой войне 1768–1774.

⁴ Евреинов, Яков Матвеевич (1700–1772) — дипломат, президент Коммерц-коллегии (1753), действительный статский советник.

⁵ Имеется в виду младший брат С. А. Шишкина — Павел.

где оставались до конца сентября. Потом мы с ними в одно время возвращались в Москву.

Дедушкой и бабушкой я был любим страстно. Воспитание мое почти от них зависело. Жил я подле них, всегда выезжал с ними, и для них не было ничего приятнее как меня похвалить или приласкать.

Матушка была ко мне очень милостива, и если надобно было что выпросить у стариков, кредит мой употреблялся, и просьбы мои к ним редко бывали безуспешны. Я особенно имел дар угождать дедушке и днем, все праздное от учебы время, и, слушая, как бывало, он со слезами благодарности читает или рассказывает деяния государя Петра Великого. Бабушка была охотница до всякого рукоделия, ей я держу шёлк, когда она мотает или разбирает с него узоры, за то все хвалили мой тихий нрав. С товарищами моими я также жил в согласии.

Учителю позволено было брать к нам в дом учеников, и живало у нас по три и четыре вдруг, и по большей части иностранцы: Аничков, Меер, Грумерт, Кульман, Парис, Гольц, Кардовский, Станиславский и Ермолов. С ними мы очень скоро и легко выучились говорить по-немецки.

В 1772 году записали меня в сержанты в артиллерию и скоро потом перевели капралом в лейб-гвардии Измайловский полк. Помню, сколь прискорбно было для меня вместо трех галунов на обшлагах носить один, сколько пролито слез, пока уверили, что я с выгодою переведен: в турецкое занятие в 1775 г. июля 10-е пожалован сержантом.

В 1776 году скончалась бабушка. В 1778 матушка со мною и с братом Николаем поехала в Петербург, чтобы нас явить в службу. Ланской тогда играл большую роль у двора, а как дом его с домом дяди моего Евреинова был в большой связи с давних лет, то мы приняты были отменно хорошо, и он при первом свидании дал матушке слово выпросить нам по Именному указу в офицеры. Измайловского полка майор Федор Яковлевич Олсуфьев⁶ был ко мне очень милостив. Связь с Ланскими, родство с Потемкиными — все сие делало, что я совсем <в> службе не был, а считался, будто на ординарцах — два года продолжались обещания и уверения, наконец, матушка, наскуча оными, и получив от дедушки из Москвы письма, что здоровье его делается слабым, решила оставить сии лестные мечты и поехала в Москву.

⁶ Олсуфьев, Федор Яковлевич (? — 1783) — генерал-майор, секунд-майор лейб-гвардии Измайловского полка.

В 1783 последовала его кончина [*приписка сверху* — «дедушки»] на 69 году. В завещании своем пожаловал он мне каменный свой дом за Москвою-рекой на Шаболовке, а матушке — переславскую деревню свою 120 душ, но я, считая дороже имения дружбу своих братьев, в [1 нрзб.] делах оную бумагу уничтожил. Матушка сделала тоже самое.

В 1784 году мы дружно все согласились разделить имение промеж собою. Я получил в удел тверскую деревню — село Спасское, и в Ярославле в Романовском уезде 75 душ. Матушка взяла подмошковную, братья — смоленские, переславскую, тамбовскую деревни. Дом же остался общим.

В конце 1784 года мне захотелось сделать вояж в Польшу, куда мы с генерал-поручиком Иваном Львовичем Чернышевым⁷ и поехали в Гродно на сейм⁸, где он имел дела. Для меня очень было любопытно видеть столь много нового. Возвратясь оттуда в конце ноября, я поехал в Петербург к дяде Михаилу Сергеевичу Потемкину, который был тогда шталмейстером двора. Явясь в полк к премьер-майору Арбенеvu⁹, я был написан в уборные¹⁰ и сказано мне, что 1-го января я буду произведен в офицеры в Измайловском полку. Один раз мне только случилось быть в карауле сержантом, и на часах моих родилась покойная великая княжна Елена Павловна¹¹ — бывшая принцесса Мекленбургская. Государыня пожаловала на караул тысячу рублей, и я получил первое награждение 2 р. 70 к. Потом в январе 1785 г. вошел в офицеры — невозможно, сколь приятна сия перемена! С извозчика садишься в карету — четверку. Как бывало,

⁷ Чернышев, Иван Львович (1736–1793) — сенатор, генерал-поручик, наместник Костромского наместничества (1782–1783).

⁸ Сейм представлял собой сословно-представительный орган Речи Посполитой, имевший законодательную и частично судебную власть. В 1784 г. с 4 октября — 13 ноября в Гродно проходил ординарный (очередной) сейм.

⁹ Арбенев, Иоасаф Иевлевич (1742–1808) — генерал от инфантерии (1798). Поступил на военную службу в 1758. Премьер-майор лейб-гвардии Измайловского полка (1784–1787). Принимал участие в боевых действиях русско-шведской войны (1788–1790). Генерал-поручик (1794), командир лейб-гвардии Измайловского полка (1796–1798).

¹⁰ «Уборными» назывались гвардейские сержанты, несшие караульную службу при парадных выходах.

¹¹ Елена Павловна (1784–1803) — великая княжна, герцогиня Мекленбург-Шверинская, дочь императора Павла I и его супруги Марии Фёдоровны. Родилась 13 (25) декабря 1784.

стоишь у майора в передней, тут, напротив, отворяют в гостиную двери, просят садиться, пропозируют партию, где идешь мимо часового — отдают честь; одним словом, начинаешь быть человеком наряду с другими.

В феврале месяце дядюшка пожалован генерал-кригскомиссаром и отправился в Москву. Дом же свой продал г. Мусину-Пушкину, а я нашел себе этаж на Вознесенской улице и в первый раз имел жить хозяином. Множество офицеров стали являться ко мне в знакомство и посещать меня. Помня наставления матушки, чтобы не вдруг на оных метаться, и пословицу: «Скажи, с кем знаешься, я скажу, кто ты таков», — я был довольно осторожен. Потом я занемог сильно горячкою, во время которой навещали меня Обресков Александр Васильевич¹², Талызины. Сие сделало мою с ними связь, и я, по выздоровлению моему, купил себе дом в полку и начал с ними почасту видаться, и был столь счастлив, что всегда бывал в кругу лучших офицеров. Зимой поехал в Москву, увидеть матушку. Боже мой! Как она была обрадована увидеть меня в офицерском мундире! Весной я опять в Петербург возвратился. Желание мое было узнать хорошо службу и быть исправным офицером, и потому решился редко пользоваться отпусками. Тут мы подружились с Н. В. Обресковым¹³ и согласились жить в одном доме.

¹² Обресков, Александр Васильевич (1757–1812) — генерал-майор (1795), шеф Владимирского драгунского полка (1796–1800), генерал-лейтенант (1798), генерал от кавалерии (1800), шеф эскадронного полка (1800–1801), шеф Владимирского драгунского полка (1801–1802), инспектор по кавалерии Кавказской инспекции (1801–1803), инспектор по кавалерии Московской инспекции (1803–1805), финляндский военный губернатор и управляющий гражданской частью Финляндской губернии (1805–1810), в отставке с 24 февраля 1810.

¹³ Обресков, Николай Васильевич (1764–1821) — генерал-майор. В 1772 зачислен на придворную службу, в 1781 пожалован в камер-пажи, 18 февраля 1785 поступил поручиком в лейб.-гв. Измайловский полк. Участвовал в войне со шведами в 1788–1789 и за отличия был произведен в капитан-поручики и капитаны. Полковник Белорусского егерского корпуса (1793), командир Тверского карабинерного полка (1794), генерал-майор (1798), командир (Сумского) гусарского Шевича полка (1798–1799), в отставке с 10.02.1799; предводитель дворянства Дмитровского уезда Московской губернии (1804–1806), Дмитровский уездный начальник милиции (1806), Московский губернский предводитель дворянства (1809–1810), тайный советник (1810), Московский гражданский губернатор (1810–1813), присутствующий во II отделении VI департамента Правительствующего Сената (1810), командир 4-го пехотного полка Московского ополчения (1812), в отставке с 1816.

В 1787 я пожалован поручиком, в 1788 — подпоручиком. В эту зиму случилось нам с Обресковым быть в Москве и, узнав, что началась шведская война, решили проситься волонтерами с адмиралом Грейгом¹⁴ и в четверг на масленице поскакали в Петербург. Посему можно судить охоту нашу к службе: молодым офицерам не старше 22 лет оставить Москву, еще и во время масленицы!! Это не безделица. Приехав в Питер, тотчас явились к Ник<олаю> Ив<ановичу> Салтыкову¹⁵, тогда полком нашим командующему и усиленно его просили доложить государыне желание и рвение наше. Ее величество изволила принять оное очень милостиво и обещала употребить нас вперед, а на сей раз она не соизволила, чтобы много было волонтеров. И так мы храбрым шагом отправились 1-го апреля в Москву с П. А. Обресковым, Измайловым, Мейковым и Струковым.

Между тем брат мой меньшей П<етр> А<лексеевич> отправился в смоленские свои деревни, и там он женился на Анне Михайловне Ефимовичевой, прекрасной и предобронравной девице. Брат же Н<иколай> А<лексеевич> служил кригсцалмейстером¹⁶ в Московском комиссариате.

Возвратясь в Петербург в 1789 году, мы наряжены в поход с первыми батальонами гвардии против шведов, куда мы 20 апреля и выступили. Дошли до Кюмена¹⁷ и возвратились 15 октября. Я служил сию компанию в командированном лейб-гвардии Гренадерском батальоне. Описывать оную кампанию было бы излишним, потому что она по реляциям известна, а скажу, что мы

¹⁴ Грейг, Самуил Карлович (1735–1788) — российский адмирал шотландского происхождения, отличившийся в Чесменском (1770) и Гогландском (1788) сражениях. Отец адмирала Алексея Грейга.

¹⁵ Салтыков, Николай Иванович (1736–1816) — граф (1790), князь (1814), генерал-фельдмаршал. В 1747 рядовым лейб-гвардейского Семеновского полка участвовал в походе на Рейн. В 1761 был участником осады Кольберга, в 1763–1768 командовал русскими войсками в Польше. В 1773 состоял при наследнике — цесаревиче. С 1783 руководил воспитанием вел. князей Александра, будущего имп. Александра I, и Константина Павловича. Член Государственного Совета (1784), вице-президент Военной коллегии (1788), президент Военной коллегии (1790), генерал-фельдмаршал (1796). В 1806 ему было вверено управление комитетом для учреждения земского войска. В 1812 назначен председателем Государственного Совета и Комитета министров.

¹⁶ Кригсцалмейстер — военный казначей.

¹⁷ Кюмень-город — русская крепость, построенная на острове в устье реки Кюмень (фин. Kumijoki) в Южной Финляндии.

провели ее очень весело. Корпус офицеров был прекрасный, особенно я был дружен с Новосильцовым, Обресковым, Дурновым¹⁹ и кн. Волконским.

Возвратясь из Финляндии, нашел к. Зубова¹⁹, играющего большую роль у двора. С ним мы были очень знакомы, служа в гвардии, он был офицером которой. Увидя его во дворце, заметил, что он рассматривал плафоны. Решился к нему не идти, а поехал в отпуск в Москву, где нашел брата Н<иколая> А<лексеевича>, женатого на княжне Тюряминой. Несчастное сие супружество недолго продолжалось, ибо в течение 10 месяцев они разъехались по несходству характеров. Сие обстоятельство матушку отменно сокрушило — приятно ли видеть сына несчастливym? Она же особенно была к нему привязана.

Я пробыл в Москве зиму, лето и осень, был у брата в деревне калужской, и потом поехал в Петербург. Между тем г<раф> Валериан к<нязь> Зубов²⁰ пожалован был в наш полк премьер-майором. В начале весны, один день иду в караул в Зимний дворец (я был тот год — 1790 — пожалован капитан-поручиком). Капитан к<нязь> Львов, бывший у развода за майора, рассказывает мне, что г. Зубов приказал мне побывать у себя! Сменясь с караула, я явился, считая, нет ли какого дела по роте! Он спрашивает меня, желаю ли быть в царскосельской команде? Что братец его обо мне с ним

¹⁹ Вероятно: Дурново, Дмитрий Николаевич (1769–1834) — тайный советник (1800), обер-гофмейстер (1830). Служил в армии. Поручик (1790), камер-юнкер (1792), камергер (1794), гофмаршал (1798–1801), с 1800 — капитан замка при Зимнем дворце. В 1801 уволен от должностей. С 1830 — петербургский губернский предводитель дворянства и президент Гофинтендантской канторы.

¹⁹ Зубов Платон Александрович (1767–1822) — князь, генерал-фельдцейхмейстер и генерал от инфантерии. Службу начал в Конной гвардии; во время русско-шведской войны 1788–1790 получил чин секунд-ротмистра. В 1789 Зубов стал фаворитом Екатерины II, был пожалован в полковники и флигель-адъютанты, поселился во дворце. В 1793 назначен Екатеринославским и Таврическим генерал-губернатором, генерал-фельдцейхмейстером и над фортификациями генерал-директором, шефом Кавалергардского корпуса. В опале при Павле I. Директор Первого кадетского корпуса, генерал от инфантерии (1800). Участник заговора против Павла I. Член Государственного совета (1801). С декабря 1801 в отставке. С 1814 проживал в своем литовском имении.

²⁰ Зубов Валериан Александрович (1771–1804) — военный деятель, генерал-аншеф (1796), генерал-адъютант (1796), граф (1793). Участник войны Первой коалиции (1792–1797), русско-турецкой (1787–1791) и русско-персидской (1796) войн. Член Государственного совета (1801).

говорил, что меня очень давно и с хорошей стороны знает, и если я хочу, с удовольствием сию команду доставит. Я благодарил за сие графа, что для меня очень лестно сие отличие. Он сказал мне, чтоб я делал мои приготовления, и никому о сем до времени не говорил, ибо желающих сего очень много. Команда сия была для офицера наилучшей, которую, желать можно. Он жил за майора в Царском Селе, имея под командою от всех четырех гвардии полков по 33 человека самых лучших: фельдфебель измайловский был у меня по имени московский обер-полицмейстер, генерал-майор Ивашкин²¹. Я начал делать мои приготовления, то есть заказал себе несколько мундиров, шпаг, султанов и всего, что нужно, чтобы порядочно показаться.

Мая 1-го — гуляние в Екатерингофе, я на оное отправился с Мигульским Ф.М., он был тогда бригадиром. Мы запрягли цуг славный и отправились. Вдруг слышим пушечные выстрелы! Что такое! Государыня изволила отправиться в Царское Село! П.А. Салтыков и гр. Апраксин, встретясь со мной, кричат мне, чтобы я ехал домой, что, верно, меня ищут по городу. Я тотчас уехал и, возвратясь в полк, где я жил, нашел уже являющихся ко мне унтер-офицеров. Пошел к майору, тот показывает мне ордер от дежурного генерал-адъютанта <графа> Ангальта²², чтобы меня командировать. Все меня поздравляют, желают быть счастливым.

Итак, отправя с вечера команды, сам в ночь туда пустился. Приехав, пошел к г. Ангальту с рапортом и справляюсь его, в чем состоит моя должность (он был человек весьма ласковый), говорит, быть Вам здорову, хорошо есть, спать и веселиться. В 12 часу пошел я в первый раз к к. Зубову. Он принял меня отменно хорошо, поцеловался со мною, попенял, за что я забыл наше прежнее знакомство, что он весьма рад, если будет часто меня видеть у себя, и что всякий день для меня — прибор за его столом, когда мне угодно. Расспрашивал меня о родных моих, об общих наших знакомых. Одним словом, обошелся со мною преласково. Спрашивал

²¹ Ивашкин, Петр Алексеевич (1762–1823) — генерал-майор (1809). Будучи полковником л.-гв. Измайловского полка, исполнял должность полицмейстера в Москве. В 1809 назначен московским обер-полицмейстером. В 1812 занимался эвакуацией жителей и учреждений из Москвы. В 1816 из-за болезни снят с должности обер-полицмейстера.

²² Ангальт, Федор Евстафьевич (1732–1794) — граф, генерал-поручик, генерал-адъютант имп. Екатерины II, русский военный педагог конца XVIII в. Президент Вольного экономического общества (1788).

у многих тут предстоящих вельмож, знаком ли я с ними. Дворская жизнь известна, все не только знать, но и с весьма хорошей стороны, и давно желали сделать мне знакомство, теперь отменно рады, что представился случай. Вышед оттуда, пошел я по комнатам придворных делать визиты, и когда пришел в верх к обеду за кавалерский стол, то уже был в кругу знакомых. Сей день не было выхода, и так я не имел еще счастья быть представлен императрице.

На другой день перед обедом вышла государыня, тут меня представил ей г. Ангальт. Она пожаловав меня к руке, изволила сказать, что видела мой развод, и что люди очень хороши. Мне сие приятно, ибо сие было первое слово мне сказанное из уст ее. Я имел счастье обедать с нею за столом в воскресенье, в понедельник, четверг, дни совета, и еще — в большие праздники. Всякий же день в 6 часов после обеда был в ее беседе, вместе ходил и ездил гулять, сиживали на канале или Арабесковой²³, играли в карты, и не было ни одного раза, чтобы она со мной не изволила поговорить. Один взгляд ее или улыбка делали уже, кажется, счастливым. Она особенно имела дар привлекать к себе сердца.

Один раз изволила она решиться ехать в город к благодарному молебну за взятие Анапы²⁴. Г. Брюс²⁵ приказывает мне, чтобы я остался при команде и об оном репортовал великих князей. Я явился к их высочествам, они приняли меня очень милостиво, и приказал государь Александр (бывший тогда великим князем), чтобы я тот день пришел к ним обедать. Между тем иду ко фрунту, проводить императрицу. Она, улыбаясь мне, изволит говорить: «Я с тобою не прощаюсь, поедem в Петербург». Я объявил ее повеление г. Брюсу: «Поедем, мой друг, поедem», — и всякий на перехват звал меня с собой в карету. Я сел с А.Л. Нарышкиным²⁶

²³ «Арабесковой» — Арабесковый зал Екатерининского дворца в Царском Селе.

²⁴ Штурм Анапы состоялся 22 июня 1791 г.

²⁵ Брюс, Яков Александрович (1732–1791) — граф, генерал-аншеф (1773), генерал-адъютант (1770). С 1750 на военной службе. Участник Семилетней войны 1756–1762, русско-турецкой войны 1768–1774. Командир Финляндской дивизии (1773), сенатор (1779), тверской (1781–1784), московский (1784), петербургский (1786) генерал-губернатор.

²⁶ Нарышкин, Александр Львович (1760–1826) — обер-камергер (1801), директор Императорских театров (1799–1819). Начал службу в лейб.-гв. Измайловском полку, дослужился до капитан-поручика. Затем строил карьеру при дворе. Камер-юнкер (1778), камергер (1785), обер-гофмаршал (1798).

и Турчаниновым. Приехали в Казанский собор. Как весело мне было, быв в свите императрицы, увидеть моих знакомых! Обед был в Летнем дворце. В 6 часов мы отправились в обратный путь.

К Петрову дню государыня изволила ездить в Петергоф, и офицер караульный переменялся. Я думал — и со мной тоже случится, но <князь> Зубов говорит мне, что государыня позволила мне съездить в Петербург и Петергоф и опять для возвращения ее явиться к команде. Пользуясь сим милостивым позволением, я отправился в город, и накануне Петрова дня опоздал приехать к балу в Петергоф. Сей день был день ее восшествия на престол, она изволила приметить, что меня нет, спросила г. Брюса, сказано ли мне позволение отлучиться из Царского Села.

Я, приехав туда под вечер, пошел узнать в сад. Встречаю г. Строганова, А. П. Нарышкину — все мне говорят: «Где я был? Государыня о Вас спрашивать изволила на бале». Г. Салтыков позволил мне в Петергофе жить в своих комнатах! По утру я пошел поклониться вельможам, как-то к <князю> Потемкину, Зубову, г. Салтыкову. Прихожу во дворец — государыня изволяет шествовать к обедне, и, увидя меня, с одной ей свойственной улыбкой, изволила мне сказать: «Я думала, тебя оставили в Царском Селе». Судить можно, что милостивое слово венценосца делает во всех влюбление, и мне очень было не скучно, быть всеми встречену.

На другой день маскараду, г. Брюс говорит мне: «Пора, мой друг, тебе к своей команде». Я тот же день и отправился, но государыня дней пять после прибытия изволила приехать, тотчас спросила, давно ли я здесь? Я докладываю, что 6 дней. «Ах! Как ему должно быть скучно», — таким образом, я провел приятно время до 20 августа. Двор поехал в Петербург, и я получил повеление возвратиться к команде. Сколь странно показалось мне начать опять фрунтовую службу! Пользуясь четыре месяца счастьем, видеть всякий день сию неподражаемую великую Екатерину. Мне думалось, что я за преступление лишен онаго! Начал я искать, чтоб быть кавалером при великих князьях. Казалось оное возможным, по доброму всех ко мне благорасположению, но еще не было веских случаев. Наконец, оные открылись, и я считал делом сие сделанным по полученным обещаниям. Но за одного офицера начала интересоваться великая княгиня, за другого — г. Шувалова, а как сильная рука берет верх, то я и остался тем же капитан-поручиком.

Чтобы немного себя рассеять, поехал в Москву, увидеться с матушкой, а потом опять возвратился в полк.

В 1774 году я пожалован в капитаны, и дана мне в команду 10 рота. Прежде же хотя я и командовал всегда ротами, но был всегда в гренадерской с подпоручичьев чинов.

Когда императрица имела свое пребывание в Таврическом дворце, на караул ходил один капитан-поручик, сей караул был также лестный, ибо он имел счастье обедывать у стола, и вечер быть на обществе.

Случилась и моя очередь быть в карауле. К вечеру я пришел в зал, государыня, вышед сделала свою партию, и, взглянув на меня, изволит говорить: «Ты был в Царском Селе, то мой образ жизни знаешь, что ж не сидится?». Я не успел поклониться, то уже креслы поставлены за мною, по окончании беседы сколько я получил комплиментов! К<нязь> Репнин говорил мне, что я развод собою скрасил. Показывает мою перевез (которая была его выдумка): «Неправда ли, что хорошо! Но на хорошем — все хорошо». Многие радуются, что видят меня — старого царскосельского знакомого, другие пеняют, что давно у них не был. Известно дворцовое обхождение, смешон тот, кто его <считает> чистосердечным.

Наконец, я — капитан — думаю, что мне с собою делать! Дождаться полковничьего чина — сие не ближе 10 лет, и так я вышел в бригадиры к штатским делам. Начал искать быть определен в Военную коллегию или комиссариат. Казалось оное и возможным, но судьбе ли было не угодно, что оное дело затянулось, и я решился подать государыне письмо, прося быть употреблену в службу, и предавая себя в ее волю. Она, как только изволила получить мою просьбу, спросила у Трошинского²⁷, есть ли где вакансии вице-губернаторские. Случилось в Tobольске и Смоленске, и так приказала спросить, желаю ли я на одну из оных? В мае месяце 1796 году я пожалован Смоленским вице-губернатором. Тут были большие истории. Г. Самойлов²⁸, бывший генерал-прокурор, обещал другому сие место, генерал-губернатор Осипов²⁹ имел также

²⁷ Трошинский, Дмитрий Прокофьевич (1749–1829) — русский государственный деятель, старший кабинет-секретарь (1793–1798), министр уделов (1802–1806), министр юстиции и генерал-прокурор (1814–1817), тайный советник, сенатор.

²⁸ Самойлов, Александр Николаевич (1744–1814) — граф (1775), участвовал в русско-турецких войнах 1768–1774, 1778–1781 и 1787–1792, камер-юнкер и правитель дел Государственного совета (1775), генерал-прокурор, государственный казначей и директор Ассигнационного банка (1792).

²⁹ Осипов, Григорий Михайлович (1739–1802) — генерал-поручик (1793), сенатор (1797), действительный тайный советник

своих искателей. Но к^нзья Зубов сказал генерал-прокурору, что я ее [Екатерины II — В.Ш.] выбор и ей сие угодно, и так, как говорится, хоть не рад, да готов. Он должен приятно со мной встретиться.

В Таврическом дворце я в последний раз имел счастье видеть великую Екатерину. Когда я подошел к руке, она изволила мне говорить: «Я бы тебя в этом мундире не узнала, поезжай — Бог с тобою».

И так я проездом в Смоленск на Москву увидел матушку. Ее удовольствие велико видеть меня в сем посту, поехав с нею по визитам в 6 лошадей (в царствование Екатерины Великой все ездили по чинам, также имели по чинам ливрей). Она, едучи со мною, заплакала. Я спрашиваю причину, она изволит говорить: «От радости, мой друг, что я по свете еду шестеркою. Благодарю за сие бога, что вижу уже тебя на степени». И куда мы приезжали, она, смеясь, говорила: «Посмотрите, и я цугом тоже развезжаю, в сыновьем экипаже». Я, пробыв с нею с неделю, поехал в Смоленск, получив от нее обещание, что она приедет посетить меня. У нее жила тогда сестрица ее Елизабета Яковлевна Воейкова и Машенька, дочь брата Пав^{ла} Алек^{сеевича}, которую она взяла к себе воспитывать. Сие дитя лишилось <после> нескольких дней по рождении матери своей. Брат, быв некоторое время вдовцом, женился на Варваре Ивановне Верховской, урожденной Мезенцевой.

Приезжая в Смоленск. Братец отменно мне обрадовался (он тогда служил советником в граж^{данской} пал^{ате}), также и Варвара Ивановна, с которой мы в первый раз увиделись. Мне они приготовили дом — и так я вступил в должность вице-губернатора. Познакомились с Осиповым, бывшим тут генерал-губернатором, с губернатором Аршеневским Петр^{ом} Исаевичем³⁰, и начали было жить очень весело и приятно. Я уговорил брата, чтобы жил со мною. Дом у меня был весьма просторный (в нем живет теперь губернатор). Общество в Смоленске было очень хорошее.

(1798). В военной службе с 1756, корнет (1762), ротмистр (1774), обер-кригскомиссар (1775), генерал-майор (1782), наместник тобольский (1780), тверской (1784), генерал-поручик (1793), генерал-губернатор смоленский и псковский (1793), губернатор белорусский (1796).

³⁰ Аршеневский, Петр Исаевич — российский военный деятель, генерал-поручик, правитель Смоленского наместничества, тайный советник. В службе с 1750 в чине подпоручика. Участвовал в русско-турецкой войне 1768–1774, действиях против Е. Пугачева (1773–1775). Премьер-майор (1770), подполковник (1773), полковник (1778), генерал-майор (1786), наместник Смоленский (1790), генерал-поручик (1793).

В тот же год назначен был выбор³¹, начались клубы, мы разобрали³² дни. Как вдруг 6 ноября — громовой удар поразил всех кончиной Великой Екатерины.

7 января государь император Павел I повелел переименовать губернаторов и вице-губернаторов в штатские чины, и я в том числе назван «статским советником». После коронации из Москвы он [Павел I — В.Ш.] приехал в Смоленск с великими князьями.

Между тем временем, уничтожены генерал-губернаторы, и Г.М. Осипов назначен губернатором в Витебск, но пожалован в сенаторы. И к нам пожалован в военные губернаторы генерал от инфантерии М.М. Философов³³, почтенный и предобродетельный муж, коим все чрезмерно были довольны.

К счастью всех, государь был отменно весел и милостиво расположен. Но мне случилось тут неожиданное неудовольствие. Мы все представлены были его величеству. Между прочими случился тут Яков Иванович Повало-Швейковский³⁴, он тогда был генерал-майором и стоял неподалеку от государя, который спрашивал его о представляющих, как уроженца смоленского. Между прочими говорит, смотря на меня: «Кто это в белом плюмаже?». Тот отвечает: «Вице-губернатор Шишкин». «Я его не узнал, давно

³¹ Дворянские выборы — процедура избрания дворянским собранием губернии особых сословных выборных должностных лиц; должности и обязанности этих лиц были определены государственными законами. Дворяне избирали: губернских и уездных предводителей дворянства, кандидатов к уездным предводителям дворянства, депутатов дворянского собрания, секретаря дворянского собрания, заседателей в дворянскую опеку, посредников для полюбовного специального размежевания земель.

³² Возможно, имеется в виду, что был составлен график мероприятий по дням.

³³ Философов, Михаил Михайлович (1732–1811) — русский военный и дипломат, генерал от инфантерии. В военной службе с 1747 г. Участвовал в Семилетней войне (1756–1763). Генерал-майор (1762). Выполнял дипломатические поручения во Франции, Великобритании, Пруссии, Дании. Генерал от инфантерии (1796). В 1796–1798 — военный губернатор смоленский и псковский. Член Государственного совета (1801).

³⁴ Повало-Швейковский, Яков Иванович (1750–1807) — русский военный и государственный деятель, генерал от инфантерии (1799), действительный тайный советник. В 1768 начал службу капралом в л.-гв. Семеновском полку. Капитан (1772), майор (1773), полковник (1784), генерал-майор (1791), генерал-лейтенант (1798). Участник русско-турецкой войны (1768–1774), Итальянского похода 1799.

ли он здесь?». Тот сделал весьма глупый, но мне вредный ответ: «Во время Зубова». Довольно было, чтобы прогневить государя. По представлении, император ретировался. Во внутренние покои позвали губернатора, выходит тот оттуда в ордене через плечо. Приглашены мы по классам к обеденному столу. Государь со всеми разговаривает, кроме меня. Вечеру бал. Подходит ко всем, кроме меня. Я, не зная причины, дрожу от отчаяния.

Спрашиваю военного губернатора, не говорил ли с ним государь чего обо мне? Что я вижу гнев его, не зная, чем я его заслужил. Добрый старик плачет обо мне, говоря, что он ничего не слышал, но это видит и обещает всячески помочь мне.

На другой день мы опять представлены государю, он изволил говорить, что он всем здесь отменно доволен и всеми, но за скоростью своего отъезда не имел времени наградить, и чтоб М. М. [Философов — В. III.] прислал ему записку, все выполнено будет, и отправился в путь.

М.М. [Философов — В. III.] показывает мне свой реестр, в котором я первый назначен к ордену Св. Анны 2 степени. Послан курьер вслед за государем. Возвращается на другой день. Привозит кресты двум председателям палат и губернскому предводителю Потемкину. Обо мне сказано, как вице-губернатор недавно в сем месте, то впредь предоставлять себе его наградить.

Стыдно и прискорбно мне было оное, но что делать? Должно терпеть. Мне служило утешением, что все спрашивали, как же вице-губернатору не прислано, и моя собственная совесть. Если бы я знал тогда же и причину (но оную уже мне сам Швейковский года три спустя сказал), то был бы совершенно покоен.

В октябре месяце того же года губернатор Аршеневский послал прошение об увольнении от службы и за болезнью уклонился от службы. На место его назначен был Аксаков³⁵, который еще не прибыл. И так я должен был отправлять должность свою и губернаторскую.

³⁵ Аксаков, Николай Иванович (1727/1730? — 1802) — Смоленский и Ярославский гражданский губернатор, действительный тайный советник (1793). Армейскую карьеру начал рядовым в драгунском Троицком полку (1742). Капитан (1758). Участвовал в Семилетней войне (1756–1763). В 1760 уволен в гражданскую службу. Городничий г. Романова (1761). Советник ярославского наместнического правления (1778), председатель Ярославской палаты гражданского суда (1793), губернатор ярославский (1797). 10 ноября 1797 назначен смоленским губернатором, но до вступления в эту должность 11 декабря вновь назначен ярославским губернатором.

В то же время открылся рекрутский набор. В ноябре М. М. Философов дает мне предложение, чтобы я новопостроенные казармы снабдил дровами, свечами; часовых по постам — тулупами, копиями. Я, не имея никакой на сей предмет назначенной суммы, спрашиваю его, как управляющего и по гражданской части начальника, откуда мне на сие деньги употребить прикажите? Он на сие в нерешимости! И единодушно положили, чтобы я отправил от себя курьера к генерал-прокурору к<нязю> Куракину³⁶ и спросить его разрешения. Прискакал мой курьер в Петербург с бумагами моими. К шлагбауму всегда подавали записки государю о приезжающих. Государь тотчас посылает спросить у князя, что за курьер. Князь отвечает, что от смоленского вице-губернатора, который спрашивает по какому-то предмету его заключения. Государь очень прогневился! Как! Когда он имеет предписание от военного губернатора! Это — непослушание! Зубовский дух! Отставить.

Между тем я нахожусь в Гжатске и Вязьме для набора рекрутов. Получаю партикулярное известие, что я исключен за ослушание.

Мне сие отменно прискорбно! Я тотчас пишу о сем к г. Философову, и вот копия его ко мне письма:

«Смоленск 8-го дек. 1797 году.

Милостивый государь Сергей Алексеевич,

я поистине с прискорбием услышал, что Вы исключены из службы. Не знаю вины того, достоверно. Уверить Вас могу, что я не токмо ничем не соучастен, но, напротив, отдавал и по справедливости отдавать должен сосвидетельство усердию Вашему по службе. Скажите мне, что Ваше расположение, дабы сообразно буде бы то, мне возможно было соответствовать в пользу Вашу быть мог. Трудно оно и чуть возможно ли, но что будет возможно — не упущу. Будьте уверены о моей неложной к Вам искренности и дружбе, пребывая навсегда с почтением Вам, м<илостивый> г<осударь>, пок<а> слуг<у>».

Вслед за сим указ в Смоленское губ<ернское> прав<ление>: «Из Сената за собственноручным его величества подписанием от 24 ноября, что вице-губ<ернатора> Шишкина за неисполнение предписания начальствующего к приготовлению дров для казарм и снабжении часовых тулупами от службы отставить».

³⁶ Куракин, Алексей Борисович (1759–1829) — князь, российский государственный деятель, генерал-прокурор (1796–1798), действительный тайный советник 1-го класса (1826), занимал ряд высших постов в царствования Павла I и Александра I.

Русская пословица — «Как придет беда, отворяй ворота». В Вязьме я кончил набор и собираюсь ехать в Смоленск. Растерзанный сими слухами об отставке моей, и думаю, как мне написать оное матушке; узнав об оном, она, верно, огорчится, будучи нездорова. Вдруг получаю с почты два письма, одно — из Смоленска, что я отставлен за послушание, другое — от брата Н. А. из Москвы — о кончине матушки. Весть сия меня поразила, я точно как окаменел, положи оное письмо в карман, спрашиваю: «Готовы ли лошади?». Поклонясь предстоящим, кинулся в сани и велел себя везти в путь. Секретарь, который был при мне, глядит на меня с удивлением! Видя, что я почти почернел и не могу дышать, спрашивает меня, здоров ли я? Я не мог более сказать, как отдав ему оба письма, говорю в полголоса: «Читай вслух!». Тут пошли у меня ручьи слез, что меня несколько облегчило. Потеря матушки для меня была весьма чувствительна. Я почитал ее душевно, а любил, как истинного друга. Мне должно было заехать за дочерью брата П. А. Наташею. Он с В. И.³⁷ в то время поехали в Петербург, а ее у приятеля оставили в деревне от Вязьмы в 20 верст. Исполня сие, приехал в Смоленск. Место мое уже занял И. Ф. Мезенцев³⁸. Тут я пробыл дней 10, будучи преисполнен благодарностью за участие, которое в огорчении моем мне показывали. Все меня ежедневно посещали и старались, чтобы я не был один, но тут нужен друг, а не кампания!

Я поехал в Москву, застал брата Н. А. больного и крайне огорченного, увидя меня. Сие еще более нас обоих растревожило. Я ему рассказываю свою неожиданную отставку, он мне присоветовал ехать тотчас в Петербург и стараться найти случай, чтобы объяснили мое дело государю, он был горяч, скор, но крайне справедлив и не мстителен, напротив, старался награждать тех, кто случайно были обижены. Следуя его совету, я на другой день и отправился.

³⁷ Жена брата С. А. Шишкина Павла — Варвара Ивановна (урожд. Мезенцева).

³⁸ Мезенцев — Мезенцов, Иван Фёдорович (ок. 1732–1813) — сын беспоместного смоленского дворянина, секретаря смоленской губернской канцелярии Фёдора Андреевича Мезенцова. Состоял на службе с 1747. Городничий в г. Белом (1764), ассессор гражданской палаты Смоленского наместничества (1776), надворный советник гражданского суда (1778), советник правителя Смоленского наместничества (1780), председатель Смоленской уголовной палаты (1780), председатель Смоленской уголовной палаты, статский советник (1783), с 26 ноября по 23 февраля 1799 Смоленский вице-губернатор, Архангельский гражданский губернатор, действительный статский советник (1799).

Приехав в Петербург, вижу все новое! Новые люди, новый образ жизни. Встречаю раз государя, он милостиво поклонился и спрашивает у Нарышкина: «Кто это?». Ему докладывают — Шишкин. Ничего не последовало. Я и остался покоен, что не буду выслан из города. Думал подать ему письмо, но не было никого у меня надежного человека, который бы замолвил слово при подаче оно. И так решился оставить оное до времени и уехал в Москву.

В мае месяце поехал в свою деревню, село Спасское, думая там прожить до осени. Но как я был один, то, объят будучи смертельной скукою, не мог более недели выдержать, и под видом, что у меня было дело в Сенате, поехал в свой любимый город Петербург, думая, что найду случай объяснить свою невиновность и опять войти могу в службу; если ж не удастся, то, пробив короткое время, поеду куда-нибудь в губернские города. В Москву, потеряв матушку, я не имел духа ехать. Брат Н. А. тоже оттуда уехал. П. А. — в смоленской деревне. Машеньку отдала матушка в Смольный монастырь³⁹ и как будто имела предчувствие. Сколь она не жаловала ее, однако решилась отдать, говоря: «Все равно умру, куда она, бедненькая, денется». Хотя и уверена была в добрых качествах В. И., но как ее лично не знала, то и не могла судить, какое будет обращение мачехи с падчерицей, и считала, что воспитание будет нужнее.

В Петербурге я остановился у Демута в трактире⁴⁰, но Дурнов⁴¹ уговорил меня, чтобы я переехал к нему, он нанимал дом Рибаса⁴² на Царицынском лугу, подле Летнего сада. Положение дома прекрасное, компания всякий день приятная, я и решился остаться жить в Петербурге. Отыскал ген<ерала> Философова. Он очень

³⁹ Имеется ввиду Институт благородных девиц при Воскресенском Новодевичьем Смольном монастыре в С.-Петербурге.

⁴⁰ Демутов трактир, Демута гостиница (наб. р. Мойки, 40 / Б. Конюшенная ул., 27 в С.-Петербурге) — гостиница и ресторан. Открыт в 1760-х выходцем из Франции Демутом. В 1796 Ф. Я. Демут (очевидно, сын основателя) возвел 3-этажное здание фасадом на Б. Конюшенную ул. и открыл первоклассную гостиницу, в которой позже останавливались многие знаменитости.

⁴¹ Вероятно, Дурново, Дмитрий Николаевич, см. выше.

⁴² Дом И.И. Бецкого (Дворцовая наб., 2 / Миллионная ул., 1, С.-Петербург) — здание построено в 1784–1877 для И. И. Бецкого, которое после его смерти в 1795 перешло к дочери Анастасии и ее мужу адмиралу О.М. де Рибасу. С 1822 домом владели внушки Бецкого. В 1830 особняк выкупили в казну, и он был отдан принцу Петру Ольденбургскому.

обрадовался меня увидеть, принял большое участие в моей безвременной отставке и дал мне совет подать государю письмо.

Я оно написав, сколь прискорбно мне мое положение, что я несу гнев его величества, но надеясь на правосудье его, прошу, чтобы нарядить по сему делу следствие, где невиновность моя обнаружится. Положа надежду на всевышнего, опустил в ящик сию грамоту и уведомил в сем ген<ерала> Философова. Он тотчас написал письмо к Нелединскому-Мелецкому⁴³, который тогда был статс-секретарем, что он, зная невиновность мою, просит, чтобы государь сделал ему милость, позволил, упав к стопам его, объяснить суть.

К счастью моему, император был очень хорошо расположен, как прослушал мою просьбу, изволил сказать: «За что его отставили? Он столько виноват, как я да ты. То ли он пишет?» Юрий Александрович Н<елединский-Мелецкий> отвечает, что и он получал письмо от Философова обо мне. Государь приказал прочесть сие оно, увидя истину, тотчас послал за к<нязем> Куракиным. Изволит говорить: «Помиловать сего отставного вице-губернатора Шишкина, он невиноват, помирим меня с ним и скажи, чтобы он опять пошел в службу».

Получил я в одно утро записку от Философова, в которой пишет мне добрый старик, что мое <дело>, слава богу, идет хорошо и чтобы я поехал к к<нязю> Куракину, который жил на даче в Александровском⁴⁴.

Я поехал туда, велел доложить о себе, князь принял меня отменно вежливо и сказал, что он имеет мне объявить волю государя импер<атора>, чтобы я опять вошел в службу, что просьба моя принята милостиво, и государь приказал меня с ним помирить, и он со своей стороны советует мне быть употреблену. Я прошу К., чтобы быть под его покровительством. Он сказал, что для него

⁴³ Нелединский-Мелецкий, Юрий Александрович (1751–1828) — тайный советник, сенатор, статс-секретарь Павла I, поэт. Участвовал в русско-турецких войнах 1768–1774. Вышел в отставку в чине полковника (1785). Первый директор Главного народного училища в Москве (1786). Статский советник и статс-секретарь при императоре (1796). Отстранен вследствие интриг, но через два года был принят на службу, пожалован в тайные советники и сенаторы. В 1813 определен на службу в Сенат и Опекунский совет.

⁴⁴ «Куракина Дача» — часть имения Александровское, ранее принадлежавшего кн. Е. Н. Вяземской, которой с 1798 по 1801 владел кн. Алексей Борисович Куракин. Находится в Невском районе Санкт-Петербурга. Территория ограничена пр. Обуховской обороны, ул. Бабушкина, бульв. Красных зорь и Леснозаводской ул.

будет очень приятно, если может мне быть полезным, что я буду написан в кандидаты, и где откроется вакансия, зависеть будет от вышней власти.

Итак, судьба моя опять в неизвестности, но я покоен и обрадован милостивым расположением государя. Вдруг к <князь> Куракин получил свое увольнение⁴⁵, а назначается на его место г<енерал>-прокурора князь Лопухин⁴⁶. Я являюсь к нему с моей историей. Он говорит хорошо, дает мне время войти в дела. Долго это продолжалось, наконец, делается мне предложение, желаю ли я быть прокурором коммерц-коллегии.

Интерес никогда меня не обольщал, и мне показалось, быв вице-губернатором, принять потом место прокурора было бы унизительно, и так решился на оное отказать.

И князь Лопухин сменен Беклешовым⁴⁷. Являюсь к нему с запиской о деле своем и оного последствиям, тот, прочитав, сказал: «дайте мне время дела прочитать, я должен все оные рассмотреть». Тянется мое <дело> очень долго. Езжу раза по два, и по три в неделю к Беклешову — никакого конца не вижу. Наконец потеряв терпение, пишу письмо к государю, в коем объясняю, что я, по воле его величества, готов на службу, но оной более двух лет дожидался. Расстраиваю свои домашние дела, то прошу хотя дозволения уехать, куда мои надобности меня требуют.

⁴⁵ А. Б. Куракин был отставлен от должности генерал-прокурора 8 августа 1798.

⁴⁶ Лопухин, Петр Васильевич (1753–1827) — русский государственный деятель, светлейший князь (1799), действительный тайный советник 1-го класса (1814). Записан в лейб.-гв. Преображенский полк, вступил на службу прапорщиком (1769). В 1777 в чине полковника определен к штатским делам. Обер-полицмейстер С.-Петербурга (1780). Московский гражданский губернатор (1783). Генерал-поручик (1791). Генерал-губернатор в Ярославле и Вологде (1793). Генерал-прокурор (1798–1799). Министр юстиции (1803). Председатель Комитета министров Российской империи (1816–1827).

⁴⁷ Беклешов, Александр Андреевич (1743/1745–1808) — русский государственный и военный деятель. В 1769 принят на службу в лейб.-гв. Преображенский полк. Участвовал в русско-турецкой войне (1768–1774). В 1783 в чине генерал-майора определен к штатским делам. В разное время возглавлял следующие губернии и наместничества: Рижское, Орловское и Курское, Киевское, Подольское и Малороссийское. Генерал от инфантерии (1797). При Павле I дважды (в 1799 и 1801) исполнял должность генерал-прокурора. В 1804–1806 фактически занимал должность московского генерал-губернатора.

Брискорн⁴⁸, получив оную бумагу, говорит Беклешову: «Что Вы делаете? По сию пору не даете места, государь верно прогневается!!». Генерал-прокурор стороною приглашает меня к себе в 4 часа после обеда. Увидя меня в своем кабинете, говорит: «Как Вы, сударь, на меня жалуетесь государю! Нет высокопр<евосходительства> на Вас!» А на долгое время, которое проходит для моего помещения, тут мы говорили с ним очень дружелюбно. Он отнес вину на своих предшественников, обещая, что будет стараться меня удовлетворить. В скором времени он получил увольнение, и место его заступил Обольянинов, родной племянник М. М. Философова. Надежда была для меня велика, потому, что сей почтенный старик — мой благодетель. Та же история, я подал записку о моем деле. Он отвечал, что рад душевно, но не знает, где теперь вакансии. Наконец, дело сие долго тянулось, но я уже много и не хлопотал по оному, привыкнув жить в Петербурге. И тогда я жил очень весело, всякой день в компании, в театре, в гуляньях по дачам. И даже я боялся, чтобы мне не лишиться сего удовольствия. Решился, чтоб иметь место в столице, а не в губернии.

Наконец, 29 апреля 1800 года пожалован советником в банк, и сие место получил странным образом.

Олсуфьев⁴⁹ был советником банка, и в одно приятное утро поехал верхом и взял свой путь мимо дворца, видя в окошке княжну Лопухину, снял шляпу. К несчастью его, случился тут государь, спрашивает: «Кто это едет?». Ему докладывают — Олсуфьев. Начали следствие, где он служит, и что он. Узнав, что он — советник банка, посмотрели на часы, как можно — 11 часов, а он, вместо присутствия, прогуливается — отставить. Ту минуту послано за Обольяниновым, и он лишен места.

Я пошел пешком прогуливаться, между тем к Дурновым приезжает верхом к<няжна> Пр<асковья> Петр<овна> Лопухина⁵⁰ и рассказывает сие печальное происшествие. Дурновы просят ее, чтобы она постаралась сие место мне доставить. Она тут же написала записку к Обольянинову и послала со своим ездовым.

⁴⁸ Брискорн, Фёдор Максимович (1760–1824) — российский дипломат, тайный советник (1796), статс-секретарь при Павле I, член Сената (1803).

⁴⁹ Олсуфьев, Матвей Васильевич (1768–1815) — камер-юнкер (1794), действительный статский советник (1797), советник Ассигнационного банка (1797–1800).

⁵⁰ Лопухина, Прасковья Петровна (по мужу — графиня Кутайсова, 1780–1870) — младшая сестра княгини А.П. Лопухиной.

Записка пришла точно в ту минуту, как он садится в карету и едет с докладом к государю. Лишь император его увидел, тотчас спрашивает отставлен ли Олсуфьев и кого на его место определить следует. Он докладывает, что я давно кандидатом. Государь спрашивает его: «Знает ли он меня?». <Обольянинов:> «Дядя мой виною его отставки, но им же интересуется княгиня Л<опухина>, вот ее записка ко мне». Государь принял очень милостиво, и чтоб загладить происшедшее утром, изволил сказать: «Эдакие, сударь, просьбы не отказывают, напиши поскорее указ, и я сам скажу ответ княжне» И, действительно, пошед туда, изволил объявить о моем пожаловании.

Обольянинов, приехав домой, <послал> фельдъегеря меня сыскать и позвать к себе. Я был тогда целый день у П. А. Талызина⁵¹. Приезд его очень нас встревожил. Мы были очень дружны с П. А. Он мне говорит: «Верно, ты что-нибудь говорил неосторожно, боже мой, что это будет!». Но фельдъегерь, сказав сие поручение, поехал, что нас и ободрило. Я послал домой за мундиром. Между тем мне положили карету, и я поехал к генерал-прокурору.

Находясь между страхом и надеждою, велел я о себе доложить. Тотчас меня позвали в кабинет, и получил поздравление, что я пожалован советником Государственного ассигнационного банка. Обрадовался я несказанно, благодарю его, он мне отвечает, что он очень рад, но Вы не мне, а к<нягине> Лопух<иной> обязаны, и рассказывает, как он, получа ее записку, докладывал государю, и счастливый успех оного. Возвращаясь к другу моему П. А. Рад без памяти, что все вышло столь счастливо. Место прекрасное, безответное и в Петербурге. Он [П. А. Талызин — В. III.] делит со мною мою радость — что еще приятнее! Вечеру я отыскался дома, Дурновы меня бранят, что целый день отыскать меня не можно! Они получили от княжны записку и желают меня обрадовать. Я им рассказываю свое похождение. Все рады, все поздравляют.

Итак, я — советник банка. Вступил в должность, и в декабре того же года пожалован действ<ительным> ст<атским> советником.

Служба в банке для меня была преприятная, товарищи со мною очень были все ласковы. Начальник был у нас Петр

⁵¹ Талызин, Петр Александрович (1767–1801) — генерал-лейтенант, мистик, командор Мальтийского ордена. Начал службу прапорщиком Измайловского полка (1784). Поручик (1787). Капитан (1791). Генерал-майор (1797). Генерал-лейтенант, командир Преображенского полка (1799). Участник заговора против Павла I.

Семенович Свистунов⁵², человек весьма учтивый и приятный, с которым служить было весьма можно. Особливо же дело наше было подписывать свое имя, что большого труда не требует, а забот и ответа — никакого.

Марта 12 1801 <г.> вступил Александр на всероссийский престол. И я назначен управляющим Эсконтной конторы по вексям по смерти советника Фишера.

Последовала пред сим кончина брата Н. А., он простудился на охоте, скончался горячкою в Рязанской губернии. Оное меня отменно огорчило.

В конце 1801 года последовал указ, чтобы губернаторов назначать из людей достойных, коих прежде баллотировать в Сенате и оставлять кандидатами для помещения на вакансии.

Накануне нового года, в вечер присылает ко мне мой начальник Свистунов, чтобы я приехал к нему. Говорит мне, хочу ли я быть губернатором в Житомире, что он предложил меня баллотировать. Я поблагодарил его отказом, сколь он мне не показывал выгод, но я, будучи совершенно своим местом и положением доволен, не хотел променять оного на неизвестное. Притом, будучи один, состояние имел небольшое, судил, что трудно б оным играть в губернии первую роль. В банке я получал 2000 р. жалования и притом еще награждения получал 1000 р. при подаваемом годовом отчете. Связь с друзьями моими, приятность правления, свобода службы — все заставляло меня отказаться.

Последовала кончина брата П. А., сие чувствительно меня тронуло. Варвара Ивановна, будучи сама в сильной чахотке, имел трех детей (Павла, Наталью и Софью, и Марью в монастыре), не имел деревень, осталась в Москве. Я решился звать ее приехать в Петербург, по крайней мере, будем вместе, и если б что с нею случилось, здесь останутся под моим присмотром. Она совет мой приняла за благо и скоро приехала. Видя ее очень слабой и еще более огорченною, советовали ей ехать в Нарву к славному тогда доктору Сандерсу. Она весною туда с детьми и отправилась.

Я покойно отправляю мою должность, и не знаю, что меня баллотировали в Сенат. 10 сенаторов клали шары, и все белые.

⁵² Свистунов, Петр Семенович (1732–1808) — сенатор, действительный тайный советник, литератор, переводчик. Подполковник (1762). Генерал-майор (1774). Генерал-поручик и Белгородский губернатор (1775). Правитель Курского наместничества (1779). Уволен от службы в 1793. Генерал-аншеф (1796). Главный директор Ассигнационного банка (1799–1802).

Честью сей я очень был польщен. Приехал к Свистунову, он меня поздравляет, я опять отговариваюсь. Но как в мае последовала кончина друга моего П. А. Талызина, то я рад был переменить место. Я очень был тогда огорчен. И думая, что, конечно, судьба, чтобы мне взять сие место, решился ей не противиться, и в 1802 году, в июне месяце, назначен витебским губернатором⁵³. Государь был столь ко мне милостив, были вакансии в Архангельске и в Олонце, он изволил сказать: «Ему будет там скучно. В Польше веселее». Пожаловал мне на проезд 3000 р. и я 20 июля и отправился к должности.

Приезжаю в Витебск — нахожу город небольшой, грязный, мостовые деревянные, населен бедными жидами. Доходу городского 13 тысяч, расходу — 16, долгу на городской думе 30 тысяч. Военный губернатор оной губернии и Могилевской Александр Михайлович Римский-Корсаков⁵⁴, он имел свое пребывание в Могилеве.

Как скоро я был пожалован в губернаторы, я из Петербурга писал к нему рекомендательное письмо, и при приезде моем уже нашел его ответ в самых лестных для меня выражениях. Мне хотелось ехать в Могилев, чтобы сделать личное с ним знакомство, но в конце августа получил я известие, что великий князь Константин Павлович⁵⁵ будет

⁵³ Витебская губерния была образована по указу от 27 февраля 1802 г. (Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. 1-е собр. СПб., 1830. Т. XXVIII. № 20162). В губерниях, входивших в состав генерал-губернаторств, гражданский губернатор подчинялся генерал-губернатору и нес ответственность за управление отдельной губернией, осуществлял административные, судебные, полицейские и хозяйственные функции.

⁵⁴ Римский-Корсаков, Александр Михайлович (1753–1840) — генерал от инфантерии (1801). Участник русско-турецкой 1787–1790, русско-шведской 1788–1790 войн и персидского похода 1796. В 1799 командовал русским отрядом в Швейцарии, потерпел поражение при Цюрихе. С октября 1799 по 1801 в отставке. В 1802–1803 — генерал-губернатор в белорусских губерниях. С 1806 — командующий войсками в западных губерниях, с октября — виленский военный губернатор. В июле 1809 после конфликта с А.А. Аракчеевым в отставке. В 1812–1830 генерал-губернатор в литовских губерниях. С 1830 — член Государственного совета.

⁵⁵ Константин Павлович (1779–1831) — великий князь, 2-й сын императора Павла I. Участник походов А. В. Суворова (1799–1800), Отечественной войны 1812. С 1814 — фактический наместник Царства Польского. Тайный отказ Константина Павловича от прав на российский престол создал после смерти Александра I обстановку, использованную декабристами для восстания 14 декабря 1825. Умер 15 июня 1831 в Витебске от холеры.

проезжать через Витебск в Махновку⁵⁶; оставил сие намерение и поехал до границы Псковской губернии осматривать дороги. Потом начал делать приготовления к приему его им<ператорского> высочества>. Генерал Корсаков сам к тому времени приехал в Витебск, но его высочество 5 сент<ября> приехав, переменял только лошадей и отправился в дальнейший путь.

Алек<сандр> Мих<айлович> очень был доволен всем, что видел приготовленного, как-то домом и дорогами, осыпал меня похвалами, ласками и через несколько дней поехал в Могилев.

Первое мое старание было войти в дело и возвысить городской доход, также заплатить думные долги. Винная продажа была на вере — и я вызвал желающих взять оную на откуп. На торгах всех больше дал ст<атский> сов<етник> Гласко — 25 тысяч в год. Представил о сем в Сенат и к военному губернатору, чрез несколько времени оно утверждено, и так прибавилось городу 12 тысяч дохода. Потом я приложил старание к регулярству оного.

Алек<сандр> Мих<айлович> Корсаков был мною доволен и, когда приезжал в Витебск, говорил, что он приезжает отдохнуть, в Могилеве только у него было и разговоров, что о Витебске и оного губернаторе, что могилевскому губ<ернатору> Бакунину⁵⁷ было весьма неприятно.

Будучи один, занимаясь делами, нужна и рассеянность. Я познакомился со всеми тут живущими; между прочими была тут одна вдова, шамбелянша⁵⁸ Лускина Леонетта Осиповна, женщи-

⁵⁶ Махновка — населенный пункт, известен как владение Тышкевичей с 1430, позже — владение Потоцких, Радзивилов. В 1796 — центр уезда, в 1846 — волостной центр Бердичевского уезда Киевской губернии, 1935 — 2016 — с. Комсомольское, ныне — село в Казатинском районе Винницкой области. В 1803 здесь разместилась штаб-квартира Уланского его Императорского Высочества цесаревича и Великого князя Константина Павловича полка.

⁵⁷ Бакунин, Михаил Михайлович (1764–1837) — генерал-майор (1797), сенатор. Начал службу в 1784 в Семеновском полку. Участник русско-турецкой 1787–1790, русско-шведской 1788–1790 войн и персидского похода 1796. С 1801 на гражданской службе. В 1802–1808 — гражданский могилевский губернатор, в 1808–1816 — петербургский гражданский губернатор. Активно участвовал в организации ополчения в 1812. В 1818 обвинен в казнокрадстве, оправдан, но отправлен Николаем I в отставку.

⁵⁸ Шамбелян (камергер) — придворное звание. Первоначально шамбелян был должностным лицом при дворе, ведавшим какой-либо определенной отраслью дворцового управления, в дальнейшем это звание приобрело характер почетного.

на хорошо воспитанная, она — дочь каштеляна Селицкого⁵⁹, приятного очень обхождения, веселого нраву. Мне очень не скучно было быть с нею. Я завел клуб, где записанный член платил только 25 р., дамы же благородные имели вход gratis⁶⁰. Оное заведение непременно нужно в губернских городах, обитаемых небогатыми людьми. Принимать у себя компании требует больших издержек, притом, не все бывают промежду собой согласны, то вместо удовольствия выходят истории, звать же всегда к себе губернатору — сие единообразие наскучит, а в клубе всякой хозяин и может делать, что ему угодно.

Сие заведение всем отменно полюбилось: всякую неделю собирались два раза — в воскресенье и четверг. На масленицу и на святках бывали также маскарады, в коих и купечество имело вход.

В городе тотчас заметили мою учтивость к шамбелянше, и везде, где я был зван, она играла первую роль. Наконец, на одном бале я с нею танцую. Она говорит мне, что она очень чувствительна, за все учтивости, кои я ей оказываю, но она меня считает за очень честного человека и не думает, чтобы оное к чему непозволительному клонилось, что я знаю ее положение, что она молодая вдова и уже многие ей дают меня на счет, тронув сим мое любочестие. Я отвечал ей, что она не ошибается, что я в век мой ничего бесчестного не сделал. Слезы у нее навернулись на глазах, и она говорит мне: «Если б я могла сметь себе получить Вашу руку, я бы ее не отказала, но посудите мое положение». Сие так меня сконфузило, что я сделал ей предложение, прося ее, чтобы сие осталось между нами! Она вдруг занемогла и уехала с балу. На другой день я получил поздравления о своей помолвке. Увидясь с нею, говорю: «От чего сие вышло?». Она уверяет, что никому о сем не говорила, но что все имеют глаза. Итак, я неожиданно в женихах. Думаю: «Что из этого выйдет?». Все о ней отзываются отменно хорошо, и я оставил на произвол судьбы. Написал к невестке моей В<арваре> И<вановне> мое наблюдение. Она отвечает, что сие зависит от моей воли, конечно, особа сия достойна, что я на сие решаюсь, что желает мне быть счастливым. Я написал к государю и получил от него через министра г<рафа> Кочубея⁶¹ дозволение в весьма лест-

⁵⁹ Селицкий, Иосиф (Осип) (?–1791) — с 1784 — полоцкий каштелян.

⁶⁰ Gratis (фр.) — бесплатный.

⁶¹ Кочубей, Виктор Павлович (1768–1834) — князь (1831), государственный деятель, почетный член Петербургской Академии

ных выражениях, что император желает, чтоб сей брак был сопро-
вожден со всеми выгодами и счастьем.

Приближалось дело к окончанию: я всякий вечер у нее и весь-
ма всем доволен, что, видя ласки ее ко мне, приятность в обхож-
дении — все меня начало привязывать. В одно утро приезжаю к
ней и сажусь подле ее уборного стола. Она подле меня, сидя читает
письмо от дяди своего маршала Цехановецкого⁶² и, начав его хва-
лить, спрашивает, буду ли его любить? Я смело отвечаю, что я, не
зная, его любить не могу. Она, покраснев с досадою, сказала мне,
что он не много потеряет, ибо вся губерния его уважает. Я, будучи
очень вспылчивого нрава, сие меня взорвало: «Я думаю, заключе-
ние мое должно у Вас иметь более весу, чем чье другое!». Вижу, что
она сердится, я, между тем, верчу в руках бумажку, и вышел крест.
Подаю ей, говоря: «Не сердитесь, вот Вам крест». Она отвечает, что
она по милости моей уже его несколько времени ищет. Я отвечаю,
что я им такого не накладываю, взял шляпу и ухожу. Она спраши-
вает: «Куда я?» «У меня дела», — отвечаю ей. Уехал, в намерении
тотчас прислать к ней письмо и спросить: «Если нравы наши не
соглашаются, то на что нам союз?». После обеда она приезжает ко
мне с одной дамою, и видно, имела намерение, что со мною гово-
рить, но у меня нашла гостей.

Вечер мы с нею случились вместе в кампании, она очень не
весела, я спрашиваю причину, получаю холодный ответ. Выходя,
я хочу завязать ей шаль, она говорит, чтобы я себя не беспокоил.
Капризы сии меня взбесили, и я положил тогда намерение, чтобы
сей свадьбе не быть, только думал, каким образом честно отойти.
На другой день я с досады занемог — она не присылает наведы-
ваться! Я сему и рад — и я к ней не посылаю. Потом она имела мне
прислать одно из Петербурга письмо, то присылает его при запи-
сочке, где, как мимоходом, спрашивает о моем здоровье! Я ей очень
учтиво пишу мою благодарность, но нежного ни слова — слышу,
что она очень сердита на меня и будто желает со мной перервать.
Я, чтобы избавить ее от труда, запечатал в пакет все ее письма и
кольцо и послал к ней. Следствием сего были обмороки, истерики,
но я избавился от несчастья и благодарил душою моего создателя.

наук (1818). Член Негласного комитета. В 1802–1807 и 1819–1823 —
министр внутренних дел. С 1827 — председатель Государственного
совета и Комитета министров. Сторонник умеренных реформ.

⁶² Дядей Л. О. Лускиной был Ян Цехановецкий (?–1811) — сын
Антония Тадеуша Цехановецкого, шамбелян, сенненский повето-
вый маршалок (предводитель дворянства).

Алек<сандр> Мих<айлович> Корсаков был тогда в Петербурге, получаю от него письмо, что он просил государя о пожаловании мне аренды⁶³. И получил в ответ, что его величество с удовольствием высказаться изволил о моем служении, и если оное буду продолжать с ревностным усердием, все право буду иметь на приобретение сверх жалованья испрашиваемой аренды. Чтобы я не терял надежды — что отсрочено, то не пропало!! Обстоятельства принудили его взять другое начальство, он сделан вторым инспектором в Москву, и на место его назначен к нам военным губернатором Ив<ан> Ив<анович> Михельсон⁶⁴. Грустно мне было лишиться начальника, которого я любил. Он пишет ко мне, благодаря меня за дружбу мою, и что достаточная для него причина пожалеть о той стране, где он к удовольствию своему со мною познакомился, но где бы он не был, он везде сохранит ко мне привязанность свою.

С генералом Михельсоном мы также хорошо встретились. Он был нраву горячего, но сердца доброго и был великий политик. Из Петерб<урга> он приехал в невельскую свою деревню⁶⁵. Я тотчас поехал к нему с рапортом. Сие ему отменно понравилось, осыпал меня учтивостями. В Витебске я также ему сделал пристойную его посту встречу, и дело пошло очень хорошо. Полицию отдал мне в команду, подорожные в мое же распоряжение и всякую доходную до него просьбу присылал ко мне, обходясь со мною с большим уважением и знаками дружбы. Я должен был почти всякий день у него обедать и быть вечер. Как скоро

⁶³ Дело о пожаловании С. А. Шишкину аренды (1802) сохранилось в фонде Департамента полиции (Российский государственный исторический архив (далее — РГИА), ф.1286, оп.1, д. 26.)

⁶⁴ Михельсон, Иван Иванович (1740–1807) — генерал от кавалерии. Участвовал в Семилетней войне 1756–1762, в турецкой кампании 1770 и в действиях против польских конфедератов. В конце 1773, в чине премьер-майора, назначен был в войска, отправленные против Е. Пугачева. Михельсон разбил войска самозванца под Казанью и, переправившись вслед за ним на правый берег Волги, нанес мятежникам окончательное поражение. Командовал корпусом во время русско-шведской войны 1788–1790. В 1803 назначен военным губернатором белорусских губерний. В 1805 ему вверено было начальство над войсками, собранными на западной границе, а в 1806 — начальство надднепровской армией, предназначенной для действий против турок. Заняв с ней молдавские земли, Михельсон умер в Бухаресте.

⁶⁵ В Невельском уезде Витебской губ. (сейчас Невельский р-н Псковской обл.) находилась усадьба И. И. Михельсона Иванова.

второй час, то и является ко мне его ординарец, что водка на столе и меня дожидаются.

Зимой приехала ко мне Вар<вара> Ив<ановна> с детьми из Нарвы, и мы начали жить вместе. Мне очень было сие приятно, ибо я начал принимать к себе всякий день. Даже и в вечер у нас партии делались в бостон, иногда — маленький концерт, иногда — танцы.

Летом я поехал в объезд своей губернии. Между тем в Витебске клались каменные мостовые, устроились мосты, по улицам фонари, завел сад для публичного гуляния. И Ив<ан> Ив<анович> радовался моим распоряжениям и украшением города. В мое время вымощено 20 тысяч квадратных сажений, сделано четыре прекрасных моста, улицы приведены в план, гора с въезду могилевского скопана, устроена хорошая богадельня на 60 и более человек, построен и всем снабжен лазарет на 200 человек, куплен и отстроен каменный дом для губернатора⁶⁶, стоивший при мне более 30 тысяч рублей. Кто видел за несколько лет сей город, тот его не узнавал. Все сие меня отменно занимало и утешало. Притом, и та ощущалась выгода, что от каменных мостовых воздух делается здоровее. Много труда стоило уверить жителей, из коих половина — застарелых поляков, другая — жидов, но я иных ласкою, иных шумом до сего довел.

Для самых неимущих велел собирать камень у шлагбаумов с приезжающих на рынок (на сие есть указ Великой Екатерины). Всякий крестьянин привозит в город камушек, польза двойная — город мостится, а поля очищаются. Я всякий день ходил по городу пешком и ездил верхом смотреть работы. Полицмейстер был у меня Красовский — человек весьма рачительный и строгий исполнитель приказаний начальника, то с помощью его регулярство города скоро пришло в желаемый вид.

В 1804 году генерал Михельсон в начале зимы поехал в Петербург, представил Государю Императору мое старание и усердие в исполнении моей должности, и я 4 марта пожалован кавалером св. Анны 1-го класса. Он столь был тем доволен, что взялся сам мне его доставить, и поспешил отъездом своим оттуда, чтобы мне его вручить 12 марта. Судить можно, сколь я сим

⁶⁶ Первоначально здание принадлежало дворянам Емельяну и Ивану Кудиновичам, и было построено до 1772. В 1806 дом был приобретен губернским казначейством и перестроен под дворец губернатора. На протяжении XIX–XX вв. здание перестраивалось и дополнялось пристройками. Сейчас в нем располагается Управление КГБ РБ по Витебской области.

был обрадован! Тем более, что я никакого о сем предварительного известия не имел. В сей день обедали у меня все чиновники города. Лишь обед кончили и начали подавать кофе, получил я известие о приезде Ивана Ивановича и поспешил к нему. Он встретил меня по своему обыкновению очень ласково, повел меня к своей жене, и лишь вошли в комнату, он, вынув большой пакет, говорит: «Вашему прев<осходительству> гостинец от государя». Раскрыв оный, вижу орден, ленту, звезду и высочайший рескрипт следующего содержания:

«Господин дейст<вительный> ст<атский> сов<етник> и бело-русско-витебский гражданский губ<ернатор> Ш<ишкин>!

Желая наградить ревностные Ваши труды и особенное о добром управлении вверенной Вам губернии попечение, я признал за благо пожаловать Вас кавалером ордена Св. Анны первого класса, коего знаки для возложения на Вас при сем препровождаю.

В Санкт-Петербурге марта 5 дня 1804 года

(на подлинном подписано так: «Александр», «граф В. Кочубей»).

Возвращаясь домой. Вар<вара> Ив<ановна>, дети, все меня обнимают и делают со мною удовольствие. Начали все носить звезду, привязывать крест. Беспреданно приезжают с поздравлением. Между тем, приходят мне сказать, что мой Ив<ан> Ив<анович> меня с нетерпением ожидает. Я поехал к нему. Он начал шампанским пить мое здоровье и брал столь великое участие, что меня сердечно тронуло и обязало ему вечною благодарностью. По улицам, где я проезжал, все кричат поздравление, приятность сию описать трудно: милость государя, благорасположение начальника, радость жителей и собственная совесть, что получил награждение не подлостью и искательством, а истинными трудами, делали мне положение мое весьма приятным.

Рвение мое еще более умножилось. Я, занимаясь делами, вставал обыкновенно в 7 часов, тотчас выходил в переднюю узнать, нет ли просителей, выслушивал их просьбы, принимал бумаги и отмечал резолюции, которые после отдавал секретарю. В 10 часов ездил в правление, исключая почтовых дней. Во 2-м часу возвращался домой, тут я занимался подписывать бумаги, кои утром отсылал в канцелярию. И был столь счастлив и любим, что всегда к обеду имел гостей и не помню, чтобы, когда одной семьею сел за стол. В 6 часов опять собиралась компания на вечер. Если, когда я бывал у Ив<ана> Ив<ановича>, невестка принимала гостей, она по болезни никуда не выезжала. И жизнь наша шла мирная и приятная.

Витебск — город очень проезжий. Я часто имел посещение от знатных вельмож, между прочими и принц Алек<сандр> Вюртембергский⁶⁷, сделал мне честь у меня обедать.

Осенью я опять имел счастье принимать его высочество Кон<стантина> Пав<ловича> проездом его в Махновку — в 1805 году.

В конце января мне захотелось побывать в Петербурге. Попросил отпуск на 28 дней и поехал, а Вар<вара> Ив<ановна> с детьми поехала в Смоленск повидаться с батюшкой своим Ив. Ф. Мезенцевым. Сия дорога много укоротила ее жизнь, ибо она очень простудилась и сделалась гораздо слабее, будучи в чухотке с давнего времени. В конце февраля я возвратился в Витебск, а г. Михельсон, встретившись со мной, поехал в Петербург. Ему препоручено было быть главнокомандующим над армией против французов, пробыв в Петербурге, возвратился на короткое время в свое Иваново и поехал в Брест-Литовский. С ним я прощался в Полоцке и с того времени остался один управлять губернией.

Сентября 11 числа 1805 прибыл Государь Император, изволил входить в приготовленный для него дом г-жи Литкевичевой (что ныне Северина), кушал чай и отправился в путь. Сие было в 3 часа пополудни, город был иллюминирован.

14<-го> вступили лейб-гусарские 5 эскадронов и 4 егерские роты под командою г. Кологривого⁶⁸. Тот же день прибыл его высочество государь-цесаревич с кавалерией, состоящей из 10 эскадронов кавалергардов и конной гвардии.

15<-го> авангард пошел вперед, его высочество делал камер-парад. Я был приглашен обедать к великому князю. После обеда вступили в город Преображенского и Семеновского полков по два батальона. В вечер город был иллюминирован. В дворянском собрании был бал, на коем его высочество много танцевал, ужинал и очень был весел.

⁶⁷ Вюртембергский, Александр-Фридрих (1771–1833) — герцог, брат русской императрицы Марии Федоровны (супруги Павла I) и первого короля Вюртембергского Фридриха-Карла I, поступил в австрийскую военную службу, в 1800 переселился в Россию. В 1811 он был назначен белорусским военным губернатором, потом принимал участие в Отечественной войне 1812. 29 ноября 1813 принудил к сдаче Данциг. В чине генерала от кавалерии герцог Вюртембергский был сделан членом Государственного совета, а в 1822 — главноуправляющим ведомства путей сообщений и публичных зданий.

⁶⁸ Перемещение войск было связано с участием России в 3-й Антинаполеоновской коалиции, распавшейся после разгрома русской и австрийской армии при Аустерлице 20 ноября 1805.

16<-го> пошла в поход конная гвардия и 4 батальона, а в 1 часу вступили 2 батальона лейб-гвардии Измайловского полка и 2 лейб-гренадерского. В вечер был маскарад в собрании. Город все сии проходящие полки угощал вином, говядиной и булками.

17<-го> отправились кавалергарды измайловские и лейб-гренадерские 4 батальона, а на место их прибыл арьергард из 2 батальонов лейб-гренадер и 2 эскадрона лейб-казаков.

Его высочество был ко мне очень милостив и все сии дни у меня кушать изволил. Простясь со мною, поехал вслед за войсками с Н.Ф. Хитровым⁶⁹. 19 <-го> выступил арьергард из лейб-казаков под командой гофмаршала Озерова. Мне очень приятно было видеть множество моих знакомых.

Хотя и не без труда проводить через губернию столько полков, но должно отдать справедливость разумному распоряжению его высочества, порядок был соблюден во всей точности, подвод брали самое необходимое количество, за все плачено, никому обиды не сделано, и все единогласно говорили, что кроме удовольствия от его прохода ничего не видали.

После Аустерлицкого сражения государь изволил возвратиться в Петербург через Витебск, где только переменял лошадей, и я один имел счастье его видеть.

Получил я повеление за собственноручным его величества подписанием о заготовлении запасного магазина в Крейцбурге, местечке барона Корфа, расстоянием от Витебска до 400 верст. Приказано было запасти 10 тыс. четвертей муки, столько же овса и 1000 четвертей круп. Сия операция много мне навлекла неудобств, беспокойства и хлопот⁷⁰. Хотелось оную сделать с одной выгодой казне, но неудача в комиссионерах и дело о том с провиантскими чиновниками, сделали для меня сие заготовление

⁶⁹ Хитрово (Хитров) Николай Федорович (1771–1819) — генерал-майор, русский поверенный при дворе герцога Тосканского во Флоренции (1815–1817).

⁷⁰ Осенью 1805 С. А. Шишкин, выполняя распоряжение о заготовке провианта для запасного магазина в Крейцбурге, одолжил необходимые запасы из магазина в Могилеве, а для их восполнения заключил договор со смоленским купцом Шабловинским, который, получив от Шишкина 8550 р., не выполнил свои обязательства и не вернул деньги. На протяжении многих лет Сергей Алексеевич пытался добиться освобождения его от ответственности по делу о «неисправной поставке», оправдываясь тем, что «преследовал только выгоды казны». Дело, пройдя через многочисленные инстанции, 3 января 1825 рассматривалось на заседании Комитета министров, но прошение Шишкина об освобождении от «взыскания» было отклонено. См.: РГИА, ф. 1263, оп. 1, д. 368, л. 795–797; д. 413, л. 72–79об.

весьма обременительным. Я сам ездил в Крейцбург. Чуть не умер от простудной горячки.

В 1806 году в феврале я имел несчастье потерять друга моего Варвару Иванову, которая кончила свою жизнь с удивительной твердостью, прося меня при конце, чтобы тело ее похоронить на немецком кладбище, подле г-жи Говен, с которой она была очень дружна. Все русские кладутся в Марковом монастыре, положение коего на берегу Двины украшено рощами и служит приятной прогулкой, то она не хотела нас лишить одного, полагая, сколь прискорбно будет для меня и детей ее во время гулянья встречать ее могилу. Милый ее нрав, превосходные ее достоинства сделали ее потерю навсегда для меня чувствительной и память ее драгоценной. Дай боже, чтобы дети ее были на нее похожи! К умножению моего прискорбия, оставила детей малолетних, с весьма маленьким состоянием. Наташа, Павел и Софья были у меня и ожидали Машу, которую в то же время выпустили из монастыря, где она 9 лет воспитывалась. Но как бог всегда сирым помощник! Мадаме Sabbin, почтенная женщина, осталась при детях и возможное приложила попечение к их просвещению. Машеньку из монастыря взяла Катерина Ивановна Сафонова. По просьбе моей, сия дама имела о ней попечение, как о дочери своей. Полоцкий полицмейстер Шасткевич⁷¹ брал также дочь свою из Общества благородных девиц и возвращался в Полоцк. С ним и племянница моя приехала ко мне.

Между тем, в августе месяце приезжает в Витебск Шадурский — мне хороший приятель. Я прошу его, чтобы позволил живущему у него в доме учителю, весьма ученому и отличному по нравственности аббату Жиролет, взять моего племянника, на что он не токмо согласился, но крайне казался, доволен за сделанную ему доверенность. Я и отпустил его в их деревню в Люцинском повете, и никак не ошибся, ибо о нем равное имели попечение, как о своих детях.

В декабре 1806 года последовал указ о составлении земской милиции в новоприобретенном крае, который еще на своих правах. Казалось сие сначала весьма трудным, но с помощью божьей, по сделанному от меня внушению, пошло наилучшим образом. Начальники выбраны, ратники готовы и евреи губернии мне введенной, внесли в пожертвование 30 тысяч рублей. Губернским начальником выбран генерал-майор фон Братке⁷².

⁷¹ Шасткевич, Прокофий Васильевич — коллежский ассессор, городничий в Полоцке.

⁷² Братке (Брадке), Фёдор Иванович (1752–1819) — русский военный, тайный советник, сенатор. Происходил из шведского дво-

Прислан был сенатор Козодавлев⁷³, который нашел уже все в окончании и на бумаге изъявил мне благодарность за исправность. Потом прибыл из Смоленска главнокомандующий областью генерал от инфантерии к<нязь> Сергей Федорович Голицын⁷⁴, при нем правитель канцелярии Сергеев и помощник ст<атский> сов<етник> Сумароков. Приехали они 8 марта <1807 г.> и, пробыв 3 дня, отправились в Могилев. Я был почти нездоров. Князь тотчас посетил меня. Потом приехал ко мне обедать и казался ко мне благорасположенным, но не знаю от чего, пошли потом интриги. Князь захотел вмешиваться в гражданскую часть, начал спрашивать, почему такое дело производится или такой дворянин судится! Переводя милиционного начальника из Витебска в Полоцк, предписал именно, чтоб я ему велел очистить дом городничего! Я отвечаю, что, приступая к исполнению его предписания, нахожу то препятствие, что, кроме того, что тут помещается городничий, хранятся пожарные инструменты и вещи штатной команды, но против сего дома находится дом одинаковой фасады, расположением таким же и исправный, в коем всегда квартировали шефы полков. Он отвечает мне, что я, вместо исполнения его повелений, осмеливаюсь делать возражения, что начальник повелевает, а подкомандующему остается исполнять.

Столь нелепая бумага меня взбесила, я ее тотчас послал подлинником г. Кочубею, спрашиваю меру его власти и моего повиновения. В манифесте сказано, <что> ему подчиняются и гражданские губернаторы, в рассуждении командования их губернскими штатными ротами, но князь хотел лично меня иметь в неограниченной команде, сего не удалось, от министра он получил неприятную бумагу, и я сделался ему неудобным.

рянского рода. Начал службу юнкером в Вятском полку. Затем переведен в морскую службу, в которой находился до 1788. Участвовал в русско-шведской войне (1788–1790). Подполковник (1790). В 1797 произведен в полковники и назначен военным комендантом в Полоцк. Генерал-майор (1798). Отставлен от службы и жил в своем имении в Велижском уезде. В 1800 возвращен на службу и в 1801 оставил ее. Избран начальником Витебской губернской милиции (1806). Действительный статский советник и Вятский гражданский губернатор (1808–1816). Тайный советник, сенатор (1816).

⁷³ Козодавлев, Осип Петрович (1754–1819) — сенатор, министр внутренних дел (1810–1819), писатель, редактор газеты «Северная почта».

⁷⁴ Голицын, Сергей Федорович (1748–1810) — князь, флигель-адъютант императрицы Екатерины II, генерал от инфантерии (1801), член Государственного совета.

В июне месяце получил я письмо через фельдъегеря от графа Буксгевдена⁷⁵. Он пишет, что государь назначил ему гаупт-квартиру в Витебске, и он просит меня велеть ему приготовить дом и еще один — для дежурного генерала и нескольких чиновников.

Фельдъегерь мне сказал, что в Тильзите⁷⁶ сделан мир, что барон Беннигсен⁷⁷ за болезнью уволен, и граф, главнокомандующий армией, тотчас дома сии велел приготовить.

⁷⁵ Буксгевден, Федор Федорович (1750–1811) — граф, генерал от инфантерии. Родился на острове Эзеле; в 1764 поступил в артиллерийский и инженерный корпус и еще кадетом участвовал в русско-турецкой войне 1768–1774. Был произведен в инженер-прапорщики. В 1772 Буксгевден поступил адъютантом к генерал-фельдцейхмейстеру князю Орлову. В войне с Польшей 1793–1794 командовал дивизией. Суворов назначил его комендантом Варшавы и вверил управление Польшей. Вскоре по вступлении на престол Павла I Буксгевден, уже в чине генерал-поручика, был назначен Петербургским военным губернатором и возведен в графское достоинство; но в сентябре 1798 уволен от службы, и удалился в Германию. Александр I назначил его председателем учрежденного в 1802 комитета для уравнивания городских повинностей. В 1809 Буксгевден, в чине генерала от инфантерии, назначен инспектором лифляндской инспекции и рижским военным губернатором. В 1805, находясь в армии Кутузова, принимал деятельное участие в Аустерлицком сражении. В начале кампании 1806–1807 Буксгевден командовал корпусом, но после начала военных действий был отозван из армии. После Тильзитского мира он принял от Л. Л. Беннигсена главное начальство над армией. В русско-шведскую войну 1808–1809 Буксгевден был главнокомандующим. В 1808 сложил с себя начальство над войском, поселился в Эстляндии и там умер в принадлежавшем ему замке Лоде.

⁷⁶ 2 июня 1807 под г. Фриндланд (совр. Правдинск, Калининградская обл.) русская армия под командованием Л. Л. Беннигсена потерпела поражение от французов, после чего Александр I вынужден был подписать 25 июля 1807 в Тильзите соглашение о мире, дружбе и союзе с Францией.

⁷⁷ Беннигсен, Леонтий Леонтьевич (1745–1826) — граф, генерал от кавалерии. Происходит из древней ганноверской фамилии, службу начал в ганноверской пехоте. В 1773 принят премьер-майором в Вятский полк. В 1787 назначен командиром Изюмского полка, с которым участвовал в русско-турецкой войне 1789–1791. В 1792, 1794 принимал участие в действиях против польских конфедератов. В 1802 произведен в генералы от кавалерии. Участвовал в войнах против Наполеона (1806–1807). В начале Отечественной войны 1812 Беннигсен состоял при Александре I, потом был начальником главного штаба армии, участвовал в Бородинском и Тарутинском сражениях, после чего удалился в свои поместья. Участвовал в Заграничном походе 1813, за отличие в Лейпцигской

Дня через три приезжает граф. Мы знакомимся. Он спрашивает: «Рад ли я гостям?». Я отвечаю, что такой гость, как он, мне очень приятен. Тут граф сказал, что за ним следует 150000 войска и прибудет для укомплектования оных 50 тыс. милиции. Я ужаснулся — куда толикое число войск поместить? Ибо я предварительно никакого не получил повеления. Граф расположил их лагерями от Дисно до Велижа, то есть вдоль всей губернии по берегу Двины. Потом надобно было строить биваки, дать дрова для варения пищи, солому для постелей, учредить госпитали, свести сено для конных полков. Посудить можно, сколько сие требовало забот и беспокойства. Погода пошла дождливая, биваки не годились, ибо начали прибавляться больные и требовали кантонир-квартир. Почты от посылаемых ежечасных курьеров пришли в изнурение. В прибавок к вышеозначенному числу войск пришли 16 рот конной артиллерии под командой г. Аракчеева⁷⁸, приехал генерал-интендант к<нязь> Волконский⁷⁹ из Вильны, с ним множество провиантских и

битве возведен в графское достоинство. По возвращении в Россию до 1818 был главнокомандующим 2-й армией, после чего испросил увольнение от должности и переехал в Ганновер.

⁷⁸ Аракчеев, Алексей Андреевич (1769–1834) — граф (1799), генерал от артиллерии (1807). Фаворит Павла I, с 1796 — комендант Санкт-Петербурга, в 1797–1799 — генерал-квартирмейстер всей армии, в 1799 и с 1803 — инспектор артиллерии, провел ее реорганизацию. В 1808–1810 — военный министр, с 1810 — председатель Департамента военных дел Государственного совета. В 1815–1825 — доверенное лицо Александра I. С 1819 — главный начальник над военными поселениями. В 1821–1826 — главный начальник Отдельного корпуса военных поселений. По повелению Александра I разработал проект освобождения крестьян (1818, не осуществлен). С 1826 жил главным образом в своем имении Грузино, Новгородской губ.

⁷⁹ Волконский, Петр Михайлович (1776–1852) — светлейший князь (1834), генерал-адъютант (1801), генерал-фельдмаршал (1850). Будучи адъютантом лейб-гвардии Семеновского полка, сблизился с шефом полка вел. кн. Александром Павловичем. В 1797 назначен адъютантом наследника. Принимал участие в подготовке переворота 11 марта 1801. Генерал-майор (1801). С 1805 — дежурный генерал и генерал-квартирмейстер вспомогательного корпуса ген. Ф. Ф. Буксгевдена, а с октября — дежурный генерал объединенной русско-австрийской армии. Сопровождал Александра I в Тильзит. В 1810 назначен управляющим квартирмейстерской частью, стал одним из главных создателей русского Генерального штаба. В начале Отечественной войны 1812 находился при Александре I. В сентябре — октябре 1812 находился при Кутузове. В декабре 1812 назначен начальником Главного штаба действующей армии. Участвовал в работе Венского конгресса. С 1815 —

комиссариатских чиновников, и Витебск сделался: как столичный город. Начались людные собрания, везде по улицам множество офицеров, беспрестанный приезд в гауптквартиру. Для начальника губернии каково? Но с помощью всевышнего все устроилось, все успокоилось, и войскам доставлено сена на всю конницу не дороже 28 ½ копеек. Граф мне дал бумагу следующего содержания: «Милостивый государь мой, Сергей Алексеевич! По окончании ныне возложения моего здесь, отправляясь по высочайшему мне назначению, приятно для меня изъяснить Вам, милостивый государь мой, полную мою признательность, за все те попечения и благовременные содействия, каковые с такою ревностью подавали Вы мне всегда, во все время устройства и образования армии, высочайше мне поверенной. Обозревая ту пользу, которую извлекал я всегда из такового мне содействия Вашего, не мог я не донести то и до высочайшего сведения государя императора. Я представил всеподданнейше его императорскому величеству, сколько Ваше превосходительство, водимы отличным рвением Вашим к службе, сделали для пользы оной. Госпитали, когда еще комиссариатские чиновники не прибыли и госпитальных вещей не имелось, так хорошо снабжены были Вами, что больные нижние чины довольно уже находили себе покоя. Лагерь получали дрова, солому и прочее исправно и безостановочно. Проход войск, ратников, рекрутов и ремонтов, находя в следовании своем нужные для них подводы и проводников, никогда не затруднялся. Самое большое и полезнейшее выгодам казны попечение Ваше видел я, с особливым удовольствием моим, в заблаговременном заготовлении для продовольствия кавалергардских и прочих лошадей фуража. Причем, при содействии дворянства, поощренного примером г<оспо>д маршалов Цехановецкого и Милькевича, вызвавших взять за сено самые низкие цены, успели так, что дивизии, с прибытием своим в лагерь, нашли знатное оно количество, чрез что и провиантские коммиссионеры имели уже всю удобность делать свои заготовления. Цены сена, во все время пребывания стольких войск в губернии, управлению Вашему поверенной, не возвышали в сложности 28 1/2 копеек за пуд. Я надеюсь, что государь император, приняв в благоуважение сие мое представление, соизволит удостоить В<аше> пр<евосходительство> высочайшим воззрением, тогда совершит-

начальник Главного штаба. Генерал от инфантерии (1817). В 1823 подал в отставку и уехал за границу. С 1826 и до самой смерти занимал пост министра Императорского двора и уделов, заведующего Императорским кабинетом. С 1842 — канцлер Российских императорских и царских орденов.

ся в полной мере желание того, который с истинным почтением и преданностью имеет честь быть В<ашему> пр<евосходительству> покорнейшим слугой. Гр<аф> Буксгевден».

Граф ко мне в самых лучших расположениях, все воинские чины довольны! Чего, кажется, ожидать остается от Государя, как не милостивого благоволения! Ожидаем его прибытия. Приближается октябрь, и граф говорит, что послал донесение, чтобы войскам разойтись, ибо провиант только по сие число запасен. Выходит разноречие — будет или не будет государь? 29 сентября я утром прихожу к гр<афу> Буксгевдену и спрашиваю его о прибытии его величества. Он говорит, что ничего верного не знает, но более держать войска не намерен, как до 1-го числа. Оттуда заезжаю к князю Горчакову⁸⁰ и с ним о том же говорю. Князь держит десять против одного, что государю быть уже поздно, притом же, несколько недель кряду шел непрерывный дождь, и грязь сделалась престрашная.

Лишь мы таким образом рассуждаем, входит офицер от главнокомандующего и зовет меня к нему — приезжает! Граф говорит мне: «Желание Ваше исполнилось. Я получил сей час фельдгегеря от Государя, он изволит быть сюда и уже сегодня выехал

⁸⁰ Возможно, Горчаков, Алексей Иванович (1769–1817) — князь, генерал от инфантерии (1814). Племянник А. В. Суворова. Службу начал в 1781 в лейб-гвардии Преображенском полку.

В 1788 назначен генерал-адъютантом при Суворове. Участник русско-турецкой войны 1787–1791 и войны с Польшей 1792–1794. В 1799 участвовал в боевых действиях корпуса А. М. Римского-Корсакова в Швейцарии. В 1795 произведен в генерал-майоры. В июле 1795 за растрату казенных денег отстранен от должности и отдан под суд. После оправдания переведен в Семеновский полк. В сентябре 1796 произведен в генерал-лейтенанты, а 1 ноября уволен в отставку. В 1799, после возвращения на службу Суворова, Горчаков был принят на действительную службу генерал-майором и участвовал в Швейцарском походе. С 1800 — Выборгский военный губернатор. В августе 1800 обвинен в растрате казенных денег и уволен от службы, хотя следствие доказало его невиновность. После восшествия на престол Александра I вернулся на службу и назначен инспектором Украинской, а в 1802 — Брестской инспекции. С 1804 сенатор. С 1807 — шеф Белозерского мушкетерского полка. С октября 1811 вторично получил чин генерал-лейтенанта. С февраля 1812 — член Военного совета. С 24 августа 1812 — управляющий Министерством военно-сухопутных сил. 30 августа 1814 утвержден в должности министра. В 1815 комиссия, созданная для расследования злоупотреблений в Провиантском департаменте, обнаружила причастность Горчакова к хищениям. В декабре 1815 снят с поста и назначен членом Государственного совета. В апреле 1816 уехал за границу. В августе 1817 уволен в отставку.

из Петербурга и завтра к вечеру прибудет в Сураж». Какое удовольствие видеть своего Государя! Какие хлопоты, чтобы поставить лошадей на станциях, ибо почтовые изнурены до крайности. Отыскиваю сего присланного, спрашиваю: «Нет ли ко мне бумаги от министра?». Ничего он не имеет, кроме открытого предписания почт-смотрителям, чтоб заготовить по тридцати лошадей для высочайшего проезда.

Я тотчас, взяв в помощь губернского маршала Цехановецкого⁸¹, написали к живущим близ дворянам просительные письма, чтобы из своих собственных лошадей сделали по почтам поставы, ордера к поветовым маршалам и капитан-исправникам и послал с оным курьеров по Петербургскому, Полоцкому и Могилевскому трактам. Но все сие сделать надобно было весьма поспешно. Между тем, гусар поскакал в Сураж. От всех же попутные курьеры по командам и в губернский город. Одним словом, тревога!

Государь действительно в назначенный день в Сураж прибыл. Изволил осматривать полки и отменно был доволен. 1-го октября в вечер прибыл в Витебск. Я заготовил хороший дом губернского маршала для принятия его величества. Но государю угодно было остаться на почтовом дворе. Я один имел счастье быть допущен к его императорскому величеству, принят был отменно милостиво. Государь тут пробыл часа полтора, кушал чай и беспрестанно со мной разговаривать изволил, даже шутил, называя всегда «Сергей Алексеевич». Говоря о дорогах, изволил сказать: «Мне сказали, что дорога дурна. Я этого не нахожу. Я вдвое суток приехал, мокро немного. Какова до Полоцка?». Я докладывал, что должна быть грязна от непрерывных дождей. Перед Государем поскакали в Полоцк главнокомандующий и генерал-адъютант и взяли лошадей, под Государя назначенных. Его величество, приехав на одну из станций, не нашел хороших лошадей. Так что, отскакав несколько верст, они начали приставать, и Император заехал к одному помещику, который дал тотчас своих собственных. Почт-смотрителя приказал фельдъегерю, арестовав, отвезти в Витебск. В Полоцке был очень доволен, как войсками, так и городом, и в знак своего благоволения голове пожаловал золотую табакерку.

Проезжая из Полоцка через Витебск в Оршу, изволил со мной говорить в кабинете очень милостиво, положи мне руку на пле-

⁸¹ Цехановецкий, Ян Непамуцен Мартынович (?–1808) — маршалок (предводитель дворянства) Белорусской губ. (1796–1797, 1801) и Витебской губ. (1806–1807). В 1807 за участие в организации земской милиции был награжден орденом Св. Анны I степени и произведен в действительные статские советники.

чо, и рассказывал, что с ним в вояже случилось. Простил, притом, почт-смотрителя сими словами: «Ты знаешь, я никому зла делать не люблю, я видел его жену, детей. Они меня разжалобили, прикажи его отправить к месту». Через сутки опять в Витебск приехать изволил в 6 часов утра и отправился в дом губернского маршала Цехановецкого, для его величества назначенный. Я его встретил. И изволил мне сказать: «Ну, слава Богу, все кончилось, и все нашел лучше, чем воображал. Пусть теперь будет другая погода».

Вошед в дом, очень оным любовался и извинялся, что обеспокоил хозяина, потом, поклонясь, изволил сказать: «Теперь лягу спать, признаюсь, что устал».

Я спрашиваю г. Толстого⁸²: «Может ли дворянство иметь счастье быть представлено?». Он доложил Государю — позволено. Я спрашиваю: «В котором часу?». Граф говорит: «Часу в двенадцатом». Я поехал домой, послал повестку, чтобы съезжались во дворец, и сам в 11 часов туда явился. Собрались чиновники. Я их представил Императору, который, откланявшись, изволил уйти в свой покой. Потом, сошед по маленькой лестнице, сел на лошадь и поехал. Г. Толстой сказал, чтобы все приглашенные к обеду тоже остались, что государь, верно, не долго будет прогуливаться. В 3 часа он изволил возвратиться, объехав все лазареты, и мимоездом заходил в острог или городскую тюрьму, где был очень недоволен, что окошки малы, нет свежего воздуха, и что арестанты строго содержатся. Все мне сие говорят, но я остаюсь спокоен, потому что тюрьма строена несколько лет прежде моего правления. Прокурорская должность — смотреть, чтобы подсудимые обременены излишне не были, также и чистота остается на его отчете. Судятся они все уголовной палатой, которая по вине предписывает, как их содержать: в колодке или цепях. Однако тут остался виноватым я как хозяин.

После обеда мы, через г. Толстого, докладываем государю, что дворянство приготовило бал, на который осмеливаемся просить его величество. Принято сие очень милостиво, и государь обещал оосчастливить нас своим посещением. Между тем, Сперанский⁸³,

⁸² Толстой, Николай Александрович (1761/1765–1816) — граф, камергер, обер-гофмаршал высочайшего двора, президент Придворной канцелярии, сопровождавший Александра I в походах.

⁸³ Сперанский, Михаил Михайлович (1772–1839) — граф (1839), выдающийся государственный деятель России начала XIX в. Родился в семье священника. В 1792 закончил Петербургскую семинарию и был оставлен в ней преподавателем математики. С 1797 на гражданской службе, экспедитор генерал-прокурорской канце-

который был штат-секретарем при Государе, просит меня, чтобы я отвез на его квартиру. Сели со мной в карету. Он рассказывает мне, что Государь недоволен острогом и ему поручить изволил завтра туда съездить и осмотреть, чтобы, между тем, я ему прислал список арестантов с означением их преступлений и времени их задержания. Вечером гр. Буксгевден, будучи у Императора, начал говорить обо мне и пожаловании аренды, ибо в Сураже Государь изволил ему сказать, что мне назначил бриллиантовые знаки Св. Анны, но граф просил лучше аренды, и Государь приказал ему сие исполнить. Но тут изволил сказать: «Я знаю, что он очень хороший человек. Мне жаль самому, что я нашел в остроге беспорядочно. В период я не забуду».

В 12<-м> часу изволил приехать на бал. Я его встретил на крыльце с чиновниками. Был очень весел и много танцевал, любясь домом и обществом. Как доложили, что готов вечерний стол, он, взглянув в столовую, изволил ретироваться. Мы все поехали за ним в след. Г. Толстой выносит г<убернскому> маршалу орден Св. Анны 1-й степени, а он был статский советник, полицмейстеру — бриллиантами осыпанный перстень — один я, к несчастью, остался, который смог его прогневить неумышленно.

В 3 часа за полночь он изволил отправиться в Петербург, откланявшись с нами весьма милостиво.

В 9 часов я приезжаю к М.М. Сперанскому и спрашиваю, что он нашел неисправным в остроге. Тот отвечает мне, что тюрьма как тюрьма, и иначе быть и не можно, но что это была несчастная для меня минута, что Государю не понравилось, обещая мне при докладе объяснить государю. Больно мне сие было чрезмерно, что все усердие, труды мои остались тщетны, и что тот остался недовольным, которому все стремление и усердие мое было делать угодным. Я прошу Сперанского, чтобы тот доложил Государю, что я по болезни своей сей должности более продолжать не могу и прошу быть уволенным на несколько времени для поправления моего здоровья, тем более, что Государь сам приметить изволил, что у меня ослабление нервов в правом глазу и приказал мне с

лярии. С 1802 — управляющий экспедицией государственного благоустройства Министерства внутренних дел. С 1807 — статс-секретарь Александра I. Автор ряда либеральных проектов социальных, политических, финансовых преобразований, инициатор создания Государственного совета (1810). В 1812–1816 в ссылке. Пензенский губернатор (1816), генерал-губернатор Сибири (1819–1821), член Государственного совета (1821), член Верховного уголовного суда над декабристами (1826). С 1826 руководил кодификацией российского законодательства.

Виллием⁸⁴ посоветоваться. Сперанский обнадежил меня в своей благосклонности.

Итак, я остался крайне недовольным и грустным. Полицмейстеру моему пожалован перстень, суражскому исправнику — золотая табакерка, также и Полоцкому городскому главе — все сие доказывает, что Государь губернией был доволен. В скором времени начали поговаривать, что будет новый пожалован губернатор. Между тем, я получил от Государя рескрипт, в коем изволил прописывать о неисправностях, найденных им в остроге, и приказывает сделать некоторые перемены. Рескрипт сей в весьма милостивых выражениях, но я получил известия, что Сумароков⁸⁵ назначается на мое место, и 9 ноября я действительно уволен от должности. Вот копия указа, полученного из Сената: «Белорусского Витебского гражданского губернатора действительного статского советника Шишкина, по слабости его здоровья, увольняя от сей должности, всемилостивейше повелеваем, впредь до выздоровления и до определения к другому месту, производить ему настоящее его жалованье».

Прочитав сей указ, я тотчас послал предложение в Губернское правление, что я, по болезни моей, должности отправлять не могу. Также и по всем делам канцелярии моей приказал относиться к вице-губернатору Войнову⁸⁶. Он — человек весьма странный и имеет много оригинального, притом, не знаю за что, имел всегда ко мне неудовольствие. Претензии его были более за то, что не давал ему караулу и ординарцев от штатной роты. Но оное ему не почему не следовало, ибо рота сия при Губернском правлении и должна была содержать все городские караулы.

⁸⁴ Виллие, Яков Васильевич (1768–1854) — баронет, действительный тайный советник, врач, доктор медицины и хирургии. По происхождению шотландец, с 1790 в России. Лейб-хирург (с 1799), президент Медико-хирургической академии (1809–1838), почетный член Петербургской Академии наук (1814). 1806–1854 — главный военно-медицинский инспектор армии и директор департамента Военного министерства (до 1836).

⁸⁵ Сумароков, Павел Иванович (1767–1846) — сенатор, писатель, племянник писателя А. П. Сумарокова. С 1781 служил в Преображенском полку унтер-офицером. Прапорщик (1790), подпоручик (1792). Вышел в отставку в 1796 в чине штабс-капитана. В 1797 перешёл на гражданскую службу в чине коллежского советника, в 1801 присвоен чин статского советника. С 1807 по 1812 — Витебский гражданский губернатор.

⁸⁶ Войнов, Александр Семёнович — статский советник, Витебский вице-губернатор (1803–1810).

Все служащие и живущие в городе также меня посещали, как и прежде, кроме вице-губернатора, который, чтоб показать мне свое могущество, ко мне перестал ездить. И в один вечер, когда у меня было довольно гостей, присылает мне полицмейстера сказать, чтобы я очистил казенный дом — он в нем намерен поместить нового губернатора. Я приказываю в ответ, что я, будучи нездоров, сего сделать не могу и надеюсь, что новый губернатор будет столько вежлив, что меня не выселит. В чем я не ошибся, ибо он, прислав своего секретаря, приказал меня покорнейше просить, чтобы я остался в сем доме, пока мне угодно.

Войнов, не зная, чем мне досадить, старался в церкви брать у меня место, но сего не удавалось, ибо я всегда становился вперед. В собраниях всегда открывал бал, в беседах ходил у него впереди, что ему было очень досадно, а мне смешно.

Не хотя быть г<осподам> Сумароковым обязан, я переехал в дом генеральши Богомольцевой по ее просьбе. И никак не переменил образ моей жизни — также к обеду и по вечерам принимал гостей. И все единодушно сожалели, что я оставил место.

12 декабря приехал новый губернатор. Я с ним увиделся, и обошлись очень ласково. Место сие он получил исканием к<нязя> Сер<гея> Фед<оровича> Голицына, который, не имев, чем меня очернить, сказал Государю, что я слишком добр и слаб. Благодарю Бога, я зла никому в правление мое не сделал, но также никто не остался, с кого бы по должности взыскано не было. Обходился с подчиненными учтиво и ласково, за то был ими любим. И начальник в праве ли быть невежлив с благородными людьми?

Вот бумага, которая доказывает мое поведение и расположение ко мне губернии, ее ко мне прислали 12 выбранных дворян лучших фамилий:

«Милостивый государь Сергей Алексеевич!

Снисхождения, с кротостью сопряженные, коими во время правления Вашего превосходительства, наслаждалось Белорусской губернии дворянство, возбудило их до изъявления той благодарности, которая была бы памятником Вашим благодеяниям, а всего дворянского сословия чувствительностью.

По сему предмету, я, яко соучастник чувств общества, приятнейшим поставляю случай, дозволяющий мне, от лица всего дворянства, изъявить Вашему превосходительству приносимую самоискреннейшую их признательность.

Благоволит милостивый государь принять оную, яко монумент от одолженных сердец, воздвигнутый и качествами души вашей сооруженный.

С истинным почтением и таковою же преданностью честь имею быть,

Милостивый государь, Вашего превосходительства покорнейший слуга,

Губернский маршал, граф Иосиф Борх⁸⁷.

№ 935. Декабря 18 дня 1807 года».

Тогда был дворянский выбор, я написал благодарное письмо и послал в собрание. Губернский маршал, начав его громко читать, зарыдал и просил, чтоб прочли оно.

1808 году, 7 января, я уехал с семьей своею из Витебска. Буйницкие давали завтрак, на коем было множество гостей. Все пили наше здоровье и со слезами меня отпустили. Губернатор просил меня сесть в его карету и проводил до шлагбаума, приказал полицмейстеру и ординарцам проводить меня до конца городского выгону. Все улицы были наполнены народом, кричащими: «Прости, отец наш, дай бог тебе счастливый путь!». Сие меня весьма чувствительно тронуло, и я со слезами оглядывался на любезный мне город Витебск, мною устроенный, и в котором я весело жил.

Молодой человек Дмитрий Петрович Кудряшов, который меня очень любил и всякий день бывал у меня, тот же день, как я получил увольнение, подал просьбу в отставку (он служил в строительной экспедиции) и поехал меня проводить.

10<-го> мы приехали в Смоленск к И.Ф. Мезенцеву и прожили тут дней 9 очень приятно — частые были обеды, вечеринки.

20<-го> приехали в село мое Спасское, нашли маленький холодный дом, пустоту. Кудряшов, прожив с нами с неделю, уехал в Петербург, а я, оставив всех своих в деревне, 30 числа поехал в Москву увидеть старых знакомых и подумать, что с собою делать и где жить оставаться!

28 февраля приехал в Спасское проведать своих и 29<-го> уехал в Витебск для расчета с долгами и окончания своих дел. Встретили меня там очень хорошо. Но, как я приехал налегке и жил у секретаря Рубцова, то не мог никого принимать, разве утром. Пробыв там до 25 марта, опять чрез Смоленск, 28<-го> возвратился в Спасское.

⁸⁷ Борх, Иосиф Генрих (1764–1835) — полковник коронного войска, шамбелян (камергер) короля Станислава Августа Понятовского. Посол на Четырехлетнем сейме 1788–1792. В 1807–1809 — маршалок (предводитель дворянства) Витебской губ. В 1812 назначен Наполеоном членом Административной комиссии Витебска. После освобождения города от наполеоновских войск арестован, сослан в Петрозаводск, позже амнистирован.

Где пробыв до 24 мая, поехал к кашинским минеральным водам, думая, что оные мне помогут, а более из любопытства видеть оные и от скуки. Пробыв там две недели и не видя большой пользы от них, услышал, что деревня Николая Дмитриевича Дурново⁸⁸ отсюда в 18 верстах, написал к сему почтенному старцу, что желаю его видеть, получил в ответ, сколь он будет обрадован моим приездом, тем более, что ждет сына своего из Петербурга Дмитрия Николаевича с фамилией, с коими я отменно дружен. И так я к нему отправился в село их Салтыково, где провел время очень приятно. Приехал туда Д. Н. <Дурново> с женой и детьми, дочери Николая Дмитриевича. Гостей всегда ездило много. В Петров день приехал от вод генерал князь Багратион. Я прожил тут 5 недель и, возвращаясь в деревню чрез Тверь, расспрашиваю у губернатора Ушакова⁸⁹: «Кто моисоседи?». Он рассказывает, что между прочими, я очень близко от Татьяны Александровны Геденовой⁹⁰, она — родная сестра друга моего Петра Александровича Талызина. То я очень сим известием был доволен, иметь в соседстве приятную и воспитанную даму — это не безделица. Приехав в деревню мою, я

⁸⁸ Дурново, Николай Дмитриевич (1725–1816) — видный военный деятель, генерал-аншеф (1794 г.). В 1742 записан солдатом в Семеновский полк. Капитан-поручик (1762). Капитан (1765). В 1770 определен в провиантское ведомство с чином бригадира на должность обер-штер-кригскомиссара. Генерал-провиантмейстер (1771). Генерал-майор и генерал-кригскомиссар (1775). Генерал-поручик и сенатор (1783). В 1791 г. возглавил Комиссариатский департамент. По воцарении Павла I в 1797 г. согласно прошению уволен в отставку. Отец Д. Н. Дурново.

⁸⁹ Ушаков, Александр Андреевич (1751–1822) — действительный статский советник, генерал-майор, Олонецкий и Тверской губернатор. Обучался в Морском кадетском корпусе (1765–1771). Участник русско-турецкой войны (1768–1774). В 1782 году в чине капитана 2-го ранга вышел в отставку, назначен Председателем тверской палаты гражданского суда. Директор Олонецкой казенной палаты (1784). Председатель Олонецкой казенной палаты (1786–1787). Председатель Псковской палаты гражданского суда. Вице-губернатор Тверской губернии (1800). Губернатор Олонецкой губернии (1802) Губернатор Тверской губернии (1804–1812). Начальник продовольственного департамента Министерства внутренних дел (1817).

⁹⁰ Геденова (в девичестве — Талызина), Татьяна Александровна (1780– ?) — дочь тайного советника, сенатора А. Ф. Талызина (1734–1787), участника переворота 1762. В первом браке была за действительным статским советником Михаилом Яковлевичем Геденовым (1756–1802), который на военной службе достиг чина генерал-майора, на гражданской занимал должности Пензенского, Саратовского, Тульского губернатора.

на другой день поехал к ней себя представить, как хорошего знакомого покойного супруга ее Михаила Яковлевича, как друга брата ее, и как соседа — принят очень хорошо. Познакомились или возобновили старое знакомство, и начали видеть очень часто, будучи в расстоянии пяти только верст.

До октября прожили мы в деревне. Потом я поехал вперед в Москву, чтобы приготовить себе дом, а Татьяну Алек<сандровну> просил взять на себя труд привезти моих племянниц, чем она меня и одолжила. Зимой ей нужно было съездить в Петербург к сыну своему, она взяла с собою и моих племянниц. А я просил, чтобы она мне в Москве сделала препоручений. У нее остался меньшой сын. И так дружеские сии одолжения друг к другу и личные ее достоинства меня совершенно к ней привязали, и дали идею искать руки ее.

Что называется — суженого и конем не объедешь. Она жила всегда в другой деревне, близко Твери, вотчине, в которой 1600 душ. Вдруг пришло ей желание поселиться в Зубцовской деревне, в которой только 300. Полюбилось ей место, начали строить дом, деревню посадила на пашню⁹¹. Я со своей стороны никогда не думывал быть деревенским жителем, посвятив себя на службу. Вдруг оставляю оную, и приезжаю в свою деревню, тут мы встречаемся. Стечение обстоятельств. Я, тот, который положил было, чтобы век остаться холостым, начинаю себе представлять ту скучную перспективу старости, когда оставляют силы искать беседы, принимать людей у себя. Надобно, чтобы было им приятно у меня, чтобы делить время с дряхлым стариком. Племянницы, со временем должны, сделав партии, меня оставить. Племянник пойдет на службу. Все говорит — надобно жениться и иметь себе друга, который тебя никогда не оставляет и делит все с тобою. В марте Т. А. возвращается из Петербурга, я всякой вечер у нее бываю с детьми.

С 6 на 7 апреля я, сидя у нее, разговариваю о приятности благополучного супружества и о несносном в старости одиночестве. Она говорит мне: «Для чего же Вы не ищите себе сделать партию?». Я ей в ответ, если [1 нрзб] мне на себя похожую. Сие ее заставило покраснеть и вдруг переменить материю. Признаюсь, что и мне конец вечера было очень не ловко. Боясь, не досадил ли я ей оным, ночь всю я провел в сих размышлениях, почитая ее и любя душевно, рассчитывал сколь ею могу быть счастлив.

⁹¹ «Посадить на пашню» — перевод крестьян с «оброка», на «барщину» — принудительное выполнение работ крестьянами в хозяйстве помещика.

Встав поутру, решился написать ей письмо, говоря, что разговор ее со мною все у меня в голове, и если б она расположена была вступить в другой брак, и я удостоен был ее выбора, я был бы счастлив.

Оставаясь между страха и надежды в получении ответа, сердце у меня трепещет и как будто говорит мне: «Что ты делаешь?».

Положил надежду на всевышнего, и жду решения судьбы моей. Наконец получено ее письмо, в котором изъясняет мне свое удивление, хвалит мои достоинства, говоря притом, что она никогда не думала переменить своего состояния, а теперь сама не знает, что сказать! А советует сим взять время, чтобы узнать друг друга короче. Сей день мы с ней не виделись. На другой я приезжаю к ней, нахожу, что глаза ее заплаканы и она даже похудела. Тут мы дали друг другу слово, пожелали, чтобы сие осталось тайною. Я сказал свое намерение племянникам своим, кои отвечали мне, что они, почитая меня, как отца, уверены, что я не переменюсь в рассуждении их. Но несть тайны, яже не откроется. В городе Москве тотчас начали говорить о сей свадьбе. Мы говорили, чтобы оную сделать в деревне самую тихую. Она сказала о сим дядюшке своему Степану Степановичу Апраксину⁹² и брату Степану Александровичу Талызину⁹³. 13 мая мы выехали из Москвы. 15 приехали в свои деревни — она в Столыпино, а я с племянницами в Спасское — и хотели тот час кончить свое намерение. Но случился Петров пост, 5 недель и один день, и так свадьба наша была 9 июля 1809 года в селе Спасском. К тому времени приехал нарочно из Петербурга Кудряшов и держал над ней венец. Мы прожили в Спасском неделю и переехали в Столыпино.

⁹² Апраксин, Степан Степанович (1757–1827) — генерал от кавалерии (1798) и Смоленский военный губернатор (1803), единственный сын фельдмаршала С. Ф. Апраксина. С рождения записан в лейб-гвардии Семеновский полк. Капитан (1772), полковник (1777). Участвовал в походах в Крым, затем служил на Кавказе. Бригадир (1783). Участвовал в русско-турецкой войне 1787–1791. Генерал-лейтенант (1793). Участвовал в походе против польских конфедератов (1794). В 1809 окончательно вышел в отставку.

⁹³ Талызин, Степан Александрович (1765–1815) — генерал-майор (1797), шеф Выборгского мушкетерского полка. Младший брат генерала П. А. Талызина. Записан сержантом в Измайловский полк (1775). Прапорщик (1784), подпоручик (1785), поручик (1787). Участвовал в русско-шведской войне (1788–1790). Подполковник (1789). Участвовал в русско-турецкой войне (1787–1791), в походе против польских конфедератов (1794), Отечественной войне 1812, Заграничном походе. Окончательно вышел в отставку 1814.

19 июля приехал из Петербурга сын наш Александр⁹⁴, он был тогда адъютантом у А. Д. Балашова⁹⁵, правящего должность С.-Петербургского губернатора. 22<-го> уехал Кудряшов, а сын наш — 4 августа. Между тем как он [Гедеонов А. М. — В. III.] очень милого и веселого нрава, вздумал с племянницами играть оперу «Мельника»⁹⁶, в несколько дней ее сладили — 2<-го> сыграли прекрасно. Второго нашего сына Степашу⁹⁷ потребовал Гергард в Москву, онаго отпустили туда на короткое время. Александра провозили за город Старицу 3 версты.

Потом 17 числа мы с двумя племянницами отправились в Нилону пустынь. Возвратились оттуда в Столыпино. Поехали с женою 24-го в село Никольское городище. Оттуда — в Тверь, чтобы быть представленным их императорским высочествам великой княгине Екатерине Павловне и супругу⁹⁸ ее.

⁹⁴ Гедеонов, Александр Михайлович (1791–1867) — русский театральный деятель, который на протяжении четверти века, с 1833 по 1858 возглавлял императорские театры обеих столиц. С 1805 определен на военную службу, в императорскую свиту колонновожатым. Адъютант полкового командира Кавалергардского полка Н.И. Депрерадовича (1810). Капитан Ямбургского драгунского полка (1811). Участвовал в Отечественной войне 1812, Заграничном походе. В 1816 уволен со службы в чине майора. Действительный тайный советник (1846). Обер-гофмейстер (1858).

⁹⁵ Балашов, Александр Дмитриевич (1770–1837) — государственный деятель, генерал-адъютант (1809). Московский полицмейстер (1804–1807), генерал-кригскомиссар (1807), петербургский обер-полицмейстер (1808), петербургский военный губернатор (1809). Министр полиции (1810–1819), с 1810 — член Государственного совета. В начале войны 1812 был направлен Александром I для переговоров с Наполеоном I о прекращении военных действий. Участвовал в Заграничных походах 1813–1814, выполнял ряд дипломатических поручений (переговоры с Мюратом). В 1819–1828 — генерал-губернатор пяти центральных губерний (Орловской, Тульской, Рязанской, Тамбовской, Воронежской). Генерал от инфантерии (1823). С 1834 — в отставке.

⁹⁶ Опера русского поэта и драматурга А. О. Аблесимова «Мельник-колдун, обманщик и сват» (1779).

⁹⁷ Возможно, Семен Михайлович Гедеонов, второй сын М. Я. и Т. А. Гедеоновых.

⁹⁸ Первый муж Великой княжны Екатерины Павловны (с 1809 по 1812) — герцог Пётр-Фридрих-Георг Ольденбургский (1784–1812) — сын герцога Петра-Фридриха-Людвига Ольденбургского и Фридерики Вюртембергской, зять российского императора Павла I, генерал-губернатор сначала Эстляндии, затем — Тверской, Ярославской и Новгородской губерний, главный директор путей сообщения Российской империи.

В то же время тут случился Государь цесаревич. Я тотчас поутру поспешил представиться его высочеству. Принят был отменно милостиво, он расцеловал меня и наговорил великой княгине много хорошего обо мне. После обедни мы с женой имели честь быть представлены, приняты были отменно хорошо. Великая княгиня уговорила, чтобы мы наняли дом в Твери и зимой приехали пожить, что мы, имев в 30 верстах большие деревни, должны подать пример, и ей сие будет весьма угодно. Я был приглашен к обеденному столу, а в вечер купечество давало их высочествам бал в доме губернатора, где она со мною танцевала, а принц — с женой моей. Мы пробыли тут два дня и поехали обратно в Столыпино, где прожили до 6 октября, 7 переехали в Москву.

В Твери мы наняли каменный дом за 1300 р. в год, который приказали отделывать. И 20 ноября приехали в Тверь со Степашием и двумя старшими племянницами. Дом нашли еще не dokonченный сырой, но как нельзя было лучшего сыскать, принуждены в нем расположиться. Опять представлены ко двору и приняты были очень хорошо. На 30-е число в ночи прибыл в Тверь Государь Император, поутру мы все были представлены его им<ператорскому> величеству. Тут я первый раз по увольнении моем имел счастье его видеть. Он с обыкновенной ему милостью изволил мне сказать:

— Сергей Алексеичъ, ты как здесь?

Я докладываю, что у меня в сей губернии деревни.

— И прямо сюда приехал из Витебска?

Я доношу, что был в Москве.

На бале также изволил ко мне адресоваться, а с женой моей танцевал, поздравлял с переменой состояния и сказал ей, что она имеет мужем самого честного человека. С племянницей моей Наташей много танцевал и вспомнил ей, что он с ней танцевал в Витебске.

Потом Государь и Великая княгиня отправились в Москву, а мы остались в Твери. 13<-го> Его величество изволил проехать в Петербург.

Мы прожили тут довольно весело. Всякий день бывали у нас гости, а Лобановы и Кочубей были всedневные. Я часто бывал приглашаем к обеду их высочеств, и обхождение Великой княгини очень приятное, она особенный имеет дар приласкать всякого. 5 января была у нас тетушка Катерина Владимировна, проездом в Петербург. Потом приехал в Тверь Государь цесаревич. Великая княгиня давно желалось слышать, как поет моя племянница Наталья, и так она у них пела одно утро во внутренних комнатах при Цесаревиче.

20 января мы поехали в Петербург, а сына оставили в Твери, под покровительство генерала-инженера Деволана⁹⁹, который имел золотые горы, но часто от горы мышь родится. Приехав в Петербург, я представился ко двору. Опять Государь сделал мне отличие, изволил со мной только с одним говорить, хотя и многие представлялись. Думал было проситься опять на службу, но видя, что сие сопряжено с затруднениями, опять отложил свое намерение и 4 марта уехали, проведя там сие время довольно приятно. Я пять лет как не был в Петербурге, то увидеть город и людей, с которыми всегда жил, — преприятно. В Твери мы пробыли только два дня и приехали в Москву. Степана своего возвратили также к прежнему — в команду Гергарда.

21 мая приехали в зубцовскую свою деревню Столыпину. И в начале июня заложили в Спасском дом, потом поехали в Москву, где пробыв неделю, отправились с дядюшкой С. С. Апраксиным в его деревню Ольгово, где прожили очень весело до 3 августа. Наташа играла в «*Adolphe et Clara*»¹⁰⁰ роль Клары. Потом чрез Клин, Никольское возвратились в Спасское. Откуда 23 опять поехали с двумя племянницами в Москву. Пробыв сутки, отправились в деревню брата Ст<епана> Алек<сандровича> Талызина, где очень приятно провели время до 31<-го>, приехав в Москву. Чрез два дня уехали в деревню Столыпину, взяв с собой Степашу, коего отправили в Петербург и проводили до города Старицы. Расположась покойно в деревне до половины октября, получаем известие, что сын наш Степан сделался болен. Весть сия крайне огорчила мать его, и мы решились поехать в Петербург. Собравшись очень скоро, поехали двое с женою в Тверь. Откуда, взяв подорожную, 1<-го> октября отправились в дальнейший путь, приехав туда в трое суток. Начали хлопотать, чтобы сделать с нашим больным, и, наконец, решились взять его в отставку, дабы совершенно подкрепить его здоровье. Прожили там до 7 ноября и, возвратясь в свою деревню, взяли племянниц и приехали в Москву, где прожили зиму до-

⁹⁹ Воллан, Франц Павлович де (Франц-Павел Деволан, Де-Волант, Сент-Деволан) (1752–1818) — первый инженер в армиях Г. А. Потемкина и А. В. Суворова, первый архитектор Вознесенска, Одессы, Новочеркасска, Тирасполя, Овидиополя и др. городов, строитель первого чугунного моста в Петербурге, первый инженер во главе Ведомства путей сообщения, первый член Комитета министров от этого ведомства. Под его руководством были созданы Тихвинская и Мариинская водные системы.

¹⁰⁰ «Адольф и Клара, или два узника» (1799) — опера французского композитора Н. Далейрака.

вольно приятно. На частых были балах, больших обедах. Наташа моя играла Rosine¹⁰¹ в театре С.С. Апраксина, при 600 зрителях с большим успехом, что по привязанности моей к ней было для меня весьма приятно.

По умножении дороговизны вздумалось нам пуститься в коммерческие обороты [*на полях пометка* — «1811»] заведением винокуренного завода. Итак, собрав до 40 тысяч денег, заказали посуду, наняли винокура, и в начале мая отправились в Столыпино для начатия строения. Между тем в Спасском отделялся дом, то сие меня очень занимало. Расположилось забыть суету большого света. Считал заниматься около себя. Пришла нужда съездить в Москву, где более месяца прожили по разным обстоятельствам. Между прочими и кончина почтенного нашего родича Н. Ф. Муравьева¹⁰² много нас тронула и удержала.

Потом 21 августа, слава Богу, опять дома получаю известие, что дело мое провиантское¹⁰³, которое за грехи мои на меня наслано, ибо душою тут не виноват, требует моего свидания с Витебским губернатором и бывшим при мне правителем канцелярии.

Итак, 25<-го> отправился в путь. 28<-го> — в Витебске, где принят был отменно хорошо, как от военного губ<ернатора> герцога Александра Вюртембергского, так и от гражданского губернатора Сумарокова, который старался на всяком шаге делать мне вежливости.

На другой день присылает [П. И. Сумароков — В. III.] мне для посылок своего ординарца и пишет, что он сочтет себя обиженным, если возьму чей-нибудь экипаж и тем отниму у него случай оказать мне должную вежливость. И так он всегда за мною заезжал и завозил меня.

В 9 дней моего там пребывания я обедал 5 раз у герцога, был на большом бале и на маленькой вечеринке у него.

Для меня крайне было приятно, что ко мне, как будто к губернатору, все пришли в Александров день с поздравлением. Народ на улице все меня узнают, кланяются. Один раз я гуляю пешком —

¹⁰¹ Возможно, персонаж оперы по пьесе П. Бомарше «Севильский цирюльник, или Тщетная предосторожность».

¹⁰² Муравьев, Николай Фёдорович (1751–1811) — участник русско-турецкой войны (1768–1774) и русско-шведской войны 1788–1790, советник палаты уголовного суда Тверского наместничества (1791–1797), полицеймейстер (1797) и обер-полицеймейстер в С.-Петербурге (1797–1798), действительный статский советник (1800), первоприсутствующий в Межевой канцелярии (1800–1811).

¹⁰³ См. сноску выше.

один русский купец (Голубок), сидит у своего дома на бревне, увидя меня, вскочил с восклицанием: «Отец наш! Да откуда ж ты взялся?» — вот прямая награда для чувствительного сердца.

Возвратясь в Столыпино к семье своей, нахожу тут и сына большого жены моей, который приехал покупать для полку ремонт¹⁰⁴. Имея надобность быть в Москве, мы с женой, с племянницей Наташею и с Алек<сандром> Мих<айловичем> [Гедеоновым — В. Ш.] поехали туда через село Никольское. Где он открывается нам, что влюблен в Наталью несколько лет и просит нашего согласия. По многом размышлении мы на сие соглашаемся, и они — сговорены.

Прожив несколько недель в Москве, возвращаемся в деревню. К Екатеринину дню вздумалось мне поехать в Тверь — поздравить их Им<ператорское> Выс<очество>¹⁰⁵. Приезжаю, принят очень милостиво, и извещают, что выборы дворянства назначены 10 декабря. Привыкли по службе всегда повиноваться. Приезжаю на выборы. Тут меня назначают почетнейшим, потом, по начатию выбора, уездным предводителем Зубцовской округи. Сколько не отговаривался, но никак не мог успеть отпроситься — должен был принять сие звание.

На другой день баллотировкою всей губернии удостоен в губернские предводители, получа из 240 шаров — 196 достойных. И его Им<ператорским> Выс<очеством> в сем звании утвержден. Кандидат по мне остался г. Батюшков¹⁰⁶, Весъегонский предводитель.

Пост, конечно, почетный, по обстоятельствам нашим крайне неловкий — я должен большую часть времени жить долго без семьи моей.

23 декабря я испросил отпуск до 20 января и поехал в деревню Столыпино с женой моей, которая к удовольствию моему приехала ко мне в Тверь.

1812 году января 8 благополучно совершился брак Натальи Павловны с Ал<ександром> Мих<айловичем> Гедеоновым, я пробыв с ними до 14. Отправился в Тверь, между тем и их высочества были в Ярославле на выборах дворянских, и 15 числа возвратились в Тверь.

Всю сию зиму прожил в Твери. Их высочества на масленицу, в воскресенье отправились в Петербург. Я, прожив еще в городе до

¹⁰⁴ Ремонтная лошадь — молодая лошадь, поступившая на пополнение воинскую часть.

¹⁰⁵ Имеется в виду великая княгиня Екатерина Павловна.

¹⁰⁶ Вероятно, Иван Семенович Батюшков (1763–1825).

конца июня ради рекрутского набора, поехал на Ржевскую ярмарку и потом в деревню. Но в первых числах июля получено известие, что французы вступили в границы России. Я тотчас отправился в Тверь для составления ополчения, коего дало дворянство с 25 душ — одного, что и составило 13 тысяч человек, и с 500 душ — одного конного. Притом пожертвовало 60 тысяч чет<вертей> муки и 60 тонн овса.

К тому времени прибыли их Им<ператорские> Выс<очества> и Государь Император проехал из Москвы в Петербург. С приближением к столице неприятеля умножилось беззаконие и опасность. Начали водой и сухим путем вывозить из города, и после 2 сент<ября> остались одни должностные.

Но Господь явным образом показал над сею губернией милость свою — нога злодейская не была на земле ее! Хотя в Сычевском уезде, в Волокламе, в Дмитриеве, столь близнем соседстве они были и грабили.

В конце ноября их им<ператорские> высочества из Ярославля возвратились в Тверь. Присутствием их начали забываться прошедшие напасти.

Но, к несчастью Тверской губернии, жизнь его им<ператорского> высочества после девятидневной болезни прекратилась 15 декабря. Мирный прах его пробыл здесь до 2 января. Государыня Великая княгиня тот же день поутру в 7 часов отправилась в Петербург, а тело покойного вывезено в 10 часов утра в провожении чиновников. Я проводил до границы губернии (до Хотилова) и возвратился ради собравшихся гг. уездных предводителей, по случаю перевозки провианта.

Сие собрание спасло Тверскую губернию, по расчету приходило дать с дворянских имений с двух ревизских душ на двор. И весной — хлеб из Вышнего Волочка в Белую, Смоленск и Витебск. Лошади бы пропали, ибо был ли способ сделать по дороговизне заготовление на 150 тысяч подвод. БОльшая бы часть могла погибнуть людей, ибо там свирепствовали болезни, и хлеб разбросан был бы по дороге. Уважая все сии обстоятельства, мы сделали протокол, чтобы оное представить в Комитет министров. Я же особенно много раз писал о сем к<нязю> Горчакову¹⁰⁷, военному министру, и к счастью нашему сия перевозка отменилась

¹⁰⁷ Горчаков, Алексей Иванович (1769–1817) — князь, русский военачальник, племянник и ученик А. В. Суворова, брат генерала Андрея Горчакова. Участвовал в русско-турецкой войне (1787–1791), в действиях против польских конфедератов, Швейцарском походе 1799, войне четвертой коалиции (1806–1807), русско-шведской войне (1808–1809). Военный министр в 1812–1815.

В апреле месяце бывший здесь губернатором Лука С. Кологринов¹⁰⁸ уволен от должности губернатора. Место его заступил камергер четвертого класса Петр Иванович Озеров¹⁰⁹, который в мае месяце прибыл сюда.

В июне я поехал в его деревню, был на ярмонке в Ржеве. 15 сентября получен указ о наборе рекрут. С дворян собрано по 6 человек с 500 душ, с казенных и мещан — по 8. По сей причине я тотчас возвратился в Тверь, где с гг. предводителями делав раскладку, 6 числа октября отправился в Бежецк для набора, где пробыл по 22 ноября, набрав 1596 человек.

Во все трехлетие службы моей, по выбору дворянства, губернским предводителем, имел я всегда целью, чем-нибудь доказать ему мою приверженность и поддерживать к нему милость и покровительство государыни Великой княгини. И для того не упускал случая всегда от имени дворянства поздравлять ее императорское высочество в пристойных случаях и изъявлять ей благодарность и приверженность оною. Какие удостоивался получить ответы, при сем прилагаю списки, подлинники все писаны собственною ее императорского высочества рукою.

¹⁰⁸ Кологринов, Лука Степанович (1763 — ?) — статский советник, Тверской губернатор. Участвовал в русско-турецкой войне (1787–1791). Поручик (1789). С 1790 в отставке в чине капитана. С 1797 года — на гражданской службе. Советник Орловской казенной палаты (1797). Надворный советник. Председатель департамента Калужской палаты суда и расправы (1798). Статский советник (1800). Калужский вице-губернатор (1800). С 1801 по 1802 был причислен к сенатскому Департаменту герольдии. Воронежский вице-губернатор (1802–1810). В 1810 причислен к герольдии. С марта 1812 по март 1813 — Тверской губернатор. С марта 1813 вновь причислен к герольдии.

¹⁰⁹ Озеров, Петр Иванович (1778–1843) — действительный тайный советник (1834), член Правительствующего Сената (1823) и Государственного совета (1837). Службу начал в 1786 лейб-гвардии Измайловском полку. Сержант (1787), прапорщик (1796), подпоручик (1797), поручик (1798). 14 декабря 1798 назначен адъютантом к великому князю Константину Павловичу. Капитан (1799). Участвовал в Итальянском и Швейцарском походах (1799), в войнах с Наполеоном (1805–1807). Ротмистр (1801), полковник (1802). Действительный камергер и гофмейстер двора Великого князя Константина Константиновича. Тверской губернатор (1813). Шталмейстер, директор дворцовых конных заводов (1817).

№ 1.

С.-Петербург, 18 мая 1812

Сергей Алексеевич! Весьма лестны были для меня поздравления и добрые желания столь почтенного дворянства, каково есть Тверское, всегда отличавшееся любовью к Отечеству.

Поручаю Вам изъяснить оному совершенную мою признательность и увидеть его в непоколебимой моей привязанности. Тверская губерния навсегда будет мне драгоценна. Вас лично прошу быть уверенным в моем почтении с которым пребываю Вам доброжелательная.

Екатерина

№ 2.

Сергей Алексеевич, в тех чувствованиях, каковые по случаю рождения принца, моего сына, Вы ознаменовали, я был всегда удостоверен, и сию уверенность мою мне приятно сопроводить здесь Вашему Превосходительству моею благодарностью.

С отменным уважением пребываю,

Принц Георгий Голштинский¹¹⁰

Ярославль, 28 августа 1812

<№ 3.>

С.Петербург, 6 марта 1813 года.

Сергей Алексеевич!

Чувствования мои к дворянству Тверскому, как Вам равно и оному должны быть известны, они неколебимы. Никогда я не забуду тех счастливых дней, которые я провела в Твери, всегда сердце мое к сему месту стремиться будет, и всегда я буду участвовать во благо губернии. Прошу Вас уверить в том дворянство.

С отменным уважением пребываю Вам доброжелательная,

Екатерина

¹¹⁰ Герцог Петр-Фридрих-Георг Ольденбургский (1784–1812) в России предпочитал называться Георгием Петровичем. Отец герцога — Петер-Фридрих-Людвиг (1755–1829) — при рождении имел титул принца Гольштейн-Готторпского. Но дядя отца — Фридрих Август I Ольденбургский (1711–1785) — принял опеку над малолетним племянником, рано потерявшим родителей, и в дальнейшем объявил его своим наследником, и позже Петер-Фридрих-Людвиг являлся принцем-регентом Ольденбургским, а с 1823 г. — великим герцогом Ольденбургским.

<№ 4.>

Ольденбург, 27 янв. / 8 февр. 1814.

Сергей Алексеевич!

Отдаленное расстояние, разлучающее меня с любезным моим Отечеством, причиною, что вчерась только дошло до меня поздравительное письмо ваше. Примите за чувства, в нем изображаемые, мою истинную благодарность, и будьте изъявителем оной пред Тверским дворянским обществом. Ничто не может для меня быть приятнее, как уверение в его мне привязанности. Навсегда жители ее приобрели отличное мое к ним уважение. В кругу их я провела наисчастливейшие дни моей жизни, незабвенно мне будет и то чувство любви, которое имел к сей губернии, его императорское высочество супруг мой. И сколько он ценил неоднократные доказательства рвения и готовности всех сословий содействовать всеми силами к общей пользе.

С отличным уважением пребываю Вам доброжелательная,

Екатерина

Всякий раз, как я удостоивался получать оные, я тотчас сообщал гг. уездным предводителям списки, прося их сделать оное известным дворянству.

Кажется теперь, весь ход судьбы моей окончен как по штатской, так и по выборам дворянства, благодарю всемогущего Бога, что помог мне пройти сие поприще. Совесть моя чиста, и никто меня укорить не может, разве как человек неведением погрешить мог, да отпустят мне согрешения мои, вспомя, кто из смертных без слабости?

Жизнь С. А. Шишкина. (ОР РНБ, ф. 536, Q. 616.).

В. И. Щербаков

ИВАН СТЕПАНОВИЧ ЖИРКЕВИЧ:
МЕМУАРИСТ И ЧЕЛОВЕК

1

Иван Степанович Жиркевич (1789–1848) прожил не слишком долгую, но весьма насыщенную событиями жизнь — он был свидетелем *четырёх* исторических эпох. Мальчиком он застал конец эпохи Екатерины II, получил воспитание и военное образование при Павле I и Александре I, служил в гвардейской артиллерии, был участником всех больших войн и сражений Наполеоновской эпохи, состоял адъютантом при Аракчееве, дослужился до генерал-майора (1833) при Николае I и в конце своей карьеры занимал посты губернатора Симбирской (1835–1836) и Витебской (1836–1838) губерний.

С января 1841 г. и почти до самой смерти И. С. Жиркевич занимался написанием своих мемуаров, в которых обстоятельно рассказал о прожитой жизни, затронув немало исторических событий, в которых он участвовал. Повествование доведено до времени отставки Жиркевича с поста Витебского губернатора (1838).

«Цель записок моих — не столько удержание в памяти случайностей моей жизни, сколько наставление в будущности сыну моему, потому там, где я находил или видел зло, я описываю оно подробнее другого» [8, с. 159]. Насколько интересовали «Записки» единственного сына Жиркевича, — сказать трудно. О Владимире Ивановиче Жиркевиче мы знаем намного меньше, чем о его отце. Достоверно известно лишь то, что В. И. Жиркевич также служил в артиллерии (которую оставил в чине штабс-капитана), затем был полицейским и лесничим, с юных лет играл в карты и злоупотреблял алкоголем [1, с. 355–358; 7, с. 14]. Однако именно сын Жиркевича на рубеже 1860–1870-х гг. дал возможность ознакомиться с рукописью «Записок» дисненскому¹ дворянину Сергею Дмитриевичу Карпову, а тот уже серьезно заинтересовался ими. На протяжении целого ряда лет Карпов занимался расшифровкой и публикацией «Записок» в «Русской старине» (1874–1876, 1878, 1890), а в 1892 г. внук И. С. Жиркевича, Александр Владимирович,

¹ Дисна — город в Витебской губернии.

опубликовал в «Историческом вестнике» неизвестные страницы «Записок». Он же в апреле 1892 г. пожертвовал рукопись — два тома in folio — Историческому музею лейб-гвардейской 1-й артиллерийской бригады в Петербурге (ныне Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи), где она хранится и сегодня [16, с. 408].

2

«Записки» И. С. Жиркевича — это в первую очередь воспоминания военного человека, получившего «спартанское» воспитание и отдавшего лучшие годы своей жизни армейской службе. В детстве он почти не знал матери, ибо пяти лет от роду был отдан в Императорский сухопутный шляхетный Кадетский корпус (с 1800 — 1-й Санкт-Петербургский кадетский корпус) и десять лет (1795–1805) провел в стенах казенного учреждения, запомнив только «истинную материнскую заботу и нежность» своих воспитательниц из отделения малолетних, — *madame Савье* и *mademoiselle Эйлер*. После выпуска из корпуса в октябре 1805 г. (в 16 лет) он был сразу отправлен на войну, где получил боевое крещение в битве при Аустерлице (20 ноября 1805 г.), имевшей для русских трагический исход. Весь дальнейший боевой путь Жиркевич прошел в небольших чинах (в Бородинской битве он участвовал в чине поручика).

Рассказы Жиркевича о войне просты и лишены прикрас — это свидетельство рядового участника исторических событий, добросовестно выполнявшего приказы. Даже о больших сражениях и походах Иван Степанович обычно повествует лаконично, сообщая только то, что было связано с ним лично или касалось его товарищей. Так, об Аустерлицкой эпопее им написано всего три страницы, без попыток оценивать или обобщать происходившее на его глазах, но при этом достоверно показана «суматоха», царившая в русских войсках.

«В это время проезжает верхом Государь, при нем были: князя Волконский и Долгорукий и барон Винценгероде; все они пробираются между орудиями, а государь говорит солдатам:

— Не годится, ребята, не годится идти назад: вперед — опять вперед! Нехорошо!.. — и с этими словами поехал далее; но, доехав до середины батареи, государь поскакал назад, сказав:

— Поворотить опять назад!.. Ступай, куда шли!..» [8, с. 24–25].

Три года (1806–1809) Жиркевич состоял адъютантом при А. А. Аракчееве, который уже тогда был генералом от артиллерии, занимал пост военного министра (1808–1810) и генерал-инспектора пехоты и артиллерии (до 1819). Страницы «Записок», посвященные Аракчееву, расходятся с большинством оценок этой личности в исторической литературе (бесспорно признается всеми только его заслуга в деле усовершенствования русской артиллерии). Мнение о его патологической жестокости было общим. Так, военный историк А. И. Михайловский-Данилевский вспоминал: «Аракчеев был ненавидим за свои бесчеловечные поступки с солдатами и за дерзкое поведение с офицерами. Жестокость его с нижними чинами простиралась до того, что он однажды схватил гренадера за усы и оторвал оные вместе с мясом» [14, с. 42]. «Он любил ломать бессильные препятствия, неволить человеческую натуру и все подводить под один уровень», — писал Ф. Ф. Вигель [5, т. 2, с. 120].

Жиркевич пишет об Аракчееве весьма подробно, изображая своего патрона как строгого, вспыльчивого, но отходчивого начальника, не наказывавшего людей без причины, а к нему, Жиркевичу, питавшего явную симпатию. «Честная и пламенная преданность престолу и отечеству, проницательный природный ум и смысленность, без малейшего, однако же, образования, честность и правота — вот главные черты его характера. Но бесконечное самолюбие, самонадеянность и уверенность в своих действиях порождали в нем часто злопамятность и мстительность; в отношении же тех лиц, которые один раз заслужили его доверенность, он всегда был ласков, обходителен и даже снисходителен к ним» [8, с. 30–31]. Об Аракчееве он всегда вспоминал с теплотой, а тот характеризовал его впоследствии как «лучшего, одним словом, единственного своего хорошего адъютанта» [Там же, с. 36].

Нельзя сказать, чтобы «всей России притеснитель» (А. С. Пушкин) был сверх меры идеализирован Жиркевичем — характер самодура, упивавшегося безграничной властью, виден и в его рассказе: «Весьма часто выходил к разводу и всегда бывал при этом взыскателен, так что ни один развод не оканчивался без того, чтобы один или несколько офицеров не были бы арестованы» [Там же, с. 45].

Боевые офицеры презирали Аракчеева, поэтому за близость к нему приходилось платить недоверием и неприязнью сослуживцев. Жиркевич пишет, что его не раз принимали за аракчеевского «шпиона». А. П. Ермолов, под началом которого пришлось впоследствии служить Жиркевичу, откровенно его недолюбливал,

видя в нем креатуру Аракчеева. Иван Степанович с обидой вспоминал, как во время маневров в Вильне накануне войны 1812 года Ермолов пригласил на свой обед множество офицеров, в том числе далеких по службе, а его, Жиркевича, не пригласил — что его очень расстроило как явное свидетельство «нерасположения и небрежения» [Там же, с. 60]. Это, однако, не мешало Ивану Степановичу уважать Ермолова как выдающегося военачальника и артиллериста. Позднее сам Ермолов оценил способности Жиркевича как боевого офицера и даже переписывался с ним в мирное время. По словам Ивана Степановича, он имел «у себя множество писем Ермолова, писанных <...> во время его отставки» [Там же, с. 388].

4

Наиболее обстоятельно Жиркевич рассказывает об Отечественной войне и заграничных походах русской армии, упоминая о личных встречах с Александром I, великим князем Константином, М. И. Кутузовым, А. П. Ермоловым, М. Б. Барклаем-де-Толли, Н. И. Депрерадовичем, А. С. Фигнером, В. Г. Костенецким, о тяжелых испытаниях во время зимнего преследования французов (сам он едва не умер от «горячки» в январе 1813 г.), не опуская натуралистических и жестоких подробностей.

«При выходе нашем на большую дорогу, путь наш пересекся гвардейским егерским полком. Вдруг я вижу, что в рядах одного преспокойно идет себе один французский солдат с ружьем на плече. Он до такой степени был обезумевшим, что, конечно, полагал себя в тылу своих товарищей. Но тут заметил его один егерский солдат и, не говоря ни слова, прикладом ударил его по голове так, что тот без чувств упал на землю. Я стал строго за сие выговаривать ударившему, но тот с жестокостью возразил мне:

— Ваше Благородие! У меня не стало ни отца, ни матери от этих бестий; и другого утешения не имею, как не щадить ни одного из них; я поклялся перед Богом в этом» [Там же, с. 88].

В то время, когда Иван Степанович работал над своими «Записками», уже было издано и неоднократно переиздано знаменитое «Описание Отечественной войны в 1812 году» А. И. Михайловского-Данилевского (СПб., 1839)², поэтому не было нужды пространно говорить о событиях, описанных компетентным и красноречивым пером (Михайловский-Данилевский был адъ-

² В последующих изданиях, начиная с 1840 г., эта работа называлась «Описание Отечественной войны 1812 года».

ютантом Кутузова в 1812 г.). Жиркевич его работы знал и писал только о том, что могло их дополнить. Так, уточняя историка, Жиркевич приводит свой, более подробный вариант известного свидетельства о неформальном общении Кутузова с гвардейцами после успешных боев под Красным. В частности, фельдмаршал пересказал бойцам басню Крылова «Волк на псарне», написанную на злобу дня. Характерно, что Жиркевич снабдил свой рассказ ремаркой: «Эта сцена рассказана не вполне верно Данилевским в его “Истории войны 1812 года” со слов Ваксмута, бывшего в моей полуроте подпоручиком и находившегося тут же, вместе со мной. Здесь сцена эта описана с исторической верностью» [Там же, с. 86].

Михайловский-Данилевский привел указанный эпизод по рукописным воспоминаниям артиллериста гвардии А. Я. Ваксмута³ (впоследствии генерал-лейтенанта), причем не стремился к точности в передаче его рассказа:

«Фельдмаршал сказал: “Крылов сочинил басенку и рассказы-вает, как волк попал не в овчарню, а на псарню. Увидя беду, пустился он в переговоры и стал умолять о пощаде, но псарь сказал ему: “ты сер...” При сих словах князь Кутузов снял свою белую фуражку и, потрясая наклоненною головою, продолжал: а я, приятель, сед!” Воздух потряслся от восклицаний гвардии» [13, т. 4, с. 32].

В оригинале рассказа, опубликованном в начале XX в. В. И. Харкевичем, Ваксмут пишет: «Светлейший, видя себя окруженным несколькими тысячами воинов <...> сказал: “Кто-то в Петербурге написал басенку, что как-то волк попал не в овчарню, а на псарню, и, увидя свою беду, стал договариваться и умолять, чтобы его пощадили, но псарь сказал ему: “Ты сер, — при чем Светлейший снял свою белую фуражку, опустил ее к земле и, потрясая наклоненною головою, сказал: а я, приятель, сед, меня не проведешь”. Слова сии одушевили воинов, и воздух потрясся от единодушной радости и невольно вырвавшегося восторга» (23, вып. 2, с. 223–224).

В «Записках» Жиркевича эта сцена передана так: «...Вот послушайте, господа, какую мне прислал побасенку наш краснобай Крылов: собрался волк на псарню, псов потревожить. Войти-то он вошел, да вот как пришлось выбираться оттуда — давай за ум! Собаки на него стаей, а он в угол, ошетинился и говорит: “Что вы, друзья! За что это вы на меня? Я не враг вам. Пришел только посмотреть, что у вас делается, а вот сейчас и вон пойду”. Но тут по-

³ Сам Михайловский-Данилевский в это время лечился от тяжелого ранения, полученного в Тарутинском сражении.

доспел псарь, да и отвечает ему: “Нет, брат волчище, не проведешь тебе нас! Правда, ты, серый, умен, но и я, дружище, сед уже и не глупее тебя”. — Тут Кутузов снял шапку и рукой, кругом головы, показал седины свои. — “Не уберешься так легко отсюда, как пришел сюда!” — И пустил стаю псов на него, — прибавил он. Громкое “ура” повторилось вновь по войску!..» [8, с. 86].

Как видим, разница между свидетельствами Жиркевича, Ваксмута и Михайловского-Данилевского невелика — единственной значимой деталью можно считать то обстоятельство, что в «Записках» Жиркевича Кутузов пересказывает басню *прозой* и передает лишь общий ее смысл, тогда как Ваксмут и Михайловский-Данилевский ориентировались на общеизвестный стихотворный текст. И есть основания думать, что Жиркевич более точен в передаче этого эпизода, поскольку Кутузов пересказывал не хрестоматийную, а совсем еще свежую басню (опубликована 7 октября 1812 в «Сыне отечества»), причем сам Крылов прислал ее автограф жене Кутузова [12, т. 3, с. 422].

5

В 1814 г. Жиркевич участвовал во взятии Парижа союзными войсками, и здесь его боевой путь закончился. Последующие десять лет он продолжал служить в армии, и это были самые спокойные годы в его жизни. Более трех лет он прожил с семьей в Орле (1816–1819), командуя запасной артиллерийской ротой и живя размеренной провинциальной жизнью. Рота его хоть и считалась «батареистой», но не имела ни пушек, ни лошадей, ни сколько-нибудь приличного обмундирования, поэтому даже на маневрах с участием Александра I («когда он изволил проезжать через Орел») его солдаты «представляли, как на театре, статистов» [8, с. 174]. Он с удовольствием описывает местных чудаков и оригиналов — графов С. М. Каменского и Г. И. Чернышева, с которыми он был знаком, и эти страницы не лишены наблюдательности и занимательности.

В 1824 г. Жиркевич оставил строевую службу и поступил в Артиллерийский департамент. Вскоре он получил должность исполняющего обязанности начальника 1-го отделения, и с того времени начался его карьерный рост, а вместе с ним — и серьезные проблемы во взаимоотношениях с сослуживцами.

Деятельность Артиллерийского департамента он описывает как «хаос», с которым он пытался бороться своими силами, встречая на каждом шагу косность, казнокрадство, кумовство, круговую

поруку. Своих сослуживцев Жиркевич характеризует неизменно пристрастно, изображая их не только своими личными врагами, но и врагами государственных интересов. Особенно достается при этом его непосредственному начальнику, вице-директору департамента Ивану Григорьевичу Гогелю (видному специалисту в артиллерийском деле).

Более всего Жиркевич был обижен тем, что при вступлении на престол Николая I (декабрь 1825 г.), когда многие чиновники артиллерийского департамента получили награды и денежные премии, он и служащие его отделения не получили ничего. «Озлобленный сей явной и обидной несправедливостью, в пылу душевного негодования, я в тот же день написал рапорт Гогелю и послал его» [8, с. 229]. Желая выйти из-под начальства Гогеля и одновременно нанести максимальный урон его репутации, Жиркевич написал частное письмо главному артиллерийскому начальнику — Великому князю Михаилу Павловичу, носившему звание генерал-фельдцейхмейстера, по сути — *донос* на Гогеля (именно так он и был квалифицирован Великим князем), в котором он обличал пороки своего начальника и просил о переводе в Москву. Великий князь дело разобрал и дал свою резолюцию (передаем ее словами Жиркевича): «Я в подробности вникнул в дело и нашел: во-первых, что Жиркевич поступил весьма неосмотрительно и даже неосторожно, делая свои натяжные по делам суждения, как показано по прилагаемой выписке. Во-вторых, рапорт к вице-директору написан в неприличных выражениях, — но, с другой стороны, я нахожу, что Жиркевич был вынужден некоторым образом на такой поступок <...> вице-директору Гогелю делаю за все беспорядки строжайший выговор <...> Жиркевич с сим вместе назначается по его собственному желанию в Московское артиллерийское депо» [8, с. 240–241]. Как видим, Михаил Павлович отметил и натяжки фактов в обвинениях Жиркевича, и грубый тон его высказываний о своем начальнике, но в целом был на его стороне.

Вообще Жиркевич неоднократно доносил на своих личных врагов высокому начальству и откровенно сообщал об этом в «Записках». Во времена Николая I доноительство было столь заурядным делом, что этого не стыдились — многие даже рассматривали его как форму гражданской активности, особенно когда удавалось замаскировать личные мотивы заботой об интересах государства. Жиркевич в этом отношении (как и в некоторых других) представляет собой типичный пример.

Увольняя Жиркевича, Гогель выдал ему формуляр с десятью выговорами по службе и характеристику: «Деятелен без усер-

дия — сварлив» [8, с. 243]. Разумеется, Жиркевич счел это мстью бывшего начальника, но отзыв последнего довольно метко обрисовал нрав Жиркевича, и эту характеристику подтверждали впоследствии другие его начальники.

В довершение интриги генерал Гогель был смещен (1826), а Жиркевич продолжал расти, приобретая новые чины, новые назначения и новых врагов. В январе 1828 г. он стал полковником, а в конце апреля 1829 г. получил место помощника начальника («командира») Тульского оружейного завода.

Описание службы на знаменитом оружейном заводе в целом немногим отличается от описания службы Жиркевича в артиллерийском департаменте (за исключением имен начальников и технологических подробностей). Вновь он оказывается рыцарем без страха и упрека посреди моря беспорядков, казнокрадства, кумовства и круговой поруки. Главным его врагом на Тульском заводе предсказуемо стал его начальник — Евстафий Евстафьевич (Густав) Штаден, генерал-лейтенант (впоследствии — генерал от артиллерии), инспектор всех оружейных заводов, заслуженный военачальник и оружейник, чей портрет висит в Военной галерее Зимнего дворца. В портрете же, набросанном Жиркевичем, от заслуг Штадена не осталось ничего — это просто «хитрого ума человек, закоренелый черпатель в казенном собственном блага» [8, с. 262]. Штаден, конечно, был хитрее Гогеля, и вовлечь себя в рискованную интригу не дал, а вместо этого создал для Жиркевича условия, при которых тот вынужден был уйти по-хорошему.

9 декабря 1833 г. Жиркевич вышел в отставку в чине генерал-майора, мундиром и пенсионом в $\frac{3}{4}$ жалованья — 1666 р. в год⁴ [1, с. 354]. Штаден его не удерживал. «Ни гроша денег в кармане, долгу по распискам казначея до 2500 рублей и помощи ниоткуда в виду», — так оценивал Жиркевич свое материальное положение на тот момент [8, с. 279].

6

Понятно, что мемуары свои Иван Степанович писал в значительной мере для сведения личных счетов со своими начальниками и сослуживцами (в этой части «Записок» он весьма обстоятелен). Надо полагать, он рассчитывал таким образом повлиять на мнение потомства об этих людях, но проверить его утверждения мы по большей части не можем. Существенно дополнить мемуары

⁴ По справке РГВИА, подготовленной Е. В. Антоновой.

Жиркевича могла бы с этой стороны его переписка, но, к сожалению, она пока не найдена. Более того — известно, что эпистолярный архив Жиркевича был уничтожен его дочерью, Зинаидой Ган [Там же, с. 6]. Вполне вероятно, что в этих письмах было немало подробностей, компрометирующих его самого. Впрочем, высокий уровень коррупции в николаевское время хорошо известен (об этом много писала русская классическая литература), поэтому в целом свидетельства Жиркевича заслуживают доверия. Но, конечно, оценивая эту часть мемуаров, следует иметь в виду прежде всего его личные мотивы.

Обвиняя других, себя самого Иван Степанович неизменно характеризует как человека образцового в делах и безупречно честного в отношениях с людьми. Порой его стремление выставить себя в наилучшем виде доходит до комизма. Так, описывая с чужих слов исторический пожар в Туле 29 июня 1834 г., уничтоживший центр города и «весь оружейный завод» (уже после того, как он лишился должности заместителя начальника Тульского оружейного завода и уехал из Тулы), он подробно пишет, как *бы надо было* тушить пожар, винит в потере заводского имущества своих бывших начальников (Е. Е. Штадена и А. Б. Философова) и уверяет, что при нем «завод был бы цел» [Там же, с. 282].

Единственный свой порок, который Жиркевич признает фактически, — не раз упоминая о нем, — это привычка залезать в долги. В частности, он пишет, что «многим оружейникам состоял должным по распискам и векселям» [Там же, с. 280]. Об этой его привычке многие знали, и она вредила его репутации (тот же Штаден напоследок ослабил его как банкрота). И даже служа впоследствии в генеральских должностях, Жиркевич всё время жаловался на свою крайнюю нужду и продолжал занимать большие суммы денег. Так, состоя в должности Симбирского губернатора, Жиркевич взял в займы две тысячи рублей («для отсылки жене») у своего заместителя (вице-губернатора И. Д. Огнева), что можно расценить как использование служебного положения в личных целях. И в это же самое время он якобы — по его словам — отказался взять деньги у богатого откупщика Д. Е. Бенардаки⁵, когда тот, прослышав о его долгах, предлагал ему наедине «от души пособие» (совершенно в духе гоголевского «Ревизора»), ссылаясь на давнюю

⁵ Дмитрий Егорович Бенардаки (1799–1870) послужил прототипом преуспевающего помещика Костанжогло и добродетельного откупщика Муразова из второго тома «Мертвых душ» [6, т. 5, с. 640–641].

традицию губернских предпринимателей — часть прибыли «уделять начальству» [Там же, с. 327].

Эти факты до некоторой степени разрушают популярную легенду (повторяемую обычно со слов Э. И. Стогова) о «бескорыстии» Жиркевича [см.: 10, 11, 21, 22]. Иван Степанович очень любил деньги и продолжал служить после отставки главным образом ради денег, хотя генеральской пенсии ему хватило бы для безбедной (хотя и не слишком роскошной) жизни. Характерно, что перед каждым новым назначением Иван Степанович пунктуально выяснял сумму будущего жалования, выставлял свои условия и получал бонусы. Он всегда завидовал тем, кто умел жить на широкую ногу, и, видимо, пытался им подражать, поэтому ему всегда не хватало средств.

7

24 ноября 1834 г. Жиркевич поступил на гражданскую службу в Министерство внутренних дел (под начальство Д. Н. Блудова) в чине действительного статского советника, а уже 5 марта 1835 года получил первое из двух важнейших назначений своей жизни — был назначен гражданским губернатором Симбирска. Тогда же он впервые имел случай говорить с Николаем I и был им очарован: «Выйдя из кабинета, я чувствовал, что не было такой жертвы, которую я не был бы в готовности принести для исполнения священной воли его» [8, с. 300].

Жиркевич принадлежал к тому типу людей, у которых самооценка и отношение к окружающим напрямую зависят от чина, который они носят, и должности, которую они занимают. Назначение губернатором и разговор с царем преобразили его — он приехал в Симбирск с полным сознанием исключительности своего положения, ощущая себя полномочным наместником монарха, наделенным неограниченной властью во вверенной ему части Империи. «...Государь лично удостоил меня указанием важности занимаемого мною поста, да и самое название, которое я ношу, — “начальника губернии” — имеет уже вес в глазах моих!» [Там же, с. 338]. Он помнил о своем разговоре с царем всегда, часто напоминал об этом другим и ни с кем в губернии не желал общаться вне субординации. И, конечно, сразу же нажил себе врагов, даже не подозревая, что среди них могут быть опасные для него и даже не подчиненные ему по закону лица.

Немало страниц симбирской части «Записок» Жиркевич посвятил изложению подробностей своего конфликта с управляю-

|| 78 ||

щим удельной конторы Андреем Васильевичем Бестужевым⁶ — влиятельным чиновником, первое же знакомство с которым стало поводом для крупного скандала с последствиями. Жиркевич был возмущен «неприличием» внешнего вида Бестужева, когда тот явился к нему представляться в черном фраке, тогда как он сам был убежден априори, что тот был обязан представиться ему в мундире. Фрак на чиновнике губернатор воспринял как «дерзость», разглядев даже «вытертые и облезлые пуговицы», а в ходе общения с Бестужевым усмотрел и «нахальство». Разговор об удельных крестьянах закончился начальственным криком Жиркевича и угрозами: «Знайте, что я не унижу себя принятием ваших на себя обязанностей, но сейчас же вас отрешу и с жандармом прямо отправлю в Петербург при донесении моем Государю, а вас заменю другим чиновником» [Там же, с. 312]. Жиркевич в этом случае либо блефовал, либо просто не знал, что такой властью по отношению к чиновнику удельного ведомства (т. е. Министерства императорского двора и уделов) он не обладал. Но угрозы подействовали. Бестужев был напуган, извинялся, признал в Жиркевиче «хозяина здешней губернии» и даже «отчасти» был готов признать в нем и своего начальника, но происшествие так не оставил, и вскоре поведение Жиркевича обсуждали не только в Симбирске, но и в Петербурге.

Позднее, начальствуя в Витебске, Жиркевич со многими «нужными» людьми испортил отношения подобным образом, усматривая «дерзость» в тех или иных деталях их поведения. Это говорит о том, что щепетильность в делах чести у него легко переходила в мелочность, склонность и самодурство.

Уже в мае 1835 г. в Симбирск приехал с ревизией граф Лев Алексеевич Перовский, сенатор и вице-президент (заместитель министра) Департамента уделов (впоследствии — министр внутренних дел и министр уделов). Он вступился за своего подчиненного и сделал Жиркевичу строгое внушение, касающееся его полномочий, объяснив, — со ссылкой на Свод Законов, — неумеренность его требований к чиновнику Министерства императорского двора: «...ни удельная контора, ни управляющий оной не состоят по распоряжениям своим ни у какого губернского начальства, но во всем относят в удельный департамент, в ведомстве которого непосредственно состоят, и только от него одного получают свои предписания» [Там же, с. 337].

⁶ Он был братом Григория Васильевича Бестужева, предводителя симбирского дворянства в 1835–1840 гг.

Разговор с графом Перовским у Жиркевича тоже получился жарким, и он до последнего, по-своему толкуя закон, стоял на своем: все губернские чиновники «подчиняются начальнику губернии!». В этом случае, судя по описанию разговора в «Записках» (подробности опускаем), можно сказать, что Жиркевич вел себя дерзко, пытаюсь стоять на равной ноге с высокопоставленным чиновником и приближенным Николая I (хотя вполне возможно, что подробности эти вымышлены). По крайней мере, несдержанность Жиркевича передана им самим достоверно, и Перовский должен был ее почувствовать. Как сказал Жиркевичу однажды А. В. Бестужев (умело его провоцировавший): «Заговори с вами о деле несогласно с вашим мнением, вы тотчас распутишитесь!» [Там же, с. 393].

В вопросе же о форме служебной одежды Жиркевич был непреклонен, и когда Перовский сделал ему замечание, что он не имеет права требовать от чиновника Министерства уделов, чтобы тот являлся к нему всегда в мундире, вспыхнул: «...с г. Бестужевым во фраке я не хочу иметь ни дела, ни знакомства, ибо последним я его не удостоиваю!»⁷ [Там же, с. 338].

Произносил Жиркевич эти слова в действительности или только думал, что произносил, несомненно одно: форме и формальностям всякого рода он придавал очень большое значение, а стремление облачить всех в мундиры было его идеей фикс. Удельные чиновники его особенно раздражали тем, что предпочитали более свободную одежду, нежели мундир. В другом месте, рассказывая, как он умирал волнения татар-лашманов⁸, Жиркевич приводит такой диалог с незнакомым ему человеком «в синем сюртуке», которого он заметил в волостной избе:

— Писарь головы? — спросил я.

— Нет! Удельный чиновник.

— Зачем без мундира?

— У нас не положено, чтобы мы были в мундирах при исполнении дел наших, по имениям.

— Вон отсюда, — вскричал я, — если не имеете мундира!..

⁷ В 1878 г. «Русская старина», в которой публиковались «Записки» Жиркевича, была вынуждена поместить заметку некоего В. А. Бестужева (вероятно, сына А. В. Бестужева), который называл главу «Записок», в которой речь шла о его родственнике, «лживой статье», «плодом личного чувства неприязни и озлобления против А. В. Бестужева», неправдой и «клеветой» [2, с. 159].

⁸ Лашманами со времен Петра I называли татар, принудительно использовавшихся на тяжелых работах.

Спустя пять минут Жиркевич встретил того же чиновника уже в мундире, но всё же не мог успокоиться «и с сердцем закричал»:

— Не это бунтовщики! А тот, кто не уважает начальство, служба сам Государю! Тебя первого надо повесить на воротах, в пример им! А с ними я управлюсь немедленно! [Там же, с. 379].

Нет сомнения, что Жиркевич был человек тяжелый, и его недостатки усугублялись отсутствием у него самокритики. Он постоянно винил в своих неудачах других, а себя упрекал лишь в том, что был недостаточно строг с подчиненными. Неудивительно, что все старались обходить его стороной.

8

Одним из немногих, кто находил в Жиркевиче положительные качества во время его губернаторства в Симбирске, был жан-дармский майор (впоследствии полковник) Эразм Стогов, дед Анны Ахматовой по матери. После публикации в 1870-х гг. в «Русской старине» части «Записок» Жиркевича Э. И. Стогов, также владевший даром рассказчика, написал свои воспоминания (там же они были напечатаны), в которых охарактеризовал Жиркевича объективно и даже сочувственно. «...Я вполне почитал этого честнейшего человека, мы были очень дружны. Порок неисправимый губил Ивана Степановича — он был слишком прям и чрез меру горяч, когда видел нечестное дело», — писал он издателю «Русской старины» 2 февраля 1878 г. [21, с. 316].

По словам Стогова, Жиркевич появился в Симбирске внезапно и сразу погрузился в служебные дела. Первое впечатление от общения с ним было неопределенное: заметна была лишь военная выправка. Попытки Стогова установить с ним эмоциональный контакт результата не дали: «Я попробовал сказать шутку — он не слышал; я хотел заинтересовать его серьезным — не обратил внимания» [22, с. 129]. Об этой первой встрече Жиркевич сообщает в своих «Записках» так же сухо, отметив, однако, пользу от разговора: «...явился и г-н майор Э. И. Стогов. Сей последний доставил мне в разговоре по крайней мере некоторые сведения, которые указали мне путь к моим дальнейшим действиям» [8, с. 313].

Сам Жиркевич сознавал, что он холоден, сух и резок, но не считал эти качества своими недостатками — напротив, он видел в них признаки своей жизненной опытности: «В частном обращении моем, как губернатор, я не позволял себе ни с кем и ни-

какой фамильярности. <...>О делах и об начальниках моих никогда и ни с кем не разговаривал, кроме тех лиц, до которых те дела относились. Если встречал кого-либо из молодых людей, по легкомыслию начинавших иногда знакомство (выражусь откровенно): *нахальством*, останавливал на первом шагу холодностью и сухим приемом, а в случае настойчивости резко и даже повелительно останавливал, невзирая ни на род, ни на состояние» [Там же, с. 351].

Воспринимая всякое возражение как «нахальство», Жиркевич был несдержан и груб. Он часто прибегал к угрозам, а порой и к рукоприкладству. Об этом пишет Стогов, не скрывает этого и сам Жиркевич. Однажды он силой вышвырнул из кабинета архитектора, превысившего смету, во всеулышание назвав его «мошенником», «вором» и «подлецом». За архитектора вступился местный предводитель дворянства Григорий Бестужев:

«— Если так будете поступать с дворянами, то к вам придут все дворяне!

— Я прикажу баталиону выгнать их!» [22, с. 131].

Будучи Витебским губернатором, он подобным же образом обошелся с себежским почтмейстером, который не явился к нему по первому требованию — «неприлично» его обзывал и угрожал. Жиркевич этого не скрывает: «...я разгорячился <...> сказал, что я не люблю шутить и что я, привязав его к колесу моего экипажа, довезу его до Витебска, там посажу на гауптвахту и предам суду» [8, с. 465]. Почтмейстер пожаловался на Жиркевича большим начальникам, жалобу засвидетельствовал уездный предводитель дворянства, и вскоре о выходе губернатора узнали и генерал-губернатор П. Н. Дьяков, и главный начальник почтового департамента А. Н. Голицын. Последний тоже вступился за своего подчиненного и сделал Жиркевичу официальное замечание, указав на недопустимость «неприличных выражений» в отношении чиновников его ведомства [Там же, с. 474].

С простым народом Жиркевич не церемонился вовсе, требуя лишь одного — беспрекословного подчинения, как о том свидетельствует описанная им история усмирения лашманов («Все шапки долой и на колени!») и еще более драматичная история принуждения к присяге крестьян Витебской губернии (на этом подробней остановимся ниже). В нем всегда давали себя знать традиции «палочной» дисциплины аракчеевских времен.

«Честный и ретиво-трудолюбивый Жиркевич не мог понравиться симбирскому дворянству, которое было гордо, богато, независимо и дружно. Дворяне привыкли видеть в губернаторе члена общества, не мешая ему быть губернатором. Жиркевич не мог отделиться от службы; как он для общества, так и оно для него не существовали» [22, с. 132]. Даже Стогов, относившийся к нему с пониманием, был от него далек: «Жиркевича полюбить очень трудно <...> Жиркевич был ходячий закон. Узнавши его, я готов был поклоняться ему, но, к сожалению, видел, что он не по дому пришелся в Симбирске. Мои сношения с ним были прекрасны, но сухи и немного скучны» [Там же, с. 130].

Впрочем, у Стогова не было серьезных размолвок с этим губернатором (Жиркевич о них наверняка сообщил бы). Надо полагать, брутального вида жандарм, бывший флотский офицер, пришлось Жиркевичу по душе, тем более что его не надо было заставлять носить мундир. В «Записках» Иван Степанович отзывается о нем положительно и в то же время лаконично — судя по всему, он не видел в нем ни друга, ни врага.

Зато Жиркевич много пишет про другого губернского жандарма — подполковника Карла Яковлевича Флиге (впоследствии — генерал-майора), «командированного по удельной части», с которым у него были такие же враждебные отношения, как с Андреем Бестужевым. Мы уже видели, что к служащим удельного ведомства Жиркевич испытывал особую неприязнь, поскольку те находились под покровительством самого Императора, чувствовали себя уверенно и позволяли себе некоторые вольности. А Флиге напрямую подчинялся шефу жандармов и главному начальнику Третьего отделения А. Х. Бенкендорфу. По отношению к Жиркевичу Флиге держался независимо, на сухость отвечал сухостью, вел с ним изнурительную служебную переписку, в которой сообщал о нерасторопности чиновников, неисправности мостов и дорог (что Жиркевич воспринимал как превышение жандармских полномочий) и даже позволял себе являться к губернатору в *сюртуке*, хорошо зная, какое значение тот придавал формальностям. Всё это скоро завело их служебные отношения в тупик — Жиркевич объявил, что не обязан отчитываться перед офицером «внутренней стражи», а Флиге (в свою очередь обиженный тем, что губернатор приравнял его к полицейскому) объявил, что впредь будет иметь дела только со своим начальником — графом Бенкендорфом. Как и в случае с Бестужевым, оба писали друг на друга доносы в Петербург и умножали городские слухи, причем Жиркевич в своих

жалобах А. Х. Бенкендорфу и министру внутренних дел Д. Н. Блудову не забывал сообщить о том, что жандармский офицер Флиге являлся к нему «в сюртуке».

10

Может сложиться впечатление, что Жиркевич был формалист и сухарь до такой степени, что всё человеческое ему было чуждо. Однако его воспоминания рисуют нам более сложный характер. Рассказывая о своей молодости, он охотно приводит курьезные эпизоды, из которых видно, что он был способен и веселиться, как другие офицеры, и увлекаться страстями до забвения служебного долга. Так, в 1806 г., временно исполняя должность казначея, он проиграл в карты более шестисот рублей солдатских наградных денег некоему поручику Салдину, и спасло его от разжалования и сурового наказания лишь доброе расположение к нему начальника (генерал-майора И. Ф. Касперского), который велел покрыть растрату из жалования, выплачиваемого Жиркевичу. «Но, увы, проигранные 600 рублей расстроили меня до того, что до последнего времени я был в беспрестанной нужде и часто даже не находил средства показаться в люди» [8, с. 30].

Положительно характеризует Жиркевича его семья. Он был человек, в полном смысле слова обеспечивший себе «прочный тыл» — у него была любимая жена и пятеро детей (до взрослых лет дожили двое — дочь Зинаида и сын Владимир). История его женитьбы принадлежит к числу немногих трогательных страниц его «Записок». Так, он рассказывает, как летом 1812 года, выполняя опасное задание в составе отряда генерала Н. И. Депрерадовича, он отпросился на свой страх и риск, чтобы повидаться с невестой, жившей недалеко от Смоленска, и предупредить ее о приближении французов.

Невеста его, Александра Ивановна Лаптева, была бедна и вдобавок больна туберкулезом в открытой форме («сильное кровохаркание»), так что врачи не давали ей больших шансов на жизнь, и даже ее мать отговаривала Ивана Степановича от женитьбы. Но он страстно любил свою невесту и видел себя только с ней. 2 мая 1815 г. они обвенчались. «Невзирая на крутость этой свадьбы, на бедность наших средств, ибо, чтобы заплатить священнику и причетникам за венец, я взял у Фролова 30 рублей, а за невестой три старых платья, вот уже тридцать два года, как я пользуюсь совершенным семейным счастьем и моим детям не желаю лучшей участи» [Там же, с. 162]. Впоследствии жена его

выздоровела и умерла в один год с ним (пережив Ивана Степановича на шесть недель).

Что же касается Жиркевича-губернатора, то репутация его в Симбирске была скорее отрицательной (хоть он и не признавал этого), а в Петербурге неоднозначной. Царю импонировали до поры его военные замашки, но в то же время он понимал, что умственный горизонт Жиркевича довольно узок, и одной строгостью проблемы губернии решить нельзя.

12 августа 1836 г. Жиркевич получил частное письмо своего патрона Д. Н. Блудова с извещением, что государь назначает его Витебским губернатором. Несмотря на то, что письмо это Жиркевич никому не показывал, слух о его смещении тотчас распространился в Симбирске (через Бестужева, имевшего своих информаторов в Петербурге). К тому времени Иван Степанович уже так устал от местных интриг, доносов и скандалов, что сам хотел оставить спокойную должность (следующая оказалась еще более хлопотной). На посту симбирского губернатора он продержался чуть больше года.

11

22 августа 1836 г. Николай I проездом посетил Симбирск, предупредив о своем визите заранее и, вероятно, рассчитывая, что к его приезду местные власти что-нибудь сделают для благоустройства города. Царь объезжал Симбирск вместе с Жиркевичем, для чего был предложен тарантас (удививший императора своим видом и названием), в числе прочего посетил бесполезную пристань, к которой не было проезда из-за крутизны берега и разбитых дорог, по пути излагая тут же рождавшийся проект преобразования города (ни к чему не обязывавший лично Жиркевича, поскольку он к тому времени уже сдал дела вице-губернатору). В частности, царь «указал, что можно устроить трехъярусную набережную к берегу до самой пристани и соединить одну с другой прекрасными отлогими спусками», призвать местное дворянство скупить лучшие места с видом на Волгу, снести портящие вид лачуги «низшего разряда народа» и т. д. [8, с. 414]. Полет мысли государя, о котором Пушкин сказал, что в нем «много от прапорщика и немного от Петра Великого» [17, т. 8, с. 39], остановился на непроезжей дороге, которую объехать можно было только по крутой горе. С трудом одолев подъем (для чего обоим пришлось выйти из тарантаса), царь «написал 12 пунктов для проектов», вручив эту записку молодому инженерному поручику А. А. Варенцову. Под

конец поездки по Симбирску царь и бывший губернатор были усыпаны пылью «с головы до ног».

Несмотря на это, царь был весел, обсуждал с Жиркевичем хорошеньких женщин, встречавшихся по дороге, обедал в губернаторском доме, назвал поданную к обеду огромную стерлядь «уродом» (на что Жиркевич скромно заметил: «это местный продукт»), пожаловал его чином генерал-майора и велел постоянно носить военный мундир в Витебске. «Там тебе этот мундир пригодится, беспорядки так велики, что их непременно надо истребить» [8, с. 474]. А Стогов, находившийся в тот день поблизости, сообщает такой любопытный факт: когда Николай I спросил местных дворян, кого они считают «лучшим и любимым губернатором», «все в один голос» воскликнули: «Жмакин!»⁹. «Государь обернулся к Бенкендорфу и сказал:

— Вот видишь, граф Александр, можно быть взяточником и любимым» [22, с. 148].

Жиркевич знал А. Я. Жмакина (тот давал ему инструкции перед отъездом в Симбирск) и не мог не позавидовать ему в ту минуту. Впрочем, он всегда был высокого о себе мнения и, конечно, этих слов Николая I не запомнил, а вспоминал совсем иное: как утром того же дня он принял в своем доме «симбирское дворянство в полном составе своем» — более ста человек, явившихся его благодарить за все его попечения о Симбирской губернии и выразить сожаление об «утрате такого благородного и почтенного начальника», а губернский предводитель дворянства Г. В. Бестужев (брат его врага А. В. Бестужева) якобы дал прощальный обед в честь Жиркевича и пил за его здоровье, *целуя его в плечо* [8, с. 398, 420].

Без сомнения, в воспоминаниях Стогова и Жиркевича много сочиненного (как почти во всех мемуарах), и кто более точен в последнем случае, пока сказать невозможно. Стогов много заботился о занимательности своих воспоминаний и к тому же писал их через сорок с лишним лет после визита Николая I в Симбирск, а Жиркевич писал свои через десять лет (что тоже немало) и всегда старался выставить себя в лучшем свете. Во всяком случае, когда царь говорит Жиркевичу: «Спокойствием в здешней губернии я одному тебе обязан <...> Мерзавец Бестужев взволновал лашман, а ты их успокоил...» [8, с. 400], мы вправе думать, что царь (т. е. персонаж «Записок») озвучивает здесь мысли самого Жиркевича.

⁹ Жмакин Александр Яковлевич (1780–1850), тайный советник, губернатор Симбирска в 1826–1831 гг.

Впрочем, последний признает, что многое царю не понравилось — он нашел безобразной архитектуру Симбирска, обнаружил сырость в остроге, грязь в больнице и даже в губернаторском доме: «У тебя огромное здесь помещение, настоящий дворец, но не может похвалиться чистотой» [8, с. 418].

Бедность населения, взяточничество чиновников, волнения «инородцев», малолюдность главного города (ок. 16 тыс. чел. в 1836 г.), уродливые постройки, бездорожье даже летом, отсутствие удобного спуска к Волге — такова была реальность русской провинции, которую не могли скрыть наспех побеленные дворянские дома. На обратном пути (под Чембаром) царь сломал себе ключицу «по случаю опрокинутия экипажа» [8, с. 420] и был вынужден остановиться на несколько недель для восстановления.

После визита Николая I в облик Симбирска, действительно, были произведены некоторые улучшения, хотя и не сразу: через десять лет было выстроено здание Дворянского собрания и возле него разбит сад, названный в честь государя Николаевским (1846), а в конце его правления был сооружен пологий, широкий, удобный для транспорта Петропавловский спуск к Волге (1851–1853). Но лачуги бедноты на косогоре и крутые деревянные лестницы еще многие годы оставались частью привычного симбирского ландшафта.

Вслед за государем покинул Симбирск и Жиркевич. «Как приехал он невидимкою, так незаметно и уехал», — пишет Стогов [22, с. 151].

Утром 21 сентября 1836 г. Жиркевич прибыл в Витебск и приступил на новую губернаторскую должность.

Витебская губерния считалась неблагополучной. Во-первых, она слыла одной из беднейших в Российской империи, и частые неурожаи были причиной недоимок, переходивших из года в год; во-вторых, она была известна сложными межконфессиональными отношениями; в-третьих, она входила в черту оседлости евреев, которых царское правительство рассматривало как чуждый элемент. Витебские помещики, среди которых было много поляков (другой проблемный элемент в Российской империи) по большей части были католиками, а крестьяне (в массе своей белорусы) принадлежали к униатам. Как отмечают современные белорусские источники, во второй половине XVIII в. униатство было «самой массовой конфессией в Белоруссии», где до раздела Польши «до

80% сельского населения были униатами <...> Это была вера социальных низов» [26, т. 3, с. 302–303].

В 1827 г. николаевское правительство взяло курс на ликвидацию униатской церкви в Западном крае и присоединение униатов к православию. Вопрос этот был политическим, имевшим целью культурную ассимиляцию местного населения, связанного религиозной традицией с польским периодом истории Белоруссии и Западной Украины. Но решение этого вопроса было непростым — разным чиновным и духовным лицам оно виделось по-разному.

С первых дней пребывания на губернаторском посту Иван Степанович подробно расспрашивал компетентных местных чиновников и быстро вникнул в проблемы губернии. При этом он, как всегда, не допускал панибратства, ограничиваясь рамками служебного общения, чем опять же вызвал недовольство многих — в частности, преосвященного Смарагда (А. П. Крыжановского, епископа Полоцкого и Витебского, с июня 1836 г. архиепископа). Тот претендовал на роль духовного лидера в деле присоединения униатов и стремился установить с Жиркевичем неформальный контакт, дабы иметь на него влияние. Это не входило в расчеты Жиркевича, ценившего самостоятельность в служебных делах, поэтому отношения с епископом Смарагдом у него сразу не сложились. Жиркевич видел в нем интригана, а тот жаловался влиятельным лицам, что губернатор со священниками обращается, «как с солдатами» и говорит им «разные грубости». Действительно, Жиркевич много пишет о своих конфликтах с витебским духовенством — ему постоянно казалось, что священники оказывают ему неуважение, и он требовал от них беспрекословного подчинения своим распоряжениям. Так, сразу по приезду он заставил одного священника (да так, что тот валялся у него в ногах, вымаливая прощение) совершать отдельные службы в его, губернаторском доме (тогда как его предшественники посещали службы в соборной церкви).

Нужно отметить, что амбициозность Смарагда, резкость его манер и склонность к интригам раздражали не одного Жиркевича. В частности, существовали значительные разногласия в тактике присоединения униатов между Смарагдом и епископом Литовской греко-униатской епархии Иосифом (Семашко). В то время, как Смарагд выступал за частные «присоединения» (постепенное поглощение униатских приходов), Иосиф — агент православия в униатской среде, ставший впоследствии членом Синода (1847) и митрополитом (1852) — готовил почву для перехода всей унии в православие.

Как писал историк воссоединения двух церквей прот. Г. И. Шавельский, «в одной Белорусской епархии пр<еосвященным> Смарагдом в 1833–1837 годах было отнято 94 прихода с 96 тысячами прихожан» [24, с. 378]. Сама процедура «присоединения» по методике Смарагда-Крыжановского не занимала много времени: униатов собирали в местных церквях, допускали к лобызанию креста и объявляли им, что они теперь православные, предупредив, что за отступление они «строго постраждут» [8, с. 484]. И было немало случаев, когда людей сажали в тюрьму за отступничество. «Острог наполнялся отступниками, и не проходило дня без следствий и передачи дел к судебному рассмотрению», — пишет Жиркевич [8, с. 484]. Так, в Лепеле несколько человек мещан были «присоединены» без их ведома (когда те находились в отъезде), а после их заточили в местный острог по донесению Смарагда, поскольку те продолжали считать себя униатами. Когда же арестованные подали жалобу на Смарагда губернскому начальству, имея доказательства, что их присоединили заочно, дело уладили тем, что в Лепель был прислан некий чиновник, который «угрозой и убеждениями» вынудил просителей дать свое согласие на «присоединение» [Там же]. В итоге Смарагд был отстранен от управления Полоцкой епархией и в июне 1837 г. переведен в Могилев (впоследствии он сменил еще несколько епархий).

Примечательно, что епископ Иосиф (Семашко) в своем дневнике отзывался о Жиркевиче положительно: «Был у губернатора — человек порядочный, он действует собственной головою» (Журнал, 8 июня 1837 г.) [20, т. 2, с. 46]. Однако положение униатов в Витебской губернии Иосиф нашел удручающим. 12 июня 1837 г. он докладывал обер-прокурору Священного Синода графу Н. А. Протасову в конфиденциальном письме: «С одной стороны, православные, по духу самой принятой здесь системы, действовали против униатов как враги» — лишая их «приходов, а по большей части и личной собственности»; «с другой стороны, гражданское белорусское начальство обращало единственно внимание, чтобы способствовать системе православного духовенства, а не доставляло нужного содействия мерам, принимаемым по униатской части» [Там же, с. 8].

Сам Жиркевич о своих контактах с Иосифом ничего не сообщает (по-видимому, они были единичны), зато подробно пишет о своем конфликте с протоиереем Ремезовым, которому тоже не нравилось стремление нового губернатора командовать священниками, а тот видел в нем «дерзкого попа» (ссора с ним вылилась в серию жалоб с обеих сторон). Как писал историк церкви прот.

Г. И. Шавельский, «Жиркевич был человек высокомерный, вспыльчивый и грубый. Он изругал витебского протоиерея Ремезова за то только, что последний опоздал на 5 минут явиться, чтобы показать ему витебскую базилианскую церковь; в другой раз он грубо оскорбил соборного священника Рабчевского» [24, с. 234]. Вообще в «Записках» много говорится о столкновениях Жиркевича со священнослужителями в пору его губернаторства в Витебске. И что характерно, сам он всегда считал себя человеком благочестивым.

Предсказуемо не сложились отношения Жиркевича и со своим непосредственным начальником — генерал-губернатором П. Н. Дьяковым, назначенным на этот пост одновременно с ним (1836). Дьяков начинал службу в лейб-гвардейском гусарском полку, тоже участвовал в войнах с Наполеоном, имел боевые заслуги и ранения, был близок к Николаю I, носил чин генерал-адъютанта и руководил тремя губерниями сразу — Смоленской, Витебской и Могилевской. Взаимная неприязнь между ним и Жиркевичем имела фатальное влияние на служебную карьеру и судьбу последнего (о чем скажем ниже). Как всегда, у Жиркевича было больше врагов, чем друзей.

Характер И. С. Жиркевича на посту Витебского губернатора ярко обрисован им самим в рассказе о подавлении крестьянских волнений в Яновольской волости (Люцинского уезда Витебской губ.)¹⁰. Согласно архивным разысканиям Андрея Репина, в XVIII в. польский король пожаловал Ивану Борху имение Яноволь, а после раздела Польши и смерти графа Борха его крестьяне перешли в ведомство казенной палаты. Наследники же Борха числились арендаторами государственного имения. Такое положение устраивало крестьян, пользовавшихся некоторыми свободами, но в 1831 г. Борхи, имевшие влияние в губернии и в столице¹¹, добились признания имения своей вотчиной. Крестьяне были единодушны в своем нежелании становиться помещичьими крестьянами и написали целый ряд жалоб на тогдашнего помещика Иосифа Борха [18, эл. публикация].

¹⁰ Ныне Бригская волость в составе Лудзенского края Латвии.

¹¹ Члены этого графского семейства неоднократно были предводителями дворянства Витебской губернии — до и после описанных событий. Так, в 1838–1843 гг. предводителем Витебского дворянства был Карл Михайлович Борх.

Как пишет сам Жиркевич, после смерти помещика крестьяне, переведенные в ведомство казенной палаты, отказались совершать обряд присяги, повторяя общую для них мысль, что «они теперь вольные, а когда присягнут, опять сделаются помещичьими» [8, с. 430]. Упорство крестьян было столь велико, что уговоры бывшего губернатора Н. И. Шредера и его временного преемника Домбровского не возымели действия, так что в начале сентября 1836 г. в Яноволь был прислан батальон пехоты. Но даже это не отрезвило крестьян. Незадолго до приезда в Витебск Жиркевича «человек около трехсот бунтующих» ворвались в квартиру Домбровского, и тот был спасен от расправы только находившейся поблизости ротой солдат. После подавления беспорядков 78 человек были отданы под суд, но, по словам Домбровского, следовало «отдать под суд решительно всю волость, ибо ни один крестьянин повиноваться не намерен» [Там же]. В этих сложных обстоятельствах И. С. Жиркевич, едва вступивший в должность губернатора, повел себя решительно (как наказывал ему царь) и сам отправился в мятежную волость, предварительно посоветовавшись с Дьяковым, скольких крестьян он может *выпороть единоновременно*, не нарушая закон.

Прибыв в Яноволь «8 или 9 октября» 1836 г., Жиркевич прежде всего постарался запугать местных жителей, окружив их цепью солдат и расхаживая перед ними с большой свитой; он выдергивал из толпы за шиворот тех, кто осмеливался стоять перед ним в шапке или что-то выкрикивать, веля наказывать ослушников розгами либо плетью. Одного крестьянина, надевшего при нем шапку, трижды секли плетью, пока он не дал обещание «всегда ходить без шапки» перед всяким начальником [Там же, с. 458].

Затем Жиркевич распорядился судьбой арестованных, приказав пятерых активных участников беспорядков, названных Домбровским, заковать в кандалы и судить в тот же день военным судом, а остальных распустить по домам. После этого он стал решать главную задачу — *принуждать* крестьян к присяге (характерно, что даже в этом случае обряд присяги он расценивал как «священнодействие»). Стремясь расколоть мятежную массу, он вызвал из деревни небольшую часть домохозяев (37 человек), поставил их в две шеренги, и потребовал от них немедленного согласия, угрожая судом тем, кто откажется присягать.

Несмотря на внушительный вид и угрозы Жиркевича, крестьяне не выглядели запуганными, и первый же вызванный по списку стал отвечать уклончиво. Тогда Жиркевич «приказал подать розги и велел наказывать его просто за упрямство». Получив

«с пятьдесят» ударов, крестьянин запросил о пощаде, но на требование Жиркевича отвечать прямо, «опять стал ссылаться на согласие других». После того как его высекли *четыре раза*, крестьянин был вынужден сказать «да». «Тут один из стоявших во второй шеренге закричал:

— Плетьюми и розгами каждого можно заставить делать, что хочешь!

Я вызвал выскочку вперед и тут же приказал сечь его» [Там же, с. 461].

Когда же «выскочка» был наказан и был спрошен в свой черед, будет ли он присягать, «он приосанясь, громко закричал:

— Кладите голову на плаху, — присягать не хочу и не стану!

Нисколько не возвышая голоса, я обратился к исправнику:

— Прикажите заковать бунтовщика, обрить ему голову и сию же минуту отвести его к суду, как отвели уже прежде семерых» [Там же].

Принудив таким образом к покорности остальных, Жиркевич велел принести аналой, крест, Евангелие и поручил священнику объяснить крестьянам всю важность присяги. «Священник, едва еще опомнившийся от пьянства, смешался, оробел, и я принял на себя то, что поручал ему» [Там же, с. 462].

На другой день Жиркевич велел привести к нему остальную массу домохозяев и уже не встретил в них сопротивления. «...Из восьми виновных, моему сопротивнику я просил определить наказание шпицрутенами через 1000 человек, четырех еще через 500 человек каждого, первого и трех старичков, за летами не подверженных телесному наказанию, сослать в Сибирь на поселение» [Там же, с. 462–463].

В тот же день Жиркевич велел «наказать больно розгами» шестерых мужиков соседней волости Нерза («где тоже поговаривали о возмущении») за то, что они явились без приказания — «из любопытства одного» — посмотреть на расправу [Там же, с. 463]. Кончилось тем, что старшины были избраны и присягнули, «священник отслужил благодарственный молебен, с коленопреклонением, и окропил всех святой водой» [Там же].

Нагнав страху на всех, Жиркевич построил батальон солдат на площади, яновольских крестьян тоже поставил в две шеренги и в их присутствии объявил исправнику и администратору имения «строжайшее приказание: 1-го и 15-го числа каждого месяца доносить» обо всех происшествиях в волости, «не скрывая ни одного слушания, даже десятскому, с обещанием при первой оказии приехать лично для расправы» [Там же, с. 464].

История принуждения яновольских крестьян к присяге имела еще более драматичное продолжение. После отставки Жиркевича (1838) крестьяне воспряли духом и возобновили жалобы на своего помещика. Им даже удалось обратиться с петицией лично к Николаю I, когда тот проезжал по почтовому тракту в Полоцк летом 1840 г. Царь петицию взял, однако велел арестовать крестьянина Никиту Парфенова, подавшего петицию, посчитав его зачинщиком «бунта», и отправил в полоцкий острог.

16 марта 1841 г. крестьяне, упорствовавшие в своем нежелании быть помещичьими, перешли к активным действиям: назначенных старшин избили, после чего стали грабить господское и государственное имущество (в частности, 26 марта они разграбили государственное имение Нерза). «9 апреля для усмирения бунтовщиков прибыл четвертый батальон Вологодского пехотного полка. Накал страстей был таков, что даже перед лицом вооруженных солдат крестьяне отказались расходиться. После кратких уговоров был открыт огонь на поражение. 21 человек был убит на месте, ещё 24 получили ранения», — сообщает А. Репин. К следствию были привлечены свыше 400 человек, а сам граф Борх был вынужден продать имение Яноволь в казну за 230 000 рублей серебром [см.: 18].

Как видим, карательные меры, предпринятые Жиркевичем осенью 1836 г., прочного результата не дали, а лишь временно напугали и ожесточили крестьян. Не видя ни в ком сочувствия к своим нуждам, они пошли до конца. Сам Жиркевич, однако, продолжал считать себя идеальным начальником губернии, сумевшим подавить мятеж «просто и благополучно». О яновольском расстреле 1841 года он тоже упомянул в своих «Записках»:

«...в делах остались свидетельства, что всё совершенно было успокоено и продолжалось, пока я не выбыл в отставку, а потом, к несчастью, более сорока жертв положили живот по своей глупости...» [8, с. 464].

Понять мотивы поступков И. С. Жиркевича и его психологию сегодня нелегко. Для этого нужно в первую очередь понять характер эпохи, в которую он жил и начальствовал. В его личном характере не было природной злобы и жестокости (знавшие его и он сам отмечают лишь вспыльчивость), он был в первую очередь законник, исполнитель воли Государя, к тому же военный до мозга костей, и он имел дело с бесправной массой, чей удел был повинно-

ваться, поэтому он не представлял себе других мер воздействия на недовольных крестьян, кроме телесных наказаний, острога и воинских команд.

В приемах управления губерниями Жиркевич поразительно напоминает ретивых градоначальников Салтыкова-Щедрина (до тонкостей знавшего губернскую жизнь). «...Рассказывается история о погибших губернаторах, и в особенности приводится в пример некоторый Иван Петрович, который всё совершил, что смертному совершить доступно, то есть недоимки собрал, беспокойных укротил, нравственность водворил, и даже однажды высек совсем неподлежаще одного обывателя, но по вопросу о мостовых сломился, был отрешен от должности и умер в отставке, не выслужив пенсионера» («Старый кот на покое» (1868) из цикла Помпадуры и помпадурши») [19, т. 8, с. 28]. «Он прискакал в Глупов, как говорится, во все лопатки (время было такое, что нельзя было терять ни одной минуты), и едва вломился в пределы городского выгона, как тут же, на самой границе, пересек уйму ямщиков» («История одного города», 1869) [Там же, с. 280]. «Прямая линия, отсутствие пестроты, простота, доведенная до наготы, — вот идеалы, которые он знал и к осуществлению которых стремился. Его понятие о “долге” не шло далее всеобщего равенства перед шпицрутеном <...> Перед всем, что напоминало веселье или просто досуг, он останавливался в недоумении» («История одного города») [Там же, с. 398].

Внешность Жиркевича-губернатора была соответствующая: всегда застегнутый на все пуговицы своего мундира, обложенный «исходящими» и «входящими» бумагами, не улыбчивый, не понимающий шуток, он вызывает в памяти портрет Угрюм-Бурчеева: «Это мужчина среднего роста, с каким-то деревянным лицом, очевидно, никогда не освещавшимся улыбкой. <...> Глаза серые, впавшие, осененные несколько припухшими веками; взгляд чистый, без колебаний <...> Одет в военного покроя сюртук, застегнутый на все пуговицы, и держит в правой руке сочиненный Бородавкиным “Устав о неуклонном сечении” <...> Кругом — пейзаж, изображающий пустыню, посреди которой стоит острог; сверху, вместо неба, нависла серая солдатская шинель...» [Там же, с. 399].

Образ Угрюм-Бурчеева Щедрин писал с Аракчеева и Николая I, поэтому сходство не случайно: Жиркевич в молодости был адъютантом Аракчеева и многое от него перенял, а Николай I боготворил, поэтому вольно или невольно копировал стиль руководства и манеру поведения грозных властителей. В духе угрюм-бурчеевских фантазий и оканчивается первый

том «Записок» Жиркевича (приводим это место по рукописи): «Воля русского царя так мощна. Повелит из Витебской губернии сделать сад! и будет сад из нее! Монумент Петра I стоит на болоте и не колыхнется ни разу. Полоцк, 26 апреля 1837» [9, д. 1, л. 298 об.]

15

Одной из сложнейших задач, в решении которой Жиркевич принимал участие, была задача ликвидации униатской церкви в Западном крае, поставленная Николаем I и Синодом. Трудность состояла в том, что ее нельзя было успешно решить одними административными мерами — со времени провозглашения унии в Белоруссии и западной Украине (1596) прошло много лет, униатство там стало традиционной конфессией, и русское правительство имело некоторые опасения в отношении крестьянской массы, памятуя о церковной реформе XVII в., породившей на Руси раскол и фанатичных приверженцев «старой веры». И совсем свежо было в памяти польское восстание 1830–1831 гг., охватившее, помимо исторической Польши, Литву, Волынь и Белоруссию (борьба с партизанами там продолжалась до 1833 г.). Кроме того, промежуточное положение униатов давало им выход в обе стороны. Так, Иосиф Семашко, много сделавший для сближения униатской и православной церквей, опасался, что поспешные «присоединения» спровоцируют массовый переход униатов в католичество, и в своих донесениях обер-прокурору Синода Н. А. Протасову отмечал резкое увеличение католического населения Белорусской епархии в середине 1830-х гг.: «Очевидно, принята уже по оной епархии система крестить детей униатских родителей в римскую веру...» (Записка от 4 января 1837 г.) [20, т. 2, с. 3].

В сложном вероисповедном вопросе Жиркевич, как всегда, занял жесткую позицию — он был сторонник обращения униатов в приказном порядке. «Я не знаю и не понимаю, что так много церемонятся с ними <...> Всех вдруг, одним разом, и решительно без всяких колебаний», — сообщил он свое мнение министру внутренних дел Д. Н. Блудову [8, с. 546]. В том же откровенном разговоре с Блудовым Иван Степанович бросил фразу: «Витебский крестьянин — не человек. Он ни чувств, ни религии не имеет. Слушает всякого, кто перед его глазами» [8, с. 545]. При этом Жиркевич вполне резонно объяснял религиозный индифферентизм белорусского крестьянина, тем, что у него «в животе вместо хлеба — древесная кора и мох» [Там же, с. 546]. Это была реаль-

ность, которую знали и видели своими глазами многие. «...В России голодают целиком губернии», — писал Гоголь в «Выбранных местах из переписки с друзьями» (гл. VI) [6, т. 6, с. 24]. А белорусские крестьяне принадлежали к беднейшим низам Российской империи.

В отличие от И. С. Жиркевича, граф Блудов был человек осторожный и гибкий, хорошо чувствовавший политическую конъюнктуру (благодаря чему всегда оставался востребован). Сыгравший позднее видную роль в освобождении крестьян, в деле обращения униатов он не разделял административного ража Витебского губернатора (хотя стратегически был на его стороне). Ситуация в Белоруссии была сложной и могла осложниться еще более: крестьяне-униаты неохотно расставались с укоренившимися обрядами, а среди польских дворян западных губерний нарастало сопротивление усилившейся миссионерской деятельности православной церкви. Как пишет историк Ирина Вибе, «к 1837 г. это сопротивление приняло коллективную форму, объединяя локальные дворянские корпорации. Опасаясь расширения социальной базы в этом сопротивлении, правительство поменяло губернских чиновников, активно участвовавших в обращениях населения в православие» [4, с. 24]. И, конечно, был сменен «грубый» Витебский губернатор И. С. Жиркевич, ни в ком не находивший поддержки.

«1 сентября (1838) я подал в отставку» [8, с. 534].

24 октября 1838 г. отставка Жиркевича была принята. На посту Витебского губернатора он пробыл два года. Формально он был отставлен «по случаю расстройства домашних дел и ослабшего зрения» [1, с. 355] (то есть как бы по собственному желанию), но его ближайший начальник П. Н. Дьяков не скрывал, что главная причина увольнения заключалась в личных качествах Жиркевича, и дал ему характеристику, которая лишала его всякой перспективы:

«...нельзя сказать, чтобы генерал-майор Жиркевич не был усерден к службе; но строптивость его характера преобладает им; лично чрезмерно строг и взыскателен над подчиненными, напротив, сам всегда уклончив от подчиненности и неограничен в желаниях, касательно уважения его представлений, как бы ни были оные неосновательны, следовательно, с такими правилами едва ли может он где-либо безукоризненно нести службу и быть вполне полезным для оной» [Там же].

Жиркевич был фанатично предан царю и продолжал верить в то, что его услуги еще пригодятся. Для самого же Николая I он был

всего лишь временным инструментом самодержавной политики в Западном крае.

12 февраля 1839 г. на церковном соборе в Полоцке были отменены решения исторического Берестейского (Брестского) собора 1596 г., и был принят акт о воссоединении греко-католиков западных земель с православной церковью. В марте 1839 г. Синод и Николай I утвердили решение Полоцкого собора. Всего в православие тогда перешло свыше 1607 униатских приходов — более 1,5 млн. человек, из них более 600 тыс. верующих Белорусской епархии [24, с. 378]. В связи с этим событием была отчеканена памятная медаль с надписью «Отторгнутые насилием 1596, воссоединены любовью 1839» с датой Высочайшего утверждения «Соборного акта»: «25 марта 1839». И уже 16 декабря 1839 г. царем были утверждены «Правила о судопроизводстве дел о соращениях в латинство в девяти Западных губерниях», запрещающие — под страхом уголовного наказания — переход из православия в католичество.

«Не прошло полугода, униаты общей массой присоединены в православие; мысль моя же, а награды достались Дьякову и окружающим его», — с явной обидой писал Жиркевич [8, с. 534]. Свою роль в деле присоединения униатов бывший губернатор, скорее всего, преувеличивал. Он всегда воображал себя генератором идей, а сослуживцев — помехами в их осуществлении.

Таким образом, усердие Жиркевича на посту Витебского губернатора не было оценено. Николай I к нему охладел. Его внук А. В. Жиркевич, опираясь на семейные предания, пишет, что Иван Степанович материально нуждался и мечтал о возвращении на службу. Сообщает Александр Владимирович и такой примечательный факт: во время посещения царем Витебска, Иван Степанович «вышел навстречу Государю на шоссе и встал отдельно от толпы, надеясь, что Государь вспомнит его и остановится», но тот, взглянув на него, «отвернулся» [10, с. 63]. Этот случай окончательно подкосил Ивана Степановича, который обожал царя и некогда пользовался его расположением. Им овладела мрачность, он стал задумываться о смерти и завещал похоронить себя «в простом деревянном гробе, если можно даже в халате, без всякого парада» [Там же].

После этого И. С. Жиркевич поселился с семьей в Полоцке и, прожив там около десяти лет, стал жертвой эпидемии холеры. Он скончался 2 марта 1848 г., прожив на свете 58 лет, и был погребен на Красном кладбище Полоцка. Оно существует и поныне, но могила Жиркевича стерлась с лица земли, и место его захоронения неизвестно [9, с. 64]. В какой-то мере это символично. Для белорусов он так и не стал своим, оставшись в памяти немногих как один из временщиков царской администрации в Западном крае¹².

17

Апогей служебной карьеры Жиркевича пришелся на 1830-е годы, когда еще ничто не предвещало конца николаевской эпохи. Но даже и в эти годы шли подспудные процессы разложения режима. Бюрократический аппарат был огромен, неповоротлив и малоэффективен. Одним из признаков его деградации была частая смена начальников — их то и дело перебрасывали с одного поста на другой в «пожарном» порядке. Таким «калифом на час» и был Иван Степанович Жиркевич, любивший власть над людьми, но не умевший ладить с людьми. Времена медленно, но верно менялись и требовали других личностей — более гуманных, более компромиссных, более гибких, способных наводить порядок не одними лишь розгами, кандалами и солдатами. Жиркевич был к этому не способен. «Воспитанный под барабаном», он до конца оставался *сыном своего века*, окончившегося со смертью Николая I.

Как мемуарист И. С. Жиркевич стремился создать в своем лице образ кристально честного человека, главную часть своей жизни посвятившего заботам службы. Цель его «Записок» состояла, конечно, не только в том, чтобы дать «наставление» своему сыну — прежде всего, Жиркевич рассчитывал с их помощью остаться в истории. Подробно пересказывая (насколько точно, мы не знаем) свои закулисные беседы с А. А. Аракчеевым, Ни-

¹² Примечательно, что статьи об И. С. Жиркевиче нет ни в 7-томной «Истории Беларуси» (Минск: БелЭн, 1993–2003), ни в «Энциклопедии истории Беларуси» в 6-ти томах (Минск: БелЭн, 1993–2003), ни в 18-томной «Белорусской энциклопедии» (Минск: БелЭн, 1996–2004), выпущенных Институтом истории Национальной академии наук Белоруссии, ни в 6-томной «Истории Беларуси» под ред. М. Костюка [Касцюка] (Минск, Экоперспектива, 2005–2008).

колаем I, А. Х. Бенкендорфом, Л. А. Перовским, Д. Н. Блудовым и другими влиятельными лицами, он, видимо, надеялся, что потомки, прочтя его мемуары, будут рассматривать его фигуру в одном ряду с теми, кто делал историю. Эта задача удалась ему лишь наполовину — «Записки» Жиркевича, действительно, стали частью корпуса относительно достоверных свидетельств, описывающих эпохи Александра I и Николая I, но его собственная роль в истории с начала до конца оставалась малозаметной. На всех страницах его мемуаров мы видим не историческую личность, а рядового участника исторических событий на различных ступенях служебной лестницы. Даже его начальство над двумя губерниями не сделало Жиркевича крупной фигурой, учитывая недолгий срок его пребывания на обоих постах — он лишь пополнил собой длинный список начальников Симбирской и Витебской губерний. Даже отвлекаясь от его служебной деятельности, масштаб личности Жиркевича нельзя назвать выдающимся: он не отличался ни особенно острым умом, ни оригинальным складом характера, ни блестящим литературным талантом. Он был прежде всего типичной и характерной фигурой своего времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонова Е. В. Военная служба трех поколений // Настоящий друг русских классиков. И. Репин, Л. Толстой, И. Айвазовский и другие современники в дневниках и письмах Александра Жиркевича. М.: ООО «ИИА Пресс-Меню», 2017. С. 353–362.
2. Бестужев В. А. А. В. Бестужев (По поводу «Записок» Жиркевича) // Русская старина. 1878. Т. 23. С. 159.
3. Бокова В. М. Жиркевич Иван Степанович // Русские писатели. 1800–1917 гг. Биографический словарь. Т. 2. М.: Научное изд-во Большая Российская энциклопедия, 1992. С. 271.
4. Вибе И. Н. Вероисповедная политика самодержавия в Западном крае (1830–1855). Автореферат дисс. ... канд. истор. наук. СПб., 2009. 26 с.
5. Вигель Ф. Ф. Записки: В 2 т. М.: Круг, 1928.
6. Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: В 17 т. / Подготовка И. А. Виноградова и В. А. Воропаева. М.; Киев, 2009–2010.
7. Жиркевич А. В. Записки А. В. Жиркевича об истории рода, составленные для дочери Марии // Настоящий друг русских классиков... М.: ООО «ИИА Пресс-Меню», 2017. С. 11–56.

8. Жиркевич И. С. Записки Ивана Степановича Жиркевича, 1789–1848 / Подгот. текста, вступит. статья и примеч. С. В. Львова, Л. В. Митрошенковой. М.: Кучково поле, 2009. 621 с.
9. Жиркевич И. С. Описание жизни генерал-майора Ивана Степановича Жиркевича (рукопись) // Архив ВИМАИВиВС. Ф. 51. Оп. 96\5. Дела 1 и 2. 298 и 288 лл.
10. Жиркевич-Подлесских Н. Г. «Я имел счастье быть внуком И. С. Жиркевича...» (Витебский губернатор Иван Степанович Жиркевич и его мемуары) // Настоящий друг русских классиков... М.: ООО «ИИА Пресс-Меню», 2017. С. 59–112.
11. Карпов С. Д. Записки Ивана Степановича Жиркевича // Русская старина. 1874. Февраль. Т. 9. С. 207–212.
12. Крылов И. А. Полн. собр. соч.: В 3 т. М.: ГИХЛ, 1945–1946.
13. Михайловский-Данилевский А. И. Описание Отечественной войны 1812 года: В 4 т. Изд. 2-е. СПб., 1840.
14. Михайловский-Данилевский А. И. Из воспоминаний // Аракчеев: свідетельства современников / Сост. Е. Е. Давыдова. М.: Новое лит. обозрение, 2000. С. 42–46.
15. Никитин В. О. Западный край Российской Империи в «Записках» И. С. Жиркевича // Белорусская земля в воспоминаниях и документах XIX–XX вв. Вып. 1. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 86–93.
16. Никитин В. О. Рукопись «Записок» И. С. Жиркевича в Архиве Военно-Исторического Музея Артиллерии, Инженерных войск и войск Связи // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Третьей международной научно-практической конференции 16–18 мая 2012 года. Ч. 2. СПб.: ВИМАИВиВС, 2012. С. 407–410.
17. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 17 (18) т. М.: Изд-во АН СССР, 1937–1959 (репринт: М.: Воскресенье, 1994–1998).
18. Репин Андрей (генеалог). Подавление массовых волнений крестьян имения Яноволь Люцинского уезда в 1841 г. // Интернет-публикация по архивным источникам (РГИА, Ф. 384): <http://andreyrepin.com/ru/podavlenie-massovykh-volneniy-krest/> Дата публикации: 16.05.2018 (дата обращения 17.08.2019).
19. Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т. М.: ГИХЛ, 1965–1977.
20. Семашко И. И. Записки Иосифа, митрополита литовского: В 3 т. Т. 2. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1883. 786 с.
21. Стогов Э. И. Письмо к М. И. Семевскому, 2 февраля 1878 г. // Русская старина. 1878. Т. 22. С. 316.
22. Стогов Э. И. Записки жандармского штаб-офицера эпохи Николая I. М.: Индрик, 2003. 239 с.

23. Харкевич В. И. 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Материалы военно-ученого архива Главного штаба. Вып. 2. Вильна, 1903. 230 с.
24. Шавельский Г. И., прот. Последнее воссоединение с православною церковию униатов Белорусской епархии (1833–1839 гг.). СПб., 1910. 464 с.
25. Энциклопедия Отечественной войны 1812 года. М.: РОССПЭН, 2004. 880 с.
26. Гісторыя Беларусі: В 6-ти т. [6-й том в 2 кн.] Т. 3, Мінск: Современная школа; Экоперспектива, 2007. 344 с.

ИЗ СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКИ...
КУКОЛЬНИКИ – ПУЗЫРЕВСКИЕ –
СНИТКО – ЖИРКЕВИЧИ
Часть вторая

Автор и составитель
Н. Г. Жиркевич-Подлесских, исследователь и публикатор
наследия А. В. Жиркевича, лауреат Горьковской
литературной премии 2011 г.,
внучка А. В. Жиркевича

Подготовка текста
Н.Г. Жиркевич-Подлесских и А.Ю. Калинкина

Примечания
Н. Г. Жиркевич-Подлесских, Т. А. Жиркевич

Редколлегия
приносит дань глубокой благодарности
А.Е. Жиркевич
за предоставленные документы
и Н.В. Голант
за техническую помощь
в подготовке материала.

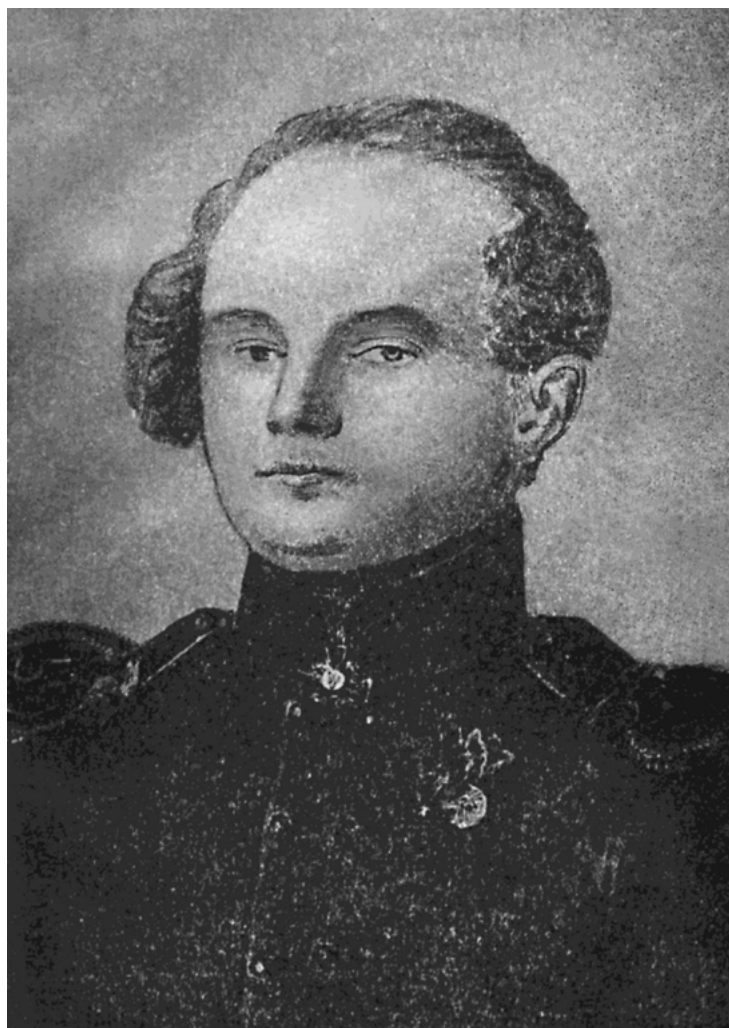
Очерки из семейной хроники возникли благодаря сохранным документам и записям в дневнике
А.В. Жиркевича.

Эта часть хроники посвящена наиболее ярким и известным на сегодняшний день представителям рода Жиркевичей — Ивану Степановичу и Александру Владимировичу Жиркевичам.

Древний род Жиркевичей берет начало в глубинах Польской и Литовской истории XVI века. В росписи Мстиславского уезда 1785 г. его родоначальником назван некий Тимофей Сфурс-Жиркевич. Из свидетельства РГА ВМФ о дворянском происхождении одного из потомков рода сказано: «пращур Тимофей Сфурса-Жиркевич служил Польскому королю и в 1580 году за ревностное Отечеству служение даны ему с правом шляхетства маентности, названные Ртищево с прочими в Мстиславском воеводстве лежащие. Сверх того жалован придомком Сфурса — и Гербом на потомство его, именуемый: подкова с тремя стрелами и тремя же звездами. Прапрадед — Мартын Тимофеев, прадед — Кирила Мартынов, дед — Гаврила Кирилов и отец Василий Гаврилов — происходили из польского шляхетства»¹.

Женой Тимофея Сфурса-Жиркевича была Теодора (Феодора) Хоткевичева, возможно, принадлежавшая к известному шляхетскому роду Великого княжества Литовского Хоткевичей (Ходкевичей). Род был влиятельным и прославленным в белорусской земле. Более подробные сведения о персоналиях в росписи начинаются с Кирилла Сфурса-Жиркевича (приставка «Сфурса» прибавлялась к польским фамилиям за воинские заслуги). В 1654 году, поссорившись с Польским королем, он бежал из Мстиславского воеводства в соседнее Смоленское княжество. Начавшаяся вскоре война царя Алексея Михайловича (Тишайшего) с Речью Посполитой вынудила его сменить фамилию «Жиркевич» на фамилию «Жирный», т.к. опасался репрессий и преследований. После окончания войны Кирилл Жиркевич возвращает фамилию, но без приставки Сфурса. От него пошла смоленская ветвь Жиркевичей. Они женились на местных смолянках, и, таким образом, род окончательно стал русским. Большая часть представителей Жиркевичей находилась на военной службе России, участвовала во многих военных кампаниях, в том числе в Отечественной войне 1812 года. На обороте росписи Мстиславского уезда перечисляются жившие в то время представители рода Жиркевичей. Вот ее текст:

¹ РГА ВМФ. Ф. 432. Оп. 5. Ед. хр. 271. Начальная дата — 1827.

Иван Степанович Жиркевич

«Повторной выписи: в 1785 г. июль 29.

Мстиславского уездного суда выданной выписи значит то же, что и в вышеписанной: — а в свидетельстве написано: 1788 года апреля 23, мы, нижеподписавшиеся, свидетельствуем, что Титулярный Советник Степан Гаврилович, сын Жирный, и покойного его брата Василия дети: Колежский Секретарь Платон, прапорщик Петр и коллежский регистратор Иван Жиркевичевы действительно из польского шляхетства происходят по линии от предка их Тимофея Сфурс-Жиркевича, а сверх того и родственников они имеют в Могилевском наместничестве тамошних шляхтичей Жиркевичевых. Притом же упоминаемый титул: “советник” имеет за собою недвижимое имение, состоящее в Смоленском округе —

[4 подлинного] подписано: Колежский Советник: Князь Туркестанов и проч. — в роде Жирных теперь в живых: Степан, 46 лет, титулярный советник. У него жена — дворянка Ефросинья 27 лет, сыновья: Николай 7, Александр 3 служат в Гвардии капралами. Иван полутора года, недоросль, дочь Александра — 5 — за ними имение состоит такое-то _____

Умершего Василия Гавриловича Жирнаго жена Анна. Сыновья: Платон, 24. В службе коллежским секретарем — Петр 22, прапорщик. Иван 18, кол. регистр.
внесены в 4 часть»².

Из всех имен, перечисленных выше, в росписи наибольшую известность приобрело имя Ивана Степановича Жиркевича — участника Отечественной войны 1812 г., губернатора Симбирска и Витебска, автора мемуаров «Записки Ивана Степановича Жиркевича». В росписи указано, что Ивану Степановичу на момент составления ее было всего полтора года.

Большую работу по исследованию рода Жиркевичей ведет Александра Евгеньевна Жиркевич из Бреста, с которой, вероятно, мы находимся в отдаленном родстве. Древо Жиркевичей имело много ответвлений. Представляем отрывок из ее исследования по родословной и гербовнику Жиркевичей.:

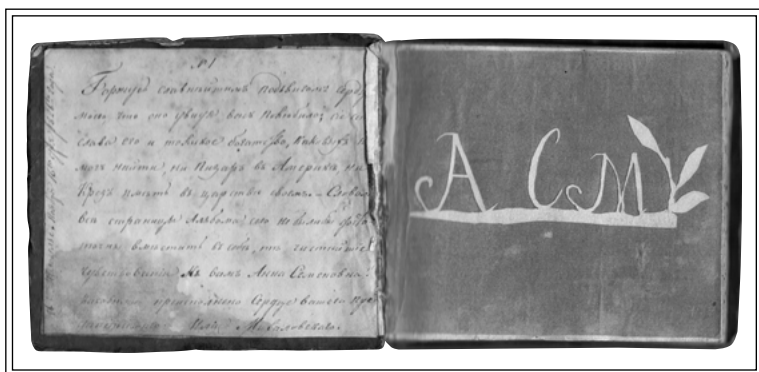
«...Только сегодня перевела с польского часть текста³, в котором содержится ответ на вопрос о том, почему одним гербом пользовались 142 шляхецких рода. Вот как это объясняют историки.

² Рукой Т. А. Жиркевич переписано в современной транскрипции в 1981 году.

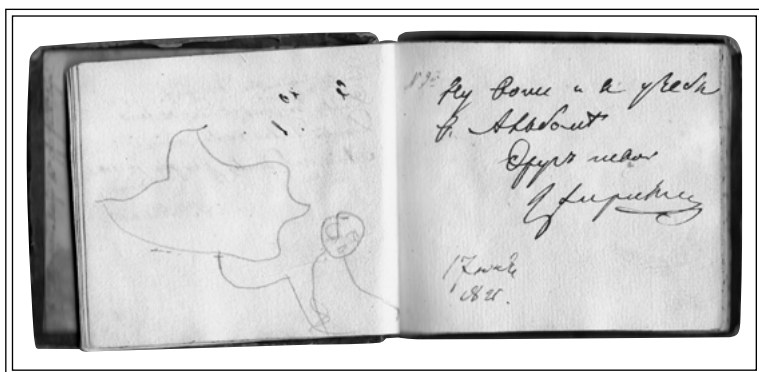
³ «Echa Polesia» № 2(14) 2007, kwartalnik ZPB O/Brzesc, с. 17–18.

Михаловская Анна Семеновна.
Племянница Александры Ивановны в старости. Хозяйка альбомчика

Альбомчик А. С. Михаловской

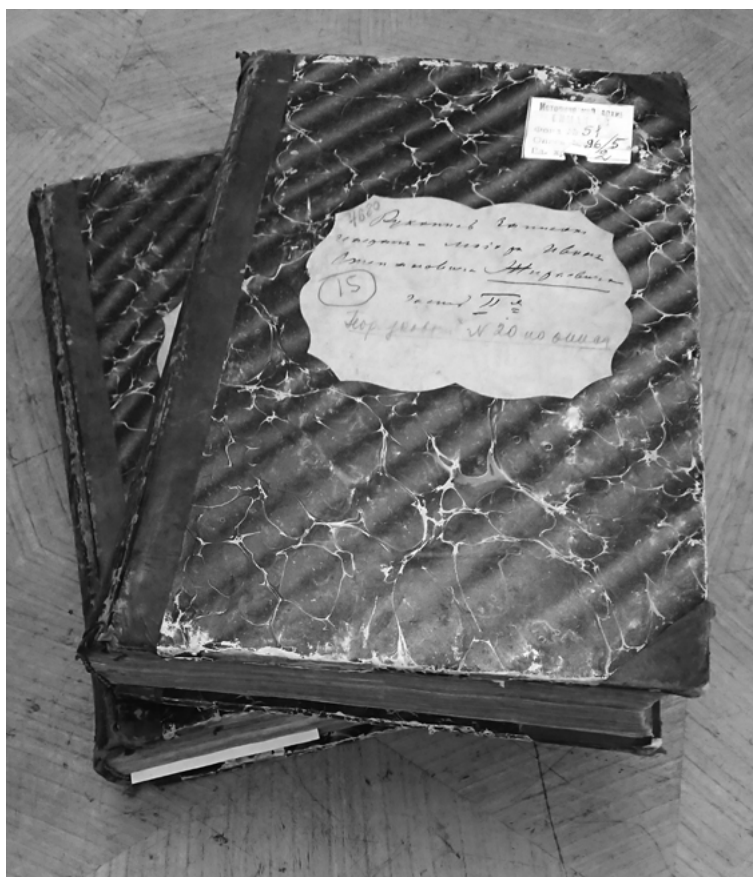
Из альбомчика А. С. Михаловской. Запись И. С. Жиркевича

Европейские рыцарские гербы появились в период крестовых походов XI в. Функцией этих цветных фигур и рисунков было дать возможность распознать закрытого с ног до головы в железо воина, чтобы не вести сражение со своими союзниками. Для удобства распознавания на дальних расстояниях первые геральдические фигуры отличались простотой и яркими красками. Это были цветные полосы, кресты, квадраты и т.п. Но уже в XII в. на щитах стали изображать также рисунки зверей — реальных либо мистических: дракона, грифа, кота, змею, кабана, ястреба, волка и т.д. Много вооруженных отрядов перемещалось по Европе. Рыцари в рыцарских доспехах становились под хоругви отряда своего суверена и сражались под знаменем, на котором был изображён знак земли, духовного или светского князя. Каждый воин имел этот герб на своем щите и кафтане. <...> Что касается времени жизни Тимофея Сфурс-Жиркевича и его жены Теодоры (Феодоры) Хоткевичевой, то я, отталкиваясь от даты выезда Кирилла Жиркевича в Россию (1654 г.), примерно просчитала, что родиться они могли в период 1560–1580 гг. В генеалогии принято считать поколения с периодом 25–30 лет».

Кто заказал выпись из «Книги росписей Мстиславского уезда» — неизвестно, но она сохранилась и дошла до нашего времени стараниями Александра Владимировича Жиркевича (1857–1927), внука Ивана Степановича Жиркевича (1789–1848). Он бережно относился к родственным связям, а в XIX в. они были еще крепкими. Родственниками считались сестры и братья жены или мужа, двоюродные и троюродные братья и сестры, члены их семей, т.е. многочисленные кузены и кузины. В семейном архиве А. В. Жиркевича хранилась составленная им родословная⁴, отвечающая всем требованиям своего времени: Апухтины, Герарды, Гедеоновы, Венцели, Михаловские, Пирамидовы и мн. др. Все они считались родственниками Жиркевичей. На одной из страниц сохранилась запись: «по семейным преданиям, святой Тихон Задонский был одним из наших предков (со стороны ген. Ив. Степ. Жиркевича)».

Александр Владимирович Жиркевич унаследовал от своего деда многие качества его характера: честность, неподкупность,

⁴ В настоящее время родословная роспись, составленная А. В. Жиркевичем, передана в Ульяновский музей-заповедник «Родина В. И. Ленина» вместе со всем личным архивом А. В. Жиркевича.

мужество в стремлении к справедливости и преданность Отечеству. Вместе с тем, по многообразию интересов и гуманной направленности, он более напоминал человека эпохи Ренессанса. Его уникальный дневник за 45 лет жизни (1880–1925 гг.), кроме общественного значения как документа эпохи, поражает своей искренностью и честностью записи.

Вот об этих ярких представителях рода Жиркевичей и пойдет далее речь.

**«НЕТ, С ЭТИМ ШАЛИТЬ ЗАБУДЕШЬ! ...»
(СИМБИРСКИЙ И ВИТЕВСКИЙ ГУБЕРНАТОР
ИВАН СТЕПАНОВИЧ ЖИРКЕВИЧ
И ЕГО МЕМУАРЫ)**

В начале 40-х годов XIX столетия в Полоцк на постоянное жительство переезжает недавно вышедший в отставку военный губернатор Витебска Иван Степанович Жиркевич (1789–1848)¹. Назначенный на этот пост в 1836 году в сложное время присоединения униатов к православной церкви, он оказался в самом центре религиозного противостояния и экономических проблем в крае, о чем подробно рассказал в своих мемуарах «Записки Ивана Степановича Жиркевича». Они печатались в «Русской старине» (1874–76, 78 и 90-х годах) и принесли автору посмертную известность, вызвав интерес искренностью и непритязательностью рассказа очевидца и участника многих важных событий конца XVIII — начала XIX столетий.

Несмотря на короткое пребывание И. С. Жиркевича на посту Витебского военного губернатора (1836–1838), он оставил о себе память как о человеке столь непохожем на привычное представление о губернаторе, что спустя более полувека его еще помнили в городе. Его внук А. В. Жиркевич², посетив Витебск, записал в дневнике: «Посетив Витебск, я много слышал воспоминаний старожитов о моем деде. Несмотря на его вспыльчивость, о нем живет здесь добрая память. Мне было приятно слышать от губернатора (кн. В. М. Долгорукий. — Н. Ж.) доброе слово по адресу покойного моего деда. Он сказал, между прочим, что девять лет губер-

¹ О Жиркевиче И. С. см.: Брокгауз и Ефрон. Новый Энциклопедический Словарь. Т. 17. С. 913; биогр. словарь. Русские писатели. 1800–1917 гг. М., 1992. Т. 2. С. 271.

² Жиркевич А. В. (1857–1927), военный юрист, литератор, лекционер, общественный деятель Северо-Западного края. Его обширный архив находится в Гос. музее Л. Н. Толстого (Москва). Наибольшую ценность этого архива составляют: дневник (1880–1925) и письма от многих выдающихся деятелей культуры к Жиркевичу (Толстого, Репина, Верещагина, Нестерова, Фета, Апухтина и др.). В дневнике и в других документах сохранилось немало страниц, имеющих отношение к истории и культуре Северо-Западного края. О Жиркевиче А. В. см.: Русские писатели. 1800–1917 гг. М., 1992. Т. 2. С. 269–271.

наторствуя в Витебске, часто руководствовался записками деда и удивлялся насколько дед был умен и тонко понимал условия и быт местного края. Витебск. 25 ноября 1892 г.»³.

Быстрый в решениях, энергичный, хорошо понимающий проблемы края, независимый и неподкупный, жесткий до жестокости, но и справедливый вне сословных и национальных предрассудков, Иван Степанович всю свою деятельность подчинял одной идее — служению Отечеству на всех вверенных ему Императором постах. Его фанатическая честность, неустанная борьба с казнокрадством и взяточничеством, строптивость и неуживчивость, личная преданность Императору и букве закона, простота быта приводили в изумление многих, знавших его.

Наиболее яркое впечатление об авторе «Записок» остается после чтения воспоминаний Э. И. Стогова — сослуживца Жиркевича по Симбирску, возглавлявшего жандармскую службу. Э. И. Стогов в своих воспоминаниях⁴ посвятил Жиркевичу почти целую главу. «Как ни бужу свою память, — вспоминал Э. Стогов, — не могу добиться от нее воспроизведения момента с подробностями, как явился Жиркевич в Симбирск, и думаю, едва ли солгу, сказав, что никто этого не знал — как тогда, как и теперь не сумею объяснить: пешком ли пришел или приехал Жиркевич? Днем или ночью? Как-то все вдруг узнали, что новый губернатор занимается делами. Говорили в обществе о Жиркевиче так, как будто он и не выезжал из Симбирска и как будто он давно уже губернатором. Всезнайки рассказывали: когда спросили его, когда он позволит представиться чиновникам? — он отвечал: “Зачем беспокоиться, с господами служащими познакомлюсь, занимаясь вместе делами...”

...В губернском городе все знают, кто что есть, о приезде известно — богат, беден, скучен, весел, играет ли, танцует ли, хорошо ли говорит по-французски и пр. О Жиркевиче я не слыхал ни одного вопроса, никто не интересовался и почти не упоминалась фамилия: просто говорили — губернатор.

Я куда-то ездил; возвращаясь, немедленно явился к новому губернатору. В зале два чиновника с кипами бумаг; я просил доложить, отвечали “не приказано” и указывали на отворенную дверь в кабинет. Губернатор — у стола, уложенного бумагами, на двух стульях — дела: Только я вошел, Жиркевич встал навстречу мне.

³ Государственный музей Л. Н. Толстого. Отдел Рукописей (в дальнейшем ОР ГМТ) Ф. 22. Дневник. Рукопись.

⁴ Записки Э. И. Стогова // Русская старина. 1903. Май. С. 307–330.

Он был среднего роста (вершков восьми); правильное и, можно сказать, красивое лицо, но не только серьезное, почти суровое выражение; темно-русые волосы приглажены по-военному в форменном сюртуке, застегнутом на все пуговицы — видна привычка к военной форме... Пригласил сесть. Думаю, захочет знать о губернии, об обществе... Ничуть не бывало, хоть бы слово спросил, а от кого же узнать, как не от жандарма.

Странное впечатление сделал на меня Жиркевич. Он вежлив, но очень молчалив; все вопросы касались лично меня. Я попробовал сказать шутку — он не слышал; я хотел заинтересовать его серьезным — он не обратил внимания. Откланявшись, я решительно не мог составить себе понятие о характере Жиркевича.

Жиркевич скоро отдал мне визит, и опять странность — пешком, тогда как в Симбирске и мещане не ходили, а ездили; я не оказался дома; на карточке просто: «Иван Степанович Жиркевич».

Зашел к Жиркевичу вечером — читает и подписывает бумаги, около стоит правитель канцелярии Раев. Жиркевич отпустил Раева, сказав: «Я бумаги к Вам пришлю». — Ну, думаю, теперь разговорится. Жиркевич был очень вежлив, говорил о погоде, местоположении города — сухая история! Я коснулся было общественной жизни, что дворяне любят веселиться и привыкли, чтобы участвовал с ними губернатор. Он ответил, что как обделается с делами, то и он не прочь разделить общее удовольствие. Но так и не обделался. Я рассказал какой-то анекдот, думая сорвать улыбку — рассказ прошел мимо!

Выдаюсь по разным случаям с Жиркевичем, я всегда заставлял его за бумагами и составил себе понятие, что это — человек дела. Он всегда был как-то сдержан, очень вежлив, но малейшая несправедливость, плутовство по делам выводили его из себя: вспыхив, он уже не знал границ гнева. Много ходило рассказов по городу, как он, забывшись, гнался до крыльца за советником. Мошенники для него теряли личность, но зато и боялись его чиновники... Жиркевича полюбить очень трудно, но нельзя было не почитать его, нельзя было не уважать честной его деятельности, его бескорыстия; он отдался весь, без остатка, полезному служебному труду. Узнавши его, я готов был поклониться ему... Мои сношения с ним были прекрасны, но сухи».

«Весьма часто я писал к шефу, — продолжал вспоминать Стогов, — что Жиркевич феномен между губернаторами. Писал, что Жиркевичу достанет управлять тремя губерниями, стоял за его благородную честность, неумоимость...»⁵.

⁵ Там же. С. 329.

Страницы «Записок» сохранили для потомков бытовые подробности и приметы жизни Северо-Западного края: память о стихийных бедствиях, наводнении в Дриссе, пожаре в Полоцке; размышления автора об экономических проблемах губернии и путях выхода из кризиса. Ряд страниц посвящен деятельности полоцкого архиепископа Смарагда Крыжановского; здесь же — множество имен предводителей дворянства городов края и видных государственных служащих Витебской губернии.

Приехав в Витебск 21 сентября 1836 г. (ст. ст.), уже на следующий день Жиркевич вызывал к себе членов губернского правления, большая часть которых по привычной халатности не явилась к сроку. Жиркевич, не дожидаясь опоздавших, едет осматривать казенные заведения. По дороге отмечает «на главных улицах и площадях заметную чистоту и опрятность, но зато в боковых улицах и переулках заразительную вонь и гнилость...»⁶. В тюрьме тут же сделал выговор смотрителю и прокурору, который также опоздал на встречу. Осматривая больницу, Жиркевич «выразил свое мнение <...> с приличной строгостью», < > а возразившего ему «смотрителя тут же арестовал, но по выходе из больницы возвратил ему шпагу»⁷. <...>

«Богоугодные заведения и внутреннее полицейское устройство в губернском городе нашел я в весьма жалком положении. Особенно замечательна была в этом отношении полицейская прислуга; все старики в лохмотьях, с подогнутыми штанами, вечно небритые, в помятых, разодранных, разнокалиберных шапках. И на вопрос, сделанный, что это за люди и откуда они набраны, я получил ответ, что часть — из отставных солдат, а часть — из бессрочно отпускных, что порядочных людей для примера приискать нет никакой возможности; жалованье назначено весьма скудное, но и то очень часто, за не сбором в свое время городских доходов на содержание полиции, доходит неаккуратно. <...> Пожарный инструмент не однообразен, ветхий; лошади — все уже перешедшие далеко за десять лет и при малейшей тревоге едва-едва с первого порыва дотаскивающие пожарные трубы до места пожара, а очень часто при отправлении под гору за водой, не возвращаются к месту своего назначения»⁸.

В тот же день, как пишет Жиркевич, слух о сделанных им взысканиях долетел за 150 верст и до Могилева...

⁶ Русская старина. 1890. Август. Гл. II. С. 237.

⁷ Там же. С. 227.

⁸ Там же. С. 237, 238.

Иван Степанович много разъезжал по губернии, быстро решая необходимые вопросы, а иногда и усмиряя возникающие волнения. Пути его маршрутов: Полоцк, Дрисса, Невель, Люцин, Режицы, крепость Динабург (ныне Даугавпилс. — Н. Ж.) и др.

Одной из задач, стоявших перед Жиркевичем, была необходимость разобраться в причинах экономического упадка в губернии и найти пути к улучшению жизни в крае. На страницах «Записок» немало места отведено осмыслению этих причин. Здесь же содержатся рекомендации последующим губернаторам о преобразованиях в Витебской губернии. Видно, что он глубоко и близко принимал проблемы края. (Жиркевич писал свои «Записки», уже будучи в отставке. — Н. Ж.).

Другой — и главной — задачей был деликатный вопрос о присоединении униатов к православной церкви; правительство хотело провести его «постепенно, осторожно, но твердо». Уже имея опыт разрешения сложных экономических и политических вопросов во время губернаторства в Симбирске⁹, Иван Степанович имел поручение от Императора разобраться и в этой сложной ситуации, которая длилась не одно десятилетие...

Уже несколько веков, после Брестской унии (1596 г.), по решению которой возникло униатство, объединившее в своем учении православные обряды и католические догматы, (при подчинении Папе Римскому), в крае шли религиозные противостояния, особенно после раздела Польши и присоединения части этих земель к России. Тогда же начался многолетний и сложный процесс присоединения униатов к православной церкви. Екатерина II, стараясь освободить униатов от влияния католицизма, покровительствовала православию. Павел I снова ввел подчинение униатов католической церкви. Создание университета в Вильне при Александре I и Виленского учебного округа, во главе которого стоял кн. Адам Чарторыйский¹⁰, еще более усилило влияние католицизма.

Большинство помещиков ко времени появления И. С. Жиркевича в крае исповедовало католицизм, крестьяне — униатство,

⁹ В Симбирске в то время решался сложный вопрос о переводе казенных крестьян в удельные. Николай I во время аудиенции наставлял Жиркевича, «чтобы перевод крестьян в удельные совершался мирно и покойно», без народных восстаний.

¹⁰ Чарторыйский Адам Юрий (1770–1861), князь. Известный польский политический деятель, принадлежал к «негласному комитету», с которым Александр I совещался о задуманных преобразованиях в Северо-Западном крае. С 1803 г. — попечитель Виленского учебного округа.

православное же духовенство, сократившееся до минимума, в некоторых местах отсутствовало вовсе. Так, в Полоцке, когда на полоцкую кафедру был назначен в 1833 г. епископ Смарагд Крыжановский (1833–1837), православного пастыря видели в последний раз в 1662 г., т. е. 171 год назад...

«Не только красивый, но можно сказать прекрасный собой мужчина, — так описывал И. С. Жиркевич архиепископа полоцкого, — свежих лет, более похожий на воинственного черногорца, нежели на смиренного владыку, он меня встретил и принял радушно, но с первых слов я заметил, что природный ум его не получил ни маломальской полировки. В Витебске я составил себе идею, что он должен быть религиозный фанатик, но тут открыл, что и предписанным церковным правилам он подчинялся лишь наружно; два или три случая меня тотчас с ним ознакомили»¹¹.

Вскоре отношения Жиркевича и архиепископа Смарагда осложнились. По мнению Жиркевича, последний обладая силой характера, вмешивался в дела гражданских властей, оставляя за собой приоритет в решении разных вопросов. Многие страницы в «Записках» отведены взаимоотношениям с архиепископом Смарагдом, цитируются их обширные диалоги, которые здесь за неимением места привести нет возможности, можно лишь отослать к первоисточнику, т. е. к самим «Запискам».

Окончательное присоединение униатов к православию произошло в 1839 г. при Николае I. Большую помощь в этом оказал униатский священник Иосиф Семашко¹².

Заканчивая печатать «Записки» в 1890 г., редакция журнала «Русская старина» в небольшом послесловии отмечала, что «<...> неуживчивость и строптивость Жиркевича вытекали из чистейшего источника, именно — из неподкупной, фанатической честности, из преданности и любви к Царю и Отечеству. Этими свойствами характера покойного запечатлены его “Записки”... Вообще

¹¹ Русская старина. 1890. Гл. III. С. 245.

¹² Семашко Иосиф (1798–1868), главный церковный деятель по воссоединению униатов с православной церковью. Изучив подробную историю униатства, он составил особую записку, одобренную Николаем I, по которой было сокращено число униатских епархий, учреждена самостоятельная греко-униатская коллегия, преобразован состав униатских консисторий, учреждено несколько духовных семинарий. В 1837 г. униатская церковь была подчинена обер-прокурору Синода, а в 1839 г. окончательно вошла в состав православной церкви. В издании «Записки Иосифа (Семашко), митрополита Литовского и Виленского». СПб., 1883., на с. 46, 48, 49 упоминается имя И. С. Жиркевича.

Иван Степанович — один из ярко типичных представителей энергичных, весьма сметливых и способных, честных и горячих служак Николаевского времени <...>¹³.

Родом из дворян Смоленской губернии, в пятилетнем возрасте он был отдан на военную службу (как было принято в дворянских семьях того времени) в Сухопутный шляхетский кадетский корпус В 16 лет, выпущенный в жизнь, Иван Степанович сразу же принял участие в боях под Аустерлицем (тогда же получил свой первый боевой орден св. Анны на шпагу), а затем — и во всех заграничных походах 1805–1807, 1808, 1809 гг.¹⁴. Около трех лет Жиркевич был адъютантом гр. Аракчеева.

Отечественную войну 1812 г. Иван Степанович прошел от самого начала и до конца, окончив ее в Париже. За участие в Бородинском сражении был награжден орденом св. Владимира 4-ой степени с бантом — одним из самых значительных в то время. После войны не долго он служил в департаменте Военного Министерства; был помощником командира Тульского оружейного завода. В 1834–36 гг. — губернатор Симбирска.

В 1836 году император посетил Симбирск и присутствовал на балу.

Из дневника внука губернатора — А. В. Жиркевича, записавшего рассказы Александры Ивановны Нахтман — приемной дочери Ивана Степановича:

«<...> Дворянство давало бал. Государь, обласкавший деда (за деятельность и благополучное успокоение лашман¹⁵. — Н. Ж.) и желавший оказать ему внимание, спросил Ивана Степановича, есть ли у него семья и кто из них на бале. На ответ деда Государь сказал: “Жена твоя танцует?” — “Только польский”. — “А дочь?” — “Танцует все танцы”. — “Представь ее мне”. Дедушка представил Александру Ивановну, Государь, танцуя с ней кадрили, милостиво беседовал. Так, он спросил: “Вы, вероятно, сердитесь на меня за то, что я перевел Вашего батюшку в Витебск?” — “Не смею сердиться, Государь, воля Ваша”. — “Знаю, знаю, что там неприятно служить...”»¹⁶.

В Витебске Жиркевич вскоре нажил себе таких же недоброжелателей, как и в Симбирске. Не найдя общего языка с генерал-гу-

¹³ Русская старина. Гл. IX. С. 705.

¹⁴ См. послужной список. РГВИА. Ф. 395.

¹⁵ Крестьяне из татар.

¹⁶ ОР ГМТ. Ф. 22. Дневник. Рукопись.

А. И. Лаптева

бернатором кн. Дьяковым, человеком, по мнению Жиркевича нерешительным и компромиссным Иван Степанович неоднократно подавал прошение об отставке, но Николай I не принимал ее. Но в 1838 году, как писал в своем дневнике А. В. Жиркевич, отставка — неожиданно для Ивана Степановича — была принята.

«Дедушка, подавая в отставку, был убежден, что Государь ее не примет. Но не любивший его Перовский (министр внутренних дел. — Н. Ж.), убедил Государя Николая I, что дедушка невозможен на службе. Отставку его приняли. <...> Дедушка был огорчен, принял все смиренно, заказал себе серый сюртучок и явился в нем с грустным лицом семье. Желая вновь служить и нуждаясь, дедушка хлопотал несколько раз о возвращении его на службу <...>, но Государь молча вычеркивал его из докладов, а ранее Государь всегда хвалил дедушку<...>. Дедушка был уже в отставке, когда Государь посетил Витебск. Зная, что недруги, состоящие в свите Государя, не позволяют ему добиться аудиенции у Государя, дедушка вышел на встречу Государя на шоссе и встал отдельно от толпы, надеясь, что Государь вспомнит его и остановится. Одет он был в своем сером сюртучке. Но на поклон его, Государь взглянул ему в лицо и отвернулся. Дедушка вернулся домой убитый, взбешенный. Дурное настроение выражалось у него всегда тем, что он пил самый крепкий кофе. Он потребовал этот кофе и заперся в своей комнате. В виду холеры, дедушка написал записку, в которой завещал хоронить себя в простом, деревянном гробе, если можно — даже в халате, без всякого парада»¹⁷.

Тогда же, еще в Витебске, он начал свои «Записки», которые продолжал писать, когда в начале 40-х годов с семьей переехал в Полоцк. Просто и незамысловато ведет в них он свое повествование об Отечественной войне 1812 года, о заграничных походах русской армии, в которых принимал участие, о выдающихся военачальниках — М. И. Кутузове, А. П. Ермолове. А. А. Аракчееве; о подробностях армейского быта и боевых действий; усадебной жизни; о губернаторстве в Симбирске и Витебске и о своей неустанной борьбе с казнокрадством и взяточничеством...

Умер Иван Степанович в 1848 году, в крайней бедности, от холеры, свирепствовавшей в городе. Через шесть недель умерла и неразлучная спутница его жизни Александра Ивановна (рожд. Лаптева). Похоронены оба были на «Красном» кладбище Полоцка. Могила не сохранилась.

¹⁷ ОР ГМТ. Ф. 22. Дневник. Рукопись.

Все, читавшие «Записки», отмечают трогательную и поучительную историю его женитьбы, рассказанную им самим, которой и завершается рассказ об этом незаурядном человеке.

Шел 1812 год. Отступая с войсками, («жар был нестерпимый, и мы не более как в 38 часов прошли около 75-ти верст, без малейшей встречи с неприятелем...¹⁸»), молодой Жиркевич оказался в местах, близких к усадьбе, где жила тогда его невеста. Получив разрешение начальства, он поехал предупредить Лаптевых об опасной близости французов, отдельные разъезды которых уже появлялись на противоположной стороне Днепра... Депрерадович, командир Жиркевича, «сперва мне решительно отказал, говоря, что хотя по другой стороне и тянется цепь казаков, но что на это полагаться никак нельзя, что неприятель местами очень легко может перебраться на нашу сторону для розысков, и что я тогда могу даром попасться в плен. Но я стал его убедительно просить отпустить меня, и он благословил меня, подтвердив, чтобы я сам на себя пенял и не выдал бы известий о том, что отряд наш идет на Смоленск. Взявши у головы подводу, часов в 10 утра поехал я в Нолинцы (деревня Лаптевых. — Н. Ж.), куда и прибыл в самый полдень. Во двор господский я должен был въехать аллеею, так что можно было приезд мой видеть еще саженой за 100 от дома. Первый предмет, бросившийся мне в глаза, когда я въехал во двор, была огромная масса сухарей, приготовленных для армии и сушившихся на солнце, а затем в окне я увидел все семейство Лаптевых, сидевших за столом, и в конце стола, прямо против окна, мою невесту, которая, вскочив, закричала: «Ах! Иван Степанович приехал». Тут и другие все бросились к окну, а потом и на подъезд с вопросом, что значит мой приезд из похода? Этот вопрос мне показался весьма странным: но каково было мое изумление, когда мать невесты и даже Пирамидов (муж одной из дочерей, также приехавший из армии. — Н. Ж.) объявили мне, что они вовсе не имеют понятия ни о какой опасности, что они слышали, будто армия приближалась к Витебску и Могилеву, но что около этих мест где-то было сражение, и французы уже прогнаны назад, что на днях Государь был в Смоленске, смотрел там двенадцать армейских рот и рекрутов, всех успокоил и обнадежил; и что они во все не собираются и не думают куда-либо выехать. Я, объяснив им их ослепление, стал убедительно просить матушку тот же час собраться и ехать, по крайней мере, в Смоленск, что составляет не

¹⁸ Русская старина. 1874. Август. Гл. III. С. 643.

более 18 верст, там она сама могла удостовериться, что им никак нельзя долее оставаться в деревне. Она мне объявила, что это вовсе не так легко сделать, как я предполагаю, что она обыкновенно все лето живет в деревне, следовательно, на лето у нее в Смоленске вовсе нет запаса; теперь же пора рабочая, мужики все в поле и от работ отрывать их грешно. В дальний путь с семейством ей ехать и вовсе нельзя: “На это нужны деньги, а у меня их вовсе нет” — сказала она и потом прибавила: “Да что это, Иван Степанович, вы нас пугаете, вас, верно, послали по какому-нибудь делу в Смоленск, и вы хотите, чтобы ваша невеста была ближе к вам, и потому всех нас за собой тянете? Раненько, молодой человек, вздумали надо мной шутить”. После долгих и долгих убеждений, она понемногу начала давать веры моим словам, обещала подумать и дня через два приехать в Смоленск на несколько дней. Пробывши часа два у них, отправился я к отряду своему, в деревню Ольшу. Когда я явился после к Депрерадовичу, он с любопытством стал спрашивать меня, что слышно около Днепра о французах, но я удивил его моим рассказом, и он мне серьезно сказал: “Напишите сейчас же к вашим родным, что я велел их уведомить: они не могут оставаться в деревне и отправьте к ним нарочного”. Разумеется, я поспешил исполнить приказание генерала, и будущая моя теща, с четырьмя дочерьми, из коих две беременные, с двумя малютками, с дворней, человек до пятнадцати, без денег, без гардероба, без запасов, на другой день, в пять часов утра, перебрались в Смоленск; а через полчаса после ее выезда, в деревню наехали свои мародеры и весь дом перевернули вверх дном, так что оставшаяся дворня, а частью и крестьяне, бегом прибежали в Смоленск и принесли весть о том...”¹⁹.

Увиделся же Иван Степанович с семьей Лаптевых лишь через два года: тотчас после подписания мира Жиркевич выехал из Парижа в родные края...

«<...> Родной мой край представлял все еще только одно пожарное пепелище. В имении матушки, Малосельи, более половины крестьян перемерли. Осталось всего лишь шестнадцать душ, и Фролов, к которому от сестры перешло это имение, по крайней мере, озаботился продовольствием мужикам и обсевом их и своих полей. В Нолинцах же, деревне Лаптевых, все стояло вверх дном. Поля не засеяны, крестьяне не призрены и, что всего чувствительнее для имения — отсутствие хозяев, тем более, что в самое это время выдавалось пособие от правительства. Как известно, что

¹⁹ Там же. С. 644–645.

все подобные распоряжения в начале как-то идут живее и удовлетворительнее для нуждающихся, а, впоследствии, по прошествии некоторого времени, участие и рвение остывают, и вот явное доказательство тому: матушка, не будучи налицо, по возвращении своем ничего не получила уже на свою долю... <...> С матерью и с Фроловым мы отправились в исходе октября 1814 года в Смоленск, куда и прибыли 3-го ноября. Здесь я узнаю, что семейство Лаптевых все возвратилось и живет в деревне. Разумеется, что я сейчас же поспешил туда. Но как меня поразил вид моей невесты! Она предшествующую зиму, во время краткого переезда из Ярославской губернии в Смоленск, отъехавши от города в деревню, на Днепре с саними провалилась под лед и спаслась каким-то чудом; но с того времени открылось у нее сильное кровохарканье, так что при малейшем нравственном потрясении кровь немедленно вырывалась горлом чашки по две; да к тому же у нее была корь, от которой выпали все волосы на голове. Тем не менее, я стал настаивать на моем искательстве <...>. Теперь надо представить себе положение нас обоих и наших семейств. У моей матери, в обрез, ровно ничего! У Лаптевых, кроме той же скромности достатка, большой долг, сделанный для прокормления крестьян и огромной дворни. На мне — один старый сюртук, без жалованья и даже без видов содержать себя! Я не знаю, что я думал тогда, но упрямство мое было так велико, что я настаивал на свадьбе! Иногда мне казалось, что я будто бы добиваюсь, чтобы мне отказали; но сердечная привязанность и внимание ко мне моей невесты не только не ослабели, но с каждым днем все более усиливались, и чем более я размышлял о бедственном ее положении — тем дороже и милее становилась она мне. Наконец, в апреле 1815 года, на Вербной неделе, когда я стал настоятельно просить Елизавету Яковлевну решить нашу участь, она, при всей ангельской кротости, вынуждена была сказать мне, что я сошел с ума и что сам не знаю, что желаю и требую; я с сердцем уехал и сватовство считал совсем расстроеным. Но в день Св. Пасхи я получил письмо от Александры Ивановны, в котором она извещала, что матушка решила благословить нас, и что сама будет писать к моей матери. И, действительно, Елизавета Яковлевна, извещая мою мать о моем настоянии, чистосердечно объяснила свое крайнее положение, просила, если можно, убедить меня обождать, пока я себя не пристрою, но, если это покажется недействительным, то она, со своей стороны, не будет более нам препятствовать. Матушка, зная хорошо мой характер, передала мне только письмо, не говоря ни слова, и 2-го Мая 1815 года я сделался мужем Александры Ивановны. Невзирая на кротость

нашей свадьбы, на бедность наших средств, ибо, чтобы заплатить священнику и причетнику за венец, я взял у Фролова 30 рублей, а за невестой три старых платья, — вот уже *тридцать два года* как я пользуюсь совершенным семейным счастьем и моим детям не желаю лучшей участи (Полоцк. 1847 г.)»²⁰.

По страницам «Записок Ивана Степановича Жиркевича»

*О переводе крестьян из униатства в православие*²¹.

Знакомясь с этой проблемой и собирая мнение чиновников, Жиркевич тогда же записал рассказ губернского предводителя из Яноволя Шадурского о тех методах, которыми пользовались некоторые священники при обращении униатов в православие.

«<...> Витебские помещики большею частью — католики, а крестьяне и другие обыватели частью только принадлежат католической церкви, а наиболее — униатов. Я не буду утверждать, чтобы из числа католиков все вообще помещики равнодушно смотрели на то, что подвластные им крестьяне униатского исповедания присоединяются к православной церкви, но скажу утвердительно, что когда образовалось точное понятие, что правительство решительно положило это в своих расчетах к выполнению, тогда образованные и умнейшие из помещиков воздержались от малейшего в этом отношении вмешательства, а предоставили все это (действию) тех мер, какие правительство само признает нужным указывать в этом. К нашим помещикам, по сие время, никто не обратился об этом предмете своевременно; православное же духовенство вдруг обратилось в селениях с резким требованием — не только униатов заставить обращаться с духовными тре-

²⁰ Там же. Декабрь. Гл. VIII. 662–664.

* Представленные ниже отрывки из мемуаров И. С. Жиркевича Витебского периода не охватывают всего разнообразия проблем, очерченных в «Записках». И все же наиболее значительные темы, которые проходят через все страницы воспоминаний Витебского периода: это проблема униатства и еврейский вопрос, который неоднократно возникал на страницах «Записок». Здесь, где с давних пор проходила черта оседлости еврейского народа, ограниченного во многих своих правах, всегда были сложные проблемы в его взаимоотношениях с коренным населением.

Синтаксис и в некоторых случаях и орфография, сохранены по изданию 1890 г.

²¹ Название главок (условное) и размещение текста принадлежит Н. Жиркевич-Подлесских.

бованиями к православным священникам, но даже коснулось и католиков, объясняя, что многие из сих последних, по брачным союзам с униатами, вместе с ними должны присоединиться к православной церкви. Согласитесь сами, ваше пр<евосходительство>во, позволяет ли совесть чистым католикам быть строгими участниками в подобного рода понуждениях. Конечно, ежели бы нам была объявлена прямо воля самого Государя в этом смысле, — мы бы должны были и стали бы все беспрекословно повиноваться. Но, вникнув в дела здешней губернии, ваше пр<евосходительство>во, сами изволите удостовериться, что вообще этим жалобам православного духовенства об упорстве будто бы помещиков и о противодействии мерам правительства по этому важному предмету, начало всегда возникало от православных же священников. Первый приступ с их стороны всегда бывает одинаков; к архиерею, обыкновенно, явится неожиданно человек из какого-либо значительного селения, с просьбою о желании всех будто бы обывателей оного обратиться к православной церкви.<...> Епархиальное начальство таковую просьбу всегда принимает с жаром, немедленно относится к земскому начальству, извещает оное об отправлении в селение просителя особого православного священника, требует без малейшего промедления допустить православного священника в приходскую униатскую церковь и указывает полиции принять немедленно под покровительство всех обращающихся. Помещик, владелец имения, иногда вовсе даже не знает об этих распоряжениях, а православное духовное управление дополняет, что оно нисколько не имеет нужды предварять об этом помещика: церковь-де приходская, а не собственность помещика, и не одни его крестьяне приписаны приходом к церкви. Православный священник, не упуская минуты времени, приезжает в селение, очень часто прежде даже прибытия туда чиновника земской полиции, входит, обыкновенно, в дом помещика и, в выражениях, нередко далеких от приличия, объявляет ему причину своего наезда и от него требует содействия и настояния к открытию церкви. Вообще при всех подобных случаях униатский священник скрывается, с умыслом или случайно — этого решительно нельзя вдруг определить. Помещик иногда, испуганный внезапною, и сам желал бы тот же час выполнить настояние прибывшего священника, но двор его уже наполнен крестьянами, большею частию не имеющими не только желания присоединению, но даже и понятия, что от них требуют. Конечно, при этом не может быть совершенного спокойствия, иногда встречается и сопротивление; тогда тотчас возникают жа-

лобы: “крестьяне де бунтуют”, помещик и униатский священник не только подстрекают бунтующих, но даже научают их противодействию. Чиновник земской полиции, подъехавший к этому случаю, всегда уже положительно обвиняется в пристрастии и потворстве католикам и очень часто отрешается от должности, а иногда и предается суду. Суд же всегда оканчивается совершенным его оправданием»²².

О подавлении беспорядков в Яновольском уезде.

С позиций современного человека методы, которыми пользовался в ряде случаев Жиркевич, кажутся деспотичными и жестокими, но каждая эпоха имеет свои законы, традиции, психологию, которые нужно учитывать. Такова история, происшедшая в Яновольском уезде.

Суть заключалась в том, что одно из имений, ранее бывшее в пожизненной аренде, после смерти арендатора по закону переходило в ведомство казенной палаты. Для этого домовладельцы должны были выбрать старшин и принести присягу. — Н. Ж.

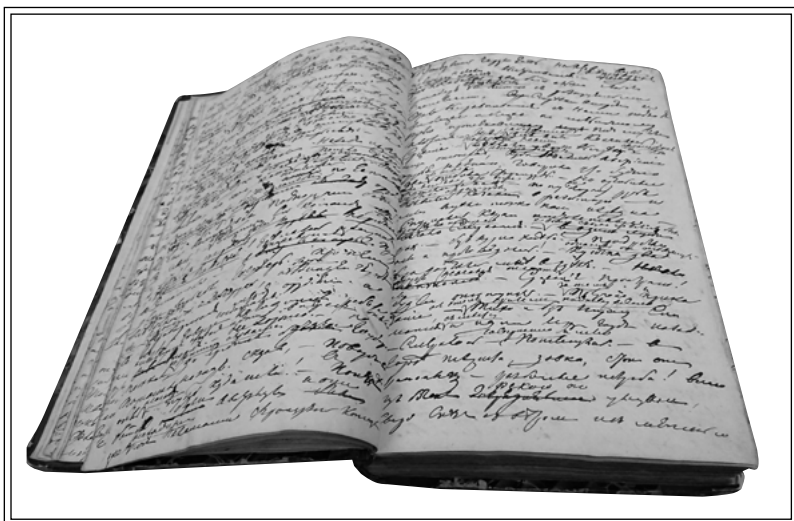
«<...> Крестьяне, по наущению или по глупости, объявили, что старшин выбрать они готовы, но присягать не станут, ибо “они теперь вольные, а когда присягнут, опять сделаются помещичьими”, и в этом отношении упрямство между крестьянами дошло до такой степени, что ни вмешательство священника и полиции, ни прибытие на место высших чиновников казенной палаты, ни даже личное присутствие бывшего губернатора Шрейдера не могло прекратить его».

(Далее Жиркевичу сообщают, что большая толпа разъяренных крестьян ворвалась в квартиру к должностному лицу, и только прибытие расквартированного полка из Яноволья остановило готовящееся кровопролитие. Около 80 крестьян были взяты под стражу и преданы военному суду. — Н. Ж.)

«<...> Меня тут вовсе не ожидали, и только передовой жандарм предупредил их, что я буду через четверть часа, вслед за ним. Я приехал часу в пятом пополудни.

На площади перед господским домом, стояли в козлах ружья двух рот солдат и расхаживали часовые; несколько в отдалении стояли две группы: одна — состоявшая из крестьянок, а другая — из

²² Русская старина. 1890. Гл. I. С. 233–235.

крестьян. На вопрос мой, для чего они собраны, я получил ответ: “каждый день приводят два раза для убеждения, — все тщетно”.

Я прежде всего обратил мое внимание на то, что чиновники, встретившие меня у подъезда, были все не при форме, а некоторые из них только в виц-мундирах. Я приветствовал их тем, чтобы у кого нет мундира — не осмелился бы являться ко мне. Там, где идет дело о возмущении, каждый должен иметь всю форму на себе, и первый помнить и выказывать, что он служит государю. Не знакомые еще со мною, а некоторые даже и не знавшие, что я прибыл в губернию, чрезвычайно были озадачены моим прибытием, и смятение их перешло некоторым образом и на крестьян. Пробыв несколько минут в покоях, я вышел к выстроенным уже ротам и, приняв приличную поступь, пошел к толпе крестьян, но, проходя женскую толпу, спросил: “А для чего сюда привели баб-то?”

Одна из них, выйдя вперед, обратилась ко мне:

“Ну, милость ваша, у нас уже так ведется: куда мужья — туда и бабы”.

Признав выходку сию за дерзость, я приказал заседателю земского суда немедленно наказать розгами выскочку, и через пять минут на площади не осталось ни одной женщины. Подойдя к крестьянкам, которые, числом около двухсот человек, все стояли без шапок, я обратился к ним, в приличных выражениях, мое предвращение, что Государь, по случаю беспорядков в Витебской губернии

происходящих, назначил меня в оную губернатором. Звание это налагает на меня обязанность быть каждому селянину отцом, но для бунтующих я прежде всего каждому являюсь грозным судиею, и они меня теперь видят в одном последнем звании. Я буду уметь расправиться с каждым в свое время, а теперь чтобы они все разошлись немедленно по домам. Едва я успел обратиться на другую сторону, один из крестьян, вскинув шапку набекрень, возгласил: "Ну, посмотрим, братцы, пойдем домой!"

Заметив говорившего, я вошел в толпу и, взявши дерзкого за ворот, вывел вперед, приказав немедленно подать плетей, и тут же велел наказывать его. Несколько ударов он перенес с твердостью, потом стал просить помилования. Приостановив наказание, я спросил его: "намерен ли он вперед в шапке стоять перед начальником?" Он не отвечал, и я приказал возобновить наказание; три раза делал я ему один и тот же вопрос и он все упрямылся, но, видя, что и я тоже упрям в моем наказании, наконец, дал обещание не только перед начальником, но даже при сотском и при десятском всегда ходить без шапки, и я повторил приказание, чтобы крестьяне шли по домам к себе.

Эти два внезапно сделанные примера так сильно подействовали, что когда через полчаса после этого приехавший из Люцина земский исправник Михаловский явился ко мне, то объявил мне, что он верстах в двух встретил крестьян и они в один голос ему кричали: "Нет, батюшка! Сюда приехал не такой, как прежде. По-езжайте-ка туда, и вам достанется; нет, с этим шалить забудешь!" И Михаловский прибавил: "Я уверяю вас, ваше пр<евосходитель-ст>во, что крестьяне это говорили нешуточно, и смело заверяю вас, что теперь уже неповиновения не будет!"

Я пошел посетить арестантов; они, в числе семидесяти восьми, содержались в двух огромных сараях, и около каждого из них поставлено было по шести часовых с заряженными ружьями. Вызвав их всех наружу, я выкликнул пятерых, <...> как замеченных лично Домбровским, врывавшихся в его квартиру. Этих приказал немедленно заковать и обрить им половину волос на голове и на бороде, а остальных немедленно отпустить домой. За этим, я приказал исправнику, чтобы на другой день к утру, в семь часов, из ближайших деревень приведены были ко мне одни только домохозяева; но пришлось объявить от меня строжайшее приказание, ежели я увижу хотя издали кого нетребованного, мужика или бабу, я велю непременно и больно наказывать розгами; вместе с сим объявил я, чтобы к этому сроку прибыли в Яноволь священники, для приведения к присяге, православного и католического исповедания.

<...> По утрам, при моем выходе, я нашел в зале уже чиновников всех, в мундирах, двух священников, из которых я к православному подошел, по обычаю, к благословению; но сколько поразило меня: от него, как от винной бочки, несло уже вином, так что я решительно отскочил назад. Само по себе разумеется, что я разразился в моих о сем предмете замечаниях, и от католического священника тоже был слышен запах вина, но в малом размере. <...>

Когда исправник донес мне, что домохозяев приведено тридцать семь человек, я велел им составить именной список и поставить их в две шеренги, а около них составить цепь из шести рядовых из караульных; сверх того приказал арестантов, накануне закованных, без шапок, провести мимо теперь собранных крестьян и объявить при этом, что их ведут к суду и что участь их сегодня же будет решена окончательно. Затем я сам вышел из покоев, окруженный большою свитою; обратясь к крестьянам, я сказал им:

“Вас долго и много увещевали, и все без успеха; я говорить много не люблю: слушайте мое приказание. При выборе старшин для себя вы должны все присягнуть; этого требует от вас Бог и Государь. Я буду спрашивать по одиночке каждого из вас: намерен ли он присягнуть или нет? Другого ответа не надо: «да» или «нет». Кто скажет «да», тот сейчас же присягнет; кто скажет «нет» — пальцем не трону: тот будет судим по закону; вы видели преступников, — вот всем пример”».

Окончив речь, я приказал исправнику по списку вызывать крестьян, по одиночке, вперед; первый вышедший, на вопрос мой: будет ли он присягать? Отвечал: “Отчего же не присягнуть? Я не прочь, когда и другие станут тоже присягать”.

“Я от тебя не требую рассказов, отвечай мне словом: «да» или «нет”», заметил я ему.

Он же опять повторил мне то же, т. е. что он тогда присягнет, когда будут присягать другие. Я приказал подать розги и велел наказывать его просто за упрямство. Ударов с пятьдесят выдержав, он стал просить о пощаде; приостановя наказание, я повторил, что требую коротких ответов “да” или “нет” <...>. Крестьянин опять стал ссылаться на согласие других, и я приказал снова сечь его за упрямство. Четыре раза начинали наказывать и, наконец, уже он просто отвечал: “да”. Тут один из стоявших во второй шеренге закричал:

“Плетьми и розгами каждого можно заставить делать, что хочешь!”

Я вызвал выскочку вперед и тут же приказал сечь его. Ему не дали и десяти ударов, как он стал просить прощения и кричал: “Я буду присягать без отговорок”, <...> других сопротивников не нашлось. Принесли налож, крест, Евангелие и священник приблизился, чтобы читать форму присяги: я просил его, чтобы он прежде объяснил крестьянам всю важность того священнодействия, к которому они теперь приступают. Священник едва еще опомнившийся от пьянства, смешался, оробел, и я принял на себя то, что поручал ему. Когда же присяга была прочитана, то прежде, нежели допустить присягавших до креста и св. Евангелия, я приказал самому священнику подать пример троекратного поклонения, а за ним последовал я сам и потом каждого крестьянина заставлял делать то же: решительно могу удостоверить, что формальность, которая может показаться мелочным действием, сильно подействовала на присягавших; я видел, как каждый из них с трепетом и заметным волнением выполнял приказание и, приложившись к кресту и Евангелию, опять успокаивался. Точно тот же порядок и постепенность, т. е. пример священника и лично мой, я удержал при присяге католиков, которых было около десяти человек. Когда присяга кончилась и я подошел опять к крестьянам благодарить их и поздравить, они мне в один голос отвечали:

“Ну, отец наш, мы, глупые, до того времени не знали сами, что делать, а теперь как будто с души что-то спало: слава Богу, ведь мы все присягнули!”

На другой день я приказал привести остальных домохозяев всей волости, слишком двести сорок человек; я не встретил ни одного отреченного: все присягнули без прения; я приказал поспешить окончанием суда и, при строгости приговора, объявленного преступникам, написал частное письмо к Дьякову, прося его как можно смягчить наказание при конфирмации <...>.

Тотчас после этого я приказал батальону выстроиться вне селения, а домохозяев собрать перед моею квартирою на площади; выйдя к ним, я объявил, что теперь они сами, без всякого участия чиновников, должны выбрать четырех человек старшин, из которых я тут же утвержу двоих в этом звании. Выбор не продолжался и четверти часа; кандидаты мне представлены на лицо. Пригласив ассессора казенной палаты, ибо это было его ведомство, я приказал ему избрать двух; через две минуты был введен батальон на площадь, избранные старшины под знаменем присягнули на верность службы. Священник отслужил благодарственный молебен, с коленопреклонением, и окропил всех святою водою, и все дело неповиновения кончилось так, как я предвещал Дьякову. <...> Во все время, пока я был губер-

натором, и в делах остались свидетельства, все совершенно было успокоено и продолжалось, пока я не выбыл в отставку; а потом, к несчастью, более сорока жертв положили живот по своей глупости там, где теперь все так просто и благополучно кончилось»²³.

О наводнении в Дриссе и Динабурге.

«<...>В 1837 году, во вторник на Святой неделе, я получил донесение с эстафетою от дриссенского городничего, что река Двина во время весеннего разлития своего внезапно затопила половину города, так что жители затопленных домов лишились скота, живности и всех сделанных ими запасов, и что нужно принять скорые и решительные меры для пропитания несчастных, иначе многие должны будут умереть с голода.

Полагая, что весенний разлив бывает ежегодно, я обратился к распросам о прежних случаях, и получил ответ, что в Дриссе подобного никогда не встречалось, ибо в настоящий раз и в Витебске Двина поднялась гораздо выше обыкновенного, но что ежели несчастье постигло Дриссу, то должно гораздо большего ожидать в Динабурге, где ежегодно, без исключения, часть форштадта бывает под водою. Узнав, что в этот день выезжает в Дриссенский уезд, в имение свое, предводитель Шадурский, я решил сам выждать донесения из Динабурга, а его просил, заехав в Дриссу, на мой счет раздать некоторую сумму наиболее пострадавшим и нуждающимся.

Донесение из Динабурга не замедлило, и на другой день я был извещен тамошним городничим, что на этот счет несчастье в городе усугубилось не столько от необыкновенного возвышения воды, как от неожиданности случая, ибо в истекшем году, через форштадт по берегу реки настлано полотно для шоссе, которое собою образовало возвышенную дамбу и должно быть совершенно предохранять форштадт от наводнения. Но как это полотно было еще не вполне окончено, а насыпи щебнем на оном вовсе не было, то Двина около форштадта, самую дамбу сузив русло свое, накопила огромную массу льда в этом пункте. Потом с силою прорвало в нескольких местах проведенное шоссе и вдруг, когда жители почитали себя в первый год совершенно избавленными от наводнения, водою залило весь форштадт, а напором льда не только повредило, но даже раз-

²³ Там же. Гл. III. С. 251–257.

рушило несколько домов, а один снесло с места и передвинуло более нежели на сто сажений во внутрь города. При этом случае у многих обывателей пропало все имущество, а главная потеря заключается в унесении леса, приготавливаемого для разных построек, и дров для топлива.

Подумав несколько и сообразив, что, поехав на место с пустыми руками, я принесу не много пользы, ибо только увижу то, о чем имею (донесение) у себя на бумаге, и не имея в моем распоряжении никаких денежных сумм, я пригласил к себе вице — губернатора (теперь — 1845 г. — председатель казенной палаты) Гжелинского, просил его совета и пособия, т. е. спросил, может ли он, не подвергая себя ответственности, из казначейства, на собственный мой страх, отпустить какую-либо значительную денежную сумму? Пересмотрев все ведомости, мы согласились, чтобы я дал палате предложение отпустить в прямое мое распоряжение строительный капитал, с несколькими рублями более 20 тыс. руб. Приняв эту сумму, я в тот же день поехал прежде, через Полоцк, в Дриссу.

Остановясь на ночь в Полоцке, я стал подробнее расспрашивать о слухах о постигшем Дриссу несчастии; слухи эти сообразовались с донесением. Я приказал полицеймейстеру скупить 150 четвертей круп, нанять лодку и спустить вниз по Двине до Дриссы, — издержка простиралась до 1.800 рублей, — и сам пустился рано утром далее, передовым отправля жандарма.

На городской черте, до Дриссы версты за две еще до заставы, встретил меня тамошний городничий на дрожках; я пересел сам к нему и стал расспрашивать его о подробностях. Он рассказывал мне, изображая все в самом горестном положении и утверждая, что более половины скота погибло в волнах. Из людей же утонул только один кузнец, но и то по своей неосторожности, ибо в самый разлив на доске хотел переправиться через реку Дриссу, по близости устья оной с Двиною, и унесен в Двину. Мы подъехали к заставе, и я приказал ехать туда, где более город потерпел, и сделал это очень кстати. Я сейчас заметил решительно в каждом доме и козу, и курицу, и, наконец, там, где прежде была, и корову; одним словом, ни скота, ни живности нисколько не погибло, а в домах, где были полы, подняло оные, размыло печи и выбило много стекол. Указав все это городничему, строго заметил я ему ложность его донесения и спросил: приезжал ли в Дриссу Шадурский? Он отвечал, что сам Шадурский не приезжал, а присылал управителя своего, который и раздал беднейшим 2.000 руб. ассигнациями.

Приказав немедленно составить и подать мне список, кому были выданы деньги, я приказал городничему, под личную мою ответственность, всю эту сумму собрать от тех, кто получил деньги, а взамен этого передать им муку и крупу, которые, по моему распоряжению, доставятся в город. Как я рассчитывал, так и случилось, и деньги, хотя не вполне, но соразмерно сделанной закупке, были собраны, и две тысячи возвращены Шадурскому.

Чтобы лучше объяснить разность усердия чиновников, по выборам служивших, или по назначению от казны, с похвалой здесь подтверждаю, что хотя при настоящем разе Двина затопила большую часть прибрежной дороги, по которой размыло и снесло мосты, но я, при всей поспешности моего выезда, видел уже полную заботливость об исправлении поврежденного, а главное, что коммуникация почтовая вся уже перемещена была выше, с удобностью, так что я и часа нигде не был задержан.

В Динабурге я повторил мою проделку, но тут расстройство я нашел гораздо серьезнее. Несколько домов порядочно пострадали, повреждены были значительно, так что у трех или четырех выбит был и разбит фундамент. Много размыто полов и печей, и побито стекло. Когда же я прибыл на квартиру, городничий подал мне ведомость о потерях, простиравшуюся более 120 тысяч рублей. Я вторично с ним отправился для соображения потерь по городу. И на месте указал ему неосновательность его сведений. Затем составил я особую комиссию, включив в нее моего собственного чиновника, и дал от себя инструкцию, по которой составленный счет с чем-то перешел за 16 тысяч рублей и был очень близок к истине. Более пострадавшим я тут же раздал около 2.500 руб. и отправился обратно в Витебск, откуда послал обстоятельное донесение генерал-губернатору и прямо министру; в частном письме к последнему я объяснил решимость мою на счет денежных издержек и просил его снисходительного внимания, дабы они не пали лично на меня. Недели через две министр выслал не только издержанную мною сумму, но и ту, которую я просил в пособие обоим городам, по личному моему обзору»²⁴.

О пожаре в Полоцке в 1837 г.

«<...> Едва я успел вернуться в Витебск и дал от себя назначение о прибытии моем на другую половину губернии, в Сураж,

²⁴ Там же. Гл. VI. С. 667–669.

Велиж, Невель и Городок, я получил эстафету из Полоцка, что там произошел пожар, истребивший более 200 домов, лучшую часть города. Это известие я получил на другой день начала пожара в 10 часов утра; в 6 вечера я уже был в Полоцке. Пламя погубило уже строения, но на печелищах во многих местах еще вспыхивало, и в мою бытность сгорел еще один дом. Я обошел лично все пространство, обнимавшее несчастный случай; там, где счел нужным, приказал поставить особые караулы от обывателей и полиции. При таком огромном несчастье, конечно, никакая сила, никакие распоряжения не могли совершенно отвратить оно, а потому ни шуметь, ни взыскивать с кого-либо за действия мне не приходилось.

С 10 часов вечера до трех утра я занимался размышлением и распоряжениями, какими средствами можно было пособить погоревшим. Прежде всего предположил я открыть на месте и по губернии подписку на сбор денег и припасов для прокормления беднейших. Подписав от себя 400 руб. ассигнациями, утром пригласил я на пожертвование, через полицеймейстера, генерала Хвоцинского, подписавшегося на 100 руб., и архиерея, давшего 50 руб. ассигнациями; к этому началу, до обеда от обывателей присоединилось еще до 1.200 руб. Предвидя это, я предположил составить особый комитет для направления и раздачи пособий. *(Далее Жиркевич подробно описывает членов этого комитета: полицмейстера, начальника кадетского корпуса генерала Хвоцинского, архиерея, полковника Доликова — «самого бескорыстнейшего и благороднейшей души человека» и др. — Н. Ж.)*

<...>Для удовлетворения потерпевших, я поручил комитету прежде всего озаботиться, чтобы бедные все были размещены на один месяц, в виде постоя, без платы, по домам, уцелевшим от пожара. Затем, чтобы раздача пособия производилась не деньгами, но закупаемыми припасами, мукою, крупую и печеным хлебом, покупаемыми непременно у евреев, по той причине, что ни один христианин не будет пренебрегать таковыми припасами, напротив же, евреи имеют предубеждение к отвращению того, что изготовляется христианами.

Еще в Симбирске Государь за обедом изволил мне сказать:

“Смотри, Жиркевич, твоя участь будет жить в Полоцке. Мы давно уже имеем в виду перемещение туда из Витебска, но генерал-губернаторы как-то этого не хотят и отстаивают; со всем тем я считаю, что тебе придется непременно туда переехать”.

Это навело меня на мысль, что на обгорелых местах постройки должны производиться с особою осторожностью и осмотрительностью, и я без разрешения моего воспретил даже и времен-

ные постройки. Там, где прежде были подвижные лавочки, указал я устраивать их в приличнейшем размещении, но поставил на вид полицмейстера дозволение на это давать по одной лишь необходимости, стараясь, чтобы подвижных лавок было как можно менее, ибо мне хотелось непременно выбрать удобные городские лавки и обывателей заставить волею или неволею нанимать оные в прибыль городу. Немедленно написал я всем уездным предводителям, городничим, о рассылке главным помещикам по губернии, письменно прося их о деятельнейшем участии в сборе пособий и высылке оных без задержки на имя учрежденного мною комитета. Утром, собрав местное купечество, лично убедил оное на подписку и внесение суммы.

Еще с вечера послал я полицмейстера от себя спросить о здоровье Смарагда (уже извещенного о переводе его в Могилев) и о том, не беспокоил ли его особенно пожар, который коснулся до стен монастырского строения, и спросить, позволит ли он мне видеть его. Смарагд дал ответ:

“Я болен, перепуган, а губернатор во всем господин, что угодно, так пусть и делает”.

Сочтя это за отказ и нежелание со мной видиться, я решил уже не заходить к нему, но поутру жандармский штаб-офицер, подполковник Певцов, придя ко мне, объявил, что Смарагд чрезвычайно расстроен и огорчен, и пеняет, что я его не посетил. Я тот же час взял шляпу и отправился к нему. Он меня принял с сильнейшим чувством благодарности, можно сказать даже покорности, просил извинения, что не может мне по болезни заплатить визита, но при отъезде через Витебск будет у меня лично, для изъяснения своего искреннейшего раскаяния за разногласия со мною в действиях. <...>

Теперь же, возвращаясь в Витебск и в этот же день, по случаю обыкновенного у меня по пятницам сборища общества, собрав еще более 1.000 руб. на погоревших, — я в подробном донесении Государю изобразил все, что видел сам лично и какие приняты на месте меры. Далее дополнил, что все несчастные успокоены мною окончательно на целый месяц и не будут терпеть нужды, но что дальнейшую их участь предаю его благотворной деснице»²⁵.

²⁵ Там же. Гл. VII. С. 679–682.

**«А ЧТО-ТО ГОВОРИТ МНЕ, ЧТО МЕНЯ ЕЩЕ ВСПОМНЯТ...»
(АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ ЖИРКЕВИЧ,
ВНУК И. С. ЖИРКЕВИЧА)**

В ноябре 2017 года исполнилось 160 лет со дня рождения Александра Владимировича Жиркевича (1857–1927), военного юриста, литератора, коллекционера, общественного деятеля, известного своими литературными и художественными связями с выдающимися людьми своего времени.

Большая часть жизни А. В. Жиркевича прошла в Северо-Западном Крае в городе Вильне. Здесь он провел юношеские годы, служил в военно-судебном ведомстве, вышел в отставку, посвятив затем свою жизнь общественной деятельности и борьбе за улучшение быта арестантов, помощи несчастным, попечительству и благотворению. Многие называли его последователем доктора Гааза¹.

В Вильне он написал свои лучшие произведения в прозе и стихах. Сотрудничал в городских газетах, откликаясь на общественные новости. Встречался со многими интересными людьми Вильны: академиком живописи И. П. Трутневым² и художником В. В. Грязновым³, поэтессой и общественной деятельницей Е. К. Остен-Сакен⁴, прокурором А. А. Навроцким⁵, преподавателями Реального училища С. В. Шолковичем⁶, писателем и обще-

¹ Ф. П. Гааз (1780–1853), замечательный тюремный врач, известный своей филантропической деятельностью. Много сделал для облегчения участи заключенных. Ему приписывают слова «Спешите делать добро» — один из девизов А. В. Жиркевича. Автор книги о Гаазе А. Ф. Кони подарил ее Жиркевичу с надписью «Последователю Федора Петровича Александру Владимировичу».

² И. П. Трутнев (1827–1912), академик, основатель и руководитель рисовальной школы в Вильне.

³ В. В. Грязнов (1840–1909), белорусский художник и краевед.

⁴ Бар. Е. К. Остен-Сакен (1847–1923), поэтесса. О ней см.: Жиркевич-Подлесских Н. Г. «По Поскову-то сам Пушкин мне земляк...», изд. «Сельцо Михайловское Пушкинского заповедника», 2000 г.

⁵ А. А. Навроцкий (1839–1914), военный юрист, драматург. Автор стихотворения «Есть на Волге утес».

⁶ С. В. Шолкович (1840–1886), преподаватель русской литературы в Реальном училище Вильны, автор ряда монографий.

Александр Владимирович Жиркевич

ственным деятелем, математиком, и изобретателем О. Н. Ливчаком⁷. Здесь он познакомился с М. М. Антокольским⁸, польской писательницей Элизой Ожешко-Нагорной⁹. Невозможно перечислить имена всех, с кем А. В. Жиркевич поддерживал дружеские отношения. История взаимоотношений с каждым из них может служить темой отдельного рассказа.

Когда в 1903 году Александра Владимировича перевели на службу в Смоленск, Виленская газета «Западный Вестник» (от 6 ноября 1903 г.) откликнулась на это событие статьей, в которой говорилось: «...Наш город должен искренне жалеть, что лишается такого энергичного и живого человека, такого деятельного гражданина. Смело можно сказать, что не было в Вильне полезного предприятия, на которое он не отозвался бы своею русскою, сочувствующей душой. Устраивалась ли школа какая-нибудь, затевалось ли благотворительное дело — в числе первых деятелей непременно встречается имя А. В. Жиркевича. Он хлопочет, суетится, приглашает сочувствующих лиц, собирает материальные средства. Нужна ли серьезная помощь какому-нибудь действительно нуждающемуся человеку — смело обращайтесь к А. В. Жиркевичу, уж он как-нибудь да устроит дело...»

Александр Владимирович Жиркевич родился в обедневшей дворянской семье потомственных военных в г. Люцин (ныне г. Лудза. Латвия). Был вольноопределяющимся, подпрапорщиком 108 пехотного полка, а затем, после окончания Петербургской военно-юридической академии — на должностях защитника, помощника прокурора, следователя. В годы учебы в Академии обратил на себя внимание литературно-художественных кругов как подающий надежды поэт, а в ряде случаев снискал и горячую поддержку деятелей культуры. Тогда же он напечатал ряд стихотворений в журналах «Вестник Европы» и «Наблюдатель», а еще ранее, во время службы в полку, несколько рассказов в журналах «Природа и охотник», «Глобус» и др.

В 1888 г. А. В. Жиркевич начинает службу в военном ведомстве Вильны, где, как ему кажется, он может применить в жизни свои гуманные принципы. И поначалу служба приносит ему удов-

⁷ О. Н. Ливчак (1839–1914), преподаватель математики в Реальном училище Вильны, изобретатель в области военного дела и публицист.

⁸ М. М. Антокольский (1843–1902), скульптор.

⁹ Элиза Ожешко-Нагорная (1841–1910), польская писательница и общественный деятель.

Екатерина Жиркевич, ур. Снитко

летворение. «...Предложи мне миллион, — записывает он в дневнике, — я бы не бросил эту службу, т. к. вижу возможность быть христианином не на словах, а на деле. Облегчить участь, вернуть доброе имя обвиняемому...». «“Человек, прежде всего — на всех должностях военно-судебного ведомства”, — вот мой девиз. И я буду служить до тех пор, пока смогу приносить пользу».

Но вскоре приходит разочарование. Он видит равнодушие к судьбам заключенных, карьеризм, жестокость, нарушение законов... «Надо уходить из нашего ведомства! Честному человеку скоро невозможно будет приносить пользу там, где личный произвол ставится выше закона. Сердце разобьешь о камни неправды, незнания, заведомой лжи, произвола! Каждый день ухожу из суда с сознанием, что вот-вот произойдет столкновение, и я брошу всем этим господам правду в физиономию... Господи! Дай силы для борьбы! Не всели в меня привычку к чужому страданию! Разбей мое сердце в тот миг, когда умрет в нем сострадание к судимому ближнему!» (1894 г., дневник).

Любимым выражением А. В. Жиркевича становится «И один в поле воин». Записывая в дневнике возмущившие его случаи, он тут же добавляет: «Конечно, я начну борьбу». И в ряде случаев ему удается добиться справедливых решений или восстановления законности. Но все — это частные случаи... «Жизнь есть борьба за существование других, но не за свое личное... При таком взгляде человек перестает быть животным и делает огромный шаг в области идеалов» (1898 г., дневник).

90-е годы — наиболее яркие, деятельные и счастливые в жизни А. В. Жиркевича. Он счастлив в браке с Екатериной Константиновной Снитко (1866–1921), внучатой племянницей Павла Васильевича Кукольника (1795–1884). Отсюда в доме Жиркевичей замечательный портрет историка Виленского университета П. В. Кукольника работы К. Брюллова, который сейчас находится в Ульяновском художественном музее. Рождаются первые дети... Он издает два поэтических сборника, книгу рассказов, печатается в столичных журналах. И ведет деятельную переписку со многими выдающимися литераторами и художниками, общественными деятелями, юристами. Вместе с И. Е. Репиным путешествует по Кавказу, бывает у него дома в Петербурге и в имении Здравнево. Обо всех встречах записывает в дневник, который в дальнейшем станет существенным свидетельством о жизни И. Е. Репина и поможет восполнить пробелы в биографии художника.

А. В. Жиркевич переписывается с Л. Н. Толстым, трижды посещает его в Ясной Поляне (1890, 1892 и в 1903), заносит уви-

денное в дневник. Записи этих посещений удивляют своей точностью, доброжелательностью и желанием объективно разобраться в яснополянской драме, которая разыгрывалась на глазах многочисленных посетителей¹⁰. Организует в Вильне выставку картин В. В. Верещагина¹¹, посещает в Феодосии И. К. Айвазовского¹² и т. д. Обо всем этом узнаешь из дневниковых записей А. В. Жиркевича и его сохранившейся переписки. В служебных командировках посещает другие города Северо-Западного Края: Могилев, Гродно, Минск, Полоцк (в котором одно время он жил в детстве, и где похоронен его дед Иван Степанович Жиркевич на «Красном» кладбище). К этому времени А. В. Жиркевич — уже известный в Вильне человек — занимается благотворительностью и пользуется репутацией кристально честного человека. «Сегодня ко мне в суд явилось высокое лицо, которое назвать я не имею права, и передало мне 4000 р. на постройку Вил<енского> Дома трудолюбия с просьбой передать деньги нач<альнику> инженеров. Кроме того, лицо дало 100 р. на раздачу бедным и просило принять участие в одном вил<енском> калеке. Я поражен и тронут как способом, вполне евангельским, так и тем, что лицо, только поверив слухам обо мне, выбрало меня посредником в добром деле и доверило без всякой расписки более 4000 р. ...Лицо обещало в будущем действовать через меня. Сегодня на моей улице праздник. На 100 р. я натворю чудес» (12 июля 1895 г., дневник). А через несколько страниц называет это «лицо» — Сергей Иванович Мережковский, отец будущего поэта и писателя Д. С. Мережковского.

В 1908 г., приняв с большими нравственными терзаниями должность судьи, он через несколько месяцев уходит в отставку, увидев невозможность борьбы с тайными циркулярами для ужесточения наказания и вынесения смертных приговоров революционной молодежи 1905 г. «Какой-то вихрь, ураган смерти уносит в России все энергичное, отважное, сильное духом с обеих враждующих сторон: со стороны правительства и революционеров. Ведь нельзя не признать это — в рядах “красных” есть герои, лю-

¹⁰ См. «А. В. Жиркевич. Встречи с Толстым. Дневники. Письма». Изд. «Ясная Поляна». 2009 г.

¹¹ См. «Он предложил мне свою дружбу; я с удовольствием ее принял» (о художнике В. В. Верещагине) // журнал «Третьяковская галерея». 2018. № 4 (61). Приложение к декабрьскому номеру журнала.

¹² В гостях у Айвазовского // ж. «Третьяковская галерея». 2010. № 2 (27) С. 35–47; повторение статьи в том же журнале: 2016. № 4 (53). С. 81–111.

бящие Родину!.. Если бы направить эти гибнущие силы в иную сторону, какая бы энергия была сохранена Родине. Не сочувствуя революционерам, я плачу о том, что уносят они с собой в могилы...» (31 июля 1906 г., дневник)

Выйдя на пенсию, Александр Владимирович пишет ряд воспоминаний, в том числе о встречах с А. Н. Апухтиным¹³, В. В. Верещагиным¹⁴, А. М. Жемчужниковым¹⁵, а также исследования, посвященное гауптвахтам и местам заключения в России.

Посещая, как общественный попечитель, военные гауптвахты, А. В. Жиркевич находит множество нарушений законности и положений, унижающих человеческое достоинство арестантов. Еще в 1901 г. он впервые подает записку министру юстиции А. Н. Куропаткину с предложением о преобразовании гауптвахт. Начинается многолетнее хождение к министрам (их сменилось трое) и в Главный штаб. И хотя Жиркевич получает высочайшую благодарность за поднятый вопрос, дело почти не сдвигается с мертвой точки. Тогда, желая привлечь к нему внимание общественности, А. В. Жиркевич издает книгу «Пасынки военной службы» (Вильна, 1912 г.). Книга вызвала полемику между «правой» и «левой» печатью, поскольку далеко выходила за рамки поставленных в ней вопросов — о России, революции и ее методах. А Жиркевич, убежденно не принимавший участия в политической борьбе, с горечью писал: «Все в целях борьбы, взаимной травли, взаимных упреков...». Большой, горячей статьей поддержал Жиркевича В. В. Розанов¹⁶. Продолжением этой борьбы и ответом журналистам стала вышедшая через год книга «Гауптвахты России должны быть немедленно же преобразованы...» (Вильна, 1913 г.).

В годы Первой мировой войны А. В. Жиркевич начинает благотворительную деятельность в госпиталях. Многие, в том числе и солдаты, удивлялись его ежедневным посещениям...

Это участие к «нижним» чинам казалось тем более странным, что А. В. Жиркевич к этому времени по своему положению имел доступ к таким сановникам, как министр В. А. Сухомлинов, член

¹³ Жиркевич А. Поэт милостью Божьей // Исторический вестник, 1906. Т. CXI ноябрь (воспоминания об А. Н. Апухтине).

¹⁴ Жиркевич А. Василий Васильевич Верещагин: по личным воспоминаниям // Вестник Европы. 1908. Т. 2. Кн. 4.

¹⁵ См.: Жиркевич А. «Портрет А. М. Жемчужникова, нарисованный им самим А. В. Жиркевичу // Русская старина. 1909 г., апрель, май.

¹⁶ «Новое Время». 1913. № 13456.

Госсовета В. К. Плеве, Великий Князь Константин Константинович и др. Такое поведение озадачивало... Ведь не часто можно встретить генерал-майора, ухаживающего за ранеными. «Прихожу вчера в палату, так называемую “хирургическую”, один из солдатиков мне и говорит: “А мы о Вашем Превосходительстве скушаем. Поджидаем Вас”. — “Да и я, братцы, скушаю, — ответил я больному, — как подходит два часа, так меня к вам и тянет”. Ну, можно ли забыть слово простого человека, так искренне сказанное...»¹⁷.

В 1915 г. Александр Владимирович эвакуируется с семьей в Симбирск и вскоре становится общественным попечителем нескольких госпиталей, трех тюрем и военно-гарнизонного кладбища. Его возмущает положение в женской тюрьме, где вместе с заключенными матерями в камерах содержались и их дети. Он добивается строительства детского приюта при тюрьме, а пока идет строительство, водит детей гулять на «Венец» — бульвар над Волгой, приносит им гостинцы, книги. В памяти старожилов города осталось воспоминание о странном генерале, вечно окруженном бледными, бедно одетыми детьми. О деятельности Жиркевича в женской тюрьме, на Старом Венце была опубликована большая статья в № 20 «Епархиальных ведомостей» «Лучи света»¹⁸. В ней автор писал: «Нынешняя великая война, всколыхнувшая Русь от края до края, забросила в Симбирск в августе 1915 г. человека, сумевшего в короткое время переделать жизнь тюрьмы на иной, светлый лад — генерала Жиркевича, вынужденного эвакуироваться сюда из Вильны». Далее рассказывается, как генерал вместе со священником Цветковым создали в тюрьме церковь. На средства Жиркевича и его жены куплен колокол, устроена больничка на несколько коек, у дверей тюрьмы появился ларь с трогательным воззванием. Ларь, в который стали тотчас же опускаться булки, баранки и другие припасы для больных и детей арестанток, приносимые добрыми обывателями Симбирска¹⁹ (подробнее см. Александр Жиркевич «Симбирский дневник». 1907. изд. Этерна). С привычной энергией участвуя в жизни города, Александр Владимирович ждет, надеется на скорое возвращение в Вильну. Но начавшаяся революция нарушает все планы...

¹⁷ Дневник А. В. Жиркевича 1914–1918 гг. (из неопубликованных страниц рукописи).

¹⁸ Лучи света // Епархиальные ведомости. 1916. № 20.

¹⁹ Подробнее см. Жиркевич А. Симбирский дневник. 1907. Изд. Этерна.

Семья бедствует. Жиркевич перебивается временной работой — преподает грамоту в школе кожевенного производства, на командных красноармейских курсах, переживает два ареста, обыски. В его дневниках появляются записи об отсутствии дров, о последнем куске хлеба, вшах... А главное — нравственные страдания от нелепости и жестокости окружающего мира, отказа общества от тех моральных ориентиров, которыми жил всю жизнь... Вскоре начавшийся голод уносит из жизни Екатерину Константиновну, и Жиркевич остается один с тремя дочками...²⁰

Опасаясь за судьбу коллекции — в городе шли грабежи, погромы, конфискации — Александр Владимирович решает передать коллекцию, вернее, часть коллекции, которую он успел вывезти из Вильны, в Симбирский художественно-краеведческий музей (около двух тыс. единиц по описи) — живопись, графика, старопечатные книги, предметы историко-литературного значения. И почти даром, за символическую сумму, как писала одна из газет, нужную для возвращения, переезда по железной дороге в Вильну — 10 миллиардов рублей. Инфляция же была такова, что 1 миллион приравнялся к 1 рублю, а иногда и 70 копейкам. А Жиркевич плакал, получая деньги, и от долгого ожидания денег, и временного избавления от нищеты, и оттого, что нарушил принципы — только дарить в музеи... Тогда, в 1922 году, Польша не выпустила его (Литва вошла в состав Польши) и выехать ему удалось лишь в 1926 г. Но здесь его ждал тяжелый удар — все оставшиеся коллекции и обстановка пропали.

О последнем годе жизни Александра Владимировича известно мало. Дневник этого времени сгорел вместе с некоторыми другими реликвиями уже в годы Второй мировой войны. Можно предположить, судя по последней фотографии, что жизнь все же понемногу налаживалась. Оказалось, что вступить в права наследования имущества жены можно было лишь при условии принятия польского гражданства (Жиркевич на этот раз ехал лишь на несколько месяцев, для устройства имущественных дел). Он продает родовое имение Екатерины Константиновны «Лабардзи» и получает возможность поддерживать находившихся в России детей и надеется на скорую встречу с

²⁰ К этому времени в семье остались три девочки, трое старших детей умерли. Особенно тяжело Ж. пережил смерть старшего сына, 22-летнего мичмана Сергея, только что окончившего Кронштадтское морское училище.

К. Брюллов. Портрет П. В. Кукольника

ними. Но, тяжело заболев, он много месяцев лежит в больнице святого Якова.

Его навещают немногие старые друзья, а 13 июля 1927 г. он умирает. Младшая дочь Жиркевича и моя мама Тамара Александровна хотела ехать и ухаживать за ним, но он слабеющей рукою написал: «Не смей приезжать! Я не разрешаю тебе, и мы навсегда рассоримся! Жить же с тобой я не буду! Ваша жизнь должна быть в России — здесь все чужое!!»²¹

Первоначально похоронен Александр Владимирович был в могиле своего любимого сына на Лютеранском кладбище²². Когда в 60-е годы кладбище сносили, останки перенесли на православное Евфросиньевское кладбище, где он и упокоен вместе со своими детьми...

Мечтая создать выдающееся литературное произведение, Александр Владимирович не думал, что его дневник, оказавшись на стыке двух эпох, станет интереснейшим документом своего времени и войдет в историю русской культуры. Толстой, Репин, Апухтин, Фет, юрист и литератор Кони, государственные и общественные деятели и многие, многие другие, с которыми был знаком Александр Владимирович, — живыми, нехрестоматийными являются читателям дневника.

Александр Владимирович, выстроивший свою жизнь по высоким нравственным меркам и не изменивший своей позиции, несмотря на трагический итог жизни, становится самодостаточной и яркой фигурой своего времени. Многотомный, охватывающий около сорока с лишним лет жизни дневник А. В. Жиркевича — «не просто интереснейший событийный материал переломной эпохи нашей истории, это — произведение высокой художественной силы, поражающее огромным кругозором автора, его политическим чутьем, глубиной анализа происходящих событий. Вместе с тем — это исторический труд, исследование не только эпохи, но и природы человеческой, сильной и слабой, жестокой и милосердной одновременно. Самые тяжелые, подчас жуткие события, происходящие с

²¹ Письмо находится в личном архиве Н. Г. Жиркевич-Подлеских.

²² В дневнике есть упоминание, что предки Е. К. Жиркевич были униатами. Вероятно, по причине существования семейного захоронения, сын Сергей и был похоронен на Лютеранском кладбище Вильны. Вся семья к этому времени была православного вероисповедания.

автором, его семьей, друзьями, пронизаны необыкновенным человеколюбием, верой и надеждой»²³

«Думаю, что когда меня не станет, меня еще вспомнят теплым, благодарным словом, простив мне те вольные и невольные прегрешения и ошибки, которые мною совершались, так как будучи человеком, обыкновенным смертным, я не мог не заблуждаться, не падать, не причинять зло ближним, особенно при борьбе за правду...» — писал А. В. Жиркевич.

За многие годы работы с архивом А. В. Жиркевича мне удалось издать отдельные очерки о художественной и литературной жизни Петербурга, Вильны, Смоленска и Симбирска, о жизни военно-судебного ведомства, о госпиталях, тюрьмах, о жизни российской провинции. Здесь же — мысли и чувства, связанные с работой, случаи из практики, воспоминания детства, записи о жене, детях. Все это написано живым языком и идет, как случается в жизни, вперемежку. И настоящая публикация стала возможна благодаря сохраненным документам, которые Александр Владимирович не бросил, не растерял в катаклизмах военного и революционного времени, а нашел силы бережно сохранить для потомков...

²³ Белозерова Л. Подвиг самоотвержения и любви. По симбирским дневникам генерала А. В. Жиркевича // Федеральная власть. 2007. № 4. С. 52–53.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ, ВСТРЕЧИ, РАЗМЫШЛЕНИЯ... (по страницам дневника А. В. Жиркевича)

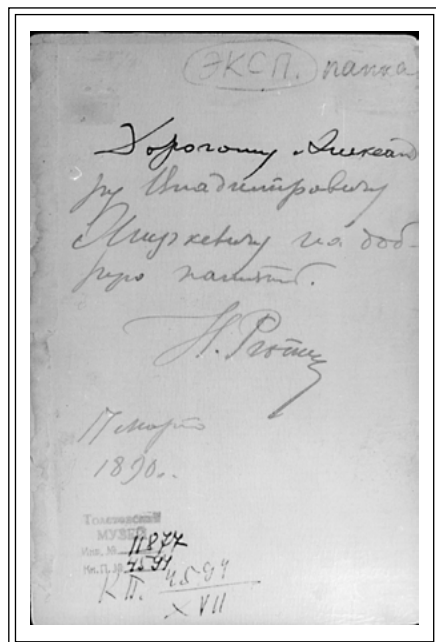
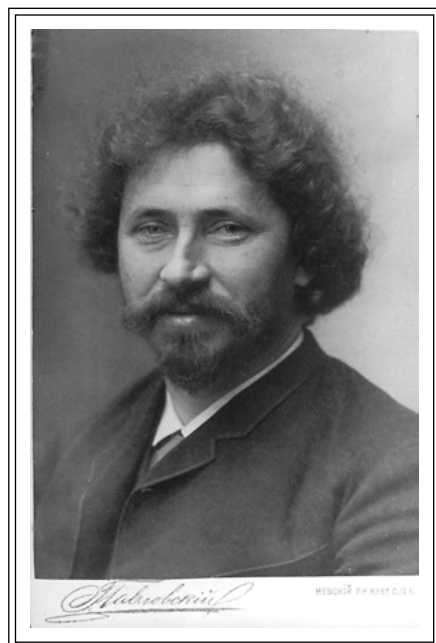
1886 г.

Самое ужасное для меня воспоминание первых лет моей работы в Гольшанах — это когда меня, только что прибывшего и вступившего в командование ротой, заставили присутствовать при экзекуции беглого солдата. Его привели под руки, т. к. он еще не оправился от предыдущей порки и бежал больной. Его поймали и назначили (кажется) 300 ударов. Говорили, что в ту порку он кричал. Здесь же, когда его привели, он только сказал «...вашу мать с вашими законами», потом закусил руку и не издал ни звука. Поркой командовал поручик Казакевич. Солдаты сначала хотели только слегка касаться осужденного, но Казакевич стал орать на них: «Дери его, дери его, как следует». На ягодицах сначала выступили капли крови, потом потекли струйки крови, а дальше, при каждом ударе брызгала фонтаном кровь и летели куски мяса, так что на ягодицах стали делаться вмятины. Солдат несколько раз терял сознание, но его приводили в чувство и снова продолжали. Я никогда не забуду лица этого солдата, когда его несли после экзекуции — серое лицо, провалившиеся глаза, сведенные руки. Поручика Казакевича я возненавидел на всю жизнь. Мне все время вспоминается этот солдат, когда я взглядываю на Казакевича. А солдат пролежал долго в больнице, а потом снова бежал и исчез бесследно, — говорят, что он утопился в Вилии.

1889 г.

Осень уже подернула желтизной кое-где зелень и веет на лицо своим холодным дыханием. Странное дело! Осенью природа, которую я так люблю, производит на меня особенно приятно-грустное впечатление. Глядя на нее, мне все кажется, что я вглядываюсь в знакомые черты милого, дорогого лица, подернутого грустью и слегка поблекшего от пережитых невзгод. Смотришь в эти черты, роешься в прошлом и вдруг находишь значение выражению, которое когда-то было так дорого сердцу. Углубляешься в себя и там находишь большую перемену — ты уже сам не тот, что был когда-то, и тебя обломали житейские бури...

Природа для меня — как загадочное и грандиозное существо, с которым у меня связь — моя душа. Я чувствую связь, не выска-

И. Е. Репин. фотография. 1890

зывая своих мыслей и чувств, — это как с родным человеком — можно молчать и понимать друг друга. После весны и лета, где зарождались и рождались в тайниках природы человек, растения, животные, осень, как молчаливая благодарная молитва Божеству, и я, как умею, молча молюсь со слезами на глазах и с страстным порывом.

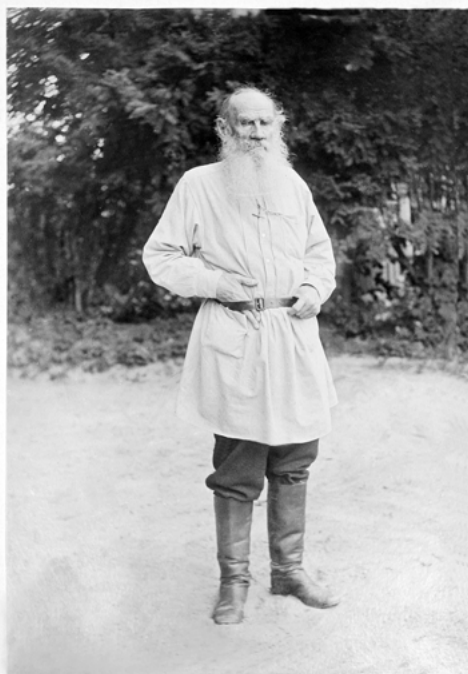
1890 г.

Назначили защищать политическое дело поручика Холопова и ефрейтора Каменского. Холопов болен чахоткой. Ему осталось жить несколько дней. Посещения этих заключенных расстраивают меня. Ужасна роль защитника, особенно в таком политическом деле. Вести дело назначены были: председатель Навроцкий, прокурор Остен-Сакен, защитник — я. По закону должен был быть осмотр вещественных доказательств. На столе Холопова я обнаружил книжку, на первой странице которой запись стихотворения Навроцкого «Есть на Волге утес». Я оставил ее на столе. Навроцкий, увидев свое стихотворение, сказал: «Ну, тут обычная литература революционной молодежи», и отложил книжку в вещественные доказательства, не дав с ней никому ознакомиться. На суде, как не имеющая непосредственного отношения к делу, она не была рассмотрена.

Дело Холопова кончилось более-менее благополучно. Вместо каторги, которая ему угрожала, — ссылка в Сибирь. Я составил прошение на имя Государя и Государыни и надеюсь, что оба будут помилованы. Но на суде на Холопова было страшно смотреть. Серо-зеленое лицо и дикий кашель. Холопов верит, что поправится и уедет на кумыс, и не понимает, что скоро умрет, что здесь на земле его ждут две неприятности — осуждение на суде и смерть. А мне приходится поддерживать его нравственно, утешать, успокаивать — это пытка. И весна — обновление природы — меня не радует. Я теперь в суде остался одним защитником и часто вижу с Навроцким. Он суровый, но порядочный, теплый и сердечный человек.

4 июля 1890 г. Говорят, Государь утвердил приговор по делу Холопова. А я все надеялся на милость. Если б только Государь знал, что Холопов умирает! Мне все это кажется недоразумением. Да видел ли Государь дело Холопова и прошение его матери!..

1 сентября. 1890 г. Умер Холопов. До последней минуты не зная, что умирает. Бедная его мать заходила ко мне и рассказывала о последних его минутах.

*А. В. Усманову,
12 Октября 1906 Лев Толстой,*

Л. Н. Толстой

1891 г.

Прочел в «Новостях» статью о евреях под заголовком «Мертвые души». Статья произвела на меня большое впечатление. И в самом деле, разве можно, не дав еврею всех прав русского гражданина, требовать от него безупречного исполнения гражданских обязанностей, к которым относится и воинская повинность, о которой говорится в статье! Вообще травля жидов — гадкая травля. Но не люди создают историю — это старая истина. Если бы историю создавали люди, не было бы правды на земле. А правда есть, и народ еврейский живет и будет жить. Кто знает, что он даст еще миру!..

1896 г.

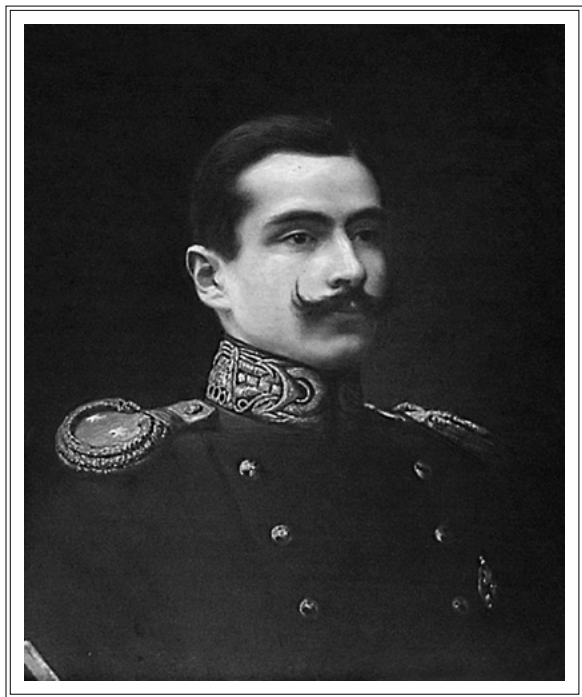
Был у И. П. Корнилова¹. Говорили о делах Северо-Западного Края. Многие мысли И. П. очень трезвы. Например, о необходимости знания польского языка для русских служащих в крае. Запрет говорить русским по-польски ведет к тому, что многое проходит мимо не понятым. Бояться, что, изучая польский язык в учебных заведениях, русские могут ополячиться. Но отчего же поляки, изучая русский язык, не обрусели!

1900 г.

С каким восторгом я смотрю на собранные мною документы, созная, что мне не суждено воспользоваться ими, так как для этого нужно свободное время и спокойная душа, а у меня ни того, ни другого... Я верю, что к моим сокровищам еще придет труженик-историк, и этот неизвестный мне друг удивится тому, откуда черпал я нравственные и физические силы для архивных раскопок, я, который мог бы устроить жизнь свою только в роскоши и ничегонеделании. Быть может, хоть этот друг помянет меня теплым словом. А пока я только собираю и собираю в этом несчастном С. З. К., где если не спасешь документы сегодня, то завтра они погибнут бесследно... И детки мои — я в этом уверен — простят меня за то, что я не накопил денег, а употребил их на покупку старинных рукописей — простят, как прощает мне моя Катюша...

¹ Корнилов И. П. (1811–1901). Будучи попечителем Виленского учебного округа (64–68 гг.), основал в Вильне публичную б-ку, архив, Отдел Имп. Рус. Геогр. Общества. Занимался применением русской азбуки к литовскому языку и введением в литовскую школу национально-литовских учебников. А. В. Жиркевич к 100-летию рождения И. П. Корнилова издал брошюру «Сонное царство великих начинаний» (Вильна, 1911).

ПОСЛЕДНИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ РОДА ЖИРКЕВИЧЕЙ ПО ПРЯМОЙ ЛИНИИ

Сергей Александрович Жиркевич (1889–1912), мичман, старший сын А. В. Жиркевича. О нем А. В. Жиркевич писал в книге «Потревоженные тени»:

«Надо тебе заметить, что из Гули при его всесторонних дарованиях на моих глазах рос русский офицер-гражданин, которому я мечтал со временем передать в наследство все коллекции моих картин, старины, бумаг, альбомы с автографами, так как он все это любил, ценил, а при приездах в Вильну из Морского корпуса пересматривал и приводил в должный вид и порядок. Кто мог тогда думать, что мы с Мамочкою сравнительно скоро лишимся навсегда этого могучего, прекрасного и по наружности и по душевным качествам, цветущего, полного веры в себя и надежд на будущее юношу, наше счастье и гордость! А между тем это так и случилось...».

Тамара Александровна Жиркевич (1904–1983), последняя представительница рода Жиркевичей по прямой линии, музыкант, первый исследователь архива своего отца А. В. Жиркевича в Гос. музее Л. Н. Толстого (Москва). Подробнее о ней см. «Из семейной хроники...» часть 1 в разделе «История проходит через дом человека». С. 246–252.

ВЕК XX.
ПРЕДВЕСТЬЯ. ДНЕВНИКИ.
ПИСЬМА. СУДЬБЫ

Ю. В. Курьянович

ТУРОВ: ИСТОРИЯ И ЛЕГЕНДЫ

В предисловии к зарисовке о славном белорусском местечке Туров и его загадочных каменных крестах поговорим о постижении человеком материального мира.

Наше земное пространство, выражаясь языком геометрии, имеет три измерения — длину, ширину и высоту. В системе этих координат человек воспринимает и осмысливает окружающий мир. Наверное, не составит большого труда вообразить некий пространственный объект в различных измерениях, порядок которых будет не выше третьего. Так, точка в нулевом измерении превращается в линию в одномерном пространстве, в плоскость — в двумерном и, наконец, — в куб — в трехмерном. Ну, а как она будет выглядеть в четырехмерном пространстве? Знаменитый немецкий ученый Герман фон Гельмгольц (1821–1894) считал, что представить себе четвертое измерение — это то же самое, как слепому от рождения человеку вообразить краски.

В этом измерении представители различных религиозных культов нашли пристанище таинственным силам, сверхъестественным явлениям и порой связывают это измерение с душами умерших, которые посещают наш свет, дабы творить чудеса. По своей сути четырехмерное пространство стало тем эстетическим гиперобъемом, где поселилась древнейшая мифология земли, пленительная своим образно-художественным вымыслом.

У каждого народа есть свои мифы — они отражают не только особенности мировосприятия древних людей, но и передают черты национального художественного мышления, являются своеобразными архетипами национального сознания.

Одной из самых древних мифологий является белорусская. Путешествие в ее загадочный мир — не только увлекательная экскурсия в вековую историю страны, а, прежде всего, познание нашего богатого культурного наследия с его библейскими и языческими мотивами, весьма характерными для древней Туровской земли. Может именно здесь, на Туровщине, и находится он, ковчег наполнения и сохранения нашей народной мифологии, национальной ментальности и феномена уникальной и самобытной белорусской культуры.

Древний Туров

На юге, на живописном берегу Припяти, там, где ей отдает свою дань маленький Струмень, среди болотных капищ древнеславянских селищ и развалин первых христианских храмов, где воздух словно наполнен духом старинных преданий и легенд, разместился Туров — сердце полесского края — прародины восточнославянских народов, реликт белорусской этнографии, пенаты первого столпника древней Руси Кирилла Туровского (1130–1182).

Первые выразительные черты мифологичности Туровской земли вырисовываются, когда вы переезжаете припятский мост по шоссе от Житковичей на Туров. Перед глазами предстает величавая картина белорусской Амазонки с многочисленными тонями, козырьками гибкого лозняка, зеленой лентой вековых лесов... Оживает генетическая память, возвращая во времена наших предков — племен дреговичей и древлян.

Может, сюда приводил древлянский князь Мал своих детей — прекрасную Малушу и крепкого Добрыню, чтобы дать им отцовский наказ любить свободу и Родину. И не передала ли затем по крови его дочь своему внебрачному сыну Владимиру Великому, крестителю Земли Русской, этот свободолюбивый дух, а его дядька-воспитатель Добрыня — воинственный пыл?

И не здесь ли за стенами княжеского дворца Святополк Туровский держал совет о престоле в Киеве с любимой женой Болеславной, дочерью польского короля Болеслава I Храброго, и ее духовником бискупом Рейнберном?

За пологом времени нам не узнать девичьи мечты дочери древлянского князя и подробности ее отношений со своим незаконным мужем — князем Святославом Игоревичем, как и не узнать обстоятельства трагической судьбы Святополка, прозванного летописцем «Окаянным» (далее еще не раз его вспомним). И только припятская земля молчаливо хранит правду об этих событиях...

Еще несколько минут езды на автомашине — и вот он, овеянный легендами и славой Туров.

Согласно одной из версий, наиболее вероятной, название города происходит от имени его основателя, варяжского князя Тура (брата Рогволода — властителя полоцкой земли, отца Рогнеды), который упоминается в «Повести временных лет» под 980 годом как основатель и первый правитель местечка: «...*Бе бо Рогъволодъ пришел и-заморья, имяше власть свою в Полотьске, а Туры Турове, от него же и Туровци прозвашася...*».

По второй версии, оно произошло от названия вымершего теперь древнего дикого быка. Есть и еще одно суждение. Связано

оно с именем языческого божества Тура — покровителя местного населения.

По мнению академика А. А. Шахматова (1864 — 1920), летописное сообщение о князе Тура есть не что иное, как этимологическая легенда, призванная объяснить происхождение названия города Туров.

На этот счет стоит привести и слова известного археолога Турова, почетного гражданина этого города, профессора Петра Федоровича Лысенко, который отмечал: «Станным, однако, выглядит совпадение имени, как полагают некоторые исследователи, варяжского князя Тура с названием города. К тому же не один из многочисленных городов Древней Руси не был назван именем пришлых варяжских князей. Также нужно учитывать многочисленность местных названий с корнем “тур” (Турия, Турийск, Туровля и т. д.). Такие названия есть и в Закарпатье, и на территории Чехословакии, где никогда не было варягов. Очевидно, эти названия имеют местное происхождение и не связаны с именем и деятельностью варяжских князей. Как видно, и название Турова правильнее связывать с широко распространенным именем или фамилией местного князя, как, например, в “Слове о полку Игореве” прозванный буй-туром Всеволод, брат Игоря Святославича, князь курский. Скорее всего, это был князь местной династии дреговического племенного княжения, который княжил в Турове и выполнял обязанности племенного княжения, но находился в зависимости от великого князя киевского и выплачивал ему дань. Как видно, это был один из последних племенных князей в дреговичей».

В X–XIII вв. Туров был центром одного из наиболее крупных государственных образований на территории Беларуси — Туровского княжества (Туровская земля, Турово-Пинская земля). В современном измерении территорию княжества составляли земли от Бреста на западе до Речицы на востоке, и от Копыля на севере до Дубровицы (Ровенская обл., Украина) на юге.

Первым исторически подлинным туровским князем стал упомянутый выше Святополк (около 979–1019) — третий по старшинству сын киевского князя Владимира Святославича (около 960–1015), наиболее известного в истории как Владимир Креститель. Согласно летописным данным, Святополк княжил в Турове в 988–1012 гг.

Известный русский историк В. Н. Татищев (1686–1750) так описывал Святополка: *«Сей князь великий был ростом высок, сух, волосы красноваты и прямы, борода долгая, зрение острое. Читал*

много книг и весьма хорошую память имел, ибо за многие годы бывшее мог сказать, словно читал написанное. Из-за болезней же мало ел и весьма редко и то по нужде для других упивался. К войне не был охотник, и хотя легко сердился, но быстро и забывал про то. При том был весьма сребролюбив и скуп, из-за чего жидам многие пред христианами вольности дал, через что многие христиане торго и ремесел лишились. Наложницу свою взял в жены и так ее любил, что без слез на малое время разлучаться не мог, и, много ее слушаая, от князей терпел поношение, а часто и вред с сожалением».

Приблизительно в 1009–1010 гг. Святополк женился на дочери будущего короля Польши Болеслава I Храброго (польск.: Bolesław I Chrobry; около 967–1025). К сожалению, ее имя не дошло до нашего времени. Известно, что вместе с нареченной князя Святополка на белорусскую землю приехал ее духовник — епископ калабжегский Рэйнберн (Рэйнберг) (Reinbern; ? — 1013/1015). В 1012 г. Святополка отстранили от княжения и вместе с женой и Рэйнберном заключили в темницу в Киеве. Историки считают, что этот арест был связан с намерениями туровского князя при поддержке своего польского тестя выйти из подчинения Киева. В заключении умер епископ Рэйнберн, судьба жены Святополка остается неизвестной, а сам князь после смерти отца вышел на свободу и, поддержанный народом, занял великокняжеский престол в Киеве. В 1019 г. в кровавой борьбе за этот престол он потерпел поражение от своего брата Ярослава (прозванного позже Мудрым; 978–1054), который стал великим князем Киевским. В результате под властью Киева оказалось Туровское княжество, которым правил старший сын Ярослава Мудрого Изяслав (1024–1078).

Как подчеркивает профессор П. Лысенко, «относительную самостоятельность Туровское княжество приобретает при следующем разделении земель Древней Руси между сыновьями Ярослава Владимировича». Во второй половине XII в. Туров вышел из подчинения Киеву, и в нем установилась самостоятельная княжеская династия. Туровская земля претерпела процесс дробления на удельные княжества — Туровское, Пинское, Клецкое, Слуцкое и др.

С XIV в. — Туров в составе Великого Княжества Литовского. С XV в. принадлежал князьям Глинским, а с XVI — князьям Острожским. В результате второго раздела Речи Посполитой (1793) был присоединен к Российской империи. В XIX — начале XX в. местечко Туров — центр волости Мозырского уезда Минской губернии.

В книге «Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом зна-

чении» (т. 3, 1882) отмечалось: *«В историческом отношении древнейшим и замечательнейшим поселением надобно считать Туров, ныне незначительное, бедное местечко, на правой стороне Припяти... Народные предания о Турове чрезвычайно поэтичны. Их много, и все вместе взятые они доказывают, что в народе живет память о древнем величии и значении Турова. Исторические известия спутались с баснословными, рисуя нам какие-то фантастические образы из давно минувшей жизни».*

В 1924–1962 годах Туров являлся районным центром в составе Мозырского округа (1924–1930, 1935–1938), Полесской (1938–1954) и Гомельской (с января 1954 г.) областей БССР. В 1962 году Туровский район был упразднен, а Туров из города переименован в поселок и вошел в состав Житковичского района Гомельской области.

В 2004 г. решением Совета Министров Республики Беларусь городскому поселку Туров присвоен статус города. В том же году он преобразован в город районного подчинения.

Сегодняшний вид Турова сохранил патриархальные черты. И хотя есть в городе консервный завод (входит в состав крупного агропромышленного предприятия — открытое акционерное общество «Туровщина»), где в широком ассортименте производятся овощные консервы, салаты и закуски, молочный комбинат — современное высокотехнологичное предприятие по производству сыров по итальянским технологиям (основан в 2010 г.), Дом культуры, краеведческий музей и даже большая городская больница, открыта в 1988-м, благодаря усилиям ее главного врача Владимира Николаевича Волкова, но все это обрамляют простые деревянные дома туровчан. Добавьте к этому гнезда аистов на высоких столбах — вот и получается сказочная картина. Туровские аисты (по-белорусски — буслы) — это его современные сторожа-дозор-цы, что защищают город от разной нечисти...

А вот памятник птице (кстати, первый в Беларуси) в Турове установили в 2009 г. не аисту, а кулику-марадунке, который занесен в Красную книгу страны. Кулик-марадунка — перелетная птица, вид мелких куликов с изогнутым вверх клювом. Одно из облюбованных им мест, где он останавливается во время миграции, — огромный пойменный луг, раскинувшийся напротив центральной площади Турова, на другом берегу речки Струмень. Это знаменитый «Туровский луг» — биологический заказник, орнитологическая территория международного значения. Заказник занимает 140 гектаров, на которых находится крупнейшее в Беларуси поселение водно-болотных птиц. Кстати, с 1999 г. в Турове рабо-

тает единственная в Беларуси станция кольцевания птиц. А кулик сегодня, наверное, самая известная птица в городе, и ее популярности способствует весенний «Фестиваль куликов», который проводится в Турове по инициативе общественного объединения «Ахова птушак Бацькаўшчыны».

Церковь Всех Святых

По дороге к центру городка обратим внимание на уникальное сооружение — деревянную православную церковь Всех Святых (Всесвятскую) — единственный в Житковичском районе памятник архитектуры, включенный в Государственный список историко-культурного наследия Республики Беларусь. Заметим, что в различных источниках, в том числе энциклопедических, можно встретить различную датировку постройки этого храма — 1801, 1810, 1870, 1890 гг. По последней архивной информации — сведений из клировой ведомости 1842 г. (официального документа Российской империи с отчетными данными о церкви и церковном приходе), которая хранится в Национальном историческом архиве Беларуси, церковь Всех Святых построена в Турове в 1802 г. «тщанием» протоиерея Григория Лойко.

Стоит отметить, что Всесвятская церковь всегда была действующей и никогда не закрывалась — ни при советах, ни во время немецко-фашистской оккупации.

Церковь возведена на старом кладбище, где, согласно некоторым историческим описаниям, находился Борисоглебский монастырь (хотя само кладбище, известное под названием Борисоглебское, расположено в совершенно в другом месте Турова).

Около Всесвятской церкви установлен памятник нашему знаменитому земляку Константину Острожскому (1526–1608), сыну гетмана Великого Княжества Литовского Константина Ивановича Острожского (1460–1530). С именем последнего связана блестящая победа в Оршанской битве 8 сентября 1514 г. — самая крупная в белорусской ратной истории.

Князья Острожские владели Туровом с 1508 по 1620 г. Константин Константинович Острожский родился и провел детство и юность в Турове. Он занимался активной общественно-политической деятельностью, добивался расширения автономии для белорусских земель в составе Речи Посполитой, разработал собственный проект церковной унии, финансировал православные храмы в Турове и Смолевичах. А в 70-х гг. XVI в. организовал первое тогда в Украине высшее учебное заведение — славяно-греко-латинскую школу, известную еще под названием Острожская академия

(сегодня — национальный университет Украины «Острожская академия»).

Согласно разным историческим описаниям и легендам, в XVI–XVII столетиях местечко насчитывало около 80 церквей — 80 церквей на несколько сотен крестьянских дворов!

В середине XVII века в Турове было около трех тысяч жителей, в начале XX — около шести тысяч, по состоянию на 1 января 1994 г. — 3429, на 2006 г. — 2795 человек. Прирост населения, как за последние, так и за предыдущие столетия был незначительным. А есть ли еще в Беларуси второй такой поселок или город с такой плотностью религиозных сооружений на душу верующего народа?!

Больница Волкова

Около Всесвятской церкви похоронен один из известных туровцев, о котором жители города хранят самую добрую память, — упомянутый выше врач Владимир Волков (1951–1989). Он здесь родился. В детстве его приковал к постели тяжелый недуг. Встать на ноги и победить инвалидность помогла мощная сила воли. Познав страдания больного, Владимир Волков решил стать врачом, помогать людям. Окончив школу, поступил в мед-институт. После работал хирургом в Сибири. Но все время его тянуло на родину. И с 1981 г. В. Волков — главный врач Туровской больницы.

В борьбе с партийно-советским бюрократизмом, которая стоила ему здоровья, он добился, чтобы в родном Турове на месте старой, в аварийном состоянии, больницы появилась новая с современным оборудованием. В. Волков мечтал создать на ее базе лечебно-диагностический курортный центр, но помешала преждевременная смерть в августе 1989-го.

Сегодня Туровская больница носит имя В. Волкова. Ее трехэтажное здание находится напротив Всесвятской церкви. На мемориальной доске у входа написано: «Здесь работал Волков Владимир Николаевич, главный врач, хирург, добрый человек. Благодаря его самоотверженности построена эта больница».

Кстати, среди тех, кто помогал Владимиру Николаевичу в строительстве нового лечебного учреждения, был народный писатель Беларуси Василь Быков (1924–2003), в те годы представлявший Житковичский район в Верховном Совете БССР.

Туровский балетмейстер

В центре Тuroва, напротив горисполкома, установлен памятный знак из огромных валунов, на которых прикреплена табличка с следующим текстом: «Памятный знак Туровскому народному ансамблю танца “Припять”. Основатель: Н. К. Котов 1964 год. “Движение — это жизнь”».

Николай Кононович Котов, о котором говорится здесь, первый почетный гражданин Тuroва, известный белорусский самобытный балетмейстер и хореограф. Созданному им в Туровском Доме культуры ансамблю аплодировали в Европе.

Про этого человека, который, без преувеличений будет сказано, является достопримечательностью Тuroва, в городе знают почти все.

Николай Котов родился в 1941 г. в г. Речица Гомельской области. Его детство было омрачено военным лихолетьем. Отец, которого он никогда не видел, за четыре месяца до рождения сына ушел на войну и погиб в первые ее дни. На ноги вместе со старшим братом Петром поднимала мать Параска Яковлевна. Во времена юности и молодости ему довелось поработать на лесоскладе, где сбивал ящики для бакалейных продуктов, грузчиком на Речицком фанерно-мебельном комбинате, на казахстанской целине, где окончил училище механизации.

После целины вернулся на родину и загорелся танцами. В 1963 г. окончил курсы подготовки руководителей танцевальных коллективов в Гомельском областном Доме народного творчества, а с 1964 г. начал работать в Турове.

Про местный народный ансамбль танца «Припять» и его руководителя в свое время писали многие советские газеты и журналы. С концертными программами коллектив объездил с гастролью многие города бывшего СССР и Европы.

В 1988 г. по приглашению Министерства культуры БССР Н. Котов переехал на работу в Минск. Работал балетмейстером-постановщиком в ансамбле «Свята» Белгосфилармонии, преподавал в Белорусской академии художеств, Университете культуры и искусств, в научно-исследовательской лаборатории белорусского фольклора БГУ, которую возглавлял известный фольклорист В. Д. Литвинко (1941–2007). Был ведущим в телепередачах «Запрашаем на вячоркі» и «Спявай, душа!».

Сегодня известный балетмейстер, несмотря на уважаемый возраст, продолжает плодотворно работать и руководит фольклорным театром «Матуліна хата» в минском микрорайоне Малиновка. Но связь с милым сердцу Туровым не порывает.

Кресты и камни

В туровских храмах хранятся реликвии белорусского этноса — каменные кресты.

Камень издревле служит человеку. Древние люди обожествляли камни и верили, что они, как птицы, звери, растения, словом, — как все живое, могут расти, перемещаться, защищать от напастей, излечивать от разных болезней. О культе камней на нашей земле свидетельствует то, что многие из них имели собственные имена: Степан, Змеиный камень, Камень филаретов, камни Демьян и Марьян, Роговолодов камень — чудесный памятник эпиграфики, который находился возле деревни Дятлово Оршанского района. Он был назван по имени друцкого князя Роговолода Борисовича, внука Всеслава Чародея — полоцкого князя, с чьим правлением связано строительство знаменитого православного храма Беларуси — Софийского собора. Этот камень варварски уничтожили — взорвали в 1930-х годах, когда строилась автомагистраль Москва — Минск.

А в Минске, в коллекции Музея камней, есть валун Дед (второе название — Старый), который веками лежал на берегу Свислочи в районе улиц Лодочной и Красноармейской, где было древнее славянское капище. Говорили, он владел чудесной силой излечивать гинекологические заболевания, и до 1905 г. к Старому приходили паломники...

На туровщине насчитывается несколько каменных крестов. Они есть в деревнях Переров, Вересницы, Старошовцы, Погост. Их появление, по многочисленным легендам связано с временем христианизации края. Полешуки считали эти кресты чудотворными и поклонялись им. В приложении к «Минским епархиальным ведомостям» за 1879 г. приводится рассказ о том, как женщина с деревни Рычев, страдавшая от болезни глаз, избавилась от нее во время молитвы перед таким крестом.

Особенно много людей приходило к крестам на Воздвижение. И хоть в основу церковного праздника (Воздвижение Честного и Животворящего Креста Господня) положено поклонение кресту, на котором был распят Иисус Христос, думается, полешуки, сохранив черты языческих обрядов, чтит тот крест, который их оберегал, излечивал и помогал перезимовать. Воздвижение празднуется 27 сентября, когда сама природа начинает готовиться к встрече зимы. Недаром в белорусском народе говорят: *«На Узвижанне світку з плеч, а кажух на плечы»*.

Из всех поверий про кресты хочется выделить одно, связанное с последними туровскими событиями. Это предание о крестах, которые приплыли в Туров против течения по Днепру и Припяти

из Киева во времена христианизации славянских земель. Когда туровцы вытащили их на берег, вода окрасилась в кровавый цвет. И это стало знамением. Так местный языческий люд принял христианскую веру. Крестов было несколько. Два из них, двухметровой высоты, и сегодня находятся в Турове: один — в Всехсвятской церкви, другой — в каплице кафедрального собора в честь Святителей Кирилла и Лаврентия Туровских, торжественное освящение которого состоялось в мае 2013 г. Исчезновение остальных окутано тайной. Существует поверье, что когда они объявятся, то произойдет необыкновенное чудо — из болота поднимется старая церковь на Борисоглебском кладбище, и для земли белорусской наступит эра благоденствия, эпоха Ренессанса. Самое интересное, что в конце прошлого века в Турове появился (как уверяют туровцы, начал выходить из земли!) еще один крест — из «семьи» тех, что в туровских храмах. Как утверждают местные жители, ежегодно он все выше поднимается над зеленым ковром полесских трав, стремясь сравняться в росте со своими братьями.

Особенность белорусского этноса определяет религиозно-обрядовый синкретизм — наличие и соседство двух культурных моделей — христианской и языческой. Моделей, которые хоть и отождествляются с разными силами, по-разному осмысляются и являются по своей сути противоположными, но существуют рядом, и в сознании белорусов приобрели какую-то общую симметричность. Так, известный белорусский ученый-архивист Михаил Мелешко (1892–1941) подчеркивал, что «с принятием на Беларуси христианства камень не утратил уважения к себе. Поклонение камням сохранялось еще очень долго. В некоторых же случаях вместо каменных богов, которые были объявлены «погаными», народ стал на камне высекать христианские эмблемы. Там, где раньше стояли камни с языческими богами, постепенно стали появляться каменные кресты и т. д.».

По своей сути произошло наложение символов и обрядов новой, христианской религии, насильственно насаждаемой на восточно-славянских землях, на символы и обряды языческой веры, в основе которой лежало пантеистическое восприятие мироустройства и которая изначально была близка древним народам, и славянским племенам в частности. В результате и произошло совмещение двух совершенно разных культур. Так, празднование языческого бога Коляды соединилось с христианским Рождеством, а праздник Купальской ночи — с почитанием Иоанна Крестителя, который крестил самого Христа, показав первый пример христианского ритуального купания.

Эта своеобразная трансформация христианством символическо-обрядовой стороны язычества носила конкретно-персонифицированный характер: места языческих богов Перуна, Ярилы, Дажбога и др. занимал один Бог — Иисус Христос, при этом опираясь на магию слова, которое, как писал известный богослов Павел Флоренский (1882–1937), «...подобно музыке, настраивает известным образом душу».

Особенность христианской веры состояла в том, что она стремилась, исходя из своих идеологических настроений, показывать язычникам жизнь не «изнутри», а «снаружи». Выражаясь образно, христианство стремилось вынуть людей из привычного им «плоского» мира, где пребывало их сознание, и окунуть в объемный мир, где повседневное и божественное находится в разных измерениях.

В 1884 г. вышла книга известного английского теолога и писателя Эдвина Эббота (англ. Edwin Abbott; 1838–1926) «Флатландия», имевшая большой общественный резонанс. В фантастической стране Плосколяндии (стране двухмерного пространства) жители представляли собой различные двухмерные фигуры: рабочие и солдаты — треугольники, ремесленники — квадраты, джентльмены — пятиугольники и т.д. А женщины были самой простой фигурой — линией. Вероятно, поэтому автора и упрекали в женоненавистничестве. И вот в Плосколяндии появляется сфера — фигура из третьего измерения. Но плосколяндцы не смогли вообразить сферу такой, какая она есть на самом деле, — во всей ее объемности. Они воспринимали только круги разного диаметра, когда сфера проходила сквозь плоскость.

А способны ли мы увидеть предметы, которые нас окружают, объемными? Или, воспринимая мир таким, словно смотрим один телесериал с калейдоскопом различных предметов, житейских событий, интриг и чувственных излияний главных героев, который воспроизводит плоский электронный экран? Что же тогда говорить о духовных субстанциях?!

Туровские кресты стали тем отличительным узором на орнаменте национального религиозного сознания белорусов, где замысловатым образом переплелись нити двух взаимоисключающих религиозных воззрений.

И, возможно, решение проблемы единой национальной религии, которую не смогла должным образом решить Церковная уния 1596 г., кроется в язычески-христианских крестах Туровщины. Веским доводом в пользу этого может служить то, что византийско-христианские каноны не стали определяющими константами

в религиозном сознании белорусов за столько прошедших столетий. Остатки языческих верований дошли и до наших дней.

Вышеназванный крест считается целебным, и ежегодно к нему приезжают паломники из всей Беларуси, а также из ближнего и дальнего зарубежья. Как и в старину, к нему приходят люди со своими просьбами, молитвами, думами и жертвуют кто что может: конфеты, пряники, даже деньги. Кладут на него также свои нателные крестики. Святое Евангелие учит нас: *«Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам; ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят»* (Мф. 7.7–8).

Но еще в начале XXI в. об этом кресте мало кто и слышал. И туровчане не каждому встречному рассказывали, где «растет» то полесское диво. Бывало, немногословный полешук недоверчиво осматривал незнакомца-путешественника, которому не терпелось лицезреть эту местную достопримечательность, и с присущим только ему говором, с четко выраженным ударным «о», отвечал, будто спрашивал у самого себя: *«А то я знаю?»*.

А сегодня растущий крест является, пожалуй, самым известным туристическим объектом древнего Тuroва, и найти его не трудно благодаря соответствующим указателям в городе.

Златоуст земли белорусской

Рассказывая про Туров, нельзя обойти вниманием личность человека XII столетия, на возведение памятника которому было получено согласие Его Императорского Высочества в 1914 г., а торжественное открытие и освещение произошло только во времена независимости Беларуси — 11 мая 1993 г. Он возведен на Замковой горе. Возле креста в полный рост установлена фигура Златоуста земли белорусской — Кирилла Туровского. Авторы памятника — скульптор Михаил Иньков и архитектор Николай Лукьянчик, также воплотившие в монументах фигуру святой Софии Слуцкой в Слуцке (2000) и Минске (2012).

К сожалению, точных сведений про внешность туровского пастьры не сохранилось, но народное предание донесло его главные черты — высокий и широкий лоб, лысая голова, раздвоенная лопатоподобная борода.

В пособии для иконописцев его облик описан так: *«Подобием надсед, власы с ушей, брада с Николину, но не курчевата, просто, ризы святительския, во омофоре»*.

Во время раскопок на Туровском городище в 1962 г. археологическая экспедиция под руководством П. Лысенко в слое XIII–

XIV вв. нашла четыре миниатюрных свинцовых образка овальной формы, которые выполнены в технике высокого горельефа и реалистичной манере, и, вероятно, были вставными частями напрестольного креста из туровского кафедрального собора. По мнению П. Лысенко, один из образков может являться изображением К. Туровского. «Высокий лоб, крепко сжатые губы, — отмечает ученый, — свидетельствуют о твердом характере умудренного жизненным опытом и книжным обучением человека старого возраста. Прижатая к груди левой рукой книга и сложенные три пальца правой руки символизируют твердость веры и позволяют предположить, что это крупный христианский просветитель-проповедник, который много сделал для распространения христианства и канонизирован церковью. ...Вполне правдоподобно суждение, что этот образок, если он действительно был частью напрестольного креста, представляет из себя изображение святого Кирилла Туровского, так как на престольных крестах, в верхней их части, было принято помещать изображения местночтимых святых, а Кирилл Туровский на время создания креста был, скорее всего, единственным из канонизированных туровских святых, кто имел при жизни епископский сан».

Сведений о жизни Кирилла Туровского также немного. Ученые считают, что родился он не позднее 1113 г. в Турове в состоятельной семье, и закончил свой жизненный путь там же после 1190 г. Получил для своего времени хорошее образование, знал языки, в т. ч. греческий. С 1120-х гг. был монахом Туровского Никольского монастыря, а в 1140-х гг. — его настоятелем. В 1160–1170 гг. возглавлял Туровскую епархию, одну из старейших епархий в Беларуси (основана в 1005 г.). Потом оставил епископскую кафедру и посвятил оставшиеся годы своей жизни богословскому творчеству в монастыре. Место захоронения этого видного духовного деятеля точно неизвестно. По одному из преданий, оно находится на Борисоглебском кладбище Турова.

В 1984 г. Кирилл Туровский был причислен к Собору Белорусских Святых. День его памяти отмечается ежегодно 11 мая.

В честь святителя названы православные храмы в нашей стране и белорусские церкви за рубежом — в Лондоне, Торонто и Нью-Йорке. Его имя носит высшее богословское учебное заведение Белорусского экзархата Русской православной церкви — Минская духовная академия. Памятники Кириллу Туровскому также установлены в Минске (2001) и Гомеле (2004).

В 1993 г. основано Гомельское областное общественное объединение «Общество Кирилла Туровского», которое содействует

популяризации наследия туровского пастыря, более глубокому изучению истории и культуры белорусского Полесья.

Кирилл Туровский — первый из монахов древней Руси, кто показал пример столпничества, замурававшись в столпообразную башню (столп), где сосредоточился не только на молитвах, но и на написании духовных книг. В своих поучениях автор предстает не только глубоким философом: *«Ибо вся правда человеческая, как полотно из паутины, что легко раздираемое и уничтожаемое»*, но и тем христианским проповедником, который хотел приобщить к Христу своих язычников-земляков через два столетия после их насильственного крещения — *«Послушайте, братие, и разумеите, чада, каковы есте веровати в единого Бога сущаго в Троице — в Отца и Сына и Святаго Духа, и на Того единого уповати и поучатися, приничиющи в реченныя святыя книги и яже суть Евангелие, Апостол, Паремия, Псалтирь и прочая святыя книги, а в отреченныя не приникаты отинудь. Отречены же книги се суть: Астраромия, Звездочетья, Колядник, Громник, Метание, — в нем лжюще пророчествуют и на святыя лжу възлагают...»*.

Творческое наследие К. Туровского получило высокую оценку многих исследователей, представителей различных литературных и религиозно-философских течений.

Известный российский исследователь белорусской культуры, вице-председатель Международной ассоциации белоруссисов, профессор Ю. А. Лабынцев отмечает, что наивысшее созданное белорусским Златоустом — его молитвенные стихи. В своей книге «Напой росой благодати...» (1992), посвященной творчеству К. Туровского, он пишет: «Кириллова слово всегда ценили в Беларуси, в России, на Украине и других православных странах и землях. Произведения писателя часто включались в различные рукописные сборники, переписывались отдельно. Они вошли и в знаменитые “Торжественник” и “Златоуст”, основу которых составили произведения Иоанна Златоуста — одного из величайших писателей мира. В 1569 году в белорусском местечке Заблудов Иван Федоров и Петр Тимофеев Мстиславец впервые напечатали произведения Кирилла Туровского. ...И по сей день в нашей литературе было немного писателей, равных Кириллу. Лиризм и поэтичность произведений Кирилла Туровского завораживают даже тех, кто не знает древнерусского языка. ...Мелодия молитвенных стихов Кирилла, духовная энергия его слова делают созданное им неумирающим творением». Профессор Ю. А. Лабынцев приводит слова одного из известных историков православной церкви Е. Е. Голубинского (1834–1912), который подчеркивал, что молитвам К. Туровского

«по всей справедливости должно быть дано место на ряду с лучшими молитвами греческими».

Заметим, что единственное солидное исследование жизни, наследия и мировоззрения К. Туровского — книга известного белорусского литературоведа А. А. Мельникова (1962–1995) «Кірыл, епіскап Тураўскі» (1997), автор которой считает, что основа творческого метода К. Туровского — аллегория, основа для которой чаще всего бралась из Священного Писания.

Сегодня известно около 70 произведений туровского пастыря, значительную часть которых составляют молитвы и каноны. Он хотел, чтобы его народ был образованным и стремился художественно-образными средствами показать истинную глубину этого мира, наполненную Божиим сиянием.

Когда читаешь моральные поучения белорусского Златоуста, вспоминаются поэтические строки нашего знаменитого поэта Рыгора Бородулина (1935–2014):

Спадчына —
Пуцявіна,
Што лучыць з Сусветам, з прасветам.
З прабацькаўшчынай, з прайчынай,
І досветкавай лучынай.
Доўжыць імгненне
Прапрашчураўскага агменю.

Замковая гора

Замковая гора, с которой медная фигура древнего белорусского просветителя в молчаливой задумчивости постигает тишину, это и есть городище града Турова. Здесь корни его знаменитой летописи. Белорусский историк Михаил Гаусман (1817–1889) в своей книге «Исторический очерк местечка Турова, прежней столицы удельного Туровского княжества» (1877) дал такое описание Замковой горы: *«Это гора, насыпанная в три сажени, вынесена на протяжении 1/8 версты длиною и шириною, окружена с севера и запада рекою Струмень и притоком Струмени Ездою, с юга же и с востока нарочно вырытыми канавами; сверх сего эта гора разделена канавою же, по всей вероятности с той целью, чтобы из сооруженных укреплений на этих половинах удобно было защищаться от осаждающих врагов».*

С этой древней насыпью связано много преданий. Одно из них повествует, что гору насыпал сам князь Тур (кстати, ее второе название — Турова гора). Старые люди утверждают о существо-

вании здесь подземного хода, который вел в сад деревни Бурази (урочище Казаргать), что на расстоянии нескольких километров от местечка. В подтверждение существования какого-то подземелья газета «Минская старина» в 1911 г. писала: *«Так, старейший обыватель Турова рассказывал, что в детстве, гуляя на горе, он заметил (аршинах в 6 от угла большого барака) в овраге на склоне большого холма длинное и узкое окно в каменной стене, которая в то время была обнажена. Он пробовал исследовать помещение, освещенное этим окном, при помощи шеста аршин в 6 длиной, но пола не нащупал. Несколько ближе к Струмени один еврей на склоне к оврагу заметил в почве среди мусора отверстие, и брошенный им камень в эту расщелину упал где-то глубоко в воду».*

А одна полешучка говорила мне, что эту гору насыпали шапками татары. Можно себе представить, сколько тогда было татар!

Вызывает интерес и несохранившийся колодец на Замковой горе, выкопанный по приказу Тура, в котором он крестился. В народе живет предание, что этот колодец татары (вероятно, в 1521 г.), забросали младенцами, после чего на протяжении семи лет в нем вместо воды было женское молоко...

Археологические раскопки туровского городища выявили на нем совершенно уникальные древние сооружения — языческое святилище (капище) и монументальный храм XII в., который в архитектурном плане не уступал крупным культовым сооружениям Киева. Остатки первого, найденные в 1993 г., являются величайшей редкостью в археологии древних славянских поселений. Фундамент храма — трехнефного, трехапсидного православного собора; среди его остатков также и три больших шиферных саркофага со следами захоронений, открытые в 1963 г. Как полагают ученые, причиной разрушения собора стало сильное землетрясение 1230 г., эпицентр которого находился в Карпатах.

В целях возрождения города и использования его культурного потенциала в туристических целях был осуществлен замысел отечественных ученых о создании в Турове культурно-исторического комплекса. Этот замысел, в частности, предусматривал раскрытие храма на Замковой горе и возведение над ним постоянно действующего павильона по аналогии с археологическим музеем «Берестье» (1982), где под двускатным перекрытием из бетона и стекла находятся законсервированные остатки построек древнего Бреста XIII в. Кстати, их раскопки проводились под руководством уже неоднократно упомянутого профессора П. Лысенко.

Строительство большого металлически-стеклянного павильона, в котором сегодня расположена экспозиция «Древний Ту-

ров» Туровского краеведческого музея, началось 15 апреля 2005 г., а свои двери для посетителей он открыл уже 18 сентября 2005 г.

Борисоглебское кладбище

С Замковой горы открывается вид и на заприпятские дали, и на Борисоглебское кладбище.

Борис Ростовский (около 990–1015) и Глеб Муромский (около 990–1015) — молодые сыновья великого князя Владимира — крестителя Руси, погибшие в жестокой политической борьбе за великокняжеский престол и канонизированные Русской православной церковью. Это их загадочное убийство наложило печать «Окаянный» на их сводного брата — Святополка, первого властителя Туровского княжества. Справедливости ради заметим, что последние исследования имеют косвенные доказательства непричастности Святополка к этому злодейству.

С небольшой возвышенностью, где расположено Борисоглебское кладбище (оно опоясано болотистой дугой), связаны в своем большинстве исторические рассказы про одноименный монастырь. Да и сама атмосфера этого места призывает к молчаливому созерцанию окрестностей.

Может, здесь больному старцу Мартину — повару туровских епископов, который страдал от невыносимой боли, лежал в своей келье и слезно молился, явились святые Борис и Глеб в призрачном облике, после чего он избавился от болезни.

Живет предание, что на Борисоглебском кладбище покоятся мощи святых Бориса и Глеба, а также святого Кирилла Туровского и святого Мартина. Что касается первых, то, согласно летописным сводам, они вместе были похоронены в 1020 г. в Киеве, в Вышгороде. Но некоторые подробности их захоронения (тело Бориса после убийства тайно привезли в Вышгород (сегодня — районный центр Киевской обл., Украина) и похоронили при церкви святого Василия, а на тело Глеба через пять лет случайно наткнулись в лесу звероловы), а также исчезновение из минского музея во время гитлеровской оккупации каменного саркофага, найденного в 1927 г. на Борисоглебском кладбище, по убеждению туровчан — саркофага Бориса и Глеба, придают этому преданию еще больше загадочности.

Известные сегодня исторические документы не содержат данных о захоронении мощей святого Кирилла Туровского, даже не установлен точно год его смерти, а известен только день — 28 апреля. Однако о том, что мощи святого пастыря все-таки находятся в Турове, свидетельствуют некоторые церковные документы. Так,

в сборнике, отпечатанном в Московской Синодальной типографии в 1876 г. и составленном из более ранних документов, читаем: «...в 1818 году жил в Турове, при Петропавловской церкви, благочестивый протоиерей Григорий Л., устроивший себе келию в колокольне, и там спасавшийся. Однажды старец, отслужив утреню, вошел в ризницу, чтобы отдохнуть, и, усевшись, вздремнул. В сонном видении явился ему св. Кирилл и запретил хоронить умершую женщину в той могиле, которую вырыли случайно возле гроба святого: “Ей не подобает лежать возле меня”, — так говорил святой, являсь отцу Григорию. Григорий свято исполнил заветы святого и представил Провидению и времени открыть мощи угодника Божия. Свидетели этого события многие и теперь еще живы... Многие узнавши об этом, что святой Кирилл являлся отцу Григорию, стали делать разведки на Борисоглебском кладбище, чтобы открыть мощи святого. Но св. Кирилл вторично явился отцу Григорию и запретил это делать».

Всему свое время...

В начале XXI в. Борисоглебское кладбище стало местом поклонения православных христиан. И связано это с тем чудодейственным туровским крестом, о котором упоминалось выше. Именно здесь, на кладбище, расположенном на городской окраине, вблизи деревни Запесочье (фактически является пригородом Тuroва), и растет из земли знаменитый крест. Он принес Турову туристическую популярность, с которой туровчане связывают культурное и экономическое возрождение своего города. Но самое интересное, что недавно на Борисоглебском кладбище появился еще один крест, растущий из земли...

Туровское Евангелие

Среди уникальных туровских памятников старины — одна из православных святынь Беларуси — рукописное Туровское Евангелие XI в. Это — самая древняя белорусская книга. Она представляет собой короткий апракос — богослужебный сборник евангельских чтений. К сожалению, от него сохранилось только десять листов, поэтому Туровское Евангелие, преимущественно в научном обиходе, также известно под названием «Туровские листки».

Евангелие было найдено в Турове в 1865 г. участниками археграфической экспедиции, организованной Виленским учебным округом, и сегодня хранится в библиотеке Академии наук Литвы им. Врублевских.

В 2014 г. в Национальной библиотеке Беларуси был реализован проект его факсимильного переиздания. В нем известный

белорусский историк книги, председатель Международной ассоциации белоруссистов Алесь Суша в своей статье, ссылаясь на многочисленные работы других ученых, подчеркивает, что «Туровское Евангелие — одно из наиболее совершенных по чистоте церковнославянского языка» и «начатые исследования позволяют с определенной долей вероятности говорить о создании Евангелия именно в Турове». «Кроме собственно евангельского текста XI в., — отмечает автор, — Туровское Евангелие содержит также пометки XVI в. со сведениями о Турове, туровских священнослужителях, знаменитом Константине Острожском и его семье».

Здесьние рассказы

Богата на легенды, предания, памятники туровская земля. Но что все эти сокровища древности значили бы без людей? Люди — самая большая достопримечательность Полесья.

Когда посетите Туров, не только спросите, сколько стоят огурцы или где купить копченой припятской рыбки, а подружитесь с туровчанином, поговорите с ним по душам, расспросите об аистах, камнях, цветах, что, как на какой праздник делать, или почему говорят, что у полешука шесть пальцев на ноге... Может, что-то полезное найдете для себя, во всяком случае, для своих детей — это уже точно.

Во время путешествий на Туровщину мне довелось услышать немало увлекательных и поучительных рассказов. Сохранили туровчане память о страшных 1930-х, когда сбрасывали с церковей кресты и уничтожали христианские святыни. Такая же судьба постигла и старую каплицу на Борисоглебском кладбище, которую уничтожили в 1937-м. А произошло следующее. Когда один мужик по имени Апанас полез на крышу каплицы снимать крест, он упал с нее и разбился. В народе говорили, что сам сатана послал его на купол, а Бог наказал и поделом Апанасу за это!

Уже после войны, примерно в 1947 г., его сын копал на Борисоглебском кладбище яму, чтобы похоронить родственника. Внезапно лопата наткнулась на что-то твердое. Это оказался почти новый гроб. Сын был не робкого десятка и приподнял его крышку. А там... лежит, будто спит, нагая девушка с длинными рыжими волосами... Старые люди не смогли припомнить, чтобы на этом месте кого-нибудь хоронили, да и сама спящая красавица была явно не из здешних молодых мучениц. Возможно, ею оказалась полесская Персефона — одна из туровских княгинь, которых поглотила трясина на Купалье, как и их греческую сестру, которую забрал к себе подземный царь Аид, когда та собирала на лугу свои любимые цве-

ты. Но беда тому, кто увидит эту русалку, потому что вскоре она позовет того к себе...

Еще рассказывали о появлении «летающей тарелки» на Борисоглебском кладбище. У одного бобыля умерла мать. Несчастный так оплакивал ее потерю, что потерял разум, и каждый день часами просиживал на кладбище. Однажды, во время очередного бдения по умершей, из ее могилы вылетела круглая буханка черного хлеба и начала кружиться перед глазами мужика, после чего тот перестал ходить сюда.

Нечто подобное произошло и с одной женщиной, которая похоронила шестерых своих маленьких деток. Долгими днями и вечерами, забыв повседневные заботы, она горевала подле их могильных крестов. И вот однажды возле входа на кладбище ее встретила невеста в белоснежном одеянии. Женщина не поверила увиденному, списав все на затуманенные слезами глаза. Но на следующий день та же невеста снова встретила ее и строго молвила: «Чтобы я тебя здесь больше не видела!» Встретиться с ней в третий раз женщина уже побоялась.

На Беларуси всегда чтит память умерших близких, предков, на то у нас весенняя Радунница и осенние Дзяды. Но мертвым — мертвое, живым — живое.

И человека никогда не должна покидать надежда на свет после мрака.

Эпилог

Известный белорусский актер и режиссер, первый народный артист Белорусской ССР Владислав Голубок (1882–1937) под впечатлением от полесской поездки 1925 г., во время которой он с труппой своего театра проводил антирелигиозную пропаганду среди местного населения, писал: *«В Турове как будто в какой-то Палестине. Возле церкви совсем средневековые. Бесконечно длинный хвост баб, они чередой идут к церкви, несут в руках зажженные свечи, воткнутые в мед, который находится в чашечке. Их принимает поп, очищает чашки от меда, благословив на дорогу. Гудут колокола, колышется перед церковью крестьянский люд...»*.

Набравши про запас патриархальности, жители древнего Тuroва и сегодня — на обочине современной цивилизации с ее политической болтовней и социальной неразберихой. Эту самобытность поддерживают первобытные полесские дубравы и Богомольный дух предков.

Проникаясь духом местных легенд и преданий, невольно думаешь: а, может, проблема формирования национальной бело-

русской идеи, которая в последнее время широко обсуждается в различных кругах общества, а равно как и ренессанс белорусского духа, связан именно с этим тихим, не утратившим патриархальные черты, древним местечком Туров. И в этом, возможно, его четвертое измерение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абраменко, М. Е. Кирилл Туровский: пробл. авт. «Слова о полку Игореве» / М. Е. Абраменко. — Гомель, 1997.
2. Вишиневский, А. Ф. Туров: историко-экономический очерк / А. Ф. Вишиневский, А. М. Литвин. — Минск, 1980.
3. Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении: Литовское и Белорусское Полесье / [под общей редакцией П. П. Семенова]. — Репр. воспр. изд. 1882 г. — Минск, 1993.
4. Кірыла Тураўскі: бібліягр. паказ.; склад. С. М. Лазарава, Г. С. Макеранкава; рэд. К. В. Маскоўкіна. — Гомель, 1996.
5. Кирилл Туровский. Творения поучительные святого Кирилла, епископа Туровского. Памятник литературы XII столетия: переизд. изд. 1880 г. / Кирилл Туровский. — Туров; Минск, 2002.
6. Крукоўскі, А. Старадаўні Тураў і яго ваколіцы / Аляксандр Крукоўскі // Наш край. — 1926. — № 8 — 9. — С. 51 — 55.
7. Кур'яновіч, Ю. Беларуская Палясціна, альбо Запрашэнне ў Тураў / Юры Кур'яновіч // Беларусь. — 2000. — № 6. — С. 36, 37, 54, 55.
8. Лабынцев, Ю. А. В глубинном Полесье: Турово-Пинская земля / Ю. А. Лабынцев. — Москва, 1989.
9. Лабынцев, Ю. А. Воссиявший нам на Руси: Первое печ. собр. соч. святителя Кирилла Туровского / Ю. А. Лабынцев. — Гомель — Москва, 1996.
10. Лабынцаў, Ю. А. «Напой росой благодати...»: Малітоўная паэзія Кірыла Тураўскага / Ю. А. Лабынцаў. — Минск, 1992.
11. Лысенко, П. Ф. Города Туровской земли / П. Ф. Лысенко. — Минск, 1974.
12. Лысенко, П. Ф. Туровское княжество: для сред. и ст. шк. возраста / П. Ф. Лысенко. — Минск, 2017.
13. Лысенко, П. Ф. Сказание о Турове / П. Ф. Лысенко. — 2-е изд. — Минск, 2007.
14. Мельнікаў, А. А. Кірыл, епіскап Тураўскі: Жыцце, спадчына, светапогляд / А. А. Мельнікаў; навук. рэд. В. А. Чамярыцкі. — Мінск, 1997.
15. Молитвы святого Кирилла, епископа Туровского: репринт. изд. — Минск, 2011.

16. Памяць. Жыткавіцкі раён: гіст.-дакум. хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі / рэд.-уклад. В. Р. Феранц. — Мінск, 1994.
17. *Поболь, Л. Д.* Древности Туровщины / Л. Д. Поболь. — Минск, 1969.
18. *Поболь, Л. Д.* Древности Туровщины / Л. Д. Поболь; ред. О. Н. Левко (науч. ред.) — 2-е изд., доп. и перераб. — Минск, 2004.
19. Творения святого отца нашего Кирилла, епископа Туровского с предварительным очерком истории Турова и туровской иерархии до XIII века / издание Преосвященного Евгения епископа Минского и Туровского. — Киев, 1880.
20. Тураў. Тураўскае Евангелле / рэд.-укл. М. Г. Нікіцін. — Мінск, 2004.
21. Тураўскае Евангелле = Туровское Евангелие = Turay Gospel: Факсімільнае ўзнаўленне. Даследаванні / [Нацыянальная бібліятэка Беларусі; аўтары ідэі: А. І. Швец, Р. С. Матульскі; пад агульнай рэдакцыяй А.А. Сушы]. — Мінск, 2014.
22. Туров древний и современный / Г. В. Штыхов, П. Н. Захаренко, В. М. Карась, В. Д. Домашевич. — Минск, 1981.
23. Туровская рапсодия [Изоиздание] = Тураўская рапсодыя = Turon Rhapsody / [авторы текста: В. Н. Гаврилович и др.; составитель: Л. Ф. Анцух; переводы: Е. С. Голуб, Ж. Ю. Красовская (русский язык), М. Кроули (английский язык)]. — Минск, 2016.
24. *Туровский, Кирилл.* Избранные произведения / Кирилл Туровский. — Гомель, 1997.
25. *Черемин, А. А.* Туровское княжество (X–XIV века) / А. А. Черемин. — Минск, 2012.

Н. В. Трус

**ВЗРАЩЕННЫЕ БЛИЗ БЕЛОВЕЖСКОЙ ПУЩИ:
ЛИТЕРАТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТРЕХ ПОКОЛЕНИЙ РОДА
КРАСКОВСКИХ В XIX–XX ВЕКАХ**

В настоящей публикации мы намерены обозначить некоторые подступы к формированию особого культурологического дискурса, содержащего в своей текстовой основе пример преемственности духовных и литературных традиций представителей одного рода, выходцев из одного региона. При этом лично они сформировались и реализовались в принципиально разных общественно-политических и национальных парадигмах.

Творческая деятельность Ипполита Феофиловича Красковского приходилась на вторую половину XIX века и разворачивалась в Москве. Насколько нам известно, его художественное, публицистическое наследие до сих пор не собрано и не систематизировано, не стало (даже на примере отдельных произведений) объектом научного анализа.

Всесторонняя педагогическая, общественно-политическая реализация его племянника, Ивана Игнатьевича Красковского, приходится на первую треть XX века. Она связана с тектоническими сдвигами в мировой политике, огромными общественными потрясениями, активными процессами государственного строительства в Польше, Украине, Литве, Латвии, Белоруссии. Примечательные образцы практики его художественного перевода хранятся в архиве, находятся на стадии подготовки к публикации.

Людмила Ивановна Красковская состоялась как ученый, специалист музейного дела в Чехословакии 1930–1980-х годов, стала одним из основоположников современной словацкой археологии. Некоторые ее книги изданы в Оксфордском университете. Символическое возвращение Л. И. Красковской в культуру Беларуси связано, в основном, с уникальными архивами, а также мемуарными записями, особенно востребованными в русле современной «истории повседневности».

Общественная, научная и творческая деятельность каждого названного представителя рода Красковских достойна отражения не только в монографических исследованиях, но и крупных прозаических произведениях с множеством сюжетных линий, галере-

ей персонажей, исторической панорамой. На данный момент она представляется нам фрагментами одного грандиозного «пазла», разбросанными во временном и географическом пространстве, на многие десятилетия — с печальной пометой забытости и табуированности.

Актуализируя напечатанные ранее тексты, а также хранящиеся в архивах, созданные на разных языках, убеждаешься в несленности и действенности традиций христианского, семейного воспитания, прогрессивного мышления, творчески воспринимающего динамику изменяющегося мира и ревностно хранящего основы гуманистического сознания.

ПЕВЕЦ ОКРАИННЫХ ЗЕМЕЛЬ — ИППОЛИТ КРАСКОВСКИЙ

Судя по «Выписке из Родословной последних поколений урожденных Красковских»¹, представители этого многочисленного рода в XIX — первой трети XX века в основном жили в западных землях Беларуси (Полесье, Гродно, Брест)², были примечательны своим православным пастырским служением. В XIX веке родовым гнездом Красковских было село Дубичи в Гродненской губернии³. Здесь был похоронен Феофил Антонович Красковский, в браке с Юлианой Малишевской родивший девятерых детей: Ипполита, Василия, Игнатия, Юстину, Олимпию, Фаустину, Марию, Ивана.

В XIX веке на литературном поприще подвизался сын священника Ипполит Феофилович⁴ Красковский (около 1845–1899), русский публицист прозаик, переводчик. Биографические сведения о нем фрагментарны и восходят к Энциклопедическому словарю Брокгауза и Эфрона (1906, доп. т. II), из новейших изданий —

¹ Выписка из Родословной последних поколений рода урожденных Красковских (Варшава, 30 апреля 1940 г.; нотариально заверенный перевод с польского языка) // Частное архивное собрание Н. В. Труса (Беларусь, Минск).

² Исключениями в этой плотной семейной локализации XIX века были братья Ипполит Феофилович Красковский, скончавшийся в Москве, и Фаустин Феофилович Красковский, умерший в Пятигорске на Кавказе.

³ В настоящее время Дубичи-Церковные (польск. Dubicze Cerkiewne), деревня в Подляском воеводстве Польши.

⁴ В некоторых источниках *Феофилактович*.

к биографическому словарю «Русские писатели» (1994, т. 3)⁵. Иных публикаций, посвященных описанию либо анализу жизни и творчества писателя, нами выявлено не было.

Известно, что родился Ипполит Красковский в Гродненской губернии, скорее всего, в Дубичах. В первой половине 1860-х годов учился в Литовской православной духовной семинарии (Вильно), потом в Санкт-Петербургской духовной академии. В 1871 году обосновался в Москве. Активно публиковался в «Московских ведомостях» и «Русском вестнике», переводил на русский язык произведения некоторых польских авторов. Так, перу Ипполита Красковского принадлежит художественная интерпретация романа Генрика Сенкевича «Quovadis» (1896) — «Камо грядеши»⁶, первые в самом названии сместившая смысловой акцент с латинского языка на церковно-славянский.

Родному краю — Западной Руси, Беловежской пуще — посвящены его прозаические произведения, часть из которых представлена в двухтомнике «На западной окраине России»⁷. В первую книгу вошли рассказы «В Беловежской пуще», «Ночь на озере», «Жизнь за жизнь», «Проигранный заклад», «Христос Воскресе!», «Пан Твардоманский», «Ицкокрамарь». Вторую составили два объемных рассказа: «Старая беда (Рассказ западнорусского крестьянина)» и «Среди озер».

Писатель поддерживал тесные контакты со своей родиной, православным братством. В 1879 году был избран попечителем Дубичской церкви.

В конце 1880-х годов Ипполит Красковский совершил путешествие на Афон, где в молитвах и раздумьях провел год. Результатом паломничества стали разрозненные публикации об этом почитаемом христианским миром месте, а также книга «Макарий Афонский, игумен и священно-архимандрит Афонского и Пантелеймоновского монастыря» (М., 1889). В 2009 году ее репринт был опубликован в качестве приложения к очерку философа и дипломата Константина Леонтьева (в монашестве Климента) «Воспо-

⁵ Бокова В. И. Красковский Ипполит Теофилактович (Феофилович) // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. Том 3 (К–М). С. 131.

⁶ Сенкевич Г. Камо грядеши. Перевод И. Красковского. М.: Тип. И. Д. Сытина, 1901. 516 с.

⁷ Красковский И. На западной окраине России. Рассказы. Ч. 1–2. Москва: Университетская типография (М. Катков) на Страстном бульваре, 1884. Ч. 1. 336 с. Ч. 2. 359 с.

минания об архимандрите Макарии, игумене Русского монастыря святого Пантелеймона на Горе Афонской»⁸. Публикация двух текстов, впервые одновременно увидевших свет в 1889 году, была одобрена Синодальным отделом религиозного образования и катехизации Русской православной церкви.

В отделе рукописей Российской государственной библиотеки хранится архив Ипполита Красковского⁹, сформированный в 1936 году; он насчитывает 140 единиц хранения (крайние даты: 1862–1891). Отметим, что в его описании присутствуют некоторые новые сведения, а также данные, отличающиеся от уже известных по справочным изданиям — такие, как годы жизни писателя (1843–1889), факты его профессиональной и творческой деятельности (преподаватель Варшавского духовного училища, сотрудник журнала «Царь-Колокол») и др.

БЕЛОРУССКИЕ ЗЕМЛИ В ПОПУЛЯРНОМ ОТОБРАЖЕНИИ РУССКИХ АВТОРОВ КОНЦА XIX ВЕКА

В намерении определить некое первичное контекстуальное видение творчества Ипполита Красковского наше внимание привлекло многотиражное издание А. Сахарова «По Русской земле. Географические очерки и картины для чтения в семье и школе» (1899)¹⁰. Содержание объемной книги представляет различные регионы многонациональной Российской империи, произведения разных авторов собраны в следующих, количественно не паритетных, главах: «Северный край», «Финляндия», «Озерный край», «Белоруссия», «Поволжье», «Внутренние губернии», «Уральский край», «Малороссия», «Степной край», «Крым», «Кавказ», «Сибирь», «Средне-Азиатские владения». Белоруссия представлена следующими текстами: «Полесье и Полешуки» В. Н. Маракуева, «Коляда» С. В. Максимова, «В Беловежской пуще» И. Красковского.

⁸ Леонтьев К. Н. Воспоминания об архимандрите Макарии, игумене Русского монастыря святого Пантелеймона на Горе Афонской. М.: НИИ школьных технологий, 2009. 160 с.

⁹ РГБ ОР. Ф. 141.

¹⁰ Сахаров А. По Русской земле. Географические очерки и картины для чтения в семье и школе. Изд. 3-е, дополненное. Москва: Издание книжного магазина А. Д. Карчагина. 1899. 478 с.

Путевые заметки **Владимира Маракуева «Полесье и Полешуки»** посвящены землям, находящимся на территории современной Гомельской и Брестской областей. Путешествие автора происходит по направлению с востока на запад, с переменой мест пребывания наблюдается принципиальное изменение его отношения к увиденному. В поле его зрения попадают населенные пункты, жители и род их занятий. В. Н. Маракуев довольно категоричен в своих оценках. Обратимся к первоисточнику, выделяя основные объекты внимания автора.

МОЗЫРЬ И ОКРЕСТНОСТИ

«Скучный Мозырь»; «Мозырь — маленький бедный городок, лежащий в овраге. На берегу куча евреев, по пояс в воде, вытаскивала из грязи увязшие телеги»¹¹.

«Деревни Полесья — это ряд изб, разбросанных, жалких, собранных на живую руку. Избы в одно или два окна; но окна не выходят прямо на улицу, а перед ними стоит частокол из расколотых бревен. Крытого двора нет. Крыши изб с большим спереди напуском. Крыши эти не из теса, а из расколотых пополам деревьев, набросанных в беспорядке друг на друга; нередко на крыше лежат и большие камни. Вдоль улиц изредка стоят дикие груши и высокие сосны с неизменным украшением — гнездом бусла. Большие черные с желтыми подпалинами собаки, множество свиней, тощие волы, оборванные ребятишки, часто с колтуном на головах — вот картина деревни в Полесье»¹².

«Полешук — не высокого роста, молчаливый, медленный в движениях, закалился в своем климате. Даже зимой, с открытой грудью, он тащится на своих волах или бродит по лесу с неразлучной секирой (т. е. топором). Полешук — неутомимый охотник, меткий стрелок и отважный и искусный рыболов»¹³.

«Полешуки живут грязно: не умываются и не чешутся. Хотя и много дров, а бань здесь нет. Окруженный лесом, полешук часто нуждается в дровах, потому что он только тогда тронется нарубить дров, когда сожжен последний сук»¹⁴.

¹¹ Маракуев В. Н. Полесье и Полешуки // По Русской земле... С. 105.

¹² Там же. С. 106–107.

¹³ Там же. С. 106.

¹⁴ Там же. С. 107.

«Народ здесь приземистый, рыжий, с маленькими бородками, некрасивый. Говорит он языком смешанным из малорусского, белорусского и польского. Но он честен, не жаден к деньгам и трезв»¹⁵.

«По глухим местам Полесья живут семейства будников и рудников. Первые добывают поташ, вторые — железную руду. Поселившись в глуши, среди угрюмых лесов, они зарабатывают этим себе скудное пропитание. Кроме добывания поташа и руды, они сеют рожь и ячмень на небольших клочках земли, рассеянных по лесам. Дети их нередко по несколько лет остаются некрещеными; мертвых они хоронят сами, потому что близко нет церквей»¹⁶.

«Промыслов у полешуков мало; ремесел они не знают. Все кузнецы здесь — жида. Чтобы сделать подкову или гвоздь, полешук должен ехать к жиду-кузнецу иногда верст за пятьдесят.

Жида содержат здесь корчмы. Жид-корчмарь — полновластный хозяин всей деревни, вся деревня, обыкновенно, у него в долгу и без его разрешения ничего не может сделать»¹⁷.

ТУРОВСКИЕ ЗЕМЛИ

«Селение Турово стоит на Припяти. Это — одно из древнейших поселений киевских. Тут в древности было Туровское княжество; здесь жил в XII веке знаменитый митрополит Кирилл Туровский. Около Турова и доныне есть крестьяне, которых называют *владычными*.

Туровцы очень отличаются от полешуков. Они среднего роста, отлично сложены; лицо имеют круглое, нос небольшой, но толстый. Женщины среднего роста и красивы. Наряд их живописен: они носят синие суконные кафтаны и красные шелковые кобаты (род безрукавной кофты), шитые кисейные рубашки с вышитыми воротниками и кисейные фартуки; на голове — род кички, повязанной кисейной наметкой. Народ этот — умный и добрый, при том очень любит пение. При всех работах и других занятиях он поет не умолкая. Этого нет у полешуков.

В Туровщине православие, и многое в жизни и обычаях сохранилось из глубокой древности; народ очень набожен; все умеют читать по-церковнославянски. Великим постом народ говеет и причащается по два раза; старики в великую пятницу и субботу не

¹⁵ Маракуев В. Н. Полесье и Полешуки // По Русской земле... С. 111.

¹⁶ Там же. С. 105.

¹⁷ Там же. С. 107.

едят вовсе и причащаются в Светлое Воскресенье. Говор туровцев мягкий, малороссийский»¹⁸.

«Весной туровцы занимаются сплавом леса по Припяти на низовья Днепра. Все занимаются земледелием, но излишек хлеба никогда не продают, потому что за сильным разливом Припяти всегда следует неурожай, и надо иметь хлебные запасы.

Лет двести тому назад Туровщина была покрыта густыми лесами, но теперь имеет уже степной вид. Земля — порядочный чернозем, и у крестьян хлеба много»¹⁹.

ДАВИД-ГОРОДОК И ПЕТРИКОВ

«Из Туровщины я отправился в Давид-Городок. Прежде это был замечательный город. Большая часть его населения, как и в Турове, ныне — жиды.

И в Давид-Городке народ набожен и живет строго. Когда на базар свезут хлеб, муку, овощи и цены установятся, то нередко случается, что хозяин воза отлучится; покупатель, придя без хозяина к возу, берет муку или зерно, уносит к себе, высыпает товар, а в опростанный мешок кладет деньги по установленной цене и относит мешок обратно в телегу. Мне говорили, что при этом обманов не бывает.

Давид-городские мещане занимаются разведением овощей, в особенности лука, и торговлею семенами; также готовят ветчину и колбасу, и все это возят в Варшаву, Вильну и другие города. На Припяти ловят рыбу, служат лоцманами на судах; скупают сыры на помещичьей сыроварне и возят даже в Бессарабию; лук меняют на Волини на грушу. Занимаются и постройкой судов. Горожане все знают церковную грамоту.

Был я и в древнем селении Петриков. Петриковцы — единственные сапожники на все Полесье. Здесь же сплавляют лес по Березине и занимаются рыбной ловлей»²⁰.

Абсолютно иное эмоциональное звучание, ярко выраженные контрастные краски приобретают путевые заметки Владимира Маракуева при описании природы Полесья, могучей силы обитателей здешних лесов, добыть которых — подлинная проверка на опытность местных охотников.

«Ехал я и разговаривал с полешуком, моим ямщиком. Тишина была невозмутимая. Но вдруг из лесу донесся какой-то шорох.

¹⁸ Маракуев В. Н. Полесье и Полешуки // По Русской земле... С. 111–112.

¹⁹ Там же. С. 112.

²⁰ Там же. С. 112–113.

— Что это там? — спросил я. — «Может зверь (т. е. волк) или одинец (т. е. старый кабан, уже отставший от стада)», — отвечал он. — А видал ты кабана? — спросил я. — «Как не видать?» отвечал полешук: — «годом бывает их очень много. Он большой, серый, пудов десять будет. Как пойдет по лесу, так все ломит, все трещит. Раз поехал я с отцом в лес дров нарубить, и видим: одинец высунул рыло из кустов и водит носом; только почуял нас, как фыркнет, и пошел лесом...»

Сила кабана громадна: ему не страшно нападение волка, даже двух. Только когда нападет на него целая стая волков, то они осиливают его.

О его силе я слышал такой рассказ: огромный одинец перешел зимою реку. Лед был ненадежный и проломился под тяжелым зверем. Желая выбраться на лед, кабан передними ногами стал обламывать его. И он прочистил себе во льду дорогу до другого берега и выбрался из воды.

Помещики охотятся на кабанов, устраивая правильную облаву. Крестьяне бьют их, поджидая в овсе, куда они ходят на заре или ночью»²¹.

«Метель усиливалась, снег бил прямо в глаза. С великим трудом попали мы в деревню. Ямщик повез меня к батюшке — местному священнику. Буря продолжалась двое суток, и я провел все время у гостеприимного отца Василия. Он — здешний старожил и много порассказал мне о Полесье. Будучи в молодости хорошим охотником, он мог передать мне всякие подробности об охотах в этих краях.

Батюшка рассказал мне сначала о сохатом, т. е. лосе. Это — самый крупный зверь в здешних лесах. Складом похож он и на козлу, и на оленя. На его голове огромные рога; он быстро бегает и очень силен, осторожен и отважен в случае нападения на него.

Летом и зимою лось бродит по лесам и болотам, кормясь ветвями осины и березы. Но в августе природа его изменяется: он становится неугомонным, бешеным. Закинув рога на спину, он носится или, как здесь говорят, *рыщет* по Полесью, отыскивая соперников. Громкий крик его раздается ночью на много верст. В конце августа лоси выбирают где-нибудь в лесу прогалину и сходятся для боя. На заре они бешено нападают друг на друга, сшибаясь могучими рогами. Охотник, засев где-нибудь по близости, метким выстрелом тут поражает их. Раненый лось страшен для неопытного охотника.

²¹ Маракуев В. Н. Полесье и Полешуки // По Русской земле... С. 108.

Во время преследования лось мчится по лесу, закинув рога, а по болоту — подняв их кверху. Рога его украшены двенадцатью отростками. Ребятишки, найдя такие рога в лесу, не в силах нести их на руках и тащат по земле, зацепив на веревку»²².

В центре внимания этнографического очерка «**Коляда**» **Сергея Максимова** — подготовка и все особенности зимнего народного празднования. Авторская повествовательная настройка предъявлена уже в самом начале текста: «В моих долгих странствованиях время “коляды” застигло меня в самой глуши Белоруссии, населенной православным русским народом, о котором мы очень немного знаем, потому что о нем мало писано и рассказано. Любопытна страна эта, между прочим и тем, что народ, ее населяющий, за дремучими лесами, за мокрыми и непролазными болотами, целые века прожил домоседом, а потому из древнего сохранил многое, что другие русские племена успели забыть, растерять или обменять на чужое и новое»²³.

Концептуальная художественная установка выражена в следующих словах: «Колядная светлая звезда словно нарочно приходила осветить нам то, что творилось темными вечерами в тусклых и сумрачных белорусских избах»²⁴.

Сергей Максимов внимательно фиксирует и особенности местной жизни, языковые отличия:

«Еще задолго до праздника во всякой белорусской хате “забивают коляду”, т. е. режут и убивают свинью или, как там говорят, кабана, т. е. борова. Вся страна говорит и думает, что “только тот праздник и знае, кто свинью мае”. От свиньи — сало, от которого вся Белоруссия в восторге, без чего ни один работник не нанимается; салом там заговляются и разговляются, а без колбас (по-тамошнему — кивбас) еще ни один человек в том краю не встретил праздника Рождества Христова».

Заметим, что белорусы едят вообще худо. Обычный их хлеб «пушной» с мякиной и в комьях, похожий более на комок грязи, непривычными зубами не разгрызается»²⁵.

«Любя *акать* там, где великорусы *окают*, или *дзекать* там, где у нас твердые звуки “т” или “д”, белорусы делают свои песни-ко-

²² Маракуев В. Н. Полесье и Полешуки // По Русской земле... С. 109.

²³ Максимов С. В. Коляда // По Русской земле... С. 114.

²⁴ Там же. С. 119.

²⁵ Там же.

лядки в особенности приятными для уха и интересными на это время, когда хозяева, вернувшись из церкви, садятся за стол»²⁶.

Особую динамику повествованию придает передача ритуальных действий, риторических обращений во время празднования, уходящего своими корнями во времена язычества:

«Стол накрыт чистою соломой, сверх которой положена чистая и белая скатерка, на ней — кутья или из обдирного ячменя каша, наслащенная медовой сытой, в горшке, к которому прилеплена горящая свечка. Это самое главное праздничное блюдо, чествуемое в особенности на этот день вместе с блинами, которые большим столбом стоят сложенными и холодными тут же на столе <...>».

Видел я, как старший хозяин, взяв первую ложку кутьи, сбросил ее за окошко.

— Кого угощаешь?

— Дядю (а “дзядами” или дедами называют белорусы умерших предков, полагая, что их души прилетают в это время навесить потомков и проведать про их житье-бытье).

Съели кутьи еще несколько ложек; хозяин положил вторую ложку каши на окно.

— Это морозу. Мороз-мороз, хадзи к нам куцью исць. Зимой прихадзи, а летом не хадзи. Под гнилой колодой ляжи, нашего хлеба не морозь; ни гороху, ни овса, ни жита (ячменя)»²⁷.

Увиденное действо навело автора на пространные размышления:

«Когда улеглись хозяева, а я возвращался в местечко, не выходили из головы и памяти ни эти обряды и гаданья, ни эти деды, ни сам хозяин семьи, чествовавший угощением и их, и мороз. Обряды исполняются уже вторую тысячу лет и, несомненно, сохранились с тех пор, когда наши предки не были просвещены Христовым учением. Роль хозяина в те времена имела духовное, религиозное значение, и на этот раз он был тем же языческим жрецом, который умилостивлял богов: и лютый мороз, и умерших дедов, и чествовал самую коляду, как особое высшее существо. Оно посещает деревни, ходит из конца в конец, заходит на двор просить угощения, требует подарков, как и подобает всякому живому существу. Если дарят теперь колядовщиков, то дают им подарки не как милостыню нищему, а как такую подать, которая им принадлежит и в которой никто отказать не имеет права и не смеет: так велела коляда.

²⁶ Максимов С. В. Коляда // По Русской земле... С. 117.

²⁷ Там же. С. 114.

Колядовщики, ходя за своим и за должным, умеют пропеть скупому и скаредному хозяину все свои песни наоборот — на худое и к худу. Многого они не просят, а что каждый в силах дать, то и благо, и за то спасибо. Деткам достается больше деньгами, взрослым колядовщикам — съестным и водочным угощением.

Колядная светлая звезда словно нарочно приходила осветить нам то, что творилось темными вечерами в тусклых и сумрачных белорусских избах

Если в них коляда и не чувствуется теперь, как истинное и самостоятельное божество, потому что оно разбито христианством, тем не менее народ, придерживаясь древних обрядов, чтит в коляде природу. Ее он любит по-прежнему и по-старому живет с нею неразлучно, тесно, бок о бок, боясь разойтись: природа — его единый и древний друг. С ней только белорус и может посоветоваться, спросить ее о судьбе своей и, погадавши, толковать на свое горе или на свое утешение ее молчаливые ответы. Во имя природы он чествует и коляду, требующую праздников, ряженья, гаданий, в особенности жертвенной свиньи, и непременно козы с медведем. В самый день Рождества все это объясняется и обнаруживается»²⁰.

Опытный этнограф С. В. Максимов чутко уловил, насколько незамысловато и точно отобразил белорусский ритуально-обрядовый кукольный театр «батлейка» всю социальную и национальную дифференциацию здешнего общества:

«Перед нами большой ящик, оклеенный дешевенькими, из бумаги, изображениями разных святых. На задней стенке нечто вроде занавески, под которой висит люлька или, по-тамошнему, “колыська” с младенцем. Подле стоит Богоматерь в короне, с другой стороны Иосиф. Пол обит заячьей шкуркой, которая должна изображать снег и зиму. Пол в то же время имеет сквозной прорез, по которому движутся разные фигуры, и при их появлении слышатся объяснения. Идут три круля (царя) для поклонения, а за ними с тою же целью впереди — поляк в кунтуше и с конфедераткой в руках, за ним — еврей с петухом под мышкой, потом москаль, или русский, в виде купца, одетого в красный плащ, гишпан с гишпанкою, доктор в форменном сюртуке, мертвец и смерть и Параська, и, наконец, кавалеры: все больше гусары и уланы. Это означает пир у Ирода. Еврей пляшет до упаду со своею супругой и, когда она уходит, он становится на молитву. Один воин заводит с ним ссору и убивает его; жена вбегает и заступается, но воин закалывает и ее. Является смерть и уносит убитых. Следом за ней выступает

²⁰ Максимов С. В. Коляда // По Русской земле... С. 118–119.

бернардин (монах) с жестяною коробкой. Он трясется от холода и, кланяясь, просит подаяния от зрителя. Скрипка и бубен во все это время не перестают визжать и стучать, и все представление нравится тем, что здесь производятся расчеты и с евреем, и паном, чего в действительности никогда не бывает»²⁹.

Автор называет ряд характеристик здешнего населения. Обычно «невеселый и сумрачный народ» во всю разыгрывается и просто-душно смеется лишь на колядах: «...хоть темно в хате, а все веселятся». По наблюдению С. Максимова, белорусы — большие охотники до вина, часто заглядывают в корчму (кабак): «Корчма с водкой-горелкой и евреем-корчмарем, или шинкарем, белоруса веселит да и в конец разоряет. Это — вместе с малоплодной землей его родины — вторая беда всего племени. Сюда он несет все, что скопил в дому: здесь все это принимают, и на чистые деньги, и под залог вещей»³⁰.

Авторское заключение: «Белорусы — народ самый смиренный, незлобивый и терпеливый до конца»; «Всех примет и обычаев и белорусов так много, что невольно думается, до какой степени бояться они за себя, как тяжела и ненадежна их жизнь и как много значит коляда, когда с нею является надежда на благополучие»³¹.

При сегодняшнем прочтении путевых заметок Владимира Маракуева, этнографического очерка Сергея Максимова можно заподозрить авторов в тенденциозности и нарочитой общей мрачности в описании быта полешуков и белорусов. Если обратиться к этнографическому наследию Адама Богдановича (1862–1940), отца классика белорусской литературы Максима Богдановича (1891–1917), можно найти куда более резкие характеристики. Автор «Пережитков миросозерцания у белорусов» (1895) приводит следующее, на его взгляд, ключевое наблюдение: «Белорусские крестьяне, истолковывая по-своему выражение “западный край”, — выражение чуждое белорусской речи, — передают его словами “западлый край”, т. е. заброшенный, захудалый. Хотя с филологической точки зрения можно многое возразить против такого вольного перевода, но действительность его оправдывает. И жизнь белоруса, и его творческая деятельность резко отмечены печатью неразвитости, отсталости, забитости. Именно “западлый край”, “западлый” народ...»³².

²⁹ Максимов С. В. Коляда // По Русской земле... С. 120–121.

³⁰ Там же. С. 120.

³¹ Там же. С. 121.

³² Богданович А. Е. Пережитков миросозерцания у белорусов. Гродно: Губернская типография, 1895. С. 1.

Рассказ **Ипполита Красковского «В Беловежской пуще»** — единственное художественное произведение среди трех текстов, представляющих Белоруссию широкому читателю. Молодой хуторянин представлен в романтически приподнятом, несколько даже идеализированном авторском описании, подтвержденном дальнейшими действиями: «Явился Грицько, высокий, стройный, как молодой тополь, серые глаза горят отвагой, свитка небрежно накинута на плечи, грудь распахнута и порывисто колыхается после усиленной работы!»³³

В февральскую лютую непогоду сын лесника Ваврина Боровика получил от отца задание доставить важную бумагу заведующему пущей. Дорога от хутора неблизкая и, как оказалось, сопряжена со многими опасностями. Их преодолению посвящены три следующие главы произведения: «Грицько спешно чмокнул в руку старую мать, вскочил в седло, свистнул лохматому Жучке, своему неразлучному товарищу, и уже снежная пыль взмывается копытами Орлика, и уже всадник мчится стрелой, разрезая резкий зимний воздух. Любо, раздолье мчаться полетом птицы... “Э, что для меня лес”, — думает молодой стрелок, — “когда я в нем, что рыба в воде? Разве я испугаюсь лешего, когда у меня на груди крест, а в сердце молитвенный вздох к чудотворцам? Разве мне побояться хищного зверя, когда у меня за плечами меткая двухстволка, а в сумке — более двадцати зарядов?”

Стой, Орлик, не спеши! Бурелом разлегся на пути: нет проезда! Лесной шторм пронесся узкою полосой, и как безжалостная картечь вырывает ряды жизней в боевом строю, так и он свалил сплошной ряд деревьев»³⁴.

Первая серьезная опасность приходит с усилением непогоды. На помощь герою приходит пуща, укрывает его от сильной бури:

«Высокий дуб широко раскинул крепкие ветви, толщиной своей равняющиеся любому вековому дереву. Сколько бурь пронеслось над ним, сколько поколений отдыхало под его гостеприимным кровом! Никакие вихри, никакие метелицы не страшны могучему дубу: там где-то, на страшной высоте, спорит с ними его вершина, а внизу под ним полное затишье.

Горит огонь под дубом и жметя к нему иззябший в пути молодой стрелок. Около стрелка стоит всколоченный метелицей Орлик и жадно жует в торбе оброк»³⁵.

³³ Красковский И. В Беловежской пуще // По Русской земле... С. 122.

³⁴ Там же. С. 123.

³⁵ Там же. С. 124.

Самое сильное испытание связано с нападением стаи волков. Поначалу спасает верный товарищ героя:

«Конь как будто понял просьбу всадника и круто повернул в лесную чащу.

— Молодец, Орлик, — радуется Грицько, — по лесу им не угнаться за нами!

Но зато древесные ветви хлещут его по спине, срывают с головы шапку, рвут за волосы. Грицько еще ниже нагибается к шее лошади, еще крепче прижимает к плечу ружье и сумку. Долго длится бешеная скачка по лесу. Вот, наконец, деревья реденут; начинается густой лозняк. А где же Жучка? Бедный, бедный лохматка! Его уже давным-давно растерзали острые волчьи зубы»³⁶.

Силы не равны. Неожиданное спасение приходит от царственных властителей Беловежской пусти:

«Бедный стрелок обезумел от испуга, старается сдержать коня, но конь стремительно мотнул головой, вырвал у него из рук поводья и громко заржал, будто издавая торжествующий победный клик.

Вот он уже подбегает к чудовищам, врывается в их толпу, останавливается у стога, бессильно жмет к нему, храпит и медленно опускается на колени. Быстрее мысли Грицько взбирается на вершину стога. Внизу раздается сердитое хрюканье...

— Да это зубры, родимые, — радуется Грицько, — ну, не выдадут же они волкам моего Орлика.

Целое стадо зубров, голов в тридцать, жмет к стогу. Телята и самки занимают середину толпы, а в передний ряд выдвигаются рослые самцы с громадными рогами и опускают к земле головы, готовясь встретить нападение хищного врага.

Сердитый, протяжный вой разносится по снежной равнине.

На волчий вой зубры отвечают хрюканьем и нетерпеливо скребут копытами мерзлую землю. Грицке хорошо видно, как у передних самцов пеняется морды и белая пена клочьями скользит по бородам их на землю.

В это мгновение вся стая волков, как по команде, стремительно бросается на зубров. Взмывается снежная пыль, пронзительный вой и визг смешиваются со злостным хрюканьем, несколько волков подхватываются зубрами на рога и далеко отлетают в сторону.

Волки отступают с отчаянным воем, вновь собираются толпой и с удвоенною яростью бросаются на зубров, главными силами на-

³⁶ Красковский И. В Беловежской пусти // По Русской земле... С.

легая с боков и стараясь выбить из строя крайних самцов. Вот на крайнего из них с правой стороны насакивает десяток хищников. Зубр отчаянно мечет головой направо и налево. Несколько хищников уже отброшены им в сторону, но остальные неотступно напирают на него, и одному удается вскочить на его толстую спину. Хищник обхватывает острыми когтями хребет несчастного зубра и впивается зубами в его гриву.

В это время раздался выстрел. Хищник повалился мертвым со спины зубра, а остальная волчья стая быстро шархнула. Стрелок приободрился. Он уже успел опять зарядить ружье и выбирает любого хищника. Он не промахнется»³⁷.

По нашему твердому убеждению, данное произведение Ипполита Красковского во многом можно рассматривать как исключительное не только в истории русской, но и в контексте белорусской литературы второй половины XIX — начала XX века. Данный художественный пример наносит сильнейший удар по устойчивому стереотипу видения (внешнему и культивируемому в национальной традиции) белоруса — отсталого, угнетенного человека с утраченным чувством свободы и собственного достоинства. Перед нами яркий пример национального оптимизма, один из наиболее красноречивых и величественных образцов единения человека с природой.

ИВАН КРАСКОВСКИЙ И АРХИВНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА ЕГО ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Имя Ивана Игнатьевича Красковского (1880–1955) принадлежит к когорте возвращенных имен в истории Беларуси и Украины. Вместе со своими единомышленниками, коллегами по работе в Вильно (Вильнюс, Литва) начала XX века он принимал самое активное участие в белорусском возрождении, европейской политической жизни Нового времени. Деятельность И. Красковского иллюстрирует также национальную политику, государственное строительство первой половины 1920-х годов в Польше, Литве и Латвии.

Практически до начала 1990-х годов информация о его жизненном пути была фрагментарной, тенденциозной, обрывалась на годах репрессий. Исследователи Николай Климович и Владимир

³⁷ Красковский И. В Беловежской пуще // По Русской земле... С. 127–128.

Михнюк приводят в «Энциклопедии истории Беларуси» о них следующие сведения: «Красковский Иван Игнатьевич (24.6.1880, село Дубичи Бельского уезда Гродненской губернии, сейчас Польша — 23.8.1955), белорусский политический деятель, педагог. Окончил Петербургский университет. Работал в Киеве в Земсоюзе. Был членом Белорусской социалистической громады, Белорусской социал-демократической партии. Представлял белорусские национальные организации на съезде народов (Киев, сентябрь 1917). В 1918 входил в состав правительства Украинской Народной Республики, ее посол в Грузии. В 1920 — председатель Белорусского Национального комитета в Вильно. С 1922 — директор Двинской государственной белорусской гимназии. С лета 1925 — в Минске, работал в БГУ, Инбелкульте, БелАН, председатель социально-культурной секции и член президиума Госплана БССР. С 1930 — в Москве в Госплане СССР. 8.7.1930 арестован по делу “Союза освобождения Беларуси” и постановлением Коллегии ОГПУ от 10.4.1931 сослан на 5 лет в Самару. 4.11.1937 снова арестован, 19.3.1940 освобожден. После Великой Отечественной войны выехал к родственникам в Чехословакию. Реабилитирован в 1988»³⁸.

Сегодня есть возможность уточнить и дополнить эти данные, а также расширить исторический экскурс, опираясь на новейшие публикации белорусских и зарубежных исследователей³⁹.

По семейной традиции Ивана Красковского, сына священника Игнатия Феофиловича Красковского, ждал аналогичный путь христианского служения, но выпускника православной духовной семинарии быстро захватил водоворот революционных перемен начала XX века. В 1903–1905 годах И. Красковский — слушатель историко-филологического факультета Варшавского

³⁸ Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (галоўны рэд.) [і інш.]. Мінск: БелЭн, 1997. Т. 4. С. 250.

³⁹ Возвращенные имена: Сотрудники АН Беларуси, пострадавшие в период сталинских репрессий / сост. и авт. предисл. Н. В. Токарев; под ред. А. С. Махнач. Минск: Навука і тэхніка, 1992. 120 с.; *Краскоўская, Л.* Жыццёвы шлях Івана Краскоўскага // Голас Радзімы. 21.12.1995. С. 7; *Mušinka M.* Ivan Kraskovski — priekopník bieloruso-ukrajinských vzťahov a Slovensko // Historický časopis 48. Bratislava, 2000. № 3. S. 495–504; *Мушынка М.* Не чужы для беларусаў: Іван Краскоўскі ў грамадска-палітычным жыцці Украіны і Беларусі // Літаратура і мастацтва. 02.01.2001. С. 12; *Зубко О., Трус М.* Білорусьскі след в україньскій дипломатії 1918–1921 рр.: Крізь призму життя Івана Красковського (1880–1955) // Київська старовина. 2008. № 6; *Трус М.* Падзвіжніцкія шляхі роду Краскоўскіх: разгорнуты каментарый да Пражскага эпістоларыю // Роднае слова. 2009. № 3. С. 24–29.

университета; исключен за участие в студенческом движении. В 1904 году был избран делегатом Первого социалистического съезда в Киеве. Диплом историка-экономиста получил уже в Санкт-Петербурге.

После окончания Петербургского университета поселился в Вильно, работал преподавателем, заместителем директора в частных мужских гимназиях Павловского и Виноградова, школьным инспектором. Активно включился в жизнь столицы белорусского национального возрождения: работал в Белорусском учительском Союзе, Белорусской социалистической громаде, ряде культурно-просветительных организаций.

В 1903 году Иван Красковский женился на украинке Валентине Семеновне Сокальской (1883–1949) родом из Каменец-Подольского, дочери военного ветеринара. В Вильно она окончила Мариинское высшее женское училище («Институт благородных девиц»). Став Валентиной Красковской, занималась домашним хозяйством, воспитывала троих детей: Людмилу, Сергея и Мстислава. Семья жила в предместье Антоколь на Весенней улице.

Первая мировая война становится началом скитальческой жизни. Красковские вынуждены покинуть обжитое место и переехать на Украину. Главе семьи пришлось занять заметное место на авансцене украинского общественно-политического движения. В 1915–1916 годах он работал в «Союзе земств» и «Союзе городов», сначала руководил отделом помощи детям на Юго-западном фронте, потом возглавлял отдел помощи населению, пострадавшему от войны. В мае — июне 1917 г. — губернский комиссар Галичины с резиденцией в Тернополе. Областным комиссаром Галицкого края в то время был известный украинский историк Дмитро Дорошенко (1882–1951). В декабре 1917 года И. Красковский избран делегатом от Юго-западного фронта на заключение мира в Брест-Литовске. Однако поезд с полномочными представителями не доехал до места назначения.

Несколько лет насыщенной общественно-политической деятельности И. Красковского тесно связаны со становлением украинской государственности, работой в правительстве Украинской Народной Республики, где он занимал ряд высоких должностей: заместитель председателя Совета министров, заместитель министра внутренних дел и министра иностранных дел, глава дипломатической миссии на Кавказе и др. При назначении кандидатуру Красковского горячо поддерживали Михайло Грушевский и Дмитро Дорошенко.

Осенью 1921 года семья Красковских возвращается в родной Вильно, который уже принадлежит польскому государству. Иван Красковский преподает историю Беларуси в Виленской белорусской гимназии, входит в состав руководства ряда общественных организаций: Белорусского национального комитета, Белорусского союза кооперативов, Центральной белорусской школьной рады. Активная деятельность недавнего полномочного представителя правительства УНР, дипломата не могла не привлечь внимания польских властей, толерантность которых очень быстро закончилась. В начале 1922 года Красковский арестован и вместе с группой белорусских и литовских деятелей без суда депортирован в Латвию. Этот беспрецедентный акт получил название по количеству репрессированных — «Процесс 33» — и европейский резонанс.

Власти Латвии позволили И. Красковскому открыть Двинскую государственную белорусскую гимназию в Даугавпилсе (Двинске). Работая директором этого учреждения, он смог в полной мере реализовать свой педагогический потенциал, подкрепленный большим административным опытом. Был собран хороший учительский коллектив, выполнение учебной программы существенно дополнялось трудовым и эстетическим воспитанием учащихся. При гимназии действовали кузница, слесарная и токарная мастерские, был сформирован свой скаутский отряд. Успехом у широкой аудитории пользовались театральные постановки. Выступление гимназического хора в Риге приветствовал классик латышской литературы Ян Райнис

В организации и успехах национальной белорусской жизни властные структуры увидели опасность для своего молодого государства. Конкретной материализацией такой подозрительности стал сфабрикованный «Белорусский процесс». В 1924 году И. Красковский вместе с некоторыми преподавателями гимназии был арестован и обвинен в преступной деятельности, целью которой якобы было оторвать от Латвии Латгалию, населенную преимущественно белорусами, и присоединить этот регион к Советской Беларуси. На суде все были оправданы, но для Красковского, который не имел латвийского гражданства, после этого процесса очевидным стало положение «*persona non grata*».

Обращение к латвийской прессе, до сих пор не практикуемое белорусскими учеными, показывает, насколько масштабной и опасной, полностью мифологизированной представлялась широкой общественности культурно-просветительская деятельность небольшой группы белорусских учителей-энтузиастов. Приведем отрывок из статьи «Открытие заговора в Латгалии» газеты «Latvijas

sargs» (=Латышская гвардия) от 15 мая 1924 года в переводе на русский язык Владимира Пигулевского, участника и очевидца событий:

«Вчера наша газета сообщала вкратце, что в последнее время политическая охрана в Латгалии открыла очень большую монархическую организацию. К нам поступили по этому делу более подробные сведения.

Как известно, немного времени назад в Риге произведены были аресты многих монархистов, благодаря чему наша политическая охрана напала на след белорусской монархической организации, которая уже укоренилась в Латгалии и расширила свою деятельность в Латгалии до угрожающих размеров. Белорусские монархисты, подобно русским монархистом, поддерживали весьма тесную связь с ген. Врангелем и штабом бывш. вел. князя Николая Николаевича. Распространителем идеи монархизма в Латгалии оказался некий Красковский, бывший командир Белорусского полка в Польше, который смог организовать в Латгалии даже пешие отряды и установить весьма оживленную связь с крестьянами и даже с рабочими. Во главе этой пешей группы стоял некий Корти. Оба этих вождя получали большие суммы денег от польских и американских монархистов, с которыми они поддерживали до самого последнего времени самый тесный контакт. Вильно считалось как центр движения этой организации.

Наиболее примечательно во всем раскрытии этого заговора то, что идейные вожди и сообщники этой подпольной организации оказались в рядах учителей Латгальских белорусских школ. Главной их целью было восстановить единую и неделимую Россию, в которую составной частью войдет монархическая Белоруссия. Чтобы достигнуть этого, одной из главных задач латгальских заговорщиков было всеми имеющимися в их распоряжении средствами вызвать переворот в Латвии.

В начале эта организация была относительно сильна и единодушна, но затем раскололась на 4 группы. В апреле месяце этого года наша политическая охрана произвела многочисленные обыски в помещениях педагогического персонала Двинских белорусских школ, причем были найдены карты с обозначением, что Двинский, Люцинский и Режицкий уезды теперь присоединены к Белорусской Республике. У одного директора белорусской гимназии (Красковского) была найдена целая куча всяких компрометирующих документов и писем, из которых видим, что Латгальская монархическая организация поддерживала живейшую связь с Ковно, Прагой, Варшавой и др. городами. Согласно всех найденных документов, можно судить, насколько широки были планы

этих монархистов, чтобы основать свою “Независимую Белорусскую Республику” <...>⁴⁰.

Летом 1925 года И. Красковский со всей семьей в Минске. В столице Беларуси бывшему директору гимназии обеспечена работа в ряде ведущих учреждений и организаций: Белорусском государственном университете, Институте белорусской культуры, Госплане БССР. В 1930 году И. Красковскому предложена работа в Госплане СССР (секция планирования экспедиций АН СССР). Осенью того же года он был арестован, причислен к украинофильскому крылу мифического «Союза освобождения Беларуси». Осужден на 5 лет ссылки, но сроки наказания продлевались, изгнание затянулось почти на 22 года. В Куйбышеве, Мелекесе, Ширяеве оказались востребованными его знания и опыт экономиста и педагога.

Дети Ивана и Валентины Красковских воспитывались, росли, учились в исторический период новой волны национально-го возрождения начала XX века и государственного строительства 1920-х годов: белорусского, украинского, латышского, грузинского. Все трое были учащимися отцовского детища — Двинской государственной белорусской гимназии.

Арест и ссылка Ивана Красковского стали началом драматического пути для его сыновей, чьи жизни преждевременно оборвались в сталинских лагерях.

Сергей Красковский (1907–1945) после Латвии завершал получение среднего образования в советском Минске (1927), интересовался философией, поэзией. Окончил авиастроительный факультет Политехнического института в Ленинграде (1931). Работал конструктором в Авиастроительном институте в отделе А. Туполева. В 1937 году в числе большинства сотрудников института был сослан в Сибирь, откуда не вернулся.

Мстислав Красковский (1910–1942) окончил техникум в Минске. Несколько раз тщетно пытался поступить в ВУЗ — клеймо сына «врага народа» перечеркивало надежду на высшее образование. Работал в экспедициях на Алтае. Накануне Великой Отечественной войны — фотограф и оформитель в Литературном музее в Москве. Арестован в 1941 году, поводом стало плохо затемненное им вечером окно.

Людмиле Красковской (1904–1999), старшей из детей, суджено было прожить долгую жизнь далеко от родины, добыть-

⁴⁰ Белорусский государственный архив-музей литературы и искусства (Минск). Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 56. Л. 57–58.

ся выдающихся результатов в науке, сберечь память о родных и близких.

После Великой Отечественной войны Людмила Красковская, сотрудница Словацкого национального музея, приложила много усилий, чтобы перевезти одинокого и больного отца к себе в Братиславу. Такое разрешение было получено только в 1952-м. В следующем году последние из семьи Красковских наконец встретились. Умер Иван Игнатьевич 23 августа 1955 года, похоронен на братиславском кладбище «Славичье удолье». В 1999 году рядом с ним обрела вечный покой Людмила Ивановна Красковская.

В 1976 году Людмила Красковская передала Фундаментальной библиотеке АН БССР⁴¹ архив своего отца: документы биографического и служебного характера, семейные фотоснимки, публикации, корреспонденцию, рукописи, книги и др. Всего обработанный в 1979 году фонд И. Красковского насчитывал 178 единиц, в начале 1990-х годов он был дополнен новыми поступлениями. Среди нескольких десятков чудом сохранившихся книг были следующие дореволюционные издания:

Живописная Россия. Т. 3: Литовское Полесье, Белорусское Полесье. СПб. — М., 1882;

Сементовский А. М. Белорусские древности. СПб., 1890;

Коялович М. Чтения по истории западной России. СПб., 1884;

Красковский И. На западной окраине России. М., 1884;

Носович И. И. Словарь белорусского наречия. СПб., 1870.

Общественный деятель, экономист, педагог Иван Красковский прекрасно понимал, что не только политическими обращениями и правительственными постановлениями стучится народ в двери европейского дома обустроенной политики и государственности. Слово изящной словесности в этом деле не меньше, а может, и более действенно, потому что оно затрагивает вечные проблемы, выявляет национальную самобытность, укрепляет сопричастность к художественному универсуму.

Одно из свидетельств забот И. Красковского — «История славянских литератур» Осипа Карасека, изданная в начале XX века⁴². Ее собственник скрупулезно, «с карандашом» проанализировал прочитанное, написал на полях и между строк много замечаний

⁴¹ В настоящее время Центральная научная библиотека им. Якуба Коласа НАН Беларуси.

⁴² *Карасек О.* История славянских литератур / пер. с нем. Л. Двига; под ред. и с доп. автора. СПб.: Изд-во «Вестника Знания» (В. В. Битнера), 1911. 144 с. Частное собрание Н. В. Труса (Минск).

относительно проигнорированого О. Карасеком белорусского присутствия в славянском культурном пространстве.

Хороший знаток нескольких европейских языков, И. Красковский оставил заметный след в истории белорусского перевода. Не размениваясь на мелочи, он сразу замахнулся на мировую классику, в 1929 году перевел «Гамлета» Шекспира. И перед нами работа не дилетанта, а человека опытного, наделенного языковым чутьем и поэтическим вкусом, работа, ожидающая своего исследователя:

Гамлет:

Жыць ці ня жыць — пытаньне вось у чым.
Што годна духу і шляхотна больш.
Цярпець прашчы удары, ўколы стрэл
Нядолі лютай, ці паўстаць
Супроці мора, бед і ў барацьбе
Пакласці ім канец? Сьмерць толькі сон.
Калі-ж праз гэты сон мы здолеем
Пакончыць з мукай сэрца, з тысячмі
Прыродных немачаў, як спадчыны
Цялеснай — да душы такі канец
Жаданы ўсім. Смерць — сон, сон — можа, сьненне?
Ах, вось завада ў чым: у гэтым сьне,
Сьне сьмерці, што за сьненні могуць быць
Як земных клопатаў пазбавішся.
Вось што спыняе нас, змушае нас
Цярпець гора доўгага жыцця...
Сапраўды, хто-б схацеў перанасіць
Глум, катаваньні часу, зьдзек,
Абразы лютых прыгнятальнікаў,
Зьнявагу гардуноў, мучэньні ўсе
Няшчаснага каханьня, валакню
Судовую, нахабнасьць ўлады,
Усе штурханцы, якія годнасьць
Цярплівая прыймае ад нягодных,
Калі б ён мог знайсці сабе спакой
Уколам простым шыла? Хто-б знасіў
Ярмо такое, енчыў і пацеў
Пад цяжарам жыцця, калі б ня страх
Прад чымсь па сьмерці, прад краінай той
Няведамай, з-за рубяжоў якой
Ніводны падарожны не зьвярнуўся, —
Той страх, што волю нашу скоўвае

І прымушае нас ляпей цярпець.
 Ўсе ліха земныя, чымся імкнуцца
 Да іншага, нам невядомага.
 Сумленьне робіць трусамі ўсіх нас,
 Прыродны нас адважнасьці руменец
 Зьмяняе бледны водцень разважання
 І пачынаньня, сілы поўныя
 Вялікія пры разважання тым
 Заплутваюцца на сваіх шляхох
 І губяць імя дзеяння. Ат, ціха!
 Чароўная Офэля! Німфа!
 Успамяні усе мае грахі
 Ў тваіх малітвах⁴³.

В Отделе редкой книги и рукописей Центральной научной библиотеки им. Якуба Коласа НАН Беларуси хранится также перевод рассказа «Среди озер» (белор. «Сярод вазёраў»), сделанный примерно в 1920-х годах. Автор оригинала — родной дядя интерпретатора Ипполит Красковский. Обратимся к первым строкам упомянутого прозаического произведения в оригинальном звучании и переводе (аутентичность правописания сохранена):

«В памяти моей воскресает живописная местность. Высокие стены древнего монастыря, из-за которых поднимаются стрельчатые башни костела и зеленеют исполинские вершины каштанов, быть может, ровесников этим почерневшим стенам»⁴⁴.

«У памяці маёй уаскрасае жывапісная мейсцовасьць. Высокія муры старадаўняга кляштара, з-за якіх узвышаюцца стрэльчатыя вежы касьцёлу й зелянеюць аграмадныя вяршыны каштанаў, ма'быць равесьнікаў гэтым пачарнеўшым мурам»⁴⁵.

Так на творческом столе белорусского подвижника нашли место рядом мировая классика и родовое художественное наследие.

⁴³ ЦНБ им. Я. Коласа НАН Беларуси. Ф. 16. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 67. Правописание оригинала сохранено.

⁴⁴ Красковский И. На западной окраине России. Рассказы. Ч. 1–2. М.: Университетская типография (М. Катков) на Страстном бульваре, 1884. Ч. 2. С. 261.

⁴⁵ ЦНБ им. Я. Коласа НАН Беларуси. Ф. 16. Оп. 1. Ед. хр. 117. Л. 72.

ХРАНИТЕЛЬ ВРЕМЕНИ: ЛЮДМИЛА КРАСКОВСКАЯ

Скромные труженики... Люди, убежденно избегающие какого-либо ажиотажа вокруг своего имени, считающие свою жизнь не достойной внимания, полностью посвящающие себя любимому делу. Такой была и Людмила Ивановна Красковская⁴⁶ (1904–1999), представительница белорусского и украинского зарубежья, многолетний сотрудник Словацкого национального музея (Братислава), основатель современной словацкой археологии, обладатель многих научных наград, почетных званий — «Строитель Братиславы» (1975) и «Заслуженный работник культуры Словакии» (1996). В 1920–1930-х годах она воочию наблюдала бурные процессы национальной жизни и государственного строительства у многих европейских народов. В центре некоторых из них находился ее отец, Иван Игнатьевич Красковский, белорусский и украинский общественный деятель, соратник Антона Луцкевича, Василия Дружича, Всеволода Игнатовского, а также Михайлы Грушевского, Дмитра Дорошенко, Владимира Винниченко и др.

Людмила Красковская известна прежде всего своими научными изысканиями, публикациями, книгами, две из которых изданы в Оксфордском университете. А еще она берегла память о близких, хранила уникальные архивы, документально свидетельствующие о многих событиях и судьбах XX века.

Родилась Л. Красковская 26 июня 1904 года в семье преподавателя истории в Вильно, городе, который в начале XX века стал колыбелью новой волны белорусского возрождения, «кривицкой Меккой» (Владимир Жилка). События Первой мировой войны вывели Ивана Красковского на авансцену активной политической жизни, начало которой было положено на украинских землях. Далее будет основанная им Двинская государственная белорусская гимназия (Даугавпилс, Латвия), переезд в советский Минск⁴⁷, ра-

⁴⁶ Tomčíková K. Ľudmila Kraskovská. Bratislava: Slovenské národné múzeum, Národné múzejné centrum vo Vydavateľstve SNM, 1999. 84 s.; Панізнiк, С. Славацкая Нестарка // Літаратура і мастацтва. 13.08.1999. С. 15; Трус М. Людміла Краскоўская: жыццё і дзейнасць на беларуска-ўкраінска-славацкім культурным памежжы // Slovensko-bieloruské jazykové, literárne a kultúrne vzťahy: Zborník príspevkov z medzinárodného vedeckého seminára, 20.–21. Septembra 2000 // Acta facultatis philosophicae universitatis prešovensis: Literárno-vedný zborník 15. Prešov, 2003. S. 84–89; Трус М. Беарыня гістарычнай памяці: Старонкі жыцця Людмілы Краскоўскай // Роднае слова. 2009. № 4. С. 18–21.

⁴⁷ Проф. Красковский в Белоруссии // Правда. М. 06.08.1925. № 178.

бота в Инбелкульте, БГУ, Госплане, арест и ссылка, переезд к дочери в Чехословакию...

Людмила Красковская училась в гимназиях в разных городах бывшей Российской империи. Во время Первой мировой войны, в послевоенные годы образовательный процесс шел урывками: семья была вынуждена переезжать с места на место, вслед за главой, Иваном Красковским, на новые места его служебного назначения. Экзамены за курс очередного класса нужно было держать в гимназиях Киева, Одессы, Тифлиса (теперь Тбилиси). В 1921 году семья Красковских окольными путями, через Западную Европу, вернулась из Тифлиса в Вильно.

Некоторое время Людмила учится в Виленской белорусской гимназии, среди ее учителей известные деятели национальной культуры: Антон Луцкевич, Адам Станкевич, Ильдефонс Бобич (писатель Пётра Просты). Полное среднее образование было завершено в 1923 году в Двинской государственной белорусской гимназии. Затем Л. Красковская становится студенткой философского факультета Карлова университета в Праге, приступает к постижению тайн археологии и истории искусства, одновременно учится на историко-литературном отделении Украинского высшего педагогического института им. М. Драгоманова, а также Украинском вольном университете. В круг ее ближайшего общения в Чехословакии входили яркие представители новой генерации белорусской интеллигенции — Владимир Жилка, Лявон Рыдлевский, Михась Каберац, Любовь Верниковская, Евгений Дылис, ведущие авторы «Пражской школы» украинской поэзии: Олег Ольжич, Оксана Лятуринская, Леонид Мосендз и др.

Музейный сотрудник Людмила Красковская станет хранительницей уникальных архивов, большинство документов будут переданы в государственные хранилища Беларуси, Словакии, Украины, часть разойдется по частным собраниям разных стран.

Со второй половины XX века в Братиславу будут постоянно идти письма от белорусских исследователей, занимающихся вопросами истории национального присутствия в Польше, Латвии, Чехословакии 1920–1930-х годов. Значителен вклад Л. Красковской в появление книги Владимира Колесника «Паруса Одиссея. Владимир Жилка и романтическая традиция в белорусской поэзии»⁴⁸ (1977).

⁴⁸ Калеснік У. Ветразі Адысея. Уладзімір Жылка і рамантычная традыцыя ў беларускай паэзіі. Мінск: Мастацкая літаратура, 1977. 328 с.

В Чехословакии межвоенного периода обосновываются многие выходцы из бывшей Российской империи. В эмигрантской среде (прежде всего, русской и украинской) организуются своего рода национальные культурные автономии, со всеми атрибутами системной культурно-просветительской и образовательной деятельности. В современной России и Украине эта тема очень детально разработана на уровне научных исследований, исторически реабилитирована и широко представлена в средствах массовой информации. Свои научные разработки, осуществленные проекты есть и в Беларуси.

Необходимо отметить, что при столь пристальном внимании специалистов остаются некоторые лакуны, касающиеся культурного сосуществования и взаимодействия национальных институций и сообществ в условиях другого государства. На наш взгляд, одним из наиболее показательных событий международного сотрудничества начала XXI века стала выставка «Общественно-культурная деятельность белорусской и российской эмиграции в Чехословакии. 1921–1938» (Минск, 2002), проведенная в Национальном музее истории и культуры Беларуси. В мероприятии приняли участие сотрудники Государственного архива Российской Федерации, Национального архива Республики Беларусь, Белорусского государственного архива-музея литературы и искусства; был издан содержательный каталог выставки⁴⁹.

По данным свидетеля и участника тех событий Томаша Гриба, в общей массе студентов уроженцы Беларуси составляли около 300 человек. В студенческой среде был организован ряд общественно-политических организаций, представляющий весь спектр культурных и политических устремлений молодежи: *Аб'яднанне беларускага наступовага студэнцтва, Беларускі студэнцкі саюз, Беларускі сялянскі саюз, Вольная грамада, Саюз грамадзянаў БССР* и др. Их публичными трибунами стали периодические издания: «*Беларускі студэнт*», «*Прамень*», «*Наш прамень*», «*Новы прамень*», «*Перавясла*», «*Искры Скарыны*». Белорусское присутствие в Чехословакии — «Европе в миниатюре» — оказывается в условиях уникального взрыва культурной дифференциации, наэлектризованности дискуссий по вопросам национальной идентичности, государственности, отношения к советской власти.

⁴⁹ «Ёсць на карце месца...» Грамадска-культурная чыннасць беларускай і расійскай эміграцыі ў Чэхаславакіі 1921–1938 гг.: Каталог / Складальнікі: Т. Р. Воранава, А. М. Гесь, Н. П. Дзюба і інш. Мінск, 2002. 87 с.

Плоды многолетней переписки Людмилы Красковской с белорусскими исследователями нашли свое отражение в литературоведческих работах. В первой половине 1990-х годов были опубликованы ее воспоминания о Виленской и Двинской белорусских гимназиях, Иване Красковском и Владимире Жилке⁵⁰. Автору этих строк посчастливилось выявить и собрать весомую часть богатого архивного собрания Л. Красковской, не распределенную при жизни хранильницы, представить уникальные документы в десятках отдельных публикаций, а также недавней книге «Братиславский эпистолярый: словацко-белорусский архивный дискурс XX века»⁵¹. В нашем распоряжении оказалась также рукопись неизвестного рассказа Л. Красковской, посвященного Грузии (название отсутствует), — единственного образца художественного творчества в наследии признанного археолога и специалиста музейного дела.

В письме к Наталье Лазаревой, дочери поэта Владимира Жилки, от 25 августа 1989 года, Людмила Красковская отмечала: «Хорошо, что мое письмо с воспоминаниями Вы получили. Сейчас посылаю вторую половину этих воспоминаний. Знаю сама, что нужно писать иначе, более “лирично”, но я не умею. Привыкла писать археологические статьи, а там лирике не полагается быть»⁵². Выявленный рассказ в совокупности с некоторыми другими известными текстами (письмами, публикациями) позволяют говорить об определенных писательских задатках автора, чему не могла не поспособствовать общая творческая атмосфера пражского периода, дружба с белорусскими и украинскими поэтами.

Думается, настойчивое внимание белорусских ученых не в последнюю очередь подвигло Людмилу Красковскую к завершению книги воспоминаний «С давних времен»⁵³ (1999), изданной на украинском языке в словацком городе Прешове. В предисловии автор писала: «Мои воспоминания “С давних времен” состоят из

⁵⁰ Краскоўская Л. Аб беларускай гімназіі ў Вільні // Голас Радзімы. 26.01.1996. С. 4; Краскоўская Л. Жыццёвы шлях Івана Краскоўскага // Голас Радзімы. 21.12.1995. С. 7; Краскоўская Л. З успамінаў пра паэта // Літаратура і мастацтва. 15.06.1990. С. 6.

⁵¹ Трус М. В. Браціслаўскі эпісталарый: славацка-беларускі архіўны дыскурс XX стагоддзя / навук. рэд.: С. С. Лаўшук; уступ. слова Ё. Мігаша. Мінск: Беларуская навука, 2019. 207 с.

⁵² Письмо Натальи Лазаревой (Полоцк) к Людмиле Красковской (Братислава) от 25 августа 1989 года // Частное архивное собрание Н. В. Труса (Минск).

⁵³ Красковська Л. З давніх часів. Prešov: EXCO s.r.o, 1999. 84 с.

трех разных частей, которые я писала на протяжении многих лет в различных условиях и при соответствующем настроении. Первая часть “Детство” была написана, как рассказ, в 1939–1940 годах, накануне второй мировой войны. Вторую часть “Скитальческой жизни” я писала в 1988–1990 годах, почти через 50 лет. Я не хотела это продолжать как рассказ, а писала эту часть как хронику нашей семьи или репортаж из путешествия по свету, потому что это ближе к жизни. Последнюю третью часть, “Наша семья”, я написала в 1994 году, чтобы дополнить воспоминания дальнейшей судьбой отдельных членов нашего семейства. В тяжелые годы лихолетья они переживали такие же несчастья, что и миллионы граждан Советского Союза. Разные части воспоминаний связывает одна мысль — припомнить события давних времен и так сохранить их для нынешнего поколения»⁵⁴.

В данном случае нас привлекает вторая часть этих мемуарных записей — «Скитальческая жизнь», в особенности — ее начало, представляющее столь востребованную сегодня историю повседневности, жизнь интеллигенции города Вильно (теперь Вильнюса) начала XX века, осень патриарха рода Игнатия Феофиловича Красковского (1850–1909), проведенную в Дубичах.

⁵⁴ Красковська Л. З давніх часів. Prešov: EXCO s.r.o, 1999. С. 3. Перевод с украинского Н. В. Труса.

Людмила Красковская

СКИТАЛЬЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ
[отрывок из воспоминаний]

Наша семья жила в губернском городе Вильно (теперь Вильнюс, Литва). Там родилась я и двое младших братьев. Семья была довольно многочисленной: состояла из отца Ивана Игнатьевича Красковского, его жены Валентины Семеновны и троих детей — дочери Людмилы, сыновей Сергея и Мстислава. С нами жила и бабушка — тетя мамы Амалия Францевна. Когда в 1910 году умер дедушка, папин отец, к нам приехала жить вторая бабушка — его мать Елена.

Папа Иван Красковский родился в 1880 г. в деревне Дубичи Гродненской губернии, где его отец был священником. Поэтому он закончил в Вильно духовную семинарию. В 1903–1905 гг. отец учился в университете в Варшаве на историко-филологическом факультете. Еще в Вильно он познакомился с Валентиной Сокольской и женился на ней в 1903-м. За участие в студенческом движении в 1905 г. отца арестовали и выбросили из Варшавского университета. Окончил университет он в Петербурге — как историк-экономист.

После окончания университета отец поселился в Вильно и работал учителем в гимназиях. Мать нигде не работала, занималась хозяйством и воспитывала детей. Она родилась в 1883 г. в Каменец-Подольске на Украине. В Вильно окончила «Институт благородных девиц». Мать не была шляхтянкой, но поступила в эту школу, так как дедушка был военным, служил в армии ветеринаром и принимал участие в двух войнах. Мать очень хотела учиться дальше в университете, стать врачом, но после брака и рождения детей она уже не могла продолжать учебу.

Когда отца арестовали в 1905 г., мать взяла меня, малышку, и вместе с бабушкой мы поехали в Варшаву. Уголовных преступников содержало государство, но арестованные студенты должны были сами добывать себе пропитание. Мать и бабушка готовили, а мама ежедневно относилась еду в темницу, кормила не только мужа, но и нескольких его товарищей. Студентов достаточно быстро выпустили из темницы и наша семья вернулась в Вильно.

Я уже не помню, каким было самое раннее наше жилище и на какой улице оно находилось. На старых фотографиях видно, что там был большой двор, где развлекались дети. Первое событие, оставшееся в моей памяти, это рождение младшего брата Славы. Тогда женщины рожали дома, а не в больнице. Мне уже было где-то шесть лет. Все были чем-то заняты и не обращали на меня внимания. В передней был большой деревянный ящик, в котором хранили зимнюю одежду. Я как-то забралась в этот ящик и долго плакала, потому что не могла понять, почему обо мне все забыли.

В Вильно были две частные мужские гимназии: Павловского и Виноградова. Отец был историком, он преподавал историю в этих гимназиях, а еще был там заместителем директора. Для девушек были отдельные государственные школы. «Епархиальная школа» была для девушек из семей духовенства, там учились девушки из родни папиной мамы. «Институт благородных девиц» был школой для шляхтянок, где училась мама. Отец организовал в гимназиях две футбольные команды, которые играли между собой. Это были первые футболисты в Вильно и, возможно, во всем «Юго-Западном крае».

Пару раз отец брал меня с собой на тренировки этих ребят. Они не имели отдельного футбольного поля. На окраине города нанимали у кого-то пустошь, где немного выровняли поверхность. Помню, что на этом поле иногда пасся осел хозяина, который очень неохотно выходил в угол, чтобы освободить поле футболистам.

Из-за этих футбольных команд отец имел неприятности. Какие-то «мамаши» пожаловались в школьное управление, что их дети вместо обучения бегают по полю, и вообще не может быть педагогом такой несерьезный человек, играющий в футбол. Но из жалобы ничего не получилось. Школьное начальство сообразило, что лучше пусть ученики играют в футбол, а не пьют водку и делают революцию. Ученики в старших классах действительно много пили, и в этом отношении футболисты были исключением.

В Вильно перед войной, где-то в 1912–1913 гг. я увидела первый аэроплан. Первый раз это были чужие летуны: Блерио на моноплане и Фарман на биплане. Эти аэропланы были сделаны из дерева и полотна. У моноплана были два простых крыла, а биплан имел крылья двойные. Летун летал один. В окрестностях города, наверное на месте, где тренировались военные, сделали деревянное ограждение, за которым стояла публика. Аэропланы находились посередине площадки, там они взлетали и кружили над головами зрителей на высоте двадцати-тридцати метров. Позже через некоторое время прилетел российский летун, кажется, Нестеров,

который также на этой площади показывал свое мастерство. Это было что-то сказочное: человек летал в воздухе, делал различные виражи, и странная машина его слушалась! За время одной человеческой жизни от таких аэропланов люди продвинулись до тяжелых бомбардировщиков, летающих вагонов с пассажирами вплоть до полетов на Луну.

Пока жил дедушка (отец папы), мы ездили летом к нему в село Дубичи вблизи известной Беловежской пуши. Дедушка умер где-то в 1910 г., с тех пор мы там больше не были. Игнатий Красковский еще был шляхтичем (дворянином), но моего отца он уже не записал в «дворянскую книгу». Дедушка учился в университете в Москве, который успешно закончил. После этого работал в редакции прогрессивного журнала в Москве.

Когда началась политическая реакция в семидесятых годах XIX века в России, дедушка пошел в священники. Тогда был призв «хождение в народ». Того, кто имел высшее образование, университет, могли рукоположить в священники без окончания духовной семинарии, когда он женился на дочери священника. Прогрессивные люди считали, что это единственная возможность работать среди народа, просвещать его. Это было движение народных. Дедушка тоже женился на девушке из семьи священника и его назначили священником в Дубичи, большое село, там была школа и почта. В этом селе дед прожил всю жизнь, здесь умер и похоронен.

Отец вспоминал, что дедушка в молодости был очень общительным, любил танцевать, ухаживать за девушками. Отказавшись от карьеры в Москве, он прожил всю жизнь в деревне далеко от железной дороги. Отец был единственным в семье, сестра умерла совсем маленькой.

Отец рассказывал, как летом они всей семьей ездили на телегах в Беловежскую пушу за грибами. Грибов было много. Собирали большие корзины: боровики, рыжики, худших никогда не брали. В окрестностях Беловежской пуши еще были курные дома, без дымоходов. В домах держали ужей, как домашних. На земляном полу они пили из миски молоко вместе с детьми.

Помню, как однажды мы ездили летом в Дубичи, мне было тогда где-то шесть лет. Дедушка уже не работал, так как его разбил паралич, но они еще жили в доме священника. Вечером, когда была хорошая погода, деда выносили во двор возле дома, там были сложены дрова. Обычно вечером туда сходились крестьяне, приходил учитель, все сидели на дровах и разговаривали с дедушкой. Видно было, что крестьяне его любили и уважали. Дедушка

в белом «подряснике» сидел или полулежал в кресле, а возле него обычно собирались мужчины почтенного возраста.

Не помню уже, какая была церковь в Дубичах, но возле нее стояла деревянная колокольня, уже старая, которая не использовалась. Мы, дети, бегали прятаться в колокольню, хотя нам это запрещали, чтобы вдруг старое строение не завалилось. Из семьи Красковских я ни с кем больше не встречалась.

Бабушка (мать отца) имела большую родню: две ее сестры были замужем за священниками. Одна сестра, кажется, Мария жила в селе Деречинок над Неманом. Вышла замуж за священника Давидовича. Они имели взрослых детей: сына Леонида и дочь Таню. Батюшка Давидович уже седой с бородою, выглядел, как апостол. Это был умный и честный человек, в селе его все уважали. Леонид был студентом, он любил детей и умел с ними общаться. Поэтому и дети его любили, страшно использовали и мешали ему учиться.

В Деречинок мы ездили один раз перед войной на лето. Деречинок был большим селом. Семья священника жила в усадьбе в довольно просторном доме, где разместилась и наша семья. Большое хозяйство: лошади, коровы, много разной птицы. Совсем близко возле усадьбы протекал Неман, там это большая река. Дети любили ходить на реку, смотреть, как купали лошадей или поили коров. Неман чистила землечерпалка, которая вытаскивала из воды целые стволы деревьев, их потом складывали на берегу. Дерево было очень твердым, его называли черный дуб. Не знаю, куда вывозили это дерево и для чего использовали.

Я помню такую спокойную жизнь в Деречинке, но дальнейшая судьба этой семьи имела трагический характер. Во время войны семья Давидовичей убегала от немцев и оказалась в Белой Церкви на Украине. После революции 1917 года старый Давидович как священник не имел должности. Кажется, Таня работала сестрой милосердия. Во время эпидемии тифа она заразилась, от нее заразился Леонид, и оба умерли. Про их родителей мы уже больше ничего не слышали.

Вторая тетка отца тоже вышла замуж за священника, имела пять дочерей. Старшая дочь Зина, красивая девушка, несколько раз была у нас в гостях в Вильно. Две младшие сестры Зины учились в епархиальной школе в том же Вильно. Мы никогда не ездили к этим родственникам, и я не знаю, где они жили в деревне. Дочери священников имели несчастливую судьбу. Единственное спасение — выйти замуж за священника, но таких нареченных было меньше, чем девушек. Потом такие девушки шли в семью брата или замужней сестры и помогали им по хозяйству.

Зина обычно привозила «Баум-кухен». Эта сладкая булка выглядела как кусок дерева, а в середине была пустой. Баум-кухен готовили так, что деревянный валец с бугристой поверхностью потихоньку оборачивали, поливали тестом, пекли и снова поливали. Готовым это выглядело словно годовые кольца на срезанном дереве. Это было дорогое тесто и медленная работа, поэтому у нас в доме не пекли Баум-кухен.

До Первой мировой войны наша семья жила в Вильно в предместье Антоколь на Весенней улице. Это была короткая, но крутая улица, выходившая на площадь перед костелом Петра и Павла. Два раза в неделю на этой площади был базар, куда съезжались и сходились крестьяне со своими продуктами, в другие дни эта площадь была пуста.

За площадью возле костела проходила улица, где ездила конка. Это был тогдашний трамвай, но вагоны по рельсам тянули две лошади. Зимой были закрытые вагоны, а летом ездили открытые платформы с крышей. Конка имела свои остановки, но двигалась так медленно, что студенты и гимназисты вскакивали в вагоны во время езды. Одна трасса конки вела к центру города возле Кафедрального собора, под руинами замка. Вторая трасса шла из центра города ко второму предместью Зверинец, за речку Вилия. Другим способом передвижения в городе были извозчики, имевшие повозки с одним конем, это был дорогой барский способ.

Мы переехали на Весеннюю улицу где-то в 1912 г. Жили в доме, стоявшем в конце большого сада. Наша семья находилась на первом этаже в довольно большой квартире, состоявшей из пяти комнат, кухни и просторной передней.

Над нами на втором этаже жила семья Всеволода Макаровича Игнатовского¹. Так, как и мой отец, он был историком и учителем гимназии. Это был старый папин друг еще по университету. У него были два сына, но мы, дети, не держались вместе.

В начале сада у ворот был дом поменьше, где жил еще один историк, учитель и друг отца Василий Дружич².

¹ Всеволод Игнатовский (1881–1931), историк, общественно-политический деятель. Окончил Юрьевский (Тартуский) университет. Народный комиссар просвещения БССР. Руководитель Института белорусской культуры. Директор Института истории, первый президент АН Беларуси (с 1928 г.). Стал жертвой политических репрессий. Покончил жизнь самоубийством 4 февраля 1931 г.

² Василий Друщиц (Дружич) (1886–1937), историк. Окончил Жировичское духовное училище (1901), Литовскую духов-

Зимой дети использовали весеннюю улицу для катания на санках. У нас были большие санки, я садилась спереди и управляла, а братья сидели за моей спиной. Санки прекрасно скользили по крутой улице. Мама нам позволяла кататься только на этой улице, но я часто не успевала затормозить санки, и они вылетали на площадь перед костелом.

Летом мы бегали и гуляли в большом саду вместе с нашей любимой собакой Арго. Это был красивый сеттер черной масти. Арго позволял детям делать с ним все, что они хотели. Хороший сторож, только он не любил почтальонов и трубочистов.

В непосредственной близости от Вильно начинались разлогие леса с высокими старыми деревьями, разнообразными кустами, где росли грибы и всякие ягоды. Это были первобытные леса, не поврежденные цивилизацией. Отец, выросший в соседстве со знаменитой Беловежской пущей, любил лес, понимал его богатства, хорошо знал сорта грибов и лесных растений.

Летом отец ходил с детьми целыми днями по лесу. Он брал брата Сергея на плечи, мне уже было 8–9 лет и я умела сама хорошо ходить. Я помню громадные деревья, под которыми мы проходили. На корню такого дерева, почти метр в разрезе, мы раскладывали еду и еще даже сами могли сесть. В центре Вильно возле Кафедрального собора росло несколько мощных старых дубов. Говорили, что это остатки лесов Перкунаса с языческих времен, что там было его святилище.

Летом 1914 года мы выехали на каникулы в Пушкарню, недалеко от Вильно. Там мы поселились в отдельном доме. Близко от дома с одной стороны был прудик, с другой стороны протекала речка, а с третьей — лес. Это чрезмерное количество воды вокруг вызвало в нашей семье несколько неприятных событий. Пруд был сравнительно мелководный, заросший аиром и камышом. Там был небольшой челнок с веслами, который позволяли использовать детям. Кроме меня и брата Сергея (младшего брата Славку еще не пускали на пруд), с нами ездили дети из соседнего двора.

ную семинарию (Вильно, 1907), Юрьевский (Тартуский) университет (1911). Преподаватель (с 1922 г.), профессор (с 1927 г.) кафедры истории Беларуси Белгосунiversитета. Действительный член Инбелкульта (с 1924 г.). С 1933 года сотрудник Института истории БелАН, профессор кафедры истории народов СССР Литературного института им. Герцена (Москва). Приговорен к расстрелу Военной коллегией Верховного суда СССР 19 декабря 1937 г.

Я сама научилась плавать в Пушкарне, но брат еще не умел. Однажды, когда Сергей вылезал из челнока на берег, он поскользнулся и упал в воду. К счастью, на берегу стояла тетя, которая тогда приехала к нам, она вытащила брата. Второй раз родители вместе с нами, детьми, пошли что-то купить в соседний двор. Нужно было идти плотно возле речки по деревянному тротуару. Я шла спереди с отцом. Вдруг я услышала какой-то всплеск, за ним сразу второй. Это младший брат Славка чего-то нагнулся над водой и упал в речку. За ним сразу прыгнула в воду мама (она хорошо плавала) и схватила сына. Отец их обоих вытащил из воды, но мы должны были вернуться домой.

Во дворе за речкой были коровы, и это стадо каждый день перегоняли через речку на наш берег пастись в лесу. Лес был никчемный, мокрый: осока, ольха, кусты, травы там было мало. Обычно я караулила стадо и отгоняла коров, приближавшихся к нашему дому, там росли цветы. Однажды я загнала корову далеко в лес и вдруг увидела перед собой быка. Это был большой черный бык, очень сердитый. Я окаменела и боялась пошевелиться, а бык передо мной фыркал и греб землю. К моему счастью, это увидел пастух. Он закричал на быка и отогнал его плетью.

Худшее приключение случилось с нашим псом Арго. Вся семья выбиралась на речку Вилейку, которая текла неподалеку, чтобы покататься на лодке. Арго заперли в доме, где был чердак с открытым окном. Он вылез по лестнице на чердак, а когда увидел, что все мы отходим, прыгнул вниз. Отец словно почувствовал, что что-то случилось, вернулся домой и нашел Арго, лежащего на земле. На телеге, которую одолжили в усадьбе, отец отвез собаку к ветеринару. Арго сломал передние лапы. Пару недель он не мог двигаться. Каждый день отец и я выносили его на коврик из дома на улицу и вечером заносили обратно. Лапы хорошо срослись, и когда мы уезжали из Пушкарни, Арго уже бегал.

В Пушкарне мы застали редкое природное явление — затмение Солнца. Было это где-то после обеда. Мы приготовили закопченные сажечки стекляшки, чтобы смотреть на солнце. Интересно было наблюдать, как вели себя во время затмения различные животные. Когда солнце начало прятаться и стало полутемно, Арго забрался под лестницу и там спрятался, куры кудахтали и бегали, как ненормальные, по двору, какие-то птички суеились в воздухе. Только когда солнце засветило, закончился этот переполох.

В Пушкарне мы праздновали Купалье — 24 июня, когда у отца был день рождения и именины. Собралось много отцовских друзей: семья врача П. Кесарева, учителя А. Шведова и другие семьи со своими детьми. Вечером на крутом берегу речки Вилейки разложили большой огонь, взрослые пели и перепрыгивали через костер, а дети удивлялись такому необычному зрелищу.

А через несколько дней после Купалья началась Первая мировая война. Еще до конца каникул мы вернулись в Вильно. Закончилось беспечное и безоблачное детство, началась наша скитальческая жизнь³.

³ *Красковська Л. 3 давніх часів. Prešov: EXCO s.r.o, 1999. С. 19–31. Перевод с украинского и комментарии Н. В. Труса.*

Д. С. Московская

**БЕЛОРУССКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ
В СОСТАВЕ ФОНДОВ ОТДЕЛА РУКОПИСЕЙ ИМЛИ РАН**

История Отдела рукописей Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН — одна из малоизученных и плохо документированных страниц истории ИМЛИ как институции культуры XX в. Сохранившиеся в ГАРФ и АРАН документальные сведения о создании, личном составе и деятельности Отдела рукописей, первоначально, по аналогии с другими подразделениями ИМЛИ, именовавшегося сектором, фрагментарны. Отчасти они дополняются материалами из дел фондов и многочисленными инвентарными книгами, до сих пор бережно сохраняемыми в Отделе рукописей Института.

Отличительной особенностью архивного собрания ОР ИМЛИ является обширная коллекция документов российских литературных организаций и объединений 1920–1930-х гг. Среди них Всероссийская ассоциация пролетарских писателей (ВАПП), Всероссийский союз советских писателей (ВССП), Всероссийское общество крестьянских писателей (ВОКП), Международное объединение революционных писателей (МОРП), Российская ассоциация пролетарских писателей (РАПП), Всероссийский союз композиторов и драматургов (Всеросскомдрам), архивы редакций литературных журналов и художественных издательств и др. Все они в своем составе содержат стенограммы конференций, диспутов, обсуждений, в которых участвовали так называемые «враги народа», творческие материалы, анкеты с личными данными, корреспонденцию и прочие документы репрессированных деятелей культуры.

Закрытый от широкого читателя архивный фонд ОР ИМЛИ, ориентированный на коллекции документов литературы и искусства советского периода, имел характер спецхрана. Вывод о спецхрановском статусе ряда фондов ОР ИМЛИ подтверждают и соответствующие отметки, сделанные первыми систематизаторами на листах, вложенных в архивные обложки вместе с делами. Напомним, что особым циркуляром Центрального архивного управления СССР и РСФСР 1936 г. были запрещены к выдаче архивные материалы, связанные с именами Л. Д. Троцкого, Л. Б. Каменева, Г. Е. Зиновьева «и их приспешников».

Состав поступавших в Отдел фондов определялся научной миссией ИМЛИ. ИМЛИ был задуман в условиях, когда на повестке дня стояла задача формирования единого союза писателей на новых идейных основаниях, среди которых первенствовала концепция создания особой общности людей, хозяев страны строящегося социализма — многонационального советского народа¹. С другой стороны, литературный институт отвечал социальной потребности в новых творческих и научных кадрах, способных обеспечить решение простых производственно-политических задач эпохи социалистической реконструкции. Актуальные задачи второй пятилетки определили социальное и научное предназначение создаваемой институции.

17 сентября 1932 г., спустя четыре месяца после постановления ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций», запретившего «литературную групповщину», президиум Центрального исполнительного комитета Союза ССР постановил «в ознаменование 40-летия литературной деятельности Максима Горького и с целью отметить заслуги писателя в области воспитания новых писательских кадров из рабочих и крестьян основать в Москве литературный институт имени Максима Горького»²:

«Литературный институт им. Максима Горького организуется:

а) как литературный учебный центр, дающий возможность писателям, творчески себя проявившим, и в первую очередь писателям из среды рабочих и крестьян, повысить свою квалификацию, получить всестороннее развитие и критически усвоить наследие литературного прошлого;

б) как лаборатория для изучения художественной литературы народов Союза ССР.

3. В учебной работе вновь организуемого института применять метод обучения, учитывающий особенности каждого работающего в институте писателя, его творческие навыки и приемы.

4. Обеспечить литературный институт им. Максима Горького собственным зданием, при постройке которого должны быть приняты во внимание специальные задачи института и условия его работы.

5. Организовать при литературном институте имени Максима Горького центральную библиотеку, в которой должны быть пред-

¹ Об истории ИМЛИ см.: М. Горький — 150. ИМЛИ — центр мирового горьковедения. Юбилейный альбом. М.: ИМЛИ РАН, 2018.

² АРАН. Ф. 397. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 1.

ставлены лучшие художественные произведения мировой литературы.

6. Открыть литературный институт имени Максима Горького, до сооружения нового здания, во временном помещении не позднее 1 января 1933 г.³.

Впоследствии концепция литературного института как вуза была скорректирована, и не учебное заведение, а научно-исследовательский центр по изучению мировой литературы и литературы народов СССР стал итогом выполнения постановления ЦИК. Идея «литературного учебного центра» также была реализована, но при патронаже Оргкомитета Союза писателей СССР, организованного в 1932 г. для подготовки 1 Всесоюзного съезда советских писателей. 1 декабря 1933 г. начал работать Вечерний литературный университет им. М. Горького, ставший в 1936 г. дневным.

История становления ИМЛИ как научно-исследовательского центра — в ее формально-содержательном отношении: от выбора места размещения, установления памятных знаков до определения специфики научной деятельности как литературного академического института, не дублирующего исследования ленинградского ИРЛИ, — наглядно демонстрирует актуальность предложения А. М. Горького видеть «в Москве Институт по изучению всемирной литературы и европейских языков»⁴.

«ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Совета Народных Комиссаров Союза ССР

№ 1713 Москва, Кремль

19-го июля 1934 года

О строительстве здания Института Литературы им. М. Горького
 СОВЕТ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СОЮЗА ССР — постановляет:

1. Предложить председателю Моссовета т. Булганину отвести для строительства здания Института Литературы им. М. Горького земельный участок на набережной реки Москвы за Дворцом Труда, согласовав размеры этого участка с т. Каменевым Л. Б.

2. Разрешить директору Института Литературы им. Горького т. Каменеву заказать проект здания Института архитектору Желтовскому и, в случае необходимости, другим архитекторам.

3. Отпустить из резервного фонда СНК СССР в распоряжение т. Каменева 250.000 рублей в качестве аванса на органи-

³ Там же.

⁴ Архив А. М. Горького. М.: Наследие, 1995. Т. 15: М. Горький и Р. Роллан: Переписка (1916–1936). С. 266.

зационные расходы и выработку предварительного эскизного проекта. —

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СОЮЗА ССР — В. МОЛОТОВ

УПРАВЛЯЮЩИЙ ДЕЛАМИ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СОЮЗА ССР — И. МИРОШНИКОВ»⁵.

«Т. Каменеву Л. Б.

В Ы П И С К А

Протокол № 110 от 23.VIII-34 г.

ЗАСЕДАНИЯ СЕКРЕТАРИАТА

ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА

СОЮЗА ССР

О назначении директора Института литературы им. А. М. Горького (Вн. Секретарем ЦИК Союза ССР).

1. Образованный постановлением ЦИК Союза ССР от 17 сентября 1932 года Институт литературы им. А. М. Горького считать при ЦИК Союза ССР.

2. Назначить директором Института литературы им. А. М. Горького тов. КАМЕНЕВА Льва Борисовича.

3. Поручить т. КАМЕНЕВУ представить на утверждение Президиума ЦИК Союза ССР Положение об Институте.

4. Отпустить Институту 25.000 руб. на расходы, связанные с развертыванием его работы.

5. Временный штат Института утвердить в количестве шести штатных единиц.

6. П.п. 1 и 2. настоящего постановления провести опросом членов Президиума ЦИК Союза ССР.

Секретарь ЦИК Союза ССР

А. Енукидзе»⁶.

«ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

Кремль 26 июня 1935 г.

Институт литературы им. Горького
при ЦИК СССР

В соответствии с решением СНК СССР от июля 1934 г., за Институтом литературы им. Горького закрепляется участок по Котельнической набережной, в том числе и дом № 17 на этом участке.

⁵ АРАН. Ф. 397. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л.14.10, 16.

⁶ Там же.

Институту разрешается занять этот дом.

И.О. Секретаря ЦИКС
И. Уншлихт⁷.

Назначение 10 апреля 1935 г. Оргбюро ЦК ВКП(б) директором Института члена-корреспондента АН СССР И. К. Луппола способствовало тому, чтобы концепция исследовательского центра по изучению мировой литературы приобрела конкретные формы и методы реализации. Отчет о научно-исследовательской работе Института за 1936 г. сообщает, что в ИМЛИ на тот момент существовало 3 сектора: 1) художественных иллюстраций, 2) рукописей и 3) библиотеки.

Отчет сектора рукописей представлен в публикуемом ниже документе.

«...на 1 января 1937 г. фонд Сектора имеет 20123 единицы; на 1 января 1936 года состояло 917 единиц — поступило за год 19211 единиц, из которых 8857 ед. получено в дар, остальные 10354 ед. приобретены за 111343 руб. <...>

А). По архиву дооктябрьской литературы:

Письма Чехова, Короленко, Белоусова и др. получены от Телешова.

Рукописи: «суриковцев» — от Репина И. Е., Савина М. И.; Горшкова, Гончарова, Салтыкова-Щедрина, Чехова В. И., Короленко, Плещеева, Вайнберга и др. — от Крашенинникова.

Письма и автографы Пушкина, Жуковского, Чехова, Гончарова, Державина, Брюсова и др. — от Щелкунова М. И.

Рукописи и письма А. О. Ишимовой и А. Я. Бакулина — от Брюсовой.

Альбом с автографами Пушкина, Карамзина, Лермонтова, Гоголя, Герцена, Толстого Л. Н., Чехова и др. — от А. С. Голицыной.

Рукопись В. И. Танеева — от Танеевой.

Письма Толстого Л. Н., Чехова А. П. и др. — от В. А. Поссе.

Письма Чехова, Короленко и др. — от С. Я. Елпатьевского.

Б). По архиву советской литературы:

Письма и рукописи Подъячева — от И. М. Касаткиной.

Рукописи Агнивцева от <нрзб>.

Архив ОГИЗа.

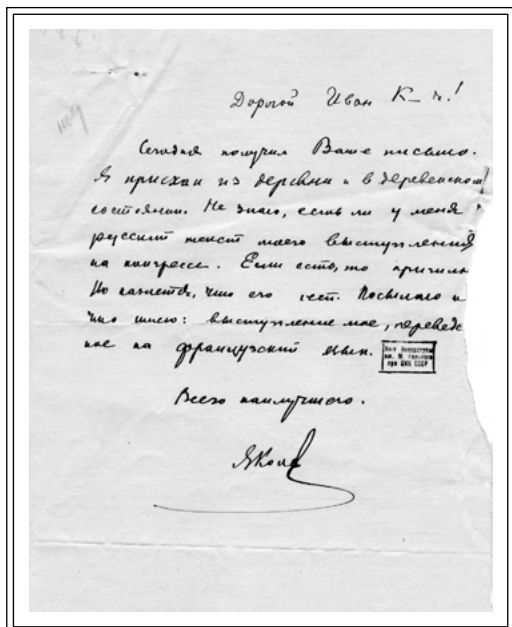
Ред<акция журнала> «Наши достижения».

Рукописи и переписка П. И. Замойского.

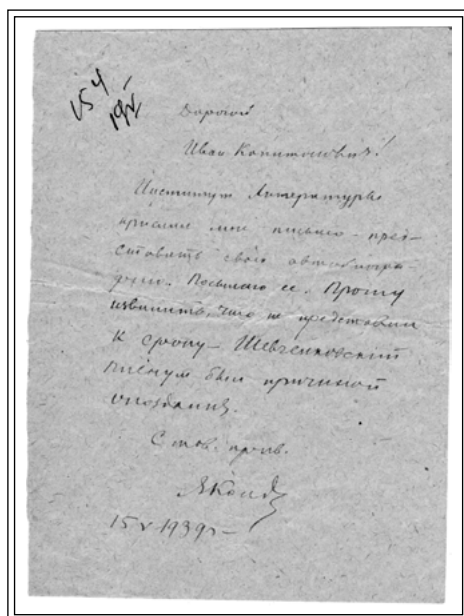
В). По архиву иностранной литературы:

Переписка с Бехером, Вольфом, Драйзером, Барбюсом и др. получена от МОРИП.

⁷ АРАН. Ф. 397. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 22.

Я. Колас. Письмо акад. Лупполу. 1935 г.

Я. Колас. Письмо акад. Лупполу. 1939 г.

Письма Р. Роллана и А. Барбюса — от А. Куреллы.

Рукописи и письма получены от МОРП.

Архив Г. Бахмана — от Брюсовой»⁸.

Переход в 1938 г. Института в ведение Академии наук потребовал постановки весомых концептуальных задач и расширения направлений научной деятельности. Согласно отчету о научно-исследовательской работе за 1938 г., в отчетный год Институт работал в составе следующих частей и учреждений:

«Научно-исследовательский сектор с секциями:

а) по изучению жизни и творчества А. М. Горького,

б) советской литературы (с апреля 1938 г.),

в) древней русской литературы и русской литературы XVIII века,

г) по изучению жизни и творчества М. Ю. Лермонтова,

е) западноевропейских литератур,

ж) античной литературы.

2. Архив А. М. Горького.

3. Музей А. М. Горького.

4. Музей А. С. Пушкина (с 4 марта 1938 г.).

5. Центральная библиотека.

6. Сектор художественных иллюстраций.

7. Сектор рукописей и литературных документов»⁹.

Как следует из этого документа, ИМЛИ в 1938 г. стал обладателем уникальных коллекций материалов пушкинской эпохи и архива А. М. Горького. В связи с последним приобретением перед Институтом была поставлена задача «организовать разработку творческого наследия А. М. Горького в смысле подготовки научной публикации его произведений, до сих пор не опубликованных, и разработку материалов к составлению научной биографии великого народного писателя»¹⁰.

Принципиальная научная установка исследований ИМЛИ определялась тем, что «Институт понимает историю советской литературы как историю литератур всех народов СССР»¹¹, которую следовало изучать в мировом контексте. В этой связи комплектование Сектора рукописей было направлено на приобретение архивов литературных организаций, объединений, редакций

⁸ АРАН. Ф. 397. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 18–19.

⁹ Там же. Ед. хр. 12. Л. 1.

¹⁰ Там же. Ед. хр. 12. Л. 1.

¹¹ Там же. Л. 2.

журналов, в том числе — международных и зарубежных, первых пореволюционных десятилетий. Иван Капитонович Луппол лично следил за пополнением архивных фондов ИМЛИ, обращался с личной просьбой к писателям различных национальностей о передаче сведений о себе, создавал коллекции национальных литератур в Отделе рукописей Института. После войны, после возвращения Института из эвакуации в ИМЛИ был создан сектор литератур народов СССР, который возглавил доктор филологических наук М. Н. Добрынин. Через шесть лет сектор был включен в состав новообразованного Отдела советской литературы, а в 1988 году преобразован в самостоятельный Отдел литератур народов СССР (сейчас — Отдел литератур народов Российской Федерации и СНГ). Тридцать три года сектором, а затем и Отделом руководил член-корреспондент АН СССР (затем РАН) Георгий Иосифович Ломидзе — один из основателей системного изучения национальных литератур, собиратель разнонациональных научных сил. Основными направлениями работы Отдела были и остаются — создание серии «Очерки истории национальных литератур»: азербайджанской, белорусской, латышской, литовской, карельской, молдавской, казахской, таджикской, туркменской, украинской, эстонской, якутской и др.; разработка «Истории литературы»: башкирской, бурятской, калмыцкой, киргизской, татарской, удмуртской. Сотрудники отдела участвовали в создании «Истории всемирной литературы» (1983–1994). Об их научном вкладе академик Ю. Б. Виппер, открывая первый том «Истории всемирной литературы», писал: «...Так называемые “малые” литературы могут иногда выдвигать художественные ценности мирового значения и служить почвой для таких обобщений, без которых в наших представлениях о мировом литературном процессе существовали бы серьезные изъяны».

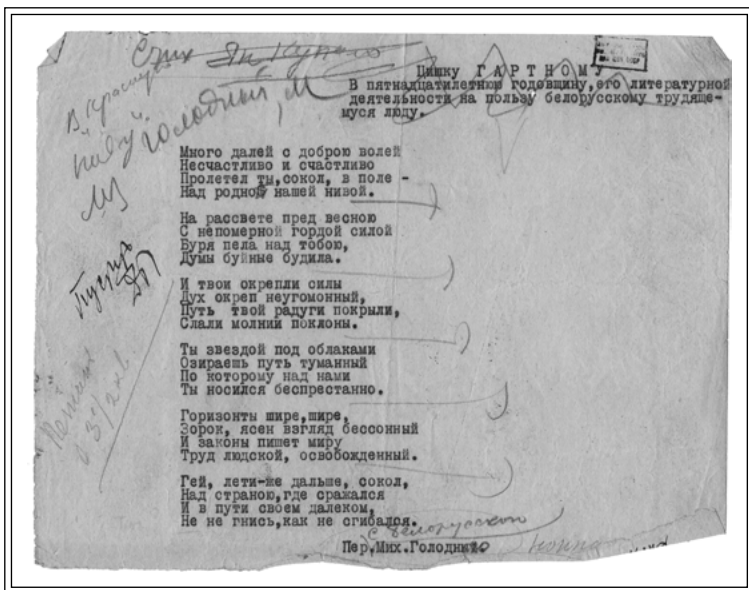
В своей научно-исследовательской работе по изучению литератур народов мира сотрудники ИМЛИ опираются в том числе и на архивные материалы Отдела рукописей Института.

Коллекцию материалов по истории белорусской литературы первой половины XX века в Отделе рукописей ИМЛИ РАН составили документы из фондов личного происхождения и фондов литературных организаций и объединений. Так в фонде (Ф. 444) поэта-переводчика Николая Сергеевича Берендгофа (1900–1990), члена «Московского Цеха поэтов», Всероссийского союза поэтов, автора поэтических сборников «Цель Смелых» (1919), «Лирика» (1922), «Доктор Ночь» (1924), «Бунт вещей» (1926), «Стихи о городе» (1927) сохранились переводы стихов З. Бядули. Комсомольский

поэт Михаил Голодный (1903–1949) переводил стихи Янки Купалы, один из которых «Много далей с доброй волей...» отложился в фонде Голодного (Ф. 197). Автографы подстрочных переводов поэзии Ц. Гартного, Я. Чаромы, Я. Купалы хранятся в фонде (Ф. 97) поэта, драматурга, прозаика, переводчика Сергея Митрофановича Городецкого (1884–1967). Этому поэту-символисту, одному из организаторов петроградского «Цеха поэтов», поддержавшему Н. Клюева, С. Есенина, А. Шириаявца в начале их творческого пути, личному другу Янки Купалы, был свойственен интерес к славянскому фольклору, славянским литературам, славянским языкам. В личном фонде Якуба Коласа (Мицкевич Константин Михайлович) (1882–1956) (Ф. 108) отложились автографы поэта на белорусском и русском языках, повести «На просторе жизни» (перевод с белорусского И. М. Баранкевича; б.д.), рассказа «Прокурор» (перевод с белорусского И. М. Баранкевича; б.д.); стихотворений на белорусском языке: «Памяти С. М. Кирова» (1934), «Сталинская конституция» (1936), «Дед — колхозник» (1936); статей на русском языке: «О маневрах Красной Армии» (1936), «За конкретную критику» (б.д.); «Из впечатлений делегата (Заметки о VII съезде Советов)» (1935); «Из зала суда (Заметки о Чрезвычайном VIII съезде Советов)» (1937); выступление на Международном конгрессе писателей в защиту культуры (1935; на фр. яз.), автобиография поэта, посланная им в Институт мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР К. А. Лупполу (1939) и др.

Фонд Янки Купалы (Луцевича Ивана Доминиковича, 1882–1942) (Ф. 109) хранит автографы его стихов на белорусском языке «Два мира», «Молодая Беларусь», «Слава тебе, армия», заметки с VII съезда Советов (1935), адресованную в ИМЛИ им. А. М. Горького АН СССР И.К. Лупполу автобиографию (1940). В фонде уроженца Минской губернии литературоведа, критика, публициста, участника попутнической группы 1920-х гг. «Перевал» Абрама Захаровича Лежнева (первоначальное имя — Абрам Зеликович Горелик, 1893–1938) (Ф. 296) сохранился очерк «Бобруйск (По Белоруссии)» (1930).

Эти материалы дополняют документы из фондов литературных организаций и объединений. В фонде Оргкомитета Союза советских писателей (Ф. 41), созданного в 1932 г. для подготовки и проведения I Всесоюзного съезда советских писателей и распущенного в 1934 г., в состав которого входили А. М. Горький (почетный председатель), И. М. Гронский — председатель. В. Я. Кирпотин — секретарь, Н. Н. Асеев, А. Н. Афиногенов, В. М. Бахметьев, Ф. А. Березовский, И. Ф. Жига, П. И. Замоиский, В. В. Иванов,

М. Голодный. Автограф перевода стихотворения Я. Купалы

В. М. Киршон, Л. М. Леонов, А. Г. Малышкин, Ф. И. Панферов, Л. Н. Сейфуллина, А. С. Серафимович, В. П. Ставский, Н. С. Тихонов, А. А. Фадеев, К. А. Федин, М. Ф. Чумандрин, сохранились имеющие большую историко-литературную ценность стенограммы и протоколы заседаний, посвященных национальным литературам СССР. Среди которых — документы по истории белорусской литературы XX в., в том числе — машинопись информационного доклада писателя и литературного критика Лукаша Бэндэ «Белорусская литература к XV годовщине Октябрьской революции», который он в качестве члена Оргкомитета Союза советских писателей представил на заседании.

Для истории литературы 1920–1930-х гг. особый интерес представляют документы фонда ГОСИЗДАТ в Отделе рукописей ИМЛИ РАН. Как следует из книги поступлений № 176, в феврале 1941 г. архивные материалы ГИЗа пополнили Отдел рукописей Института мировой литературы. Архив Госиздата поступил в ОР не в полном объеме и представляет собой фрагмент разрозненной архивной коллекции, образованной деятельностью первого советского государственного издательства. Первоначально, в 1937 г., он был передан в Государственный Литературный музей. В апреле 1941 г. после создания Центрального государственного литературного архива туда перешла значительная часть рукописных фондов ГЛМ и с ними материалы ГИЗа; документы финансово-юридического характера ГИЗа отложились в ГАРФе. В фонде ГИЗа в ОР ИМЛИ РАН основной корпус документов относится к 1924–1930 гг., что соответствует периоду институционального существования Госиздата. Незначительное число документов датируется 1904–1933 гг. Большая часть фонда представлена автографами и авторизованными машинописями. В процессе научно-технической обработки были систематизированы и распределены по трем описям 1057 единиц хранения: литературные произведения разных авторов (рассказы, очерки, повести, стихи для детей, сценарии, статьи); отзывы и рецензии; договоры, письма, расписки, заявления и прочие документы, фиксирующие взаимоотношения авторов и издательства.

Литературу различных регионов советской России представляют рассказы корреспондента «Крестьянской газеты», саратовца Вячеслава Андреевича Аверьянова; стихи харьковчанина Бориса Львовича Карелина; главы «Горные партизаны» из романа «Лава» писателя-уральца Михаила Голубых; автограф сборника «Приливы и отливы» поэтессы, состоявшей в Курском союзе поэтов, Ольги Мартенс; автографы стихов «На берегу океана», «Жизнь — борь-

ба», «Свободная мысль» ярославского краеведа и близкого друга А. А. Золотарева поэта Ангелиса Лбовского (наст. фамилия — Ко-жухов); произведения писателей-ленинградцев: автограф рассказа Николая Заболоцкого, автографы стихов Александра Введенского, авторизованные машинописи стихов Б. Томашевского, Д. Хармса, К. Вагинова. Творчество писателей-сибиряков отражено главами «Мягкое золото» из книги «Силуэты зверя» ныне забытого писателя, корреспондента журнала «Сибирские огни» Ивана Абабкова; автографами рассказов «Васька Моксунов» и «В Саянах» этнографа и путешественника Петра Евгеньевича Островских; машинописями «Сказов» Антона Семеновича Сорокина — учителя Л. Мартынова и Вс. Иванова; воспоминаниями Алексея Гладуна «Алтайский день».

Украина представлена пьесами, этюдами, очерками Калистрата Романовича Анищенко; автографами предисловия к сборнику «Викой» Ярослава Галана; машинописями повестей «Алай» и «Гюлле» одного из организаторов Ялтинской и Одесской кинофабрик, автора сценария фильма «Провокатор» (1927), Александра Федоровича Скрипаль-Мищенко (Олесь Досвітній); переводами рассказов «Тяжелая дорога», «Преступница», «Счастье Пейсаха Лейдермана» Модеста Левицкого; автографами пьес «Былое» и «Сын совы» Евгения Максимовича Кротевича; машинописью сборника рассказов Олексия Кундзича.

Творчество белорусских писателей отражают рукописи рассказов «Распутница», «Озорник» Цишки Гартного (наст. имя — Дмитрий Федорович Жилунович), «Старый Конокрад» Якуба Коласа, «Монашенка» Максима Горецкого; авторизованные машинописи рассказов «Ночью», «В омуте жизни» Михаса Зарецкого¹²; перевод повести «Два», легшей в основу сценария фильма «Сосны шумят» (1929), комсомольского поэта, журналиста, сценариста-кинематографиста Анатоля Вольны¹³.

¹² Зарецкий Михась (наст. имя — Косенков Михаил Евхимович, 1901–1937), прозаик, драматург, переводчик, критик. Публиковался с 1922 г. С 1924 г. — член объединения «Маладняк», в 1927 г. — один из инициаторов создания объединения «Польмя». Член СП БССР с 1934 г. В 1936 г. арестован, расстрелян. Реабилитирован в 1957 г.

¹³ Анатолий Вольны (наст. имя — Ажгирей Анатолий Устинович, 1902–1937), белорусский прозаик, поэт, драматург, журналист. Дебютировал в печати в 1922 г., один из родоначальников приключенческого жанра в белорусской прозе. По его сценариям снимались фильмы («Сосны шумят», 1929; «Отель Савой», 1930; «В огне рожденная», 1931 и др.). С 1923 г. состоял в литературном объеди-

Вацлав Александрович Сольский выступил от лица польской литературы с машинописью сборника «Стакан воды». Творчество цыганских писателей отразили рассказы для детей и очерк «Цыгане вчера и сегодня» Александра Вячеславовича Германа, а также автографы повестей и рассказов для школьников «Проклятое золото», «Цыган и конь», «Конокрад», «Первый шаг» Федора Григорьевича Гирса.

Дальнейшая судьба рукописей в ряде случаев реконструируется по отзывам рецензентов и/или отметкам редакторов. Например, пьеса «Великий сдвиг» (1926) Калистрата Романовича Анищенко была сдана в архив с отметками редакторов «Не подходит. Возвратить автору», «Отклонить». Та же судьба была у пьесы «Сказка о свободном народе рыбаков» Юрия Васильевича Болотова, получившая отрицательный отзыв театрального критика Ю. М. Соболева: «При наличии несомненной литературности, отсутствие подлинной революционной героики, в расчете на которую в сущности и написана эта сказка <...> Идеологическое зерно пьесы дает какой-то вялый росток <...> Пора бы давать детям пьесы, в которых были бы показаны действенные силы революции и без сказочных фей». Отклонил Соболев также сказку «Чайная роза» поэтессы из круга А. Блока и С. Есенина, Е. С. Герцог: «Рассказ о прекрасной королевской дочери, влюбленном паже, нелюбимом женихе. Рыцари, вассалы, розы, соловьи, лунный свет. Шаблон слащавой стилизации вовсе недетского сюжета». Рецензентом Г. Литкенсом был отвергнут «Сборник материалов для драматизации в школе», подготовленный по материалам русского фольклора XVIII–XX вв. Е. Н. Елеонской: «Прежде всего возникает сомнение в нужности и пригодности такого сборника. <...> материал, который может быть использован, совершенно не связан ни с трудовыми процессами, ни с трудовым бытом. Свадебные обряды, то, что может дать содержание драматизации, связаны с религиозно-церковными обрядами и вряд ли эта связь может пройти незаметной для детей». Не все документы сохранили такого рода отзывы. Рукопись статьи того же Чеботаревского «В. Г. Перов, его жизнь и художественное творчество» 1922 г. содержит на титульном листе запись-заключение от 19 июля 1922 г., заверенное подписью редактора литературной серии П. П. Муратова: «Рукопись проредактирована и одобрена к печатанию» и проч.

Фонд Госиздата ОР ИМЛИ изобилует именами «врагов народа». Так, автор повести «Два» белорусский писатель Анатолий Вольны был репрессирован в 1937 г. Судьбу Ажгирея разделил драматург и прозаик Рустам Галиат (наст. имя — Рустем Георгиевич Валаев). В отличие от Ажгирея, который был расстрелян, Рустема Валаева, арестованного за «убийство» С. М. Кирова, сослали на Соловки, его литературная деятельность была насильственно оборвана, но жизнь сохранена. Произведения Галиата после освобождения и реабилитации почти не издавались. Рукописи, изъятые при аресте, были утеряны, архив не сохранился. Был арестован и умер в тюремной больнице белорусский писатель Цишка Гартный (Дмитрий Федорович Жилунович). В 1934 г. к высшей мере социального наказания как контрреволюционер был приговорен украинский писатель, киносценарист Олександр Федорович Скрипаль-Мищенко. Его судьбу разделил исключенный из коммунистической партии «за проявления национал-демократизма» белорусский писатель, член Союза писателей СССР Михаил Зарецкий. Были расстреляны писатель Петр Николаевич Ионов, очеркист Андрей Иркутов, писатель-самоучка из крестьян Георгий Андреевич Агеев. Среди документов фонда был обнаружен договор с ГИЗом лингвиста Евгения Дмитриевича Поливанова относительно издания его книги «Лекции по введению в языкознание и общей фонетике». В 1937 г. Е. Д. Поливанов был расстрелян. Расстреляны были писатели, журналисты Ауслендер, Левидов, Рустам-Бек Тагеев, выступавшие рецензентами Госиздата.

Репрессиям, арестам и ссылкам в 1930-е гг. подвергались и другие авторы Госиздата: попутчики Н. А. Заболоцкий, А. И. Введенский, Д. Хармс, писатель из рабочих, участник Первого съезда Советских писателей Иван Петрович Недолин (наст. фамилия Маркелов), дочь депутата Третьей Государственной думы, поэтесса Анастасия Васильевна Соловова, чьи рукописи сохранились в фонде «Госиздат» ОР ИМЛИ РАН. В эмиграции и, значит, врагами народа оказались украинский врач и писатель Модест Левицкий и порвавший с коммунистами польский писатель, российский журналист и партийный деятель Вацлав Александрович Сольский.

* * *

Публикуемые ниже документы из белорусской коллекции ОР ИМЛИ представляют яркие эпизоды из истории литературы Беларуси 1920–1930-х гг., когда после установления 1 января 1919 г. Советской Социалистической Республики Белоруссии на части оккупированных Германией территорий бывшей Россий-

ской империи под руководством ВКП(б) началось социалистическое строительство, создание новых отраслей промышленности и новых форм хозяйствования на земле. В середине 1920-х гг. в БССР велась «белорусизация» — расширялось использование белорусского языка, развивалась белорусская культура. В начале реконструктивного периода в СССР, 12 февраля 1929 г. на встрече в ЦК ВКП(б) с украинскими литераторами и писателями, точку зрения партии на соотношение национального и интернационального в культурах социалистических республик сформулировал И. В. Сталин:

«Объединить национальную культуру на базе общего социалистического содержания, путем усиления развития национальных культур. Так стоит вопрос. <...> Кто не понимает этой жизненной постановки вопроса, тот не понимает, что мы проводим политику максимального развития национальной культуры с тем, чтобы она исчерпала себя до конца, и чтобы затем была создана база для организации международной социалистической культуры не только по содержанию, но и по форме. <...> Мы стоим за повсестительственную политику в отношении развития национальной культуры у остальных национальностей. <...> Мы стоим за то, чтобы культуру, духовный багаж, имеющийся у данной национальности, сделать достоянием всего народа. На каком, например, языке мы можем поднять культуру Украины? Только на украинском. <...> Когда говорят — форма ничего не значит — это пустяки. От формы страшно много зависит, без нее никакого содержания не бывает. Форма — национальная — содержание социалистическое. Это не значит, что каждый литератор должен стать социалистом, марксистом и проч. Это не необходимо. Это значит, что в литературе <...> должны появляться новые герои. <...> теперь должны появиться герои из народа, из крестьян, из буржуазии — в том освещении, какого они заслуживают. <...> Нельзя чисто партийные мерки переносить механически в среду литераторов. <...> даже работники Украины. <...> считают, что литература для рабочих должна быть русская, а для крестьян — украинская. Это — сознательная или бессознательная махинация у людей»¹⁴.

1929 г. — год «великого перелома» — изменил политическую ситуацию и социально-психологическую обстановку в стране.

¹⁴ Из неправоленной стенограммы выступления И. В. Сталина на встрече с Украинскими литераторами // Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП (б) — ВКП (б), ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике. 1917–1953. М.: РОССПЭН. 2002. С. 102–107.

На передний план идеологической борьбы выдвинулась Российская ассоциация пролетарских писателей. В течение почти всего пореволюционного первого десятилетия группа пролетарских критиков и писателей из журнала «На посту» терроризировала и запугивала другие писательские организации, и, в частности, писателей-попутчиков. Перестройка поведения критиков-напостовцев после партийного окрика в 1925 г. изменилась лишь на словах. Они сохранили свою агрессию и жажду политического влияния. Созданная весной 1928 г. на Первом съезде пролетарских писателей Российской ассоциация пролетарских писателей — тогда же, когда был создан ВОАПП (Всесоюзное объединение ассоциаций пролетарских писателей) и как преемник ВАПП (Всероссийская ассоциация пролетарских писателей), стала достойной наследницей стиля и методов критиков «напостовцев». РАПП — эта новая формация в рамках ВОАПП, параллель к Украинской ассоциации пролетарских писателей, а также к уже существующим организациям соответствующего характера в других союзных республиках — усилил свою власть, позиционируя себя как единственно законную писательскую организацию, представляющую точку зрения партии на литературный процесс. Однако в 1932 г. судьба его неожиданно переменялась, так как после партийного постановления от 23 апреля, которым была организована новая монополярная писательская организация — Союз советских писателей, РАПП был разогнан.

Прошедший в августе 1934 г. Первый Всесоюзный съезд советских писателей расставил необходимые идеологические акценты в отношении национальных литератур, повторившие основные положения сталинской речи 1929 г.

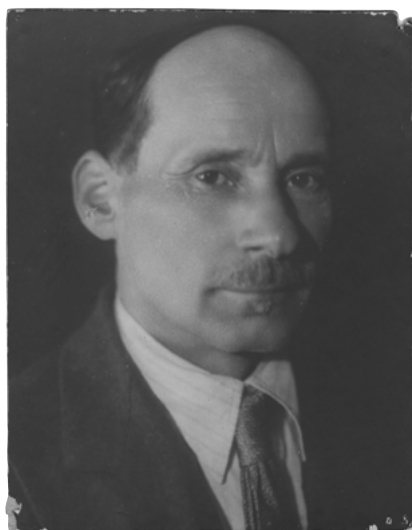
Так, Якуб Колас в своем выступлении подчеркнул: «национальное угнетение, против которого протестовали белорусские поэты, являлось для них и большой опасностью, оно увлекало их на путь национализма. Старые русские писатели — среди них даже лучшие наши современники — отдали ему дань в той или иной мере»¹⁵. Определяя суть недостатка этого крена белорусской поэзии, Я. Колас пояснял: «сами певцы, действительные выразители народного горя, не имели того мировоззрения, тех методов борьбы, которые несла и имела марксистско-ленинская философия»¹⁶. Вместе с тем Я. Колас защитил своих талантливых коллег: Кузь-

¹⁵ Первый Всесоюзный съезд советских писателей: стенографический отчет. М.: Художественная литература, 1934. С. 160.

¹⁶ Там же.

Я. Колас. 1936

Я. Колас. 1953

му Чорного, Зарецкого, пояснив: «они ищут новых путей, ставят новые проблемы», и указав на новые задачи, которые стоят перед белорусскими писателями: «белорусская литература молода, и художественный язык ее еще недостаточно развит, а богатейший народный фольклор даже в малой степени не собран и не использован нашими писателями. Язык у нас вследствие сложности и специфических особенностей обстановки приобретает исключительно важное значение. Вот почему вопрос об образности и четкости языка должен стоять и стоит у нас, белорусских писателей, в центре внимания»¹⁷. Развивая свою мысль, Якоб Колас кратко и точно характеризовал те положительные моменты, которые дала национальная самостоятельность его стране, впервые получившей независимость: «Если бы лет двадцать тому назад взору белорусских поэтов, мечтавших и ратовавших за возрождение своего народа, представился весь блеск культурных и иных достижений, которые имеет сейчас наша Белоруссия, то они не поверили бы в их реальность, посчитали бы это за сон, за игру фантазии. И действительно: забитая, отсталая, темная, экономически убогая, национально угнетенная колония царского империализма — ныне превратилась в БССР, в индустриально-аграрную страну с очень значительными очагами промышленности, в страну, обильно оснащенную сельско-хозяйственной техникой, целиком ликвидировавшую неграмотность, имеющую свою Академию наук, десяток научно-исследовательских учреждений, университет и сеть средних и низших учебных заведений, где обучаются сотни тысяч молодежи на своем родном языке»¹⁸.

Реакция белорусских писателей на итоги Первого всесоюзного писательского съезда не заставила себя ждать. В письме от 3 октября 1934 г. А. Е. Богдановича к А. М. Горькому звучат восторженные отзывы. Но в официальной риторике письма различима интонация защиты и даже наступления: «Также настоятельно необходимо издание периодических сборников и альманахов, посвященных творчеству национальных писателей: без этого не может быть единения и взаимного понимания. Переводы на русский язык будут пробным камнем высоты поэтического искусства наших поэтов, которые склонны самодовольно застывать на своих скороспелых успехах, не совершенствуя своего вкуса. Также у национальностей мы, несомненно, найдем поэтические жемчужины свежих чувств и неведомых красот. Припомните ойротский эпос.

¹⁷ Первый Всесоюзный съезд советских писателей... С. 160.

¹⁸ Там же. С. 161.

Я. Колас и М. И. Калинин.
Вручение ордена Ленина. 1939 февр.

Я. Купала и Я. Колас

Какая прелесть! Новый мир!»¹⁹ В этом напоминании о специфической исконной национальной составляющей современного литературного творчества — отзыв-ответ на речь представителя белорусской делегации на съезде М. И. Климовича, где прозвучало обвинение в адрес белорусского поэта, сына Адама Егоровича — Максима Богдановича, названного им глашатаем и певцом национальной буржуазии. Забота о творчестве земляков старшего поколения, стремление защитить и помочь расцвету национальной литературы — одна из сквозных тем писем Богдановича к Горькому 1930-х гг. Так, 8 декабря 1935 года, поздравляя Горького с созданием Пушкинского комитета, он рекомендует включить в его состав и поэта-белоруса: «...да из белорусов надо бы еще прибавить Якуба Коласа — наиболее талантливого из белорусских поэтов старого поколения»²⁰.

Эпоха «большого террора» стала переломной для судеб стоявшей молодой национальной литературы Беларуси — лучшие ее творцы были уничтожены. Столь же трагичным было это время для русских писателей — хранителей живой связи с высокими духовно-нравственными традициями русской классики.

* * *

Представляемые ниже материалы из белорусской коллекции Отдела рукописей ИМЛИ РАН документируют описанные выше идеологические процессы первых пореволюционных десятилетий, общие для литератур советской России и советской Белоруссии, иллюстрируют исполненный драматизма переход от национального становления и роста к жесткому управлению национальными культурами и подчинению их задачам социалистического строительства.

Выражаю сердечную благодарность Ирине Витальевне Мышковац — ведущему научному сотруднику Литературного музея Максима Богдановича в Минске, оказавшей неоценимую помощь при подготовке к публикации текстов белорусских поэтов и комментировании белорусских реалий.

¹⁹ Цит. по: *Московская Д. С.* «...Вспомнилось об вас, и захотелось написать...» Адам Богданович и Максим Горький в переписке и мемуарах // М. Горький и А. Богданович: дружба, рожденная на берегах Волги. Переписка. Воспоминания. Архивные публикации. Исследования. К 150-летию А. М. Горького. М.: ООО «ИИИ «Пресс-Меню», 2018. С. 16

²⁰ Там же. С. 17.

Янко Купала. 1930-е годы

Янка Купала
МОЛОДАЯ БЕЛАРУСЬ²¹

Ты старинным гусярским мотивом звенишь,
Но поёшь о грядущем, о славном ты,
Чтоб внимала тебе колосистая тишь
И баюкала думу о правнуках.

От конца до конца, от мери до мери
Дуновенья простора доносятся.
Ветер шепчет во ржи. И луна ворожит
Над путающимися колосьями.

Уж не так топоры в синехвойном бору
Сосны валят испытанным способом.
Уж не так косари взмахом жилистых рук
Летом свищут звенящими косами.

Значит, сила — в руках, в мощной песте до слез.
Ведь была эта сила безвыходна.
А теперь она рвется ватагой берез
Травяными зелеными вспыхами.

Подымайся, довольно в лесах ты и так
Сиротой ночевала забытою,
Где шаталась, как пьяный мужик, темнота,
Ветер кости точил непокрытые.

Подымайся с низин, над рядами могил,
Над крестами отцов, над острогами.
Вольный ветер в тебе непреклонность растил
И манил золотыми дорогами²².

Перевод с белорусского Н.С. Берендгофа²³.

²¹ Янка Купала, наст. фамилия: Луцевич Иван Доминикович (1882–1942) — белорусский поэт. Печатается по автографу ОР ИМЛИ. Ф. 109. Янка Купала. Оп. 1. Ед. хр. 3.

²² На рукописи помета редактора: «Не пойдет».

²³ Берендгоф Николай Сергеевич (1900–1990), поэт, переводчик, родился в Москве. Стихи стал писать с 1917 г., печатать с 1919 г. В 1920-х гг. — член ВСП, «Цеха поэтов». Автор книг: «Цель Смелых». М., 1919 г.; «Лирика» М., 1922 г.; «Доктор Ночь». Изд. «Вс. Союза Поэтов». М., 1924 г.; «Бунт вещей». Изд. «Моск. Цеха Поэтов». М., 1926 г.; «Стихи о городе». Изд. «Вс. Союза Поэтов». М., 1927 г.

Янка Купала

УТРО²⁴

В травяном своем бурнусе,
За пшеничными полями
По долинам в белой грусти
Утро раннее гуляет.

А над ним, над головою
Синим шелком шепчет хвоя.
Синим шелком в росных блесках
Воздух сеется и льется.

Солнце в нем еще рассветном
на серебряном станке ткет.

Ходит утро по оврагам,
Моем ноги свежей влагой
Дует ветром по осине,
Тянет нитки звучной сини.

Как потянет — зарезвится,
Запоем над полем птица.
И покоится шуршанье
Над сырыми камышами.

Бродит утро, будит травы
И поет цветам: «Пора вам
Подниматься, мои детки,
Пить росу и слушать ветки!»
<1929–1930>

Перевод с белорусского Н. Берендгофа

²⁴ Печатается по автографу ОР ИМЛИ. Ф. 444. Берендгоф Н.С.
Оп. 1. Ед. хр. 8.

Янка Купала
МНОГО ДАЛЕЙ С ДОБРОЮ ВОЛЕЙ...²⁵

Цишку Гартному²⁶
в пятнадцатилетнюю годовщину
его литературной деятельности
на пользу белорусскому
трудящемуся люду.

Много далей с доброю волей
Несчастливо и счастливо
Пролетел, ты сокол, в поле —
Над родною нашей нивой.

На рассвете пред весною
С непомерной гордой силой

²⁵ Печатается по машинописи с редакторскими пометами: ОР ИМЛИ. Ф. 197. Голодный (наст. фамилия — Эпштейн) Михаил Семенович (1903–1949). Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 1.

²⁶ Цишка Гартный (настоящее имя Дмитрий Фёдорович Жилунович; белор. Зміцер Хведаравіч Жылуновіч, Цішка Гартны; 1887—1937) — белорусский писатель, поэт и драматург, журналист, редактор. Глава Временного рабоче-крестьянского правительства Советской Социалистической Республики Белоруссия (1 января 1919 года — 3 февраля 1919 года). Литературную деятельность Т. Гартный начал в 1906 году, однако первое выступление в печати относится к началу 1909 года, когда на страницах белорусской газеты «Наша нива» было опубликовано его стихотворение «Обездоленный», посвященное Янке Купале. Через четыре года вышла в свет книга Гартного «Песни» (Петербург, 1913), отдельные его произведения печатались в большевистских газетах «Звезда» и «Правда». В 1927 году с группой белорусских писателей пытался организовать Всебелорусскую федерацию писателей и поэтов. Автор первого белорусского романа «Соки целины». Выступал как поэт, драматург, критик. Автор статей о творчестве А. С. Пушкина, А. Мицкевича, Л. Н. Толстого, В. Брюсова, А. Блока. Значительную роль в формировании эстетических взглядов Т. Гартного сыграли произведения Янки Купалы и Якуба Коласа, а также традиции русской революционно-демократической и рабочей поэзии 15 ноября 1936 года был арестован. Находясь в тюрьме, был объявлен психически больным, в связи с чем переведён в Могилёвскую психиатрическую лечебницу, где и умер 11 апреля 1937 года. По некоторым данным — покончил жизнь самоубийством.

15 октября 1955 года Д. Ф. Жилунович был реабилитирован в общественно-правовых отношениях, в 1988 году состоялась полная политическая реабилитация.

Буря пела над тобою,
Думы буйные будила.

И твои окрепли силы
Дух окреп неугомонный,
Путь твой радуги покрыли,
Слали молнии поклоны.

Ты звездой под облаками
Озираешь путь туманный,
По которому над нами
Ты носился беспрестанно.
Горизонты шире, шире,
Зорек, ясен взгляд бессонный.
И законы пишет миру
Труд людской, освобожденный.

Гей, лети же дальше, сокол,
Над страной, где сражался
И в пути своем далеко
Ты не гнишь, как не гнибался²⁷.
<1928>

Перевод с белорусского М. Голодного²⁸

²⁷ На рукописи редакторская помета: «Пустить».

²⁸ Голодный (Эпштейн) Михаил Семенович (1903–1949) — поэт, переводчик. Член рабкоровского движения на Украине, выпускник Высшего литературно-художественного института им. В.Я. Брюсова. Член литературного объединения «Молодая гвардия», один из организаторов группы «Перевал». Автор поэтических сборников: «Земное» (1924), «Дороги» (1925), «Стихи и песни» (1930), «Слово пристрастных» (1934), «Песни и баллады Отечественной войны» (1944).; автор переводов на русский язык произведений Т. Шевченко, М. Рыльского, А. Мицкевича и др.

Михась Чарот
ПОЛЕ ТИХО ШЕПТАЛО КОЛОСЬЯМИ²⁹

Ц. Гартному

Поле тихо шептало колосьями,
Когда надвигалась рать врагов.
Это ты в красную осень
Сонный край свой начал сторожить.

На шляху, на прибитом большаке,
На вскопыченных конями полях
Звонкий клич твой, как отблеск зарницы
Отколоском живым лег.

Кургану не пелись песни —
Кем насыпан, кто там лежит —
В земле почивать им не тесно,
Не гнетут их гнилые кресты.

Ты вербою шумел при дороге,
Ветвями манил неба синь,
К тем полоскам клонился березкой,
Где простор был кровью залит.

Много раз ты в пламени жизни
Захлебнуться готов был без слез.
Когда ветер пожухлые листья
По полям опустошённым нес.

²⁹ Печатается по автографу подстрочного перевода на гранках со стихами белорусских поэтов // ОР ИМЛИ. Ф. 97. Городецкий С. М. Оп. 1. Ед. хр. 10. Михась Чарот, наст. фамилия Михаил Семёнович Кудзелька (1896–1937) — белорусский поэт и писатель, в 1923 г. — один из создателей литературного объединения «Маладняк», член литературного объединения «Полымя», затем БелАППа, член Союза писателей СССР. Был арестован в 1937 г. как участник «контрреволюционной соцдемовской организации». После допросов и пыток признал себя виновным и был расстрелян в ночь с 29 на 30 октября 1937 г.

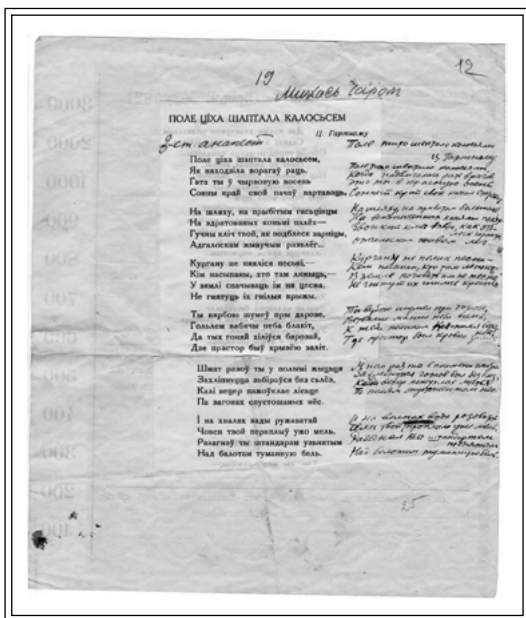
И на волнах воды розовой
Челн твой проплыл уж мель.
Разогнал ты штандартом поднятым
Над болотом туманную бель.
<1924–1925>

Перевод С. М. Городецкого³⁰

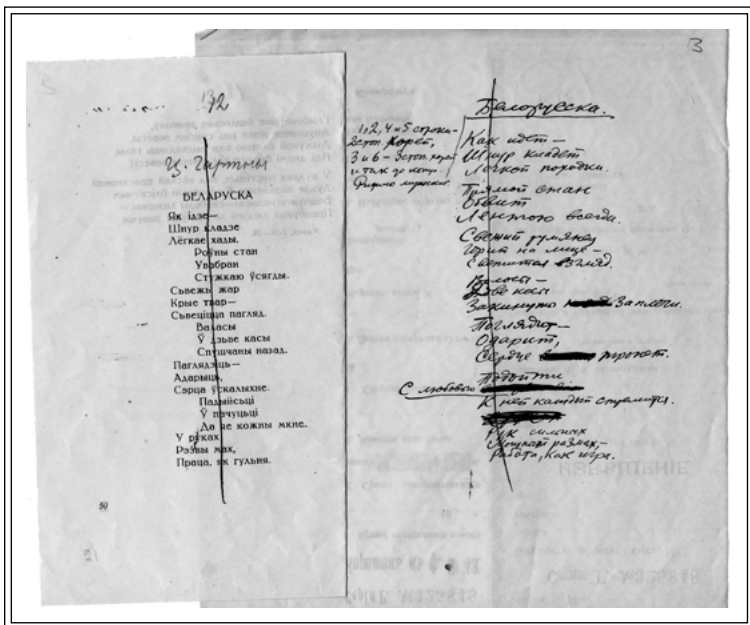
Ц. ГАРТНЫЙ
КРАСНОАРМЕЙЦЫ

Тихо реет —
Пламенеет
Стяг красный.
Под ним роем
Чинным строем
Реют звуки
Песен воли...
Ровным полем
Идет рядами
В поход
Взвод за взводом
С рвением к бою
Полк красных.
Щетина стальная
Отражает
В своем блеске
Лучи солнца.
Жизнь без конца!
Истома душит!
Все убавит
Крепкой жажды
И отваги,
Что в их сердцах!
Шаг за шагом
Идут дружно
В смертный бой
За свободу
Народу
Пасть со славой

³⁰ На рукописи помета С.М. Городецкого: «3-ст. анапест».

С. М. Городецкий. Автограф перевода. 1924-1925

С. М. Городецкий. 1924-1925. Автограф

Разве же горестно?
Дружно, стройно,
Величаво,
Гул несется!
Лучи же льются
Золотом
С небесной выси.
И песен всплески,
И стяг красный
В нем слились!

Ц. ГАРТНЫЙ
ВОЗЛЕ БОРА СОЛНЦЕ ХОДИТ...

Возле бора солнце ходит
На высоких тонких ногах,
Хороводом песни водит
По кустам — густым ухабам
Длиннокостных, толстокостных,
Таинственных,
Грозных, ярых
Леших.
Из-под кустов,
Из темных нор,
Лестью, зовом
На полянки,
На гулянки,
Навстречу светлой ночи
Духов тайных зазывает,
И в слепые очи тьмы,
Как из сита, сеет свет.
Узких тропинок изгибы
Серебристой травой кругом убраны,
И снуют в пляске шумной
Нимфы-ведьмы, феи-панно.
На границу
До крынницы
На гулянки, —
Когда взойдет
Молодой месяц,
Как из-под пик

Стройных елей
Острых иголок
В опутанной сети
Наберётся их.
Гей, прятайся, солнце в небе!
Дай же ночи-молодухе
Повести свою беседу.
Вот и месяц
<нрзб>³¹
Сыплет мел,
Толчет<нрзб>³²
Воду, бор.
Стадо звезд
В темень гонит
И говорит
Шёпотом листьев:
— Гей же, выходите
На гулянку, на свободный пир
Бор смолкает — не шепчет,
Листья не шевелятся.
Бор в кринницу уставил глаза.
В верболазнах, в мягком мху
Закружились хороводы.
<1924–1925>

Подстрочный перевод С. М. Городецкого

Ц. Гартный
БЕЛОРУСКА

Как идет —
Шнур кладет
Легкой походки.

Прямой стан
Обвит
Лентою всегда.

³¹ В оригинале: «З крэмно крэсіць».

³² В оригинале: «пэндлем»

Свежий румянец
Горит на лице –
Светится взгляд.

Волосы —
две косы
Закинута за плечи.

Поглядит —
Одарит,
Сердце тронет.

Подойти
С любовью
К ней каждый стремится.

Рук сильных
Могучий размах —
Работа, как игра.
<1924–1925>

*Подстрочный перевод С. М. Городецкого*³³

|| 243 ||

Янка Купала
ДЕД

Кушай, дед, кушай
Суп да похлебку,
Побредем мы с тобой
С торбой — дыра на дыре.

Отметь на бирке,
Что на горе спор был,
С пользой год работал,
Доработался до горба.

Выбуравил, как короб,
Вырубил плугом-киркой

³³ На рукописи помета С. М. Городецкого: «1, 2, 4 и 5 строки — 2 стоп. хорей, 3 и 6 — 3 стоп. хорей и так до конца. Рифмы мужские».

Бороздистую яму
В три аршина шириной.

Вытерпел придирок
Что и мор не стер бы,
Стар и мал вечно буркали:
Кушай, дед, кушай!

2
ВНУК

Деда внук — повеса, —
Как шмель жужжит:
Все заборы он изрезал,
Забор ему — мокрица.

Он не покорится,
Как сам римский цезарь,
Кто против — кострикой
Бабахнет из «обреза».

В его руках железо
Жаром заискрится,
Не собьёт с пути его
Даже и темень.

Есть лишь чем прикрыться,
А богаче Креза...
Выйдет в свет, как родник, пробившийся из земли,
Деда внук — повеса.

<1924–1925>

Подстрочный перевод С. М. Городецкого

2.

Унук

Дзедзай ўнук - гарэза, - *Зст. хороб.*
 Як шмелё чатурыцца
 Ёсць-б платы парэзаў,
 Плот яму - макрыца.

Ён не спакарыцца,
 Як сам рымекі чэзар,-
 Хто супротив - кастрыцай,
 Бакне і з "абрэза".

У руках чэалеза
 Усёсам заіскрыцца,
 Не ўплыве дзедзедзай
 Яму і чэмырца.

Як ёсць чым прыкрасіцца -
 Багачеб ад Крэза...
 Вмюдзе ў свет прыкіцаў
 Дзедзай ўнук-гарэза.

Ліна Рупана

16

Лукаш Бэндэ

**БЕЛОРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА К XV ГОДОВЩИНЕ
ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ¹**

Мне, товарищи, придется сделать информацию о положении белорусской советской литературы на сегодняшний день и той работе, которую проделал Оргкомитет Союза Советских Писателей Белоруссии в деле реализации постановления ЦК ВКП (б) от 23/IV и ЦК КП(б) от 27-го мая о перестройке литературно-художественных организаций.

Белорусская советская литература является составной органической и неотделимой частью большой литературы Союза Советских Республик, литературы, которая в своем росте поднялась на уровень первенствующей мирной <так!> литературы, сделалась самой передовой литературой мира.

Белорусская советская литература проходила пути своего творческого роста и расцвета вместе с другими национальными литературами: русской, украинской и др., под руководством нашей партии, осуществляющей политику строительства социализма, осуществляющей ленинскую национальную политику.

Прежде, чем говорить о существенных достижениях белорусской советской литературы, с которыми она пришла к XV годовщине Октября, необходимо принять во внимание, что возможность своего роста и развития белорусская литература одержала только благодаря победе Октября, только благодаря освобождения <так!> белорусских трудящихся масс от гнета капиталистов и помещиков, от гнета российского самодержавия с его руссификаторской политикой и белопольского «цивилизационного» полонизаторства.

¹ Печатается по авторизованной машинописи с сохранением пунктуации и орфографии оригинала, сохранившей белорусские версии произношения и написания ряда слов (Ф. 41. Оргкомитет Союза советских писателей. Оп. 1. Ед. хр. 651. 28 лл.). Бэндэ Лукаш (Бенде Лука Афанасьевич) (1903–1961), литературовед, писатель, литературный критик. Окончил Коммунистический университет им. В. И. Ленина в Минске, состоял в Белорусской Ассоциации пролетарских писателей, член Союза советских писателей. Автор книг, посвященных творчеству Янки Купалы и А. Александровича, в 1930-х гг. — автор хрестоматий по белорусской литературе, активный борец против «нацдемократизма» в белорусской литературе.

Нужно принять во внимание, что Белоруссия в своем прошлом являлась одной из многочисленных «окраин» царской России, одной из многочисленных ее колоний. Белоруссия, дальше, являлась тем конкретным территориальным объектом, на котором особенно разгорался аппетит белопольских панов. Нужно принять во внимание и то, что Белоруссия «окраина» быв. Царской России, страна не крупной индустрии, а страна мелкого, мельчайшего крестьянского хозяйства, при наличии значительной прослойки кулачества и крупнейших помещицких <так!> латифундий; страна мелкой, в большинстве своем, полуремесленной, полукустарной промышленности при интенсивном процессе капитализации помещика; страна с относительно слабой прослойкой фабрично-заводского пролетариата при больших размерах нищеты; страна, которая находилась на стыке российского варварства и западной «цивилизации» и в то же время имела на 70 с лишним процентов неграмотного населения; страна со сложным национальным переплетом, национально-угнетенная, территория «черты оседлости»; страна, на территории которой два года с лишним происходила капиталистическая бойня; страна, в которой особенно питательную почву имели мелкобуржуазная партия, начиная от «бунда» и кончая белорусскими эсерами.

Естественно, что процесс формирования белорусской пролетарской и советской литературы в силу этих и других условий приобретал особенные, специфические черты, имел дополнительные трудности, не присущие в такой степени литературе некоторых других народов Союза ССР.

Отсюда понятно, что путь развития и роста Белорусской пролетарской и советской литературы носит на себе отпечатки этих условий, дополнительно усложняющих его.

Я не буду говорить о том, чем была дореволюционная белорусская литература, хотя считаю, что русским писателям и писателям других национальностей, а также и всем народам Союза ССР интересно знать, какой была белорусская дореволюционная литература, что получил в качестве художественного наследства пролетариат, который пришел к власти, установивши свою диктатуру, открывши неслыханные возможности роста литературы, художественного развития человечества.

В условиях национального угнетения, в котором находилась дореволюционная Белоруссия, белорусскую литературу можно разделить на два основных течения: безусловно, идейно-господствующим течением, влияющим на дореволюционную белорусскую литературу, являлось буржуазное течение, которое было

представлено именами Ядвигина Ш., Каганца², М. Богдановича и рядом других имен.

Другое течение, которым характеризуется дореволюционная белорусская литература, это была революционная демократическая литература, которая выходила своими корнями из глубин крестьянства, которая отражала выход на историческую арену борьбы белорусского крестьянства, которая отражала процесс формирования белорусского пролетариата из разоряемого растущим капитализмом крестьянства и кустарных слоев белорусских городов и местечек. Это течение, или точнее говоря, литература, представлена такими крупными творческими единицами, как Янка Купала, Якуб Колас, Цишка Гартный и ряд других, менее известных по своему качеству единиц.

Буржуазная литература, в силу господства буржуазной идеологии, в силу присущих белорусской дореволюционной действительности условий, идейно влияло в разной степени на творчество, на направление этого творчества писателей, что шли из недр широких народных масс: крестьянства и ремесленничества, писателей, которые группировались после 1905 года вокруг единственной на белорусском языке газеты «Наша Нива», буржуазно-либерального содержания.

Влияя на эту группу писателей, буржуазная идеология вместе с тем отравляла их ядом национализма, заложенного в существо буржуазной идеологии.

Отсюда естественно, что заражение националистической идеологией, выявившая перед революцией писателей больших размеров художественного таланта: Янка Купалу, Якуба Коласа, а также менее значительным по своему творчеству — Змитрок Бядуля, не могли воспринять социалистического характера, социалистического содержания Октябрьской революции, не могли понять существа, целей освободительной борьбы рабочего класса и крестьянства вдохновиться этой борьбой. Отсюда — продолжительный конфликт этих писателей с социалистической революцией, продолжительно блуждение <так!> их на той стороне баррикад,

² Каганец Карусь (Костровицкий Казимир-Рафаил Карлович, 1868–1918), прозаик, поэт, драматург, художник, общественный деятель. Его статьи, обработки народных песен публиковались в газетах «Минский листок», «Северо-Западный край». Активно сотрудничал с белорусской газетой «Наша Нива». Отдельными изданиями вышли «Беларускі лемантар», водевиль «Модны шляхцюк». Вел активную просветительскую работу, выступал как ученый-языковед, фольклорист, этнограф.

помощь своим творчеством и продолжительное сочувствие врагам рабочего класса. Все это так. И нет нужды насилить <так!> историческую действительность разными оговорочками, как это делают некоторые критики.

Белорусская пролетарская советская литература начинает историю своего развития с Михася Чароты³, который — по справедливому заключению тов. Кнорина — был «первым наиболее революционным, наиболее громким словом послеоктябрьского периода».

Белорусская пролетарская литература, как реально существующий факт, не является чем-то застывшим, раз навсегда данным во всей своей цельности; также она не является выскочкой из головы какого-нибудь писателя или школки, или какой-нибудь лаборатории типа Пролеткульта.

Пролетарская литература есть явление историческое, есть живой реальный процесс развития, переходящего из <так!> одной ступени на другую, более высокую; она имеет свою историю и предысторию.

Ленин учил: «В каждой национальной культуре есть хотя бы неразвитые элементы демократической и социалистической культуры, ибо в каждой нации есть трудящиеся и эксплуатируемая масса, условия жизни которой неминуемо нарождают идеологию демократическую и социалистическую».

Источник пролетарской литературы БССР таким образом, является не что иное, как та действительно демократическая революционная, социалистическая идеология, которую трудящиеся массы выстрадали под гнетом помещиков, капиталистов и жандармов. Пролетарская литература явилась и развивалась как художественная форма, образный вид дальнейшего развития социалистических элементов национальной культуры пролетариата, сформированной в борьбе под руководством большевизма, против гнета эксплуататоров, против всех видов эксплуатации.

«Период диктатуры пролетариата и строительства социализма в СССР есть период расцветания национальных культур, социалистических по содержанию и национальных по форме» (Сталин), национальных культур, «имеющих своей целью воспитать

³ Чарот Михась (наст. имя — Куделька Михаил Семенович, 1896–1937), белорусский поэт, драматург, прозаик, редактор, общественный деятель. Печатался с 1918. Первый поэтический сборник «Завіруха» (1922). Был членом литературных объединений «Маладняк», «Полымя», БелАПП. Арестован в 1937, расстрелян. Реабилитирован в 1956 г.

массы в духе интернационализма и укреплять диктатуру пролетариата» (Сталин).

Пролетарская революция, разбивши цепи социального и национального гнета, создала и обеспечила возможности творческим силам угнетенных в прошлом масс «развить, развернуться, выяснить все свои потенции» (Сталин), в том числе и творчески художественные.

Гигантские успехи в деле строительства социалистического хозяйства на всех этапах пятнадцатилетия создали необходимую материальную базу для роста и расцвета пролетарской культуры.

Когда мы говорим о процессе формирования и роста белорусской пролетарской литературы, белорусской советской литературы, то неправильно было бы говорить, что основой для этого процесса роста и формирования является только конкретная белорусская действительность. Ограничиваться этим — это значит ничего не понимать не только в истории белорусской советской литературы, ничего не понимать, в сущности, пролетарской революции, главного в ней — международного ее характера. Рост нашей литературы питался, оплодотворялся революционной мыслью, идеями и живым опытом революционного пролетариата всего Союза Советских Республик, идеями и опытом мирового рабочего движения.

Пролетарская литература фактом своего роста, несмотря на ряд существенных ее недостатков, содействовала в значительной степени повороту основной массы интеллигенции на позиции пролетарской диктатуры, содействовала идейно и творчески перестройке бывшей попутнической массы писателей. Эти явления присущи не только русской литературной истории, но это явление характерно и для литературы других народов Союза ССР.

Основное, особенное, что характеризует пролетарскую литературу, в частности, белорусскую, это — высокая идейность произведений, органически и неразрывно связанная с задачами социалистического строительства, вытекающая из задач социалистического строительства, из задач победоносной борьбы пролетариата. Это, во-вторых, ее актуальная, во многом соответствующая конкретным историческим задачам пролетариата тематика. Это, в-третьих, ее боевой, бодрый, жизнерадостный характер, полный веры в силы и дело рабочего класса.

Белорусская пролетарская литература так же, как и русская литература, в своём росте выдвинула на передовые позиции белорусской советской литературы ряд значительных творческих единиц, создала значительные по идейно-художественному объёму

произведения. Наиболее значительные произведения белорусской пролетарской и советской литературы надо отметить, ибо о них должны знать трудящиеся массы Советского Союза.

Наиболее значительным, как в идейном, так и в художественном отношениях, безусловно, является произведение пролетарского поэта Михася Чарота «Босыл на вогнишчы» — произведение, которое открыло собой славную страницу пролетарской и действительно советской революционной литературы. В поэме «Босыл на вогнишчы» наиболее полно, наиболее правдиво, наиболее концентрированно в образах отражена художественно воссоздана сила белорусской бедноты, как резерва революционного пролетариата, пролетариата, который ведет борьбу за освобождение всего трудящегося человечества. Поэтические произведения, написанные Чаротом в дальнейшем его развитии, являются богатейшим художественным вкладом не только в фонд белорусской литературы, они являются ценнейшим вкладом в литературу Союза Советских Республик.

Другой значительной фигурой белорусской пролетарской литературы является Андрей Александрович, который за 11 лет своего творчества вел значительные по силе и художеству поэтические произведения, произведения, которые содействовали поднятию белорусской пролетарской литературы до уровня литературы Советского Союза. Наиболее значительные произведения Андрея Александровича должны быть тут отмечены, ибо они являются достижениями не только белорусской советской литературы, но и всей советской литературы. Такова его сатирическая поэма «Цена на сонцы», посредством которой автор срывает маску с врагов социализма, что примазались к советской власти, с бывших министров белорусской контрреволюционной Рады, которые замаскировались для подрывной работы. Надо отметить также большой стихотворный роман Александровича «Нараджэньне чловека», который в поэтических образах с значительным поэтическим мастерством отражает то, как на почве советской действительности в процессе классовой борьбы перерождаются люди и приобщаются к активному участию в классовой борьбе пролетариата. Надо также указать на его большую стихотворную пьесу «Напор», посвященную единству интересов пролетариата Союзных Республик, пьесу, которая воспевае труд, как дело чести, дело геройства, доблести творцов социализма, пьесу, которая одновременно является солидным взносом на счет, который предъявил комсомол нашей художественной литературе.

Я не могу, к великому сожалению, из-за нехватки времени, остановиться на всем богатстве белорусской советской поэзии, на значительном росте таких поэтов, как Федорович⁴, Крапива⁵, Глебка, Лихадиевский⁶, Хадыко⁷, Салагуб⁸ и др., на росте их поэтического мастерства, на повышении ими мировоззренческого уровня.

Не малые достижения имеет советская белорусская литература и в области прозы. Тут должны быть отмечены произведения пролетарского писателя тов. Лынькова⁹, его «Андрэй Лятун», «Гой», «Падбугам» и др. В своих произведениях тов. Линьков отражает с большой художественной силой (правда, в

⁴ Хведарович Микола (наст. имя — Чернушевич Николай Федорович, 1904–1981), белорусский поэт, прозаик, переводчик. Печатался с 1924 г. Первая книга «Настроі» (1929). Член литературного объединения «Маладняк», затем БелАПП. Член СП БССР с 1934 г. Арестовывался в 1938 г., 1949 г. Реабилитирован в 1955 г.

⁵ Крапива Кондрат (наст. имя — Атрахович Кондрат Кондратьевич, 1896–1991), белорусский драматург, поэт, прозаик, ученый, общественный деятель. Народный писатель Беларуси (1956). Академик АН БССР (1950), доктор филологических наук (1953). Герой Социалистического Труда (1975). Заслуженный деятель науки Беларуси (1978). Член СП БССР с 1934. Лауреат Государственных премий СССР. Лауреат Государственной премии БССР им. Я. Купалы.

⁶ Лиходиевский Степан Иванович (1911–1979), белорусский поэт, критик, переводчик, литературовед. Доктор филологических наук (1965). Профессор (1968). Член Союза писателей СССР (с 1948). Печатался с 1925 г. Член объединений «Маладняк», БелАПП (с 1928). В 1933 арестован, выслан в Казахстан. Реабилитирован в 1956 г. Переводил произведения узбекских, французских, немецких писателей, автор многих поэтических сборников.

⁷ Хадыко Владимир Мартинович (1905–1940), белорусский поэт-переводчик. Член литературного объединения «Маладняк». Член СП БССР с 1934. Первые стихотворения опубликованы в 1926, первая книга стихов — «Суніцы» (1926). Арестован в 1936. Реабилитирован в 1954.

⁸ Сологуб Алесь Феофилович (1906–1934), белорусский поэт, публицист, мемуарист. Литературной деятельностью занялся с 1924 г., публиковался в различных западно-белорусских изданиях. Арестовывался польскими властями (1924, 1927). Перебравшись в БССР (1928), издал сборник стихов (1929), написанных в польской тюрьме. Арестован по делу «Белорусского национального центра» (1933), расстрелян в 1934 г. Реабилитирован в 1956 г.

⁹ Лыньков Михась (Михаил Тихонович, 1899–1975), прозаик, критик, литературовед, общественный деятель, автор произведений для детей. Публиковался с 1919 г. Академик АН БССР (с 1953; член-корреспондент с 1936). Член СП БССР с 1934 г.

разных произведениях степень этой художественной силы разная), как в процессе активного участия в революционной классовой борьбе перерождаются люди, которые пришли в ряды бойцов, зачастую не понимая подлинного смысла и целей этой борьбы.

Писатель рядом убедительных образов показал, как загнанные капиталистическим строем на социальное дно Ваньки Рязанские и Васьки Шкеты, попавши в ряды Красной Армии, прошедшие ее боевую и воспитательную школу, возвращаются к жизни, делаются сознательными, активными участниками революционной борьбы пролетариата.

Тут необходимо отметить, как выдающееся произведение пролетарской литературы, «Спалох на загонах» тов. Галавача¹⁰. Произведение большой художественной силы и убедительности, глубокого идейного содержания. Это произведение, несмотря на ряд существенных недостатков, по праву оценено белорусской критикой, писательской и читательской массой, как произведение, которое поднимает на новую, более высокую ступень белорусскую советскую литературу.

В актив белорусской советской литературы должны быть безусловно зачтены такие произведения, как «Сын» т. Мурашка¹¹, произведение, посвященное художественному отражению сложной проблемы революции 1905 г. на <так!> Белоруссии, в условиях сложнейшего национального переплета, национальных противоречий, в условиях большой деятельности мелкобуржуазных партий.

Сюда же нужно отнести ряд повестей тов. Лимановского¹², которые отражают отдельные моменты эпохи гражданской войны,

¹⁰ Головач Платон Романович (1903–1937), белорусский прозаик, публицист, критик. Один из лидеров организаций «Маладняк» и БелАПП. В 1937 г. расстрелян, как большинство членов организации «Маладняк». В 1956 г. реабилитирован. В литературу пришел в 1920 г. с очерками, зарисовками на комсомольскую тематику, более активно печатался с 1923. Первый рассказ «Загубленае жыццё» опубликован в 1925, первая книга «Дробязіжыцця» вышла в 1927. Член СП БССР с 1934 года.

¹¹ Мурашка Рыгор (Мурашка Григорий Данилович, 1902–1944), белорусский прозаик, критик. Член литературного объединения «Маладняк». Печатался с 1924. Автор нескольких сборников рассказов, известного романа «Сын» (1929). Основная тема творчества — возрастание сознательности рабочих в годы первой русской революции 1905–1907 гг., жизнь белорусской деревни середины 1930-х гг.

¹² Лимановский Янка (Иван Михайлович, 1896–1989), белорусский прозаик, критик, литературовед, театральный деятель. Печа-

правда, не всегда в правильной перспективе, не всегда с нужным художественным новаторством <так!>. Сюда же должны быть отнесены произведения тов. Неманского¹³, художественно трактующие тему крестьянского движения в 1905 г. и борьбу с бандитизмом в условиях пролетарской диктатуры. Сюда же нужно отнести трилогию Цишки Гартного «Соки цалины», ряд его рассказов и стихов, а также ряд рассказов Кузьмы Чорного, его повесть «Весна», «Бацькаўшчына», его же пьесы «Лето» и одноименную с его повестью пьесу «Бацькаўшчына».

К активу советской белорусской литературы относятся и занимают в ней значительное место выдающиеся произведения умершего молодого талантливого поэта Павлюка Труса¹⁴. Ряд произведений Крапивы, Купалы, Коласа и др.

За годы социалистического строительства выросли и новые кадры художников со <так!>среди рабочего класса и трудящегося населения.

Нельзя обойти произведения белорусской драматургии, пьесу рабочего-кочегара тов. Кобаца¹⁵ «Гута» (исключительное для своего времени явление в белорусской драматургии), ряд пьес т. Гурского.

тался с 1920 г. Член литературного объединения «Маладняк», один из организаторов и руководителей БелАПП. Работал заместителем директора Института литературы и искусства АН БССР. После Великой Отечественной войны эмигрировал.

¹³ Неманский Янка (наст. имя Петрович Иван Андреевич, 1890–1937), прозаик, публицист, ученый-экономист, общественный деятель. Академик АН БССР (1928). Публиковался с 1918 г., в творческом багаже публицистические статьи, рассказы, повесть, роман. Сотрудник Института белорусской культуры (Инбелкульт), в 1921–1931 гг. непреременный секретарь АН БССР. Ведущая тема творчества — жизнь рабочего человека в условиях социальной и национальной несправедливости. Арестован в 1937 г., расстрелян. Реабилитирован в 1957 г.

¹⁴ Трус Павлюк (Трус Павел Адамович, 1904–1929), белорусский поэт. Член литературного объединения «Маладняк». Дебют в печати в 1923 г. Первый сборник стихов «Вершы» в 1925 г., первое собрание сочинений — в 1934 г. Умер от тифа.

¹⁵ Кобец Григорий Яковлевич (наст. имя — Сандыга Михаил Мусиевич, 1898–1990), драматург, прозаик, член СП БССР с 1935 г. Печатался с 1918 г., в белорусской печати — с 1923 г. Писал стихи, рассказы, фельетоны. Член товарищества «Маладняк» с 1929 г., член Бел РАППа. Автор пьесы о рабочем классе «Гута», которая шла во многих театрах СССР и Чехословакии. Писал сценарии документальных и художественных фильмов. Дважды арестован в 1938 г., 1942 г., был в ссылке. Полностью реабилитирован в 1960 г.

Ряд художественных произведений тов. Шинклера¹⁶, Бориса Микулича¹⁷, произведений поэтического молодняка тов. Таубина¹⁸ и Кулешова¹⁹. Надо указать на ряд произведений товарищей, призванных в литературу, рабочих-ударников, как произведения т. Швейделя, Шавцова, Нотмана, Батюшкова и др.

Увеличилась в своем качестве, возросла по своему качеству и военно-оборонная литература. Когда год-два назад мы имели только отдельные, не всегда конкретные, не всегда правильно отражающие нашу героическую Красную Армию, ее боевую историю, ее ежедневную боевую подготовку и большую воспитательную работу — когда мы имели только отдельные произведения, то на сегодняшний день мы в праве говорить, что уже есть военно-оборонительная белорусская литература. Такие выдающиеся белорусские поэты и прозаики, как т. Лыньков, т. Чарота, т. Александрович, т. Брока, т. Глебка, т. Лимановский, т. Коваль, т. Салагуб, — уже дали довольно значительные произведения, и многие из них работают теперь на военно-оборонной тематике.

Констатируя это, мы, однако, ни в какой мере не можем считать, что на оборонном участке художественной литературы дело обстоит удовлетворительно. Нет, тут нужно просто сказать: сделано уже не мало, но сделано далеко недостаточно, не в такой мере, как этого от нас требует вся международная обстановка, как этого требуют задачи обороны нашей страны.

Я не говорю о достижениях белорусской еврейской литературы, о произведениях таких выдающихся художников, как тт. Ха-

¹⁶ Шинклер Хвядос Сергеевич (1903–1942), белорусский прозаик, драматург, сценарист. Член литературного объединения «Маладняк». Литературный дебют в 1922 г., первый рассказ напечатал в 1928 г.

¹⁷ Микулич Борис Михайлович (1912–1954), белорусский прозаик, критик. Член СП БССР с 1934 г. Публиковался с 1927 г. До 1936 года вышло 7 сборников рассказов, повестей. Дважды арестован в 1936 г., 1949 г., был в ссылке. Реабилитирован в 1954 г.

¹⁸ Таубин Юлий (наст. им Таубин Юдаль Абрамович, 1911–1937), белорусский поэт, переводчик. Первое стихотворение опубликовано в 1926 г., первый сборник стихотворений «Агні» — в 1930. Член БелАПП. Арестовывался в 1933 г., 1936 г. Расстрелян в 1937 г. Реабилитирован в 1956 г.

¹⁹ Кулешов Аркадий Александрович (1914–1978), белорусский поэт, переводчик. Член СП БССР с 1934 г. Народный поэт Беларуси (1968). Заслуженный работник культуры Украинской ССР (1973). Лауреат Государственных премий СССР. Лауреат Государственной премии БССР им. Я. Купалы. Лауреат премии Ленинского комсомола БССР.

рик²⁰, Аксельрод²¹, Горцман, Каган²², Каменецкий²³, Кульбак²⁴, Долгопольский²⁵ и др. О достижениях и тех процессах, которые происходят в белорусской советской еврейской литературе скажут товарищи, которые практически работают в еврейской литературе. Они дадут развернутую оценку явлениям еврейской литературы.

Эти свои достижения белорусская пролетарская литература, белорусская советская литература завоевала не на основе «классового мира», а в условиях жесткой классовой борьбы, борьбы, которую вел и ведет пролетариат под руководством партии большевиков за свою диктатуру, за ее усиление, за построение социализма, за ликвидацию капиталистических элементов и классов вообще, за преодоление пережитков капитализма в экономике и сознании людей.

Успехи белорусской советской литературы обеспечены неуклонным осуществлением нашей партией ленинской националь-

²⁰ Харик Изи (Исаак Давыдович, 1898–1937), еврейский поэт, публицист, переводчик, общественный деятель. Член СП СССР, член СП БССР, председатель еврейской секции Союза писателей БССР. Писал преимущественно на идиш. Первые стихи опубликовал в 1920 г., первый поэтический сборник («Трепет») вышел в 1922 г. Арестован в 1937 г., расстрелян. Реабилитирован в 1956 г.

²¹ Аксельрод Зелик Моисеевич (1904–1941), еврейский поэт. Писал на идише. Первый сборник стихотворений вышел в 1922 г. Вместе с Изи Хариком возглавлял секцию еврейских писателей при СП БССР. Арестовывался в 1937, 1941. Расстрелян. Реабилитирован в 1957 г.

²² Каган Эля Шоломович (1909–1944), еврейский писатель. Литературный дебют в 1926 г. Автор нескольких книг прозы. Арестован сотрудниками НКВД в 1941 г., чудом избежал расстрела. Погиб на фронте при освобождении Беларуси.

²³ Каменецкий Гирш Мордухович (1895–1957), еврейский поэт, писал на языке идиш. В 1937–1941 гг. — ответственный секретарь еврейской секции СП БССР. Печатался с 1924 г. Репрессирован в 1949 г., выслан.

²⁴ Кульбак Моисей Соломонович (1896–1937), еврейский поэт, прозаик, драматург. Член СП БССР с 1934 г. Печатался с 1916 г. С 1920-х гг. активно сотрудничал с театрами, написал цикл повестей и абстрактно-философских романов. Писал на языке идиш. В 1937 г. арестован, расстрелян, в 1956 г. реабилитирован.

²⁵ Долгопольский Цодик Лейбович (1879–1959), прозаик, поэт, драматург. Печатался с 1914 г. С 1933 г. работал в Госиздательстве БССР. Автор романа «Калиадчыняецца брама» (1930), нескольких книг прозы, поэзии, пьес. Арестован в 1938 г., сослан.

ной политики, которая обеспечила хозяйственный и культурный подъем и рост угнетенных и отсталых в своем прошлом народов, политики, направленной на ликвидацию фактического неравенства народов Союза, неравенства, унаследованного от царского колониально-капиталистического режима.

Успехи белорусской советской литературы обеспечены далее благодаря неуклонному хлопотливому вниманию партии, благодаря ее руководству, благодаря той борьбе, которую партия проводила и проводит против буржуазных влияний на советскую литературу, против агентов контрреволюционного троцкизма, против агентов фашизма национал-демократов, против меньшинствующих идеалистов и переверзианцев, против «ползучих уклонов» от линии партии в национальном вопросе — великороссийского, великодержавного, как главной опасности, так и против уклонов в сторону белорусского, еврейского и др. шовинизмов.

Наши безусловные и бесспорные достижения не ликвидируют, однако, отставания белорусской советской литературы. Партия нам не раз указывала, что «несмотря на эти крупные достижения, мы все еще имеем значительное отставание художественной литературы от темпов нашего грандиозного социалистического строительства — тематика все еще узкая, не достигает идейно-художественных высот» (Из резолюции пленума ЦК КП (б)Б).

Надо со всей силой подчеркнуть это отставание нашей литературы от темпов социалистического строительства, от неизменно возросшего культурного уровня рабоче-крестьянского читателя. Качество художественного творчества наших писателей еще неудовлетворительно. Удовлетворяет ли нашего читателя то творчество, которое дали нам за последние годы такие бесспорные мастера слова, как Янка Купала, Колас, Бядуля, Зарецкий, Лужанин²⁶, Мурашка и др.?

Нет, не удовлетворяет. Читатель, знакомый с творчеством названных писателей, читатель, знакомый с белорусской литературой, его возросший культурный уровень требует от советского писателя большего искусства, чем он получает. Это бесспорно.

Успехи социалистического строительства и составной его части — культурно-национального строительства БССР (в том числе и успехи и рост пролетарской литературы), обеспеченные

²⁶ Лужанин Максим (наст. имя — Каратай Александр Амвросьевич, 1909–2001), поэт, прозаик, кинодраматург, переводчик. Первая публикация в 1925 г. Первая книга стихов — «Крокі» (1928). В 1933 арестован, сослан. Реабилитирован в 1956 г.

благодаря правильному руководству нашей парии, разгром белорусского контрреволюционного национал-демократизма, под влиянием которого находилась часть интеллигенции, в том числе и часть писателей, усиление международной мощности Союза Советских республик и т.д. — это обеспечило поворот основной массы старой интеллигенции сторону пролетарской литературы, в сторону активного ее участия в социалистическом строительстве. Этот поворот выразился и среди писателей, в том числе и среди белорусских.

В чем выразился этот поворот у тех писателей, которые раньше так или иначе были связаны с националистическими элементами, которые так или иначе сочувствовали, а было время и своим творчеством помогали национал-демократизму, идеологам кулачества и помощникам интервентов? Поворот в этой группе писателей выразился в разрыве с националистическими элементами, в суждении <так!> пролетарской роли той группы националистической интеллигенции, которая ставила ставку на помощь интервентам, в признании ошибок своих старых позиций, в общественно-политической активизации некоторых из них. Наконец, этот поворот выразился в творческой активизации этой группы писателей, в стремлении их освоить и отразить в своих произведениях нашу социалистическую действительность, в стремлении их к активному участию своим творчеством в социалистическом строительстве. Этот поворот, эти движения нашли свое выявление <так!> в ряде произведений Янки Купалы, скажем, в таких его стихах, как «Сыходзишвёска з яснайявы», «Диктатуры працы», «Песня будауніцтву», «А у Вльле плаве тапелец», а также и в записках «Листы ад знаёмага» и «Фрагмэнты» тов. Зарецкого и у него же роман, который выходит из печати «Вязьмо».

За последние годы произошли большие сдвиги и среди так называемого попутничества. Часть писателей, которая находилась раньше на неправильных позициях, на позициях мелкобуржуазной собственнической ограниченности и узкости, писателей, творчество которых не всегда находилось в созвучии с задачами социалистического строительства, которая не всегда находилась в соответствии с задачами классовой борьбы пролетариата, таких писателей, как Крапива, Кузьма Чорный²⁷, Глебка, Луханин,

²⁷ Николай Карлович Романовский (псевдоним Кузьма Чорный (1900–1944), белорусский писатель, драматург и переводчик. Член Союза писателей СССР с 1934 г.

Клешторный²⁸, Хадыка и др. В этой группе писателей сдвиги выразились в значительном идейно-политическом их росте, в общественно-политической их активизации (правда, тут не может быть общей оценки, у разных писателей эти сдвиги проявляются в разной степени), в безусловном и решительном переходе в своем творчестве на позиции социалистического строительства, во включении их в активную борьбу за бесклассовое социалистическое общество.

Один из характерных примеров. Такой выдающийся писатель, как Кузьма Чорный, произведения которого мы характеризовали, как не всегда созвучные социалистическому строительству, как не всегда соответствующие запросам классовой борьбы пролетариата, за последние годы значительно вырос и перестроился. От психологически самоудаляющих<так!>этюдов, от типизации крестьян старой деревни, типизации разрозненной, не связанной мощными социалистическими сдвигами, что меняет коренным образом лицо деревни (а в силу этого и рыхлое формальное, сюжетное и композиционное оформление произведений) выходит на широкую дорогу основных идей современности. Иллюстрацией к этому может служить такое выдающееся произведение, как «Бацькаўшчына», произведение, в котором автор коренным образом переоценивает старое его, интеллигентское, мелкобуржуазное понимание отечества, придавая этому пониманию наше пролетарское содержание. А вместе с тем в своем произведении показывает и художественно разворачивает процессы классовой борьбы в дореволюционной деревне, процесс формирования нового людского материала в империалистической войне и революционной борьбе.

Основной грех РАПП, БелАПП — организаций, в свое время сыгравших великую историческую роль — в том, что они не учли, не заметили тех великих и глубоких сдвигов, поворотов, которые происходили и происходят в среде попутничества, не поняли новой обстановки, которая сложилась на основе успехов социализма и не поняли того, что эта новая обстановка потребовала работы

²⁸ Клешторный Тодар Тодаравич (1903–1937), поэт, переводчик, член СП БССР с 1934 г. В 1931 г. окончил БГУ, работал на радио, в редакциях республиканских газет и журналов. Был членом товариществ «Маладняк», «Узвышша», БелАПП. Первые стихи опубликованы в журнале «Аршанскі маладняк» в 1925 г. Первый сборник поэзии «Кляновыя завеі» вышел в 1927 г. В 1936 г. арестован, в 1937 г. приговорен к высшей мере наказания, реабилитирован в 1957 г.

по-новому, — как это со всей ясностью и четкостью разъяснил тов. Сталин.

РАПП, ВУСПП, БелАПП — пролетарские литературные организации в свое время, «когда в литературе были налицо еще значительное влияние чужих элементов, что особенно оживилось в первые годы нэпа, а кадры пролетарской литературы были еще слабые», организации, укрепление которых партия всемерно помогала» — в целях усиления позиций пролетарских писателей и работников искусства», — за время своего существования проделали огромную положительную работу, неправильно было бы забывать, не видеть, игнорировать.

Белорусская ассоциация пролетарских писателей за время своего существования провела под руководством партии большую борьбу против буржуазного, националистического и национал-демократического влияния на советскую литературу, провела большую борьбу по разоблачению агентуры контрреволюционного троцкизма и национал-демократизма в белорусской литературе и критике, борьбу с переверзевщиной, великодержавным шовинизмом, провела большую работу по выявлению и выращению новых художников из среды рабочего класса и трудящегося крестьянства, ассоциация, вырастившая ряд выдающихся творческих единиц — не заметила, не учла новой обстановки, тех сдвигов и поворотов, которые произошли среди писательской массы, не сделала соответственно потребностям новых задач соответствующей перестройки, в том числе и организационной.

К тому же надо отметить, что особенно за последнее время давала себя чувствовать групповщина внутри Ассоциации и др. «добродетели», присущие также РАППу. ВУСППу²⁹ — что, конечно, не содействовало тому, чтобы возглавить те повороты и сдвиги, которые происходили и происходят среди широких кругов советских писателей, чтобы закрепить эти сдвиги.

Я не буду перечислять сейчас все ошибки БелАПП, ее руководства и критики, — это надо сделать, и это будет сделано в статьях, — я отмечу только то, что большинство ошибок РАПП является собственностью и БелАПП. Так, вульгаризаторство в критике и в постановке ряда политических и творческих задач, затирание писателей критикой, дергание писателей, против которого вполне законно возмущался в свое время т. Крапива словами: «Руково-

²⁹ Всеукраїнська спілка пролетарських письменників (ВУСПП) — українська літературна організація, заснована наприкінці 1926.

ди — но не сильно дергай» — было присуще и БелАППу. Были и такие явления, как попытки изолировать писателя от литературы за его действительные бывшие грехи и теперешние ошибки. Одно-сторонняя критика, захваливание одних писателей, смазывание их ошибок и срывов в интересах группы, раздувание ошибок других, игнорирование за разными ошибками здорового, нашего, не ошибочного, — практиковалось в солидных размерах и, к сожалению, эти отрицательные черты в отдельных случаях критики есть еще и теперь (в журнале «Полымя Революции», №1 и 2, в статье> т. Кучера).

Внутри самой БелАПП вместо консолидации коммунистических сил на литературном фронте, чего требовала от Ассоциации партия, развернулось прямо противоположное явление. Вместо консолидации мы имели беспринципное царпание, развинчивание политического и творческого авторитета коммунистов-писателей, компрометацию коммунистов-писателей одним другого. Правда, это делалось не прямо, а под маской творческой дискуссии, под вывеской борьбы «за высоты мировоззрения пролетариата». Это последнее особенно развернулось во время «творческих» споров т. Александровича с т. Галавачем, споров, которые со всей наглядностью выявили отрицательные и вредные черты групповщины.

Тов. Залка тут говорил, что много пришивают грехов РАППовской критике, даже тех, которые она не делала, а делала не РАППовская критика. Я считаю, что Т. Залка неправ. Дело в том, что он забывает, что и РАПП, и ВУСП, и БелАПП в свое время были ведущими организациями — организациями, которые были ответственны перед партией за всю советскую литературу. Значит, они были ответственны и за ту вульгаризаторскую, вредную критику, которая исходила не из рядов РАППа, ВУСПа и БелАППа. Беда этих организаций — в том, что они не давали такой критике большевистского отпора, не защищали советского писателя от такой критики.

В последний год существования БелАПП особенно ярко выделились тенденции к самоизоляции ее от советской литературы, к отрыву от политических задач современности.

Поэтому ЦК совсем правильно сделал, постановивши ликвидировать РАПП, ВОАПП, а, значит, и БелАПП, мотивировавши свое постановление:

«В настоящий момент, когда успели уже вырасти кадры пролетарской литературы и искусства, выявились новые писатели и художники заводов, фабрик и колхозов, рамки существующих про-

летарских литературно-художественных организаций (ВОАПП, РАПП, РАМП и др.) становятся уже узкими и тормозят серьезный размах художественного творчества. Это обстоятельство создает опасность превращения этих организаций из средства наибольшей мобилизации советских писателей и художников вокруг задач социалистического строительства, в средство культивирования кружковой замкнутости, отрыва от политических задач современности и от значительных групп писателей и художников, сочувствующих социалистическому строительству».

Вместо существующих организаций ЦК постановил:

«Объединить всех писателей, которые поддерживают платформу советской власти и стремятся участвовать в советском строительстве, в единый союз советских писателей с коммунистической фракцией в нем».

Как же восприняла наша писательская масса историческое решение ЦК ВКП (б) от 23 апреля и постановление ЦК КП (б) о перестройке литературно-художественных организаций?

Прежде всего, нужно указать на то, как восприняло это постановление руководство БелАПП. Некоторые товарищи из БелАПП, некоторые товарищи из руководства ее проявили растерянность, что вызвало ослабление активности, потерю перспективы. На основании этого кой у кого получилось притупление классовой зоркости к отдельным, безусловно враждебным вылазкам на литературном фронте.

А как восприняла это решение основная писательская масса? Преобладающая часть писателей Белоруссии восприняла постановление ЦК ВКП (б) ЦК КП (б) о перестройке литературно-художественных организаций с повышенным энтузиазмом, с повышенной творческой и общественно-политической активностью. Это не подлежит никакому сомнению. Про это положительное восприятие постановления ЦК свидетельствует та огромная творческая активность, какую проявляют в настоящее время наши писатели. Я не буду сейчас перечислять всего того, над чем работает наш писатель. Но надо на кое-что указать. Писатель Александрович — автор пьесы «Напор», он работает сейчас над поэмой «Летнае лета», работает над новой оборонной пьесой. Тов. Гронский заострил вопрос относительно драматургии. У нас драматургия является в настоящий момент чрезвычайно узким местом нашего литературного фронта. Отсюда, безусловно, не сопоставляя <так!> драматургию другим видам творчества, особенно надо сделать упор на драматургии. Вот, к примеру, Александрович работает над пьесой, писатель т. Головач работает над большой

повестью, в которой хочет показать ликвидацию остатков капиталистического сознания у трудящихся масс на основе социализма, Мурашко работает над романом, который отображает преодоление пережитков капитализма в семье. Писатель Бужан работает сейчас над второй частью своего романа «Лесники». Поэт Чарот работает и уже опубликовал часть своего нового произведения «Сны партизана». Микулич работает над романом «Дужасьць», Хадыка и Лужанин работают над большими художественными поэтическими произведениями, в частности, Лужанин работает над поэмой, в которой должна быть отображена национальная политика партии, борьба партии с уклонами в области национальной политики.

Поэт Федорович работает над пьесой «Уласьць». Писатель Бровко пишет повесть «Сезонник». Писатель Крапива пишет вторую часть своего романа «Мядзьведзичи». Первая часть уже печатается. Тов. Бядуля пишет повесть о пограничной деревне и т.п. Я не имею возможности всех перечислять. В ближайшее время в нашей белорусской действительности будет стоять праздником <так!>, перед реализованными новыми достижениями советской литературы, обусловленными и стимулированными решениями ЦК партии.

Я тут говорил про настроения одной части писателей, однако, были и другие настроения. Правда, они незначительные по количеству, но характерны по своему качеству. Некоторые писатели восприняли постановление ЦК партии, как своеобразную амнистию, как реабилитацию того вредного, не нашего, что было в их прошлом творчестве и которое совсем правильно было осуждено в ней критикой, как враждебное духу ленинской нацполитики. Где-нигде <так!> раздавались нотки желания уменьшить не только положительную работу БелАПП, но принизить значение достижений пролетарской литературы вообще. Где-нигде прозвучали и реваншистские настроения, идущие по линии желаний отстранить от руководства, от работы в Оргкомитете товарищей, бывших в руководстве БелАПП. Но еще раз повторяю, что эти настроения единиц и некоторых писателей, которые солидаризировались с такими настроениями, признаны неправильными и ошибочными.

Мы живем, и наша литература развивается не в безвоздушном пространстве, а в условиях классовой борьбы, причем в условиях, когда классовая борьба на отдельных участках и отдельных районах, безусловно, обостряется. Надо иметь в виду, что процесс поворота массы интеллигенции к активному участию в ее соцстроительстве не может идти и не идет плавно, ровно, она неизбежно в

силу целого ряда причин, связана с некоторыми шатаниями, временами у некоторых даже оглядкой на прошлое и т.п.

Несколько слов про работу Оргкомитета. Мне кажется, что наш Оргкомитет, проделав большую положительную работу, к примеру, творческие командировки, которые практиковались Оргкомитетом, посылки писателей на «заготовки сырья» для творческой работы, мобилизация внимания вокруг писательских масс, вокруг оборонной тематики, что у нас в пограничных условиях приобретает особенно актуальное значение, — эта работа, безусловно, большая. Реорганизован журнал «Полюмя» в «Полюмя Рэвалюции», он уже вышел и начинает выходить регулярно, реорганизован журнал «Молодняк» и журнал «Заклик», организован новый военно-оборонный журнал «Напагатове», который выходит на двух языках, а при наличии шрифта будет выходить еще и на украинском языке.

Отмечая значительную работу Оргкомитета, мы не можем, однако, затемнить существующие недостатки, которые есть в его работе. Тут надо указать на то, что Оргкомитет чрезвычайно медленно раскачивается с критикой отрицательного БелАППовского наследства, не развернул еще до этого времени борьбы против рецидивов групповщины, не развернул как следует самокритику, не всегда подхватывает, не всегда умеет возглавить ту великую активность, какую проявляет сейчас советский писатель. И не случаен факт, что мы имеем жалобы со стороны наших писателей, что мы не всегда помогаем в достаточной мере.

Нужно отметить большую работу, проведенную за последнее время по материально-бытовым вопросам. Надо сказать, что в этих вопросах ЦК КП(б)Б очень внимательно отнёсся к этим вопросам. За последнее время нам удалось организовать Литфонд и поставить вопрос и разработать проект постройки дома писателей. Значительно улучшить материальное положение писателей. Все это, безусловно, надо зачесть в актив Оргкомитету.

Необходимо остановиться еще на массовой работе Оргкомитета — на положении кружков. Товарищи, выступавшие от национальных республик, говорили, что с кружками за последнее время дело обстоит не совсем гладко. Эти же явления характерны для Белоруссии. Одним из существенных недостатков работы Оргкомитета является то, что он чрезвычайно медленно, неповоротливо принял эти кружки от БелАПП и БелЛОКАФ, но постарался по примеру РСФСРовского Оргкомитета проверить работу кружков и наладить в них систематическую работу.

Несколько слов о критике.

Все выступающие жалуются, что плохо с критикой. Мы не создали еще такой литературной критики, которая была бы критикой в полном смысле этого слова, которая бы ориентировала советскую общественность в делах художественного творчества.

Я уже говорил, что наша критика допускала много существенных, непростительных ошибок по отношению к советским писателям. Однако, было бы неправильно говорить, что то наследство в области критики, которое получил Оргкомитет от Белорусской Ассоциации Пролетарских Писателей, является только отрицательным. В активе нашей критики много положительного, что и для дальнейшего развития является фундаментом, на котором мы будем дальше создавать подлинную литературно-художественную критику. Однако, и после постановления ЦК партии были кое-где критические выступления, в прямо противоположном духе и смысле постановлению ЦК. Наиболее характерно выступление в журнале «Полюмя Револуции» и в газете «Звязда». В последней после публикации начинающего поэта Шаповалова³⁰ критики ухитрились так <его> критиковать, что одновременно обвинили поэта в формализме — это за то, что он будто бы не ищет за словом смысла, в троцкизме, в плагиатстве<так!> и т.п. Тон критики совершенно несвойственный тону, приличествующему для нашей критики и несвойственный традициям большевистской печати.

Мы имели в последнее время выступления в критике явно тенденциозного характера. Я имею в виду критическое выступление Седуры³¹ против сборника белорусских писателей, изданного в Москве, где автор ухитрился приписать ряду писателей и критиков совершенно противоположное тому, что они пишут и что они думали, — есть еще такого рода критика, она еще не уничтожена, и Оргкомитет проявил недостаточно активности в борьбе против такой вульгаризаторской критики, которая прорывается то там, то здесь на страницах отдельных журналов или газет, и даже в такой уважаемой газете, как центральный орган нашей партии — «Звязда». Нужно сказать, что в настоящее время в связи с

³⁰ Шаповалов Иван Евдокимович (1907–1941), белорусский поэт, прозаик. Писал на русском языке. Публиковался с 1931 г. Член СП БССР с 1934 г. Опубликовал несколько поэтических сборников, книг прозы.

³¹ Седура Владимир Ильич (1910–1997), белорусский прозаик, литературовед, искусствовед. Член БелАПП (1931). Кандидат филологических наук (1941). Арестован в 1933 г., сослан на 2 года. В 1944 г. выехал в Германию, с 1951 г. жил в США. Со статьями и рецензиями активно выступал с 1929 г.

обострившейся классовой борьбой мы имеем и оживление такого порядка явлений, как оживление великодержавного шовинизма, как оживление белорусского национализма, стремящегося про-рваться опять-таки через литературу, через критику.

Буду говорить об отношениях белорусской литературы, скажем, с ГИХЛом. Они известны. Эти отношения не стимулируют стремления наших писателей выйти за пределы своей республики, временами преодолеть ту провинциальную ограниченность, которая, к сожалению, не изжита в нашей литературе.

Я имею в виду несколько фактов. О переводе на русский язык белорусских произведений мы говорим несколько лет, много лет говорим, а между тем, дело из рук вон плохо обстоит. На сегодняшний день мы имеем только книгу т. Александровича, переведённую на русский язык за последние два года, причем перевод и работа над этой книгой продолжалась года два с лишним.

Произведение Головача «Сполох на загонах» вышло у нас вторым изданием уже. Это произведение, которое получило оценку, как произведение, поднимающее на новую, более высокую ступень белорусскую литературу, до сих пор не вышло на русском языке. Почему? Первое издание редактору ГИХЛа кое-чем не понравилось. Пока он размышлял, у нас первое издание разошлось, и писатель подготовил второе издание со значительными исправлениями и прислал в ГИХЛ. Недавно мы получили письмо т. Жемчужиной, примерно такого содержания: «Тов. Головач, познакомились с Вашим вторым изданием. Оно значительно лучше первого. Однако, если Вы сделаете только такие-то исправления и введете партийную ячейку в деревню, мы сможем это напечатать».

В произведениях Головача отражаются процессы коллективизации, и партийная ячейка у него не показана. Вот ему предлагают ввести ячейку — тогда произведение может быть переведено на русский язык.

Такие же фокусы ГИХЛ проделывает и по отношению к т. Линкову и другим выдающимся писателям Советской Белоруссии, которые заслужили и вправе требовать, чтобы их читал и русский читатель, и читатель других национальностей.

Мы имеем в последнее время оживление и националистических тенденций, причем чрезвычайно тонкое, чрезвычайно искусное. Эти тенденции идут сейчас и активизируются в том направлении, чтобы, во-первых, развенчать ту борьбу, которую проводила партия с белорусским национализмом, чтобы всяческими способами реабилитировать контрреволюционный национал-демократизм, чтобы временами, даже прикрываясь борьбой против

великодержавного шовинизма, протащить националистическую, национал-демократическую контрабанду.

Я имею в виду здесь и такого рода выступления, как охаивание, оплевывание белорусской советской литературы, старой дореволюционной литературы с сильным акцентом в пользу старой, дореволюционной литературы. Так, один из критиков, говоря о писателе старом, указывает на его большой талант, его большие художественные достижения, обобщает: «Вообще говоря, мы много разговариваем о созидании такой литературы (т.е. большой литературы), спорим, ломаем перья, фигурируем на страницах гонорарных ведомостей, толкаемся около окон издательских касс, презрительно фыркаем по адресу наших предшественников, и тем временем конкретно очень мало делаем для того, чтобы обогатить литературу и т.п.

Если взять статью в целом, то автор не находит ничего положительного в белорусской литературе, так как его высказывания относятся не к отдельным неудачам, а ко всей советской литературе.

Можно было бы указать здесь еще на ряд других очень существенных моментов, ошибок и враждебных проявлений, против которых нам нужно будет вести борьбу, но, однако, время мое истекло, и на этом заканчиваю свою характеристику белорусской литературы и свое сообщение.

<1932>

И. Б. Лаптенюк

**ПРАВО НА ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРИЗНАНИЕ:
ИЗ ПЕРЕПИСКИ Я. МАВРА С ПЕРЕВОДЧИКАМИ
И РЕДАКТОРАМИ ЕГО КНИГ**

Янка Мавр (Иван Михайлович Федоров; 1883–1971) — родоначальник белорусской детской литературы. Дебютировал в 1923 г. как фельетонист — в газете «Советская Белоруссия» и ленинградском юмористическом журнале «Бегемот». Его первые художественные произведения появились в начале второго десятилетия прошлого века, в период становления белорусской советской детской литературы, когда в стране отсутствовал весомый опыт издания детских книг.

В 20-е гг. XX века Я. Мавр создал знаковые для национальной литературы произведения, среди которых — первая научно-фантастическая повесть «Чалавек ідзе», повести приключенческого и научно-познавательного жанров — «У краіне райскай птушкі» и «Сын вады», первый в детской литературе отклик на реальные исторические события в форме романа — «Амок», драматические рассказы «Слёзы Тубі», «Незвычайная прынада» и «Лацароні», фантастические сказки «Вандраванне па зорках», «Пекла» и др.

Писатель умело использовал художественные приемы классиков мировой литературы. В его творчестве встречаются реминисценции из произведений Л. Буссенара, Ж. Верна, Д. Дефо, А. Дюма, Ф. Купера, М. Рида, Г. Хаггарда, Г. Эмара и др.

Новаторские поиски писателя основывались на тесной связи с литературными традициями и не всегда вписывались в идейно-функциональную парадигму времени. Произведения Я. Мавра приключенческого жанра были первыми не только в Беларуси, но и во всем Советском Союзе. Писатель отмечал, что этот жанр с трудом прокладывал себе дорогу к читательской аудитории, «застревая» на этапе идеологической чистки: «В то время это был “предосудительный” жанр, ничего хорошего автору не дававший. Но я сознательно шел по такому пути, зная, как эти книги нужны нам. И действительно — они быстро завоевали все молодое поколение Белоруссии и “скрепя сердце” выдавались изданием за изданием» [4, с. 1].

Несмотря на то, что Я. Мавр прочно вошел в литературу в начале 20-х гг. XX в., довольно продолжительное время он оставался неизвестным литературной критике. Период 1924–1934 гг. писатель называл «подпольным»: «Литературная общественность “не знала” о существовании такого автора и таких книг. Вспоминать имя автора считалось неудобным» [4, с. 1].

В начале 30-х гг. XX века наблюдалось видимое ухудшение общественно-политического климата в стране. Именно в это время в журнале «Маладняк» (1930, № 2), органе Белорусской ассоциации пролетарских писателей (БелАПП), осуществлявшей политику жесткого идеологического контроля, появилась одна из первых ярко отрицательных рецензий на фантастическую сказку Я. Мавра «Пекла»: критик предложил «снять книгу» с полок книжных магазинов как «вредное издание». Формально это был яростный протест против произведения, насыщенного «чертовщиной» и реминисценциями из буржуазной литературы (сказалось сходство с фавулой «Восстания ангелов» А. Франса), однако на самом деле корни отрицательной рецепции находились глубже, в авторской иронии, которая имела негативную идеологическую окраску (пионер, главный герой произведения, «наводит порядок» в аду, управляет «синедрионом» чертей, дьяволов и бесов).

Со второй половины 30-х гг. XX в. начался новый этап творческой деятельности Я. Мавра. Считается, что писатель, насытившись «экзотическим», иноземным материалом, решил обратиться к реалиям окружающей его действительности и отразить глобальные перспективы ее преобразования.

Однако, на наш взгляд, творческое переосмысление идейно-тематической направленности произведений возникло у автора под непосредственным воздействием идеологических приоритетов вышеозначенного периода и тенденций развития литературного процесса. Отображение современности являлось трендом советской литературы 30-х гг. XX века. В это время созданы «Поднятая целина» М. Шолохова, «Страна Муравия» А. Твардовского, «Бруски» Ф. Панферова и др. Соответствующая тематика была принесена и в детскую литературу. Среди «заказных» тем: отражение жизни советской страны, ее производства, участия молодых кадров в строительстве социализма, деятельности пионерской организации.

В это время Я. Мавром написаны повесть «Палескія рабінзоны», которая рассказывала о приключениях подростков на Полесье, утопическая «Аповесць будучых дзён» — о коммунистическом будущем, приключенческая повесть «ТВТ» — о трудовом воспитании маленьких граждан.

Вместе с тем отношение к писателю со стороны идеологов оставалось критическим. Творчество писателя рассматривалось под ярко выраженным социологическим взглядом. В статье «Дзіцячая літаратура патрабуе сур'ёзнай увагі» (1933) В. Селиванова обвинила писателя в аполитичности, назвала «опасной» его тягу к «чистой природе», которая, по ее мнению, вызвана «еще непобежденной автором мелко-буржуазной ограниченностью его мировоззрения», в результате чего общественно-социальные проблемы стали для писателя всего лишь фоном, который затмил многогранный социальный мир огромной массой природно-географических фактов. В статье С. Давидович «Янка Маўр» (1936) неудачными объявлены «Человек идет», «Амок», «В стране райской птицы» и другие произведения писателя. Кроме прежних обвинений, возникли и более серьезные: слабое представление писателя о теории марксизма-ленинизма, отсутствие ясного и правильного понимания классовых и партийных отношений в обществе, недостаточная активность на литературном фронте в борьбе за советскую литературу и др.

Сам писатель считал, что критика его произведений являлась неконструктивной, не затрагивала вопросы художественно-эстетической ценности, особенности стиля и писательского подхода. Он отмечал, что нередко ее основной задачей было выявление негативных отношений путем бездоказательных обвинений: «Из этой критики я смог сделать только один вывод: хорошо бы, чтобы критики читали то, что они критикуют. Тревожные сигналы вызвала статья Войнич в “ЛіМ”е [газете «Литература и искусство»] под названием “Чаму могуць навучыць дзяцей такія кнігі”. Из этой статьи я узнал, что книги “Шлях з цемры” и “У краіне райскай птушкі” написаны только для того, чтобы принести детям вред <...>. Даже традиционного заключительного абзаца “Не смотря на все это...” в статье не было. Вместо этого была категоричная концовка — “Явный брак”» (тут и далее перевод автора статьи — И. Л.) [5, с. 1–2].

Литературная слава и официальное признание пришли к Я. Мавру лишь в послевоенный период. Переломным моментом стало празднование 65-летия писателя и его творческого юбилея в 1948 г. В газетах «Літаратура і мастацтва», «Чырвоная змена» и «Савецкі селянін», журналах «Беларусь» і «Полымя» появились статьи о писательском мастерстве Я. Мавра: «Янка Маўр» (к 65-летию со дня рождения и 25-летию литературной деятельности) и «Шлях пісьменніка» А. Якимовича, «Янка Маўр» В. Мехова, «Творы для дзяцей» Н. Перкина, «Любімы пісьменнік дзетвары»

С. Нортмана и др. Я. Мавр отмечал, что только через 22 года своей литературной деятельности он «начал чувствовать вокруг себя некую атмосферу уважения, в основном со стороны молодых писателей», которые в свое время были его читателями [3, с. 2].

В выяснении объективных причин ситуации позднего признания и ее авторского видения важным представляется изучение процесса формирования мнений о писателе и его произведениях, которые высказывались авторитетными участниками литературной системы, к числу которых можно отнести не только литературоведов, литературных критиков, но и переводчиков и редакторов его книг, так как от них многое зависело в процессе перевосоздания художественного единства авторского произведения.

Особого внимания требует рассмотрение вопросов издания произведений писателя за рубежом. Я. Мавр был в некотором смысле интернациональным писателем, являясь одним из известнейших эсперантистов Беларуси. В 1926 г. он вел на радио передачу на эсперанто. Благодаря переписке с эсперантистами всего мира Я. Мавр собирал необходимую достоверную информацию для написания своих произведений. Например, сведения для романа «Амок» ему поставлял преподаватель-эсперантист с острова Ява.

Произведения Я. Мавра переведены на азербайджанский, армянский, болгарский, грузинский, еврейский, казахский, китайский, латышский, литовский, молдавский, немецкий, польский, румынский, русский, таджикский, украинский, чешский и другие языки. Его книги изданы в Америке, Англии, Китае, Литве, Польше, России, Украине и других странах.

Отдельные его произведения появлялись в переводе на иностранные языки вскоре после их опубликования на языке оригинала. Так, в 1930-х гг. изданы на украинском языке — «Амок» (1932), на польском языке — «Аповесць будучых дзён» (1934), «ТВТ» (1935) и «У краіне райскай птушкі» (1935), на литовском языке — «ТВТ» (1936).

Я. Мавр перевел известные произведения русской классической и советской литературы на белорусский язык: «Детвора» А. Чехова, «Лисичкин хлеб» М. Пришвина, «Аленушкины сказки» Д. Мамина-Сибиряка, «Школа» А. Гайдара, «Турксиб» В. Шкловского и др. Среди его переводов мировой литературной классики — «Приключения Тома Сойера» и «Принц и нищий» М. Твена, «Маугли» Р. Киплинга, «Девяносто третий год» В. Гюго, «Дикие лебеди» Г. Андерсена и др.

На русском языке за пределами Беларуси вышли сборники его произведений: «Избранное: повести и рассказы» (1958), «Рас-

сказы» (1953), «За тридевять земель: повести и рассказы» (1957) и др. Некоторые произведения публиковались в составе изданий «Антология белорусской литературы» (1934), «Белорусские рассказы» (1948), «Возрожденная земля» (1954) и др. Отдельными изданиями вышли «ТВТ» (1956), «Человек идет» (1960), «Сын воды. В стране райской птицы. Амок: повести» (1962), «Амок» (1964), «Полесские робинзоны» (1966), «Путь из тьмы» (1968) и др.

Переписка Я. Мавра и А. Тонкеля, хранящаяся в Белорусском государственном музее-архиве литературы и искусства, открывает малоизвестные грани творческой индивидуальности белорусского писателя, раскрывает историю создания его произведений и их переводов.

Совместная творческая работа Я. Мавра и А. Тонкеля, который был переводчиком его произведений на русский язык, продолжалась на протяжении полутора десятилетий. В период с 1956 по 1968 гг. А. Тонкель перевел «ТВТ, или повесть о том, как пионеры возмутились против гнета вещей и удивили весь мир, как они научились видеть то, чего другие не видят, и как Цыбук добывал очки» / «ТВТ, або Апавяданне пра тое, як піянеры ўзбунтаваліся супраць уціску рэчаў і здзівілі ўвесь свет, як яны навучыліся бачыць тое, чаго іншыя не бачаць, і як Цыбук здабываў ачкі» (1956), «В стране райской птицы» / «У краіне райскай птушкі» (1960), «Сын воды» / «Сын вады» (1960), «Человек идет» / «Чалавек ідзе» (1960), «Амок» / «Амок» (1964), «Полесские робинзоны» / «Палескія рабінзоны» (1968), «Путь из тьмы» / «Шлях з цемры» (1968).

Началось сотрудничество Я. Мавра и А. Тонкеля с решения вопросов, связанных с переводом на русский язык повести «ТВТ». Судя по материалам переписки, Я. Мавр на этот момент уже фактически разуверился в реальной возможности его подготовки. С «ТВТ» связана длительная и, в некотором смысле, казусная история, которая затрагивает проблемы литературного признания произведения, отражения социально-идеологических маркеров времени на процессах развития детской литературы.

Повесть «ТВТ» написана в 1934 г. После выхода произведения в Беларуси до его издания на русском языке в переводе А. Тонкеля прошло 22 года, в течение которых писателя периодически пытались заставить его переписать.

В момент первого издания повести ее сопровождал успех. Свидетельством тому является присуждение писателю Первой премии на Всебелорусском конкурсе детской книги. В письме Я. Мавра к А. Тонкелю от 05.03.1955 рассказывается, что рукописью произведения заинтересовался М. Горький и попросил прислать ему.

Повесть была спешно переведена на русский язык и выслана. По свидетельству Я. Мавра, это произошло накануне Первого съезда писателей СССР (1934). В связи с нехваткой времени «Горький мог только бегло просмотреть ее и отдал Маршаку со словами: “Посмотрите, кажется, что-то интересное”. Маршак передал “Молодой Гвардии”, там она и погибла» [6, ф. 290, д. 101]. Вместе с тем, на I съезде писателей СССР С. Маршак в своем докладе «О большой литературе для маленьких», говоря о литературных достижениях, отметил и «значительную школьную повесть, написанную в Белоруссии» [2, с. 38]. Однако в то время книга так и не была издана — «как идейно порочная» [6, ф. 290, д. 101].

С точки зрения Я. Мавра, трудности возникли с неприятием идеи повести, связанной с неконтролируемой самоорганизацией трудовой внешкольной деятельности ребенка. В повести рассказывается о том, как ребята младших классов организовали Товарищество Воинствующих Техников — в помощь учителям, родителям, другим людям, нуждающимся в их услугах. Через игру ребята собственными силами исправляют неисправности, наводят порядок и практически обживают мир. Однако «ни в каких инструкциях не сказано, что такие “организации”, как ТВТ, могут существовать» [6, ф. 290, д. 101]. Автор приводит факты внедрения идеи в реальную жизнь, когда в городах Беларуси и бывшего Советского Союза в широком масштабе «вспыхнуло» движение ТВТ — в Бресте, Пинске, Кобрине, Калининграде, Иванове, Ставрополе, Петрозаводске, Электронаре. Я. Мавр с горечью пишет А. Тонкелю: «... опасность своевременно была замечена руководством комсомола (Москва, Минск) и пресечена в корне. Вот почему я не верю, что вам удастся протащить зловредную книгу» [6, ф. 290, д. 101].

«ТВТ» тематически перекликается с повестью А. Гайдара «Тимур и его команда», которая фактически положила начало тимуровскому движению, ставившему своей целью добровольную помощь пионеров ветеранам и просто пожилым людям. Однако произведение белорусского писателя было опубликовано на шесть лет раньше.

Письмо Я. Мавру от 10.07.1950 из Ленинградского отделения Детгиза, подписанное его директором Д. Чевычеловым и главным редактором С. Шиллегодским, хранящееся в Белорусском государственном музее истории белорусской литературы, свидетельствует о том, что текст произведения в его оригинальном виде (Белгосиздат, Минск, 1949) не удовлетворял издательство.

С одной стороны, в высказанных редакцией замечаниях нашли отражение распространенные в то время рамочные подхо-

ды к детской литературе, в соответствии с которыми выдумка и фантазия не могут относиться к реальной жизни, которая в свою очередь, не может быть подвержена критике. В письме высказываются следующие замечания: «Нам кажется, что взрослые в повести обеднены, особенно родители. Мать одной девочки не в состоянии указать, как забить гвоздь, отец мальчика не может догадаться, как ввернуть винт, целая семья ничего не может сделать с перегоревшей пробкой электросети. Колхозники не смотрят за состоянием моста, и это приводит к беде. Может быть, нужно серьезно продумать все поведение взрослых и не допускать такого положения, при котором “яйца учат курицу”»? [9].

С другой стороны, Я. Мавру было указано на то, что все вопросы воспитания должны курироваться школой и пионерской организацией: «Движение, вызванное “ТВТ”, нельзя переоценивать. Оно возможно при наличии глубокой работы школы и пионерской организации по всестороннему воспитанию советских ребят эпохи вступления в коммунизм» [9]. Обозначив еще несколько замечаний, представители Детгиза предложили автору помощь в работе для установления «общей точки зрения» на ТВТ.

На обороте письма расположен рукописный текст — ответ Я. Мавра, на котором обозначена дата (05.08.1950): «Я прекрасно знаю, что многое в моей книге желательно исправить. Но где границы этого “многого”? Сколько бы я ни исправлял, все равно останется основание для предъявления дальнейших требований, как к “нормальному” литературно-художественному произведению. А оно у меня “ненормальное” по своей природе. Если же изменить “природу”, то не будет и произведения. Вот почему я вынужден сложить оружие» [9].

В материалах переписки Я. Мавра с А. Тонкелем мы находим сведения об истории создания «ТВТ». В письме от 02.01.1962 Я. Мавр рассказывает: произведение зародилось из «ремесленного воспитания и из духа моей семьи, где мы все привыкли сами справляться с вещами... Недоступного в нашей семье не было ничего» [6, ф. 290, д. 101].

Я. Мавр считал, что все люди, начиная с детского возраста, постепенно должны становиться настоящими хозяевами путем вовлечения в повседневную трудовую деятельность [1, с. 763]. С точки зрения автора, книга учит читателя важным вещам: тот, кто добровольно исправил вред, сделанный кем-то другим, — сам уже никогда этого не сделает; не трудно столкнуть в сторону камень с тротуара, гораздо труднее обратить на него внимание; учиться по-хозяйски относиться к вещам, которые тебя окружают; не будь

равнодушным, заботливо относиться к своим родным, товарищам, старшим.

Осмысление данной темы продолжено писателем и в письме от 25.05.1955. Я. Мавр обращает внимание А. Тонкеля на «проблемную сторону» повести и подчеркивает, что главное достоинство «ТВТ» — жизненность истоков произведения, отражение существующих в обществе проблем и выявление отношения к их решению со стороны граждан — и это именно то, что ставится под сомнение «цензорами»: «Возмущаться надо этим, бороться, а не замазывать елеем. И я чувствую, что буду не в состоянии замазывать. Я знаю, что для пуганых ворон в книге найдется достаточно повода, чтобы испугаться авангардизма, но такой установки у меня не было» [6, ф. 290, д. 101].

Письмо А. Тонкеля от 12.01.1956, адресованное Я. Мавру, рассказывает о проведенной с Детгизом работе и начале подготовки книги к печати. Переводчик радостно и с легким юмором извещает писателя о долгожданном событии — начале общения с русским читателем: «И так ... совсем уж скоро “слух” о Вас пройдет по всей Руси великой и имя Ваше назовет всяк сущий в ней язык!» [7, ф. 290, д. 84].

Следует отметить, что и в дальнейшем, после выхода «ТВТ», А. Тонкель обращал внимание на восприятие книги зарубежным читателем. Зная, насколько это важно для автора, он извещал Я. Мавра об известных ему фактах и событиях. Так, в своем письме от 30.11.1956 он рассказывает об отзывах, поступающих в Детгиз, их теплоте и задушевности. А. Тонкель подчеркивает, что массовый советский читатель полюбил произведение и не понимает причин, по которым оно пришло к ним с опозданием на два десятилетия, домысливая казусность ситуации по-своему: «Между прочим спрашивают: почему автор написал последнюю главу пятнадцать лет спустя? Для пушей важности, что ли? Не может быть, чтобы такую хорошую книгу так долго не издавали» [7, ф. 290, д. 84].

Несмотря на то, что стремление издать «ТВТ» на русском языке получило логичное завершение, тема неприятия произведения оставалась «больной» для писателя на протяжении дальнейшей жизни. В письме А. Тонкелю от 15.12.1956 Я. Мавр отмечал: «... комсомол, пожалуй, и до сих пор глядит на нее косо, потому что деятельность по ней не подходит ни к какому параграфу инструкций. Когда лет семь назад в Бресте, Пинске, Кобрине началось движение “ТВТ”, то комсомол постарался прекратить такое безобразие. У меня где-то есть “исторический документ”, присланный из Москвы в Брест <...>» [6, ф. 290, д. 101].

После выхода «ТВТ» (в переводе А. Тонкеля, 1956) книга переиздавалась еще пять раз. В письме от 17.07.1963 Я. Мавр с удовлетворением и некоторым сарказмом отмечал: «... моральное удовлетворение испытываю громадное. Особенно от того, что книжица, написанная 30 лет тому назад, не стареет, а молодеет (как и ее автор)» [6, ф. 290, д. 101].

Когда при подготовке очередного издания «ТВТ» Я. Мавру поступило предложение от А. Тонкеля направить повесть на рецензию С. Маршаку, им все еще руководило стремление «реабилитировать» произведение и добиться его признания в авторитетных литературных кругах. Я. Мавр безоговорочно поддержал инициативу А. Тонкеля: «Ему будет интересно узнать, что книга жила и переиздавалась в Белоруссии, а Москва и Ленинград ее не признавали... А теперь вдруг 115 тысяч, молниеносно раскупленных, большая благоприятная передача по радио и стыдливое молчанье прессы» [6, ф. 290, д. 101].

О сложностях литературного признания свидетельствуют и материалы переписки Я. Мавра с Б. Яковлевым, советским литературоведом, исследователем ленинианы, хранящиеся в Белорусском государственном архиве-музее литературы и искусства.

В 1958 г. опубликованы его переводы на русский язык следующих произведений Я. Мавра: повести «Полесские робинзоны» («Палескія рабінзоны»), «Путь из мрака» («Шлях з цемры») и «Человек идет» («Чалавек ідзе»), рассказов «Деревянная ложка» («Драўляная лыжка»), «Записка» («Запіска»), «Лаццарони» («Лаццароні»), «Максимка» («Максімка»), «На льдине» («На крызе»), «Необыкновенная приманка» («Нязвычайная прынада»), «Путешествие вокруг дома» («Падарожжа вакол дома»), «Семья» («Сям'я»), «Синьора Эмилия» («Цётка Эмілія»), «Слёзы Туби» («Слёзы Тубі»), «Фуражка» («Шапка»), сказка «Путешествие в преисподнюю» («Пекла»).

Письма от Б. Яковлева за 1955 г. раскрывают ход работы над подготовкой переводов произведений «Цётка Эмілія» и «Шлях з цемры». Б. Яковлев информирует автора о внесенных им изменениях в текст рассказа «Цётка Эмілія». Несмотря на то, что переводчик их именует «незначительными», описание текстовых изменений свидетельствует об их существенности: по совету «ряда знатоков итальянского быта, истории и литературы» Б. Яковлев изменил фамилии нескольких действующих лиц; ввел, вместо приведенных в тексте произведения и придуманных автором, подлинных названия улиц, существующих в Турине; для привнесения итальянского звучания дал фамилию Эмилии.

Б. Яковлев посчитал нужным вмешаться в стилистику произведения: «я, после длительных и всесторонних обсуждений с редактором сборника Е. Р. Рамм, согласился с пожеланиями, направленными к тому, чтобы устранить чужеродные всему идейно-художественному замыслу Вашего рассказа черты плакатности» [8, ф. 290, д. 87].

Помимо того, переводчик решил, что писателем недостаточно четко обозначен в произведении читательский адрес, и для более четкой его конкретизации в тексте сделал ряд своих правок: «рассказ был, видимо, рассчитан Вами прежде всего на юных читателей, нуждающихся в ряде пояснений, совсем необязательных для взрослого читателя. Нам хотелось поэтому придать рассказу большую сжатость, стремительность...» [8, ф. 290, д. 87].

В художественное произведение по воле Б. Яковлева были привнесены определенные идеологические каноны из дипломатической практики, которые показались переводчику более уместными, нежели творческий вымысел. С его точки зрения, «необходимо было также учесть распространяющиеся и на художественную литературу указания о тоне и характере наших выступлений на междunarодные темы» [8, ф. 290, д. 87].

Б. Яковлев проявлял себя при работе над переводами произведений Я. Мавра в первую очередь не как переводчик (прилагающий массу усилий, чтобы «раствориться» в оригинальном произведении и воссоздать как можно точнее авторский стиль), а как литературный критик и редактор, который считает, что он вправе вмешиваться в содержание и стиль произведения в соответствии со своей субъективной точкой зрения. В своем письме от 20.05.1955 Б. Яковлев свысока говорит о творчестве белорусского писателя, демонстрируя авторитетность своего мнения и высоту профессионального статуса. Обращаясь к адресату, он говорит о нем в третьем лице: «У этого писателя <...> порой проявляются явные натуралистические передержки (вроде, скажем, малоблагоуханной лужи, которую геройски преодолевает маленький герой “Пути из мрака”) или беллетристические просчеты (например, чрезмерное множество змей в “Амоке”), но в целом это писатель своеобразный <...>, занимательный и, что особенно мне дорого, глубоко интернационалистический» [8, ф. 290, д. 87]. Тон его общения в процессе переписки с Я. Мавром — снисходительно-скептический. Выбрав для перевода автобиографическую повесть «Шлях з цемры», переводчик обращается к автору: «Мне думается, что книга Ваша немногим уступает превосходному автобиографическому циклу Ф. В. Гладкова» [8, ф. 290, д. 87].

Сложности, связанные с литературным непризнанием, оказали на Я. Мавра значительное воздействие, и поэтому атмосфера уважения до конца его жизни воспринималась им как несколько неудобная, несмотря на рационализм писателя: «Много месяцев я не мог привыкнуть к этой атмосфере, не верил ей, подозревал “подвох”, даже злился. Только через несколько лет, постепенно я привык к этому и поверил, что меня действительно уважают как старого и настоящего писателя. Одновременно с этим у меня сразу возросло чувство ответственности и требовательности к себе. И могу сказать, что привыкнуть к этому сейчас, на старости лет, очень трудно» [3, с. 2].

Ситуация, при которой Я. Мавр был вынужден завоевывать себе место под солнцем, оказала влияние на его самоощущение и самооценку как творческой личности, что нашло отражение в его письме А. Тонкелю от 14.01.1961: «Оглядываясь на свой литературный путь, я всегда испытываю одно и то же чувство: горькую досаду, обиду, что из 40 лет своей литературной работы я только в последние 15 лет узнал, что из меня мог бы выйти настоящий, хороший, интересный писатель. А предыдущие 25 лет так привык к пренебрежению от моих собратьев по перу, что и сам стал относиться к своему ремеслу пренебрежительно, не придавая ему никакого значения. А когда я, наконец, поверил в себя, то уже было поздно» [6, ф. 290, д. 101].

Преодолевая сопротивление, Я. Мавр глубоко и всесторонне отражал в своих произведениях ценность общечеловеческих взаимоотношений, формировал негасимое желание к постижению богатого окружающего мира, изучению значимых исторических событий, осмыслению человеческой жизни, раскрытию фантазии и творческих способностей личности. И, возможно, поэтому, независимо от изменения маркеров внешней литературно-критической рецепции, его произведения пользовались у читателей — и на родине, и за рубежом — неизменной популярностью, что свидетельствует об их безусловном публичном литературном признании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гурэвіч, Э. С. Янка Маўр / Э. С. Гурэвіч // Гісторыя беларускай літаратуры XX стагоддзя: у 4 т. Мінск, 1999. Т. 2: 1921–1941. С. 747–770.
2. Маршак, С. Я. О большой литературе для маленьких / С. Я. Маршак. М., 1934. 64 с.
3. Маўр, Я. Аўтабіяграфічныя нататкі / Я. Маўр // Государственный музей истории белорусской литературы. КП 32548.
4. Маўр, Я. Моя литературная работа / Я. Маўр // Государственный музей истории белорусской литературы. КП 19708.
5. Маўр, Я. Чаму навучыла мяне крытыка / Я. Маўр // Государственный музей истории белорусской литературы. КП 32549.
6. Переписка Я. Мавра с А. Л. Тонкелем // Белорусский государственный архив-музей литературы и искусства. Ф. 290. Оп. 1. Д. 101.
7. Письма от Тонкеля А. Л. // Белорусский государственный архив-музей литературы и искусства. Ф. 290. Оп. 1. Д. 84.
8. Письма от Яковлева Б. В. // Белорусский государственный архив-музей литературы и искусства. Ф. 290. Оп. 1. Д. 87.
9. Письмо из Государственного издательства детской литературы, Ленинградского отделения, Я. Мавру // Государственный музей истории белорусской литературы. — «Вандроўнік вакол свету ...» [материалы выставки].

Лаптенюк Ирина Брониславовна — кандидат филологических наук, доцент, директор Института повышения квалификации и переподготовки кадров учреждения образования «Белорусский государственный университет культуры и искусств» (Беларусь, г. Минск), e-mail: Laptenokirina@tut.by

Э. В. Дроздова

**ПЕРЕПИСКА
ЯКУБА КОЛАСА С РУССКИМИ ПИСАТЕЛЯМИ
СЕРГЕЕМ ГОРОДЕЦКИМ И МИХАИЛОМ ИСАКОВСКИМ**

Переписка того или иного писателя-классика — интереснейшая форма его деятельности, неотделимая от его поэтического, прозаического творчества, хоть ее нередко рассматривают как что-то дополнительное, помещая в заключительных томах собрания сочинений, не уделяя должного внимания ее художественной и познавательной ценности. Впрочем, думается, так обстоит дело с эпистолярным жанром классиков не во всех национальных литературах. Например, этого не скажешь о французской литературе, где современные писатели-экспериментаторы при большом отступлении от классики (но не разрыва с ней) с какой-то особенной любовью говорят о национальном наследии. И в чтении переписки своих литературных гениев не только находят огромное удовольствие, но и черпают силы для поддержания духовного здоровья. Крупнейший современный писатель Франции Фредерик Бегбедер в своем романе «Романтический эгоист» устами главного героя говорит: «Вместо того, чтобы заниматься сексом, читаю переписку Флобера». Конечно, он сравнивает разные вещи, но этим подчеркивает именно состояние радости и глубокого волнения от соприкосновения с удивительно богатым и широким миром мыслей и чувств великого мастера слова.

Авторитет Флобера, названного властелином мыслей и чувств целых поколений Франции, не пошатнулся и в современном обществе этой страны. Тут и там — и в художественных произведениях, и в публичных выступлениях литераторов Франции — находим ссылки на Флобера, его дневники, переписку. Не только Фредерик Бегбедер так часто цитирует Флобера, но и его нынешние собратья по перу — Мартен Паж, Виржини Депант. В романе Мартена Пажа «Как я стал идиотом», написанном с юмором, чем-то напоминающим юмор О. Генри, главного героя, двадцатипятилетнего Антуана, утратившего свою индивидуальность, ставшего «как все», «муравьем в муравейнике», друзья, забив тревогу, спасают от этого гибельного состояния, вручив ему издание писем Флобера, переписку великого классика с разными людьми, в которой молодой

человек когда-то находил созвучие со своими мыслями, мечтаниями, страданиями души.

Мы не случайно обратились к особенностям восприятия современными французами-литераторами переписки Флобера. У нас, белорусов, к сожалению, такой глубокой почтительности, такой любви к своей классике нет. А ведь, например, переписка Якуба Коласа для современного читателя-белоруса (да и не только белоруса) могла бы тоже стать не только занимательным, познавательным, но и душеполезным чтением. Письма классика к жене, детям — примеры удивительно трогательной любви, заботы, нежности. Не менее интересны его письма к друзьям, переводчикам его произведений на русский язык, белорусским и русским писателям, разным людям, так или иначе соприкоснувшимся с ним. Особенно многолетней, содержательной и обширной является переписка белорусского классика с русским литератором Сергеем Городецким, переводчиком на русский язык многих его произведений. Более 260 писем Коласа Городецкому напечатаны в 18, 19 и 20 томах Собрания сочинений писателя в двадцати томах. В личном архиве Якуба Коласа ГЛММЯК (Государственного литературно-мемориального музея Якуба Коласа) нами найдено более 90 писем Сергея Городецкого к Коласу (речь идет именно о подлинниках, а не о фотокопиях), не считая почтовых открыток и телеграмм. Частично эта плодотворная переписка уже получила научное осмысление в нашей статье «Как друг другу в дружбе мы нужны»: по материалам переписки Якуба Коласа и Сергея Городецкого (1933–1956)¹. Но эта интереснейшая и активнейшая переписка требует дальнейшего научного анализа и толкования, а в будущем и реализации высказанной внучкой Якуба Коласа В. Д. Мицкевич в статье «“Нам прышласць наша не відна”: Гарадзецкія, Міцкевічы» идеи собрать и издать письма этих двух славянских писателей отдельной книгой (письмо и ответ на него) [3, с. 114]. Тогда эти письма предстанут перед нами как интереснейшие диалоги, многообразие их видов, в которых белорусский и русский поэты прекрасно раскрываются. Их переписка может послужить замечательным материалом для осмысления философии коммуникации и диалога, ведь она не только отражает историю жизни страны, понимание писателями человека и его жизненного назначения, смысла жизни, но и оставляет следы их эмоциональной жизни. Чаще всего

¹ Белорусская земля в документах и воспоминаниях XIX–XX веков. Вып. 1. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 422–441.

Колас и Городецкий — единомышленники, но не так уж редко бывают и антагонистами.

Но более глубокое знакомство с перепиской Коласа и Городецкого показало, что на практике не так легко осуществить идею издания собранных писем белорусского и русского поэтов в форме ответов письма на письмо. Одну из причин отчасти «объясняет» сам белорусский классик в письме к С. Городецкому от 30 июня 1951 г. Приведем отрывки из него:

«Друг дорогой Сережа!

Наша переписка идет регулярно — ни одна сторона не поступает в ущерб другой, и тем не менее она порой обминает сроки, порой наши письма не всегда являются ответами письму на письмо. М.[ожет] б.[ыть], этого и не надо добиваться — мало ли что встречается в пути! С такого вступления начинаю письмо тебе — ответ на твое последнее» [6, с. 544].

Перебирая письма друзей, мы видим, что вопрошающий не всегда получает ответ, а отвечающий не всегда помнит вопрос. И не всегда то, что глубоко волновало одного, по-настоящему занимало внимание другого. И если смотреть на их переписку как на диалог, то можно обнаружить (даже на первый взгляд) здесь исключительно богатство диалогических форм: и диалог-спор, и диалог-исповедь, и диалог-выяснение отношений, и диалог «полного взаимного понимания», и «прекословный» диалог (М. Ломоносов) и платоновский, где ищется истина, и многие-многие другие.

«Настоящий диалог, в котором каждый из участников действительно имеет в виду личность другого и обращается к нему как к личности редок», — отмечал религиозный философ и писатель Мартин Бубер (1878–1965), — называя условием настоящего диалога осознание инакости Другого» [1, с. 109].

Колас и Городецкий в письмах могут поговорить обо всем, что их тревожит, пожаловаться на издательство, на здоровье, погоду и т.д., похвалиться, поделиться впечатлениями об услышанном и увиденном, рассказать о своих планах и трудностях, затронуть вечные проблемы жизни и смерти и даже сердечные тайны, что совсем не было свойственно, как замечает Л. Гинзбург, писателям пушкинской поры: «И пафос гражданственности, и вольтерианский скептицизм характерен для людей этого склада, — пишет исследовательница, — как характерна для них закрытая внутренняя жизнь. Она не открывалась ни дружеской беседе, ни письмам и дневникам (чему свидетельством дневники Пушкина, записные книжки Вяземского и прочее). Она открывалась только ключом поэзии, чтобы в этом, эстетически преобразованном виде стать

достоянием всех читающих. <...> Ни психическое неблагополучие Батюшкова, которое вело его к душевной болезни, ни тяжелая ипохондрия Вяземского, ни бурная эмоциональная жизнь Пушкина почти не оставили следов в их обширной переписке. Люди пушкинской поры в письмах легко сквернословили и с упорным целомудрием скрывали сердечные тайны. Они с удивлением и брезгливостью отвернулись бы от невероятных признаний дружеской переписки 1830–1840-х годов» [2, с. 44].

Анализируя письма Белинского, Л. Гинзбург наблюдает иную картину: «В своих письмах Белинский подробно и беспощадно исследует основную коллизию своей частной жизни. Это — нереализуемая любовь и попытки заглушить “танталовскую жажду любви”, отравленной горечью чувственности» [2, с.108].

Колас и Городецкий знали многие проблемы частной жизни друг друга, дружили семьями, часто бывали друг у друга в гостях. Переписка и дневники поэтов хорошо отражают, говоря словами белорусского классика, их «дипломатические отношения с богом Бахусом», они пестрят упоминаниями об употребляемых ими различных спиртных напитках, пьяных застольях, тревогах жен, что-бы мужа не спились.

В начале пятидесятых годов XX в., когда их здоровье сильно пошатнулось, поэты каждый в отдельности, начинают серьезную борьбу с «зеленым змием», поддерживая друг друга в своих стараниях. В письме от 7 апреля 1951 г. Городецкий делится с Коласом своими убеждениями. «Пить нельзя и, как вижу по долгому уже опыту, не надо. Твое прощанье стихотворное с Бахусом всех приводит в восторг. Будем любить его издали» [13, КП 12 233]. А в письме русского поэта от 28 мая 1951 г. находим следующие строки: «Старость и у меня сказывается, и у нас с тобой этот сказ начался рановато. Не потому-ль, что жили пьяновато.

Попробуй забыть про это зелье. Я четвертый месяц живу в сухом и бездымном законе» [13, КП 12 231].

Перемены от жизни «в сухом и бездымном законе» московского друга Колас замечает и по тону, и по настроению его писем, но сам он не выражает полной готовности изменить жизнь, отказавшись от алкоголя: «С одной стороны, — пишет он Городецкому 30 июня 1951 г., — мне радостно! ты порвал дипломатические отношения с богом Бахусом, и письма твои стали более сердечными, человечными, раздумливыми и мудрыми. Но мне грустно и больно сознавать, что все это — результат болезненности, результат, если хочешь, капитуляции перед трудно победимым могучим Бахусом. И люди вообще не победят его. Нада какая-то иная стратегия: и

пить, и ума не терять, и здоровым быть» [6, с. 545]. И в следующем письме: «С удовольствием читал твое письмо. Твои последние письма стали более мудрыми, чем те, которые писались иногда под влиянием бесшабашного бога Бахуса» (письмо от 12 июля 1951 г.) [6, с. 550].

Колас более реалистично и менее оптимистично смотрит на проблему полного отказа от алкоголя, чем Городецкий, понимая, что для этого нужно вести по-настоящему подвижническую жизнь, чего он, измученный болезнями, совсем не хотел. И даже в последний год своей жизни белорусский классик сообщает русскому поэту: «с Бахусом дружбы не оставляю» (письмо от 24 мая 1956 г.) [6, с. 143].

Заинтересованный медициной и проблемами здоровья человек найдет в переписке друзей интереснейшие сведения о всех доступных методах лечения различных болезней в то время, почерпнет ценные медицинские советы, важную информацию о развитии науки и безграничной вере в нее людей, современников Коласа и Городецкого.

Поэтов разных наций Я. Коласа и С. Городецкого отличало глубокое, большое чувство к их второй половине. В письме к Н. И. Загурской-Поддубной (от 8 декабря 1952 г.) Колас писал: «Мария Дмитриевна, моя покойная жена была самым лучшим другом моим. Такие женщины, как она, попадаются не чаще, чем одна на 10 000 женщин. На моем пути встречалось много красивых девушек и молодых. Некоторыми из них я глубоко восхищался, но перед Марией Дмитриевной я был чист. Скажу более (а Ваше дело — поверить или не поверить): до женитьбы и после женитьбы я никогда не изменил своей жене»² [т. 6, с. 619–620]. Письма Городецкого к Коласу свидетельствуют о том, что русский поэт всё же изредка соглашался на «случайные связи» с другими женщинами, хоть это и давалось ему ценой ужасных мук совести и стыда. Вот строки из письма Городецкого к Коласу от 26 июля 1941 года:

«Дорогой Костусь!

Прости пожалуйста, что я понапрасну затруднял тебя перепиской с женщиной, которая является для меня давно подошедшей падалью и которая называется Алибеговой. Прости, что поставил тебя в неудобное и незавидное перед моей женой положение.

Я дышать не могу без своей жены, ей принадлежит вся моя жизнь, она — единственная помощница моя во всех моих лучших порывах и в моем творчестве.

² Перевод с белорусского наш — З. Д.

Если вследствие каких-то психических аномалий я отрывался от нее, то это стоило мне неслыханных мучений и внутренних пыток, перед которыми мелкое удовлетворенье столь ничтожно и низменно, что стыдно и больно вспоминать.

Твой Сергей» [13, КП 12 332].

17 августа 1941 г. из Ташкента Колас пишет в ответ на это письмо: «Дорогой Сережа!

Впервые в жизни, вернее в переписке с тобой я затрудняюсь сделать начало письма. О чем писать? С чего начать? Передо мной твое последнее письмо от 26/VII. Ничего не понимаю — мистификация ли это или же просто отвод, нежелание со стороны Н.[им-фы] А.[лексеевны], чтобы я писал тебе и вообще поддерживал знакомство с твоим домом. Впрочем, стоит ли сейчас разбираться во всем этом. Мы сейчас далеки друг от друга территориально» [5, с. 317].

Колас любил свою жену, ценил ее преданность и верность, искренне заботился о ее здоровье, сочувствовал, что ей много приходится работать. В письме от 4 июля 1924 г. Коласа к жене находим такие строчки: «Пиши же мне, Марусенька. Я так часто-часто думаю о тебе, думаю, что ты мой самый лучший на свете друг, самая лучшая жена, и мне тебя жалко, Марусенька, что ты так много работаешь, что ты так много переболела душой»³ [5, с. 64].

Но как бы нам не хотелось верить в любовь, пронесенную через всю жизнь, видеть писателей однолюбам — такая счастливая перспектива ожидает все-таки немногих. Поскольку только самая глубокая любовь может удерживать семейного человека от увлечения на стороне, прелюбодеяния мыслью или взглядом, хоть физической измены может и не быть.

Во многих письмах жене Колас высказывает свое восхищение ее высокими нравственными качествами: добротой и необыкновенной жертвенностью, непрестанной заботой о других: «Такие люди, как ты, в жизни очень нужны, как животворные соки этой жизни, потому что живешь ты не для себя...» (письмо от 3, 4 февраля 1942 г.)⁴ [5, с. 350].

Женился Якуб Колас на Марии Каменской, учительнице железнодорожной школы в 1913 году. Женился по любви, посвящая ей стихи, которые не печатал, считая слишком интимными, чтобы заполнять ими страницы газет и журналов. Было ясно, что жена заняла в его сердце очень прочное, очень большое место, которое

³ Перевод с белорусского наш — З. Д.

⁴ Перевод с белорусского наш — З. Д.

уже не могла занять никакая другая женщина, несмотря на все его влюбленности, в основе которых были увлечения красотой внешних форм, талантом, молодостью, как, например, русская поэтесса Светлана Сомова (1911–1990), переводчица произведений Якуба Коласа на русский язык, с которой поэт познакомился в Ташкенте в 1942 г. Она была моложе его на 30 лет. Колас посвятил ей много стихов, она была его музой. У белорусского классика всегда было романтическое отношение к женщине, он не мог допустить при разговоре о ней такой резко пренебрежительный тон, как Городецкий к Алибеговой, называя ее «давно подошедшей падалью». Недаром Городецкий называет своего минского друга «неисправимым рыцарем». Вот строки русского поэта к Коласу из письма от 21 августа 1949 г.: «Дорогой Костусь

“Когда Юпитер сердится, значит он не прав” — говорит латинская поговорка.

А ты рассердился.

Конечно, из-за С.

Уважаю твои чувства, неисправимый рыцарь» [13, КП 12 328].

А перед этим Колас в письме от 5 августа 1949 года замечал: «Пиши, не забывая во имя Ташкента и Светланы, которой ты не любишь, но которую уважаю я» [6, с. 413].

Дневники и письма Коласа выдают его серьезную заинтересованность Сомовой. Вот хоть бы такие строки: «Опустел, осиротел Дом писателя — нет Светланы. Нет от нее и писем» (22/VI 1943) [7, с. 212]. Или в другом месте: «С[ветла]на]? Моя мечта, мое самое лучшее, что дает жизнь. Но она не тянется ко мне. Так оно и есть. А Маруся? Бьет, никакой милости. Боже мой, Боже!»⁵ [7, с. 264].

Можно ли любить жену и одновременно мечтать о другой? Пусть и не имея намерения и мысли бросить семью? Да, но уже сам факт, что в сердце проникла другая, живет там, разве не есть измена? Во всяком случае до последнего не так и далеко, что хорошо понимала Мария Дмитриевна, женщина мудрая, усвоившая сердцем христианское учение о целомудрии и верности, имевшая основания называть мужа «благоневверным» [5, с. 82].

В «Книге ташкентского бытия» Колас записывает: «Что было дома, не знаю: что может знать пьяный человек. Но все-таки наговорил столько глупостей, что 9/VI/ М.[ария] Д.[митриевна] была сама на себя не похожа... А вот расплата: заболела моя М.[аруся]: мой самый лучший, самый верный друг. 10/VI весь день был дома. М.[аруся] меня тревожит.

⁵ Перевод с белорусского наш — З. Д.

Перечитывал свой дневник. Несмотря на то, что характер записей довольно туманный, отрывочный — не могу писать так, как думаю — боюсь, боюсь и того, и другого. Не выходил из дома. Маруся заболела. Никогда такой тяжелой болезни у нее не было. Причина... Ну, что говорить? Может даже и я причина. Моя бедная Маруся! Как близко к сердцу она все принимает. Не знает, что более дорогого человека за нее у меня никого на свете нет»⁶ [7, с. 208–209].

Да, больно ранило жену это платоническое увлечение Коласа: «Бедная Маруся встревожена. Поставила себе задачу выходить, подправить меня. Сказала мне некоторые вещи, которые расстроили меня — “только больше не влюбляйся”. Зачем говорить мне такие вещи»⁷ [7, с. 245].

В письмах, написанных осенью 1948 года к разным людям, Колас говорит об ощущении вины перед женой, о желании поставить памятник на ее могиле, памятник, достойный Маруси — много десятков тысяч будет стоить он. Сообщает он об этом и Городецкому 10 сентября 1948 года: «Из Ленинграда на днях доставлен памятник на могилу М.[арии] Д[митриевны]. Памятник же весит тонн 15. Надо переносить останки моей дорогой Маруси на новое место, где и можно будет поставить памятник. 3000 я уже израсходовал, а еще, пожалуй, пойдет по меньшей мере тысяч пятнадцать. Но я буду вполне удовлетворен, когда увижу могилу жены в человеческом виде» [6, с. 359].

Ставя такой дорогой и прекрасный памятник, Колас, пожалуй, мало отличался от многих тщеславных людей, гордящихся подобными вещами, рассчитанными на внешний эффект, хоть это и было материальным воплощением любви к жене: «И душа моя будет спокойна и спокойна совесть перед памятью такого замечательного человека, как М.[ария] Д.[митриевна]» [6, с. 372]. Городецкого, впрочем, это не очень впечатлило, он сделал акцент на другом: «Хорошо, что не забываешь могилы своей жены. Наших — и моей и твоей жизнью счастье погребено, но там лежат не останки, а начатки новой жизни вдовцов, не умевших уберечь своих голубок, и в страданиях растущих к новой, умудренной болю жизни» (письмо от 11 ноября 1948 г.). В этом же письме Городецкого читаем очень показательные строки о предназначении человека — быть творцом, подобно Творцу всего — Богу: «Я уже тебе писал, как живу: в буре творчества и в борьбе с болезнями,

⁶ Перевод с белорусского наш — З. Д.

⁷ Перевод с белорусского наш — З. Д.

почти незамечаемыми, когда ты в творчестве, но — чуть ослабеешь — гнущими тебя в землю» [13, КП 12 333].

В этих коротких строчках, пожалуй, запечатлено христианское учение о человеке, самое главное о нем: человек — это образ Божий.

Интонации некоторых писем Городецкого не лишены недовольства, критических замечаний в отношении своих собратьев по перу, переводчиков с белорусского, издательства «Советский писатель». Нередко в них звучит превосходство над другими людьми, выпячивается собственная значимость и умаляется чужой труд. Вот письмо от 10 января 1944 года, где Городецкий, начиная с похвалы успехов белорусского друга, переходит к констатации главенствующего значения своей личности в белорусской работе: «Вчера прочитал твою блестящую статью в “Правде”. Это одна из самых лучших твоих статей (Тебе непременно надо их собрать и издать — я еще в Ташкенте тебя уговаривал!). Лирична, умна и глубока.

И чувствуется в ней первый вздох облегчения. Теперь будем строить!

Тронут вниманием, о котором ты мне сообщаешь. Только никак не чувствую себя “среди переводчиков”. Дело не в том, что я один из самых первых начал переводить тебя и Янку. Дело в том, что я дал метод и техники перевода с белорусского на русский. Потом уже все — кто плохо, кто хорошо, — пошли за мной. Но и это не самое главное в моей белорусской работе. Главное, что я дал точку зрения на твою и Янки роль в белорусской литературе, опознал вас, как создателей белорусского лит<ературного> языка в полной близости с народным. Это — прочный вклад, к<ото>рым все Мозольковы и лучшие, чем они, пользуются. Если б Горев не был таким безнадежным дураком — невежей, я давно бы был членом-корреспондентом Вашей Академии, и моя работа получила бы общественное звучание и признание, и стало бы общим достоянием, а не добычей предприимчивых редакторствующих мальчигов, варящих себе суп с чужим лавровым листом. Да и переводов не появлялось бы таких слабых, как печатаемые в “Правде”. Так ведь?

Мне известны Ваши академики, к<ото>рые так думают» [13, КП 12 327].

Колас и Городецкий в своих письмах нередко размышляют о своей дружбе, которую, впрочем, понимают по-разному. Колас смотрит на дружбу не только как на средство самопознания, взаимного воспитания, взаимопомощи в возрастании в добродетели,

но и как на средство сохранения каждым своей индивидуальности, уникальности, при духовной родственности. Он одергивал Городецкого, склонного иногда к самовосхвалению и не всегда видящего другого человека, считая своим долгом говорить другу правду и осмеливаясь учить его: «Ты не корректен часто бываешь, — выговаривал он русскому поэту в письме от 8 августа 1947 года, — а вместе с тем требуешь очень большого к себе внимания. Заслужи его. Не выпячивай на первый план себя — даже в интимных мыслях. Работай, трудись...

Об остальном скажу при встрече. Одно знай — *с тобой говорит друг, подобного которому ты в жизни не встретишь*⁹ [6, с. 285].

Городецкий внимал, хоть и не всегда, словам белорусского друга, продолжая изливать в письмах свою горечь, возмущение неудачами в творческой жизни. 8 апреля 1948 года русский поэт в письме жалуется Коласу на нездоровье, несправедливость и безразличие по отношению к нему издателей, руководство издательства «Советский писатель»: «...все это довело меня до полускелетного состояния. Главным, конечно, в этом четком ощущении своего скелета была не болезнь, а превышающие всякий предел приличия издевательства над моей творческой душой и над моей работой в деле создания советской поэзии, издевательства мелкогавленного бардака, именуемого высоким именем изд<ательств>во “Советский писатель”. Это много хуже, чем ваш Сталинский Комитет по премиям, где председатель, как сам ты мог убедиться, выносит директивные решения по книгам, которых он не читал!!! У вас хоть председатель не читает, а в “Сов. Пис” редколлегия <...> обсуждает и стенографируется, не имея обсуждаемой книги в руках раньше, чем за пять минут до заседания. К черту перетряхнуть надо “руководство” Совписа» [13, КП 10 926].

Далее в этом письме Городецкий переходит к одному из своих ненапечатанных стихотворений, написанных 34 года назад. Он переписывает его Коласу и сопровождает авторскими комментариями. Приведем здесь эту вторую часть письма: «Возвращаясь к своему скелету. В 1914 году, в январе (очевидно, в предчувствии бурь и в борьбе с самим собой против лапотного христоведения, которым я увлекался) я писал:

Я чувствую: во мне скелет,
Как звуки в музыке построен.

⁹ Выделено нами — З. Д.

Как мир земной на тьму и свет,
Так я на плоть и кость раздвоен.

Жарка пленительная плоть,
Упруга, тяжела, пурпурна.
Как в солнце алое тепло,
В ней жизнь кипит светло и бурно.

Но есть в ней страшный недочет:
Она — любовница мгновенью.
Она недолго процветет
И покорится разрушенью.

И есть в ней тайная мечта:
С землей бесформенною слиться.
Остаться тем, что красота,
Она стыдится и боится.

Не то стремительный скелет!
Не то сияющие кости!
Для них десятки тысяч лет,
Как лишние, проходят гости.

В их напряженьи есть полет,
В их связи — дивная свобода.
В скелете радостно поет
Труд завершившая природа.

Скелет! Торжественный скелет!
Люблю тебя, мой верный зодчий!
Ты в темной плоти белый свет,
В певучей мгле закон мне отчий.
27.I.1914

Дураки срезали мне десять лет работы в сборнике за тридцать (а не сорок) лет, над которым сейчас издается Сописа.

А как важно это (и многие другие) стихотворения для показания перехода от идеализма к материализму! И если у нас все — материалисты, то на Балканах? Я рвусь туда, а, вот, не пускают. Тихоновская эротика... югославская... нужнее?» [13, КП 10 926].

Мы уже отмечали, что русский и белорусский поэты часто посвящали друг другу стихи. В письме от 19 января 1950 г. Горо-

децкий предлагает Коласу: «Начиная с 50-го года переписываться только стихами. Презренная проза уже не вмещает наших чувств. Согласен? С.Г.»

В этом же письме он сердечно благодарит Якуба Коласа (процитуем) «за подарок — 500р., про который ты сам сказал: “Ничего более умного не придумал”. Конечно, ты предназначал его на пропитие.

Увы! Забыл я чарку!
И твоему подарку
Не знаю назначенья.
Штанишки и ботинки
Имею — без починки
Далекие от тленья.

Тем более, что дети
На подступе к столетью
Костюм мне подарили.
Но я придумал что-то:
Я увеличу фото
Твоей житейной были.

И ты себя увидишь
В различном самом виде,
Со мной и без меня,
И племени потомков
В глаза посмотришь громко
Усы к устам клоня»

[13, КП 12 180].

Впрочем, идея переписки «только стихами» у Коласа и Городецкого полностью не реализовалась. Дружба с белорусским классиком, наделенным юмористическим талантом, склонным к незлобивой шутке, основательное изучение его творчества, перевод его произведений на русский язык думается, много поспособствовало развитию озорства у русского поэта, которому мало были свойственны юмор и шутка. Вот одно из озорных писем Городецкого, которых не так много среди выявленных нами подлинников. Письмо датируется вторым днем октября 1950 года:

«Дорогой Костусь.

Сейчас приехал, прочел Твое письмо и посылаю мордвинку Паню (няню Наташи) с телеграммой, которую ты уже — не знаю, в каком виде, получил.

Не приняли телеграммы! Говорят: плохо написали, у фамилии товарища Старостина нет буквы “ны”. Пусть припишет “ны”, тогда примем.

Объясняю мордвинке Пане: никакого товарища Старостина нет. Но и старости тоже нет. — У-гу! У-гу! говорит Паня: Там сидят молодые, в старости ничего не понимают. Объясню!

Был тарарам на телеграфе. Панька вызвала главного. Объяснила, что я тебе хочу сообщить, что старости нет. Он говорит: — Зачем телеграммой? Срочности в этом вопросе нет. Панька: — Мой хозяин требует, чтоб это сообщить телеграммой. Закона нет, чтоб об этом не говорить.

Приняли!» [13, КП 12 197].

В этом же письме встречаем интересную приписку: «Я пять дней в сырости нашей дачи воспалился легкими, (38,5–39).

Переключил воспаление в мозг: поэма о марсианах. И все прошло. И поэма тоже, напиши, что ты думаешь о марсианах. Какие они с белорусской точки зрения» [13, КП 12 197].

Несомненно, отправление телеграммы связано со строчками из коласовского письма от 22 сентября 1950 г., которые впечатлили Городецкого: «Впрочем, брат, сказывается старость. Она оседлала меня как-то сразу. Мне хотелось бы написать еще цикл стариковских стихов. Думаю о них» [6, с 462].

Следующее письмо Коласа к Городецкому датируется только 1 февраля 1951 г. [6, с. 517–518]. Так что коласовское мнение о марсианах читателю удастся узнать, если будет найдено утерянное письмо.

Интересное письмо Сергея Городецкого Якубу Коласу (январь 1948 г.) напечатано в московском журнале «Наше наследие». Оно известно пока только узкому кругу людей, интересующемуся личностью и творчеством русского поэта Сергея Городецкого, а для нас является важным для исследования «одного из самых сложных и малоизученных», согласно замечанию московских белорусистов Ю. Лабынцева и Л. Щавинской, вопроса о религиозных взглядах и религиозной жизни восточнославянских писателей, в данном случае Якуба Коласа и Сергея Городецкого. В этом письме русский поэт рассказывает о своей жизни после смерти отца. Ему тогда было девять лет. Мать с пятью детьми вынуждена была перейти с бюджета в 1000 р. на 100 р. с чем-то пенсии, и переехать за город в Лесное. Приведем фрагменты из этого письма: «Надо тебе сказать, что нянька в больнице дала мне бумажную иконку Сергия Радонежского, моего патрона. И этот старичок полюбился мне, потому что у него на иконе замечательно (как никогда, конеч-

но, в жизни) была причесана борода. Бородатые люди приходили к отцу. Сам отец носил небольшую, идеально расчесанную бородку. Но помещик Лазов влезал в наш дом (откуда-то с польско-белорусских границ) с лохматой, растрепанной бородой, но негустая бородка Лескова смущала меня своим беспорядком, так же, как и помпончики на мягкой рубашке, вместо железного галстука на твердо-крахмальном воротнике. Помню даже, что я по поводу этих помпончиков имел с отцом серьезный разговор. (Нам, детям, по праздникам надевали на шею отложные крахмальные воротнички, которые житья не давали.)

Итак, святой Сергей привлек меня своей организованной по моим правилам (я их уже имел) бородой.

У меня установились с ним совершенно особые, никому не известные (вообще, главное страдание моего детства заключалось в том, что никто не понимал, чего я хочу и что думаю) отношения.

И вот, когда после раны ослабло движение крови во мне, и ее количество (как у раненых на войне), остатки и реминисценции психики вышли за положенные им пределы.

В то окошечко, о котором я говорил выше, отец Сергей совершенно свободно, во весь рост стал вливаться ко мне, и мы дружески с ним беседовали, и я спокойно засыпал.

Когда он не вливался, нянька — я слышал — говорила матери: — Сергунчик опять всю ночь метался, плакал и кричал. — А что кричал? — спрашивала мать, у которой струны души были нежнее, чем у золотой арфы.

— Не разобрать, барыня! — отвечала нянька: — все звал ко-го-то. — А кого? Какого-то Рафаломея.

Ничего они не понимали.

Св. Сергей в миру был Варфоломей.

Незадолго до смерти отец получил чин действительного статского советника. И я, в девять лет не желая жить без жизненного плана, установил его: я буду действительным статским советником, а потом святым. (Надо сказать, что предпосылка этой карьеры была основательная: святой Филарет Дроздов, написавший катехизис, был нашим предком, и, позднее, в гимназии, я отказывался зубрить катехизис, аргументируя, что это писал мой прапра-прадед, и я сам, значит, могу так написать).

Чтобы быть святым, я решил кончить жизнь монахом (на что оно сейчас и похоже!) и, принимая схиму, принять имя Варфоломея, потому что это было имя св. Сергия в миру.

Ну что понимают взрослые в детских катастрофах! (Будь нежен к моему тезке с самого начала его сознательной жизни — она

уже началась! Меня оторвали от груди матери в первые месяцы — у нее было воспаление легких — и — нянька говорила — я ни одной кормилицы не принимал — на рожке вырос).

С детской правдивостью я рассказал о своих разговорах с подвижником.

Меня повели к психиатру» [15, с. 159–165].

Думается, между Коласом и Городецким, когда они оставались наедине, или собирались семьями, происходили разговоры на религиозные темы. Но и письма этих писателей разных наций нет-нет да засвидетельствуют о не угасшей, живой вере. Менее, чем за 5 месяцев до смерти Коласа, 19 марта 1956 года, Городецкий советует Коласу лечиться от пневмонии березовыми почками «и по-немножечку призывать Пантелеймона целителя» [13, КП 10 426], одного из главных небесных врачей и заступников православных христиан.

Сегодня трудно себе представить, что люди как-то так много, так охотно и неленостно обменивались информацией через письма, делились своими впечатлениями о самых разных людях и событиях, явлениях природы, размышлениями о жизни и смерти, о времени, об устройстве мира... И особенно то, что письмо может быть талантливым рассказом, новеллой, как только что приведенный эпизод из пространного письма Городецкого о его детской дружбе с величайшим святым русской земли Сергием Радонежским, жившим более 700 лет назад.

Переписка Коласа и Городецкого прекрасно показывает и то, как тяжело даже самому талантливому писателю и замечательному человеку выйти за рамки своего времени, и одновременно то, что никакие обстоятельства не могут повлиять на утрату человеком любви, отеческой веры, заложенной в душу еще во время нахождения в материнской утробе, если этого не захочет сам человек, наделенный от Бога свободой воли. Ведь и Колас, и Городецкий, как можно видеть из их дневников и переписки, были воспитаны в православной вере. «Воспитывали нас, — отмечал Колас в письме к литературному критику и публицисту Льву Максимовичу Клейнборту от 18 июня 1927 года, — в строго религиозном духе, в послушании и беспрекословном повиновении старшим. Запрещалось, например, кушать, не помолившись Богу, нельзя было ложиться спать без молитвы, нужно было соблюдать посты и т.д. Ближайшими воспитателями были мать, отец и дядя Антон, брат отца. Они пугали нас, что Бог все видит и покарает за грехи, показывая при этом на иконы» [5, с. 90].

В «Автобиографии 1926 года» белорусский классик рассказывает, как пятилетним мальчиком он, рассердившись на то, что, обжегшись, не смог вынести из дома жар, чтобы разжечь костер на поле, ругался на Бога последними словами: «Потом, когда злость улеглась, я очень остро и больно ощущал свой грех, так как думал, что Бог никогда не простит этого» [7, с. 174].

О том, что в детстве Колас имел серьезные, доверительные отношения с Богом, он говорит и в иных автобиографиях. Отчетливые следы этой простодушной веры в Бога находим в поэме «Новая земля», о которой сам белорусский классик говорит, что «Это своего рода семейная хроника» (автобиография 1939 г.) [7, с. 181]. В «Автобиографии 1913 года» писатель приводит интересный случай из своих юных лет: «Было темное раннее утро. Я стоял среди двора, весь отдавшись во власть песни жаворонка. Пел он как-то особенно. В звуках его песни слышалось что-то важное и серьезное. И пел он очень долго. Вдруг мне показалось, что жаворонок просит Бога сбросить на землю огонь. И вот я вижу — действительно что-то падает на землю. Я проследил глазами. Оказалось, на то место, где я стоял, упал дымящийся окурок папиросы. Я задушил окурочек, будучи уверен, что его сбросил Бог» [7, с. 165].

Письма, дневники, литературное творчество Коласа выдают хорошее знание им библейской истории, библейских событий, героев. В его сознании прочно закрепилось учение о Всемогущем Боге, Его светлых Ангелах и Его противнике — Сатане и его ангелах, злых духах. В дневнике белорусского классика описан один из его снов (22 сентября 1943 года): «Снились черти. Целые скопища. Муштровал их. Заставлял молиться, креститься. Один черт подал свой голос из темной пустоши, назвав себя Иисусом Навиным, а я сказал ему: "Иисус Навин, понюхай наших..."»⁹ [7, с. 249].

Так написать мог только человек, когда-то живший христианской жизнью, хорошо знакомый с житиями святых подвижников. Впрочем, у Коласа было желание и самому подражать монахам, бороться со страстями, о чем можно прочесть в его дневнике: «Станный я человек. Нужно было усвоить какой-нибудь монастырский устав и бороться с самим собой... Как много мудрости оставили нам наши предки»¹⁰ [7, с. 219].

Письма и дневники талантливейших писателей Беларуси и России — Коласа и Городецкого — сохраняют живые голоса и интонации их авторов, раскрывают уникальность образа каждого

⁹ Перевод с белорусского наш — З. Д.

¹⁰ Перевод с белорусского наш — З. Д.

из них, позволяют глубже разобраться в их творчестве, освещают разные страницы их жизни и деятельности. Кроме того, они прекрасно передают колорит времени, в которое им довелось жить. В этих красноречивых документах отражены, как в зеркале, важнейшие события и яркие личности эпохи, новости культуры. Писатели рисуют каждый по-своему кипящие жизнью и творчеством Москву и Минск. В письме от 6 июля 1951 г. Городецкий делится своими впечатлениями от созерцания памятника А. М. Горькому, подготовленного русским скульптором Иваном Дмитриевичем Шадром в 1939 г., но сооруженного у Белорусского вокзала в Москве уже после его смерти скульптором В. И. Мухиной при помощи Н. Г. Зеленской и З. П. Ивановой: «Ездил смотреть памятник Горькому. Шадр — молодец! Но Мухина со товарищи немного “обмяли” (здесь это слово буквально!), или заласкали и фигуру, и лицо. Все же отлично найдена поза — шаг в будущее — гордый поворот головы, взгляд. Самое трудное в памятнике — это спина. И она здесь великолепна, поистине портретна, эта горьковская сухощавость и угловатость рабочего. Москва и площадь Белорусского вокзала получили прекрасное произведение искусства. В этом памятнике живой Горький, каким мы его знали, увековечен и введен в “перл создания” без потери важного “живого” и с исчезновением всего мелкого. Мне кажется, такого искусства мы все и ищем сейчас» [13, КП 12310].

Думается, современному человеку интересно будет познакомиться с этими ценными замечаниями московского литератора о памятнике Горькому, за который И. Д. Шадр (1887–1941) уже посмертно, в 1952 году, был награжден Сталинской премией первой степени. И с его размышлениями о том, каким должно быть искусство.

Талантливый переводчик коласовских произведений, умевший вслушиваться в художественный текст оригинала, углубляться в его языковые явления, успешно находя русские эквиваленты, Городецкий как мало кто из русских переводчиков сумел постичь основные принципы стиля белорусского классика. В названном письме он плавно переходит от оценки памятника Горькому к творчеству минского друга, сообщающего в последнем письме о трудностях работы над рассказом «Осиротелая хата» (окончательное название рассказа — «Между двух рек»): «Мой рассказ, — писал Колас, — еще не доведен до победного конца. Беда в том, что действительный (трагический эпизод одного дома) факт непреложный, трудно преподнести в удобоприемлемом виде. Но, надеюсь, трудности будут преодолены, рассказ

закончу, и напечатают его. Тогда и пришлю тебе» (письмо от 30 июня 1951 г.) [6, 545].

Городецкий поддерживает друга в его поисках лучших вариантов передачи главной идеи рассказа, участливо замечая: «И ты в своем рассказе тоже ищешь. Не потому ли тебе трудно “преподнести” “факт непреложный”, что ты в своей любви к стилю — (не прими за комплимент и не возгордись) — Гомера, т.е. дробописания увлекаешься мелочами? Они хороши у тебя в рыбной ловле, в сборе грибов, т.е. в эпосе, а в “трагическом эпизоде”, который ты пишешь, хороши ли?» [13, КП 12310].

Вопрос о мастерстве, об умении найти точные, правдивые краски, чтобы наиболее ярко и живо воплотить в искусстве образ человека, постоянно волнует обоих писателей. Они рассматривают его в разных письмах, дневниках, обсуждают в переписке с другими писателями, следя за успехами не только мастеров слова, но и мастеров в самых разных сферах искусства. Хотелось бы привести в связи с этим строчки из коласовского письма от 23 ноября 1946 года русскому литературоведу, критику и переводчику Евгению Мозолькову, где он высказывает свое восхищение художественным фильмом «Каменный цветок»: «Каменный цветок, — замечает Колас, — это самое лучшее, с моей точки зрения, что я видел на экране. Это такая чудесная сказка и так тонко переплетается с бытом, что впечатление получается неотразимое. Мастер-Данила мне во многом напоминает моего “Сымона-музыку”. Скажу, что получил самое большое наслаждение. Буду обеими руками голосовать за нее на заседании Комитета по Сталинским премиям...» [6, с. 242].

Переписка Коласа и Городецкого выразительно передает их симпатии и антипатии к собратьям по перу, оценки тех или иных литературных ситуаций. В нескольких письмах поэтов идет речь об известном русском писателе Михаиле Шолохове, выступление которого на XX съезде КПСС, где он вступил в полемику с Б. Гафуровым относительно причин отставания литературы от жизни, вызвало горячий отклик среди делегатов съезда. Главную причину такого отставания автор «Тихого Дона» видел в писательской оторванности от жизни, от народа, а иногда и от самой литературной деятельности, вызванной загруженностью общественной работой. «Общими и дружными усилиями, — говорил Шолохов 20 февраля 1956 г. в своем докладе, — мы похитили у Фадеева пятнадцать лучших лет творческой жизни, а в результате не имеем ни генсека, ни писателя. А разве нельзя было в свое время сказать Фадееву: “Властолюбие в писательском деле — вещь никчемная. Союз пи-

сателей — не воинская часть и уж никак не штрафной батальон, и стоять по стойке «смирно» никто из писателей перед тобой не будет, товарищ Фадеев. Ты — умный и талантливый писатель, ты тяготеешь к рабочей тематике, садись и поезжай годика на три-четыре в Магнитогорск, Свердловск, Челябинск или Запорожье и напиши хороший роман о рабочем классе”.

Не беда, если бы мы в то время потеряли генсека Фадеева, но зато с огромной радостью обрели бы потом Фадеева — писателя, с новой книгой, возможно, равной по значимости “Разгрому”» [16].

Б. Гафуров же считал, что современные писатели не раскрывают величие дел советских людей, обвиняя их в упадке творческой активности. «Старый член КПСС тов. Гиндин» выступил в защиту позиции Гафурова, упрекая Шолохова в том, что он, живущий в деревне, связанный с народом, почти не участвующий в руководстве Союза писателей, мог бы быть примером творческой активности [11].

Вскоре «Литературная газета» заявила, что на письмо Гиндина в редакцию поступило «несколько сотен писем», в которых оценивалось выступление Шолохова (6 из них были напечатаны).

С. Городецкий в письме Я. Коласу от 19 марта 1956 г. одобрительно отозвался о Гиндине и с неприязнью говорил о Шолохове: «Мих.[аил] Ал.[ександрович] Шолохов опять спяну нахамил. Неуместно перед высоким собранием изображать мальчика без штанов и позволять себе читать нотации Фадееву. Гиндин дал ему заслуженный подзатыльник, напрасно только послюнив свою лапу. Великим писателем в советское время не может быть зазнавшийся феодал, оторвавшийся от профессиональной литературной среды, к которой он, как-никак, принадлежит. Так смотрит большинство серьезных людей, с которыми я говорил по этому поводу» [13, КП 10426].

Интересно, что Колас мнения «большинства серьезных людей» о Шолохове не разделял. И в ответном письме Городецкому от 25 марта 1956 г., начиная с характеристики присланной ему Городецким фотографии, запечатлевшей «неистребимый оптимизм» Городецкого с бутылкой в руках, и еще двух «оптимистов», затем вопрошал, кто эти, находящиеся с ним люди. «Вероятно, — высказал Колас догадку, — тоже поэты или же люди, причастные к какому-либо искусству, не то, что Шолохов, “оторванный от писательской профессиональной среды, феодал”, как ты его неправильно называешь. У большого, талантливого писателя много завистников. Гиндин, о коем ты одобрительно отзываешься, по всей видимости, подставное лицо, граммофонная пластинка, наи-

гранная побочными музыкантами. О Фадееве Шолохов отозвался в своем выступлении как о талантливейшем писателе современности, упрекнув его в том, что он слишком много времени отдавал бесплодной административной работе. Так это или не так, но это — факт» [7, с. 134].

Годом раньше, в 1955 году, Шолохов в своем выступлении на Втором Всесоюзном съезде советских писателей успел вызвать негодование коллег по литературному труду, затронув вопросы необходимости повышения уровня писательского мастерства, говоря об отсутствии критических статей, где бы «в полную меру, без всяких скидок», воздавалось должное какому-нибудь литературному мэтру за его неудачное произведение. Русский писатель указывал на ничем не оправданное падение требовательности к себе, установившееся среди писателей, падение «оценочных критериев», сделал ряд критических замечаний в адрес некоторых авторов и редакторов.

Колас нашел выступление Шолохова весьма своевременным, важным и содержательным. О своей солидарности с известным русским писателем он сообщал Мозолькову в письме от 11 января 1955 г.: «Как расцениваете Вы выступление Шолохова на 2-м Всесоюзном съезде писателей? Я послал ему письмо и целиком — за некоторым исключением — поддержал его. Заявление Гладкова я расцениваю как голос унтера Пришибеева» [7, с. 45]. Это письмо Коласа к Шолохову, к сожалению, пока не найдено. Предстоит задача найти его, как, впрочем, и задача продолжения собирания частной переписки. Например, московские белорусисты указывают, что было в несколько раз больше коласовских писем к литературному критику и публицисту Клейнборту.

Письма Коласа и Городецкого изобилуют описаниями чудеснейших пейзажей России, Беларуси, Узбекистана, мест, где жили авторы и создавали свои произведения: «Пишу тебе из деревни — соловьиного сада, — пишет русский поэт 11 июня 1951 г. (дер. Доброе), — Вчера переехали. Хоть небо хмурится, но тишина, зелено-та необъятная» [13, КП 12229].

Колас в своих письмах постоянно ведет речь о погоде, переживая за судьбу урожая, характеризуя тот или иной год, как живое существо, способное радовать или огорчать человека. Без мотива погоды (в прямом смысле) не обходится он почти ни в одном письме. Как из летописи, мы можем узнать из переписки нашего классика, каким был тот или иной год, лето, осень, зима, весна. Вот лето 1950 года (письмо Городецкому от 22 сентября 1950, Минск): «Нынешнее лето доставило мне много удовольствия и радостей,

заселив леса прекрасными белорусскими черноголовыми боровиками» [6, с. 162]. А вот как эмоционально и образно рисует Колас 1951 год (письмо от 4 января 1952 г. Минск): «Очень неудачный был 1951 г. — сухой, как Кошечей. Здорово подрезал он крылья урожая. Уж не говорю о том, что и мне лично этот субъект доставил немало огорчений, лишив меня возможности ходить по нашим изумительным болочанским соснякам — столичным городом моих чудесных черноголовых боровиков. Из-за него не мог написать стихотворения в честь 1952 г., потому что *не мог бы воздержаться, чтоб не обругать 1951 год, скаредного старикашку*»¹¹ [6, с. 583]

Но и 1952 год, как видим из письма Коласа от 22 мая, полон своих сюрпризов: «С 17 мая у нас началась ужаснейшая погода. Такой погоды я не помню на своем веку. Очень неприятно и жутко было смотреть на землю, где на фоне зелени, распустившихся деревьев, зацветающих садов вдруг появился отвратительный по этому времени саван зимы» [6, с. 601].

Все эти описания помогают более живо, ярко увидеть личности писателей Беларуси и России, ощутить не только нравственный, но и природный климат, в котором они жили.

Конечно, трудно охватить все многообразие тем, поднимающихся в переписке известных поэтов, форм их дружеского общения, в основе которого лежит, безусловно, их духовное родство. Думается, интересно будет послушать одну сторону — С. Городецкого — об особенностях их многолетней связи. Перед нами — письмо С. М. Городецкого сыну Якуба Коласа Даниле Константиновичу, написанное спустя почти два года после смерти народного писателя Беларуси в 1958 г., которое по нашей просьбе было любезно предоставлено нам внучкой белорусского классика Верой Мицкевич. Вверху письма рукой сына Коласа сделана пометка: «Поступило от С. М. Городецкого 17/IV 1958 г.». Приведем это неизвестное пока письмо полностью, поскольку оно, на наш взгляд, характеризует не только Коласа, но в значительной степени и его автора:

«ТРИ МОЛНИИ ДРУЖБЫ»

Хочу озарить идею дружбы народов и дружбы поэтов разных наций тремя молниями коренной, глубинной многолетней моей дружбы с Якубом Коласом, потому что интимно-личные наши отношения имеют широко-общественное звучание.

Много молний сверкало в нашей дружбе. Но, не подняв еще всего архива нашей переписки, я сейчас доверяю вниманию чи-

¹¹ Выделено нами — З. Д.

тателей только три документа. Все они относятся к эпохе Великой Отечественной войны, когда мы встретились в Ташкенте.

Мы там не голодали пищей, хотя она была непривычной. Мы голодали бумагой. Мозг горел, стихи рвались на волю. На чём писать?

И вот 3 февраля 1943 года Константин Михайлович приходит ко мне и торжественно вручает книгу из простой газетной бумаги в скромном переплете с надписью на первой странице:

“Для стихов, поэм, романов и для кисти
художника дорогому Сергею Митрофановичу Городецкому
Якуб Колас.

3 февраля 1943 года. Ташкент”

/фотокопия/

Я её заполнил почти до конца и стихами, и поэмой, и переводами стихов Якуба Коласа. Только романа не писал. Но это был вдохновенный подарок.

Всё, что там написано мы читали вместе при встречах, почти ежедневных. Зорким и мудрым оком друга Константин Михайлович наблюдал за этим творчеством и радовался каждому успеху.

Через три года, 14 сентября 1946 года Якуб Колас заключил книгу следующими своими строками, которые звучат, как стихотворение в прозе. Привожу его целиком.

“Наша жизнь помаленечку подходит к последнему рубежу: мы начинаем чувствовать те боли и недомогания, которых раньше не замечали. Да будет благословен каждый миг нашего дыхания!

Было время, когда я вручал тебе, дорогой мой Серёжа, эту книгу. Давно уж было то время, но оно почему-то кажется мне очень близким.

Мы были в эвакуации, переживали тяжелые дни собственно-го быта и дни огромной человеческой трагедии.

Много ушло в прошлое страданий, но раны их всё еще живут.

Ты, как радивый труженик, добросовестно использовал страницы этой книги.

Так поставим в ней точку, и пусть она говорит нам о большой жизни, и да будет благословенна она в веках.

14/IX/1946 г.

/Покрова/. Я. Колас.”

Переписывая сейчас эти строки /фотокопию не могли мне сейчас сделать/, я вижу сейчас, как живого Константина Михайловича с ласковым и мудрым проблеском в его небольших глазах и чувствую то недосказанное, что столько раз звучало в паузах наших бесед, а именно: поэт из народа признал поэта из интелли-

генции старого мира. Мы никогда с ним на эту тему не говорили. Но она была главной темой нашей дружбы. Я был первым, кто в 20-х годах знакомил всесоюзного читателя со стихами Якуба Коласа на страницах “Известий”. Он был первым, кто оценил мой труд во всём его масштабе, и вышеприведенные его строки мне дороже всех написанных и ненаписанных еще рецензий.

II

ВТОРАЯ МОЛНИЯ

Это было 25 ноября 1944 года. Война еще не кончилась. Моя жена умирала в нетопленной комнате. От сердечной болезни, полученной в зное эвакуации. Константин Михайлович пришел в мою келью, оглянулся.

— Надо истопить печку.

Собрали всё, что было дровишек. Он сел на корточки, растопил печку. Вот она сейчас передо мной, эта кафельная печка, и слёзы мешают мне видеть буквы на машинке.

— Ведь это ж месячный запас дровишек!

— Давай сюда! Бывают минуты, когда надо всё отдать!

Потеплело в комнате.

— А я тебе подарок принёс.

Идет в переднюю и выносит дубовый посошек.

Ручка выстругана, как головка какой-то неведомой птицы.

— Вот тебе кий! Ходи, не падай!

И вручает стихи.

Вот они:

< >

Много ясных стежек смерил я этим кием — кием службы народу. Не сохранился в суматохе дней этот кий, но живет он в моем сердце, как завет народного поэта поэту-интеллекту.

III

ТРЕТЬЯ МОЛНИЯ.

4 ноября 1957 года Якубу Коласу исполнилось семьдесят пять лет. Его уже не было среди нас.

25 ноября этого же года Союз писателей устроил вечер его памяти.

Я прочел следующие стихи: **которые в печати появятся сейчас впервые.**

Вот они: »¹² [12].

¹² Зачеркнуто рукой Городецкого

В это письмо вошло и стихотворение Сергея Городецкого «Якубу Коласу» с авторской пометкой в правом углу: «(В день его LXXV-летия) (Читано на собрании его памяти в ССП 25-XI-57)», а в левом — «не издано!» Конечно, впереди у Городецкого было еще целых десять лет жизни, и стихотворение, не напечатанное в тот момент, думаем, должно было быть напечатано потом, но мы оставим его, как размышление известного русского советского писателя Сергея Городецкого, активно работавшего в литературе целых полвека, о личности народного писателя Беларуси Якуба Коласа, которой интересовались и интересуются многие.

«ЯКУБУ КОЛАСУ»

Немало было у меня друзей,
Вождей сердец, богатырей сознанья.
Но всех ясней в поэзии твоей
Народных дум я слышал трепетанье.

Ты вырос в бедной хате лесника,
Тебе природа с детства говорила,
Что есть одна — что бьет наверняка —
Победная народной правды сила.

И с нежным материнским молоком
Вспоил себя ты яростью и гневом,
Чтоб до конца стоять за отчий дом,
Чтоб силу дать родной земли посевам.

Узрел ты из тюремного окна
Душою, твердой, как алмаз, и чистой,
Что лишь одна трударей нужна
Борьбой живая песня коммунистов.

В ночах отчаянья, в тисках тоски
Ты под шинелью потною солдатской
Узнал, что стены тюрем не крепки
Под натиском семьи рабочей братства.

И стал поэтом ты, сильней, чем все,
Кто шел с тобой по тропкам нашенства,
И вспыхнул гений твой во всей красе
Своих поэм, народным думам близких.

Извилист был и труден путь
Для пахаря к идеям пролетарства,
Когда орлы ему терзали грудь
И панского, и царственного барства.

Но ты за шагом шаг учил и вёл
Еще не вызревшую волю земледельца.
С ним вместе мудрость Ленина прочёл:
— Врагов не бойся! Прямо в грудь им целься!

Ты счастье наций видел на яву,
России ты всегда был верным другом.
Когда враги жгли Минск, шли на Москву,
Не забелел ты гибельным испугом.

Мы подружились в гордых Ленинских годах.
Весь мир был чётко на-двое расколот.
Нас было мало. На моих глазах
Ты вырос, белорусский волот.

Любовью с глаза в глаз лучась,
Не раз вдвоём у нас бывало вече.
И всё слилось в какой-то вечный час,
В какой то незабвенный вечер.

Из глубины горячих задушевных сфер
Как ты хитро над чаркой улыбался,
Когда кричал я: — Колас! Ты — Гомер!..
— А ну, возьми! Глоток еще остался.

Вся комната в дыму стихов. Рассвет.
С газетой почтальон грохочет дверью.
А Колас с новостью: — Ведь ты — поэт!
Серёжа! И хороший! Веришь? Верю!

— Давай поедem мы сейчас! — Куда?
В скульптуре бронзою тебя прославить.
Сначала в глине... — Что за ерунда!
— А памятник тебе мы будем ставить?

И я на Масловку везу тебя.
И Шварц*¹³ спешит тебя увековечить,
Рукой спросонья глину теребя.
А Колас морщится, забаве не переча.

А помнишь, как бессмертники, их цвет,
Сушили под газетными листами —
Забыли их. И вдруг из-под газет
Они, дозрев, взлетели семенами?

А как пузатые боровики
В бору сосновом собирали?
Не вижу их! Из-под твоей руки
Они как будто сами вырастали!

Не допили мы чарочку с тобой,
Мой незабвенный Константин Михалыч!
Но как ленок отрадой голубой
Твои стихи в сердцах заколыхались.

Как громко прозвучал бы голос твой
Над хором жирных от наживы трутней,
Когда взлетел к планетам над землей
Всего земного счастья верный спутник!

С какой бы яростью твой рухнул гнев
На всех, кто тормозит земное счастье,
Кто от бессилья праздно озверев,
Острит клыки пред мирной нашей властью!

Какой бы песней ты нас вдохновил
На подвиги отважности отменной
В соревнованьи мирных сил. И грозных сил,
Коль нас принудят к борьбе военной!

Мой милый друг! Ты окропил
Росой в былое улетевшей грусти
Тобой посеянные всходы сил
Певцов счастливой нашей Беларуси.

¹³ Комментарий С. Городецкого:

* Д. Шварц, автор одного из бюстов Коласа 1947 г.

И голос твой летит по всей земле
 Ко всем, кто ждет свободы восточков.
 И ты с венком лавровым на челе
 Стоишь пред нами, как поэт народов.

[12]

С известным русским поэтом Михаилом Исаковским (1900–1973) Колас познакомился в 1934 году. Исаковский был редактором сборника избранных стихов Коласа в переводе на русский язык, готовившегося к изданию в Москве (Колас Я. Избранные стихи, М.: Гослитиздат, 1935 / Ред. М. В. Исаковский). Русские переводчики были чересчур «бдительны» и придиричивы ко всему, что касалось идеологии. Говоря об издании 1951 года поэмы Коласа «Новая земля» в переводе на русский язык, крупнейший знаток творчества Коласа М. Мушинский справедливо заметил: «Под целенаправленную идеологическую прополку в издании 1951 года попали прежде всего те места, в которых писатель будто бы воспевал мелкобуржуазные стремления крестьянина насчет собственной земли как единственного спасения от социального угнетения и бедности. В числе нежелательных оказались и фрагменты, где реалистически правдиво показаны религиозные праздники, церковные службы, где видно уважительное отношение героев поэмы к Богу. Очень хотели идеологические контролеры сделать героев коласовской поэмы воинствующими атеистами» [3, с. 159].

Работая над переводом коласовской сказки «Как поп сделался авиатором», написанной в 1927 году, Исаковский высказал свое недовольство тем, что ее главный персонаж полешук Савка «с охотой» помогает попу, вытаскивая его из болота. Белорусский автор вынужден был оправдываться в ответном письме (от 29 апреля 1935 г.): «Дорогой Михаил Васильевич! Как же быть с попом и полешуком? Мне кажется, ничего необычного и плохого нет в том, что Савка (полешук) вытащил из болота попа, предварительно высекая его розинкой. Впрочем, можете финал изменить по Вашему усмотрению» [5, с. 127].

М. Исаковский, конечно, несколько изменил финал сказки. На первый взгляд, с точки зрения мирской, он не внес ничего существенного. Но вот с христианской — опущение одной строфы — «И Святого Духа!» — оказывается весьма существенным, выглядит как замах на единство и нераздельность Пресвятой Троицы. У Коласа полешук «крестит» лозинкой попа: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа». У Исаковского о Духе Святом умалчивается:

«Савка
Крестишь лоб? А ну-ка
Покрещу я спину.
«Во имя Отца!» — и скрёб!
«И сына!» — да в горб!
И раз через ухо.
— Ну, теперь я вижу — поп,
Помогу с охотой...

Он за плечи батю сгреб,
Вынес из болота

[10, с.94].

В дальнейшем Колас все-таки решил вернуться к сказке в русском переводе, изменить ее конец, о чем сообщает через два года своему другу Сергею Городецкому, цитируя дописанные финальные строчки (письмо от 23 декабря 1937 г): «В Смоленске — Западная область — издается моя сказка “Как поп сделался авиатором” в переводе Исаковского. Просили дописать конец. Их смущали слова полешука, который сказал попу, предварительно отдубасив его: “Помогу с охотой”. Эту строку выправил и, кроме того, дописал:

Оглянулся Савка боязливо
И сказал бате сурово:
— Смотри, лошадиная грива,
Никому об этом ни слова!
Узнает толпа,
Что спас я попа.
Заклюют меня бабы, мужчины —
Зачем вызволял-де попа из трясины?»

[5, с. 193].

В угоду русским собратьям по перу, переводчикам его творчества, Колас не противился некоторым изменениям в тексте своих произведений, например, исключению из содержания книги избранных стихов цикла «Колхозное», как этого хотел Исаковский, или «усилению» антипоповских настроений только что названной сказки. Но белорусский текст не менял, считая более чем достаточным и то, что Савка отдубасил попа лозинкой. В белорусском издании «Збор твораў у сямі тамах» 1952 года во втором томе, где помещены его стихи и рассказы в стихах (1917–1952), белорусский

классик ничего не стал добавлять, оставил прежний конец. Вот как он звучит:

Поп
Поп я, Савачка, поп!
Глядзі — хрышчу лоб.
Падышоў Саўка бліжай —
Нібы поп з бародкай рыжай.
Узяў Саўка ў рукі
Добрую лазіну.

Саўка
Хрысцішся? А ну-ка
Я нахрышчу табе спіну!
«У імя айца!» — і сёрб!
«І сына!» — ды ў горб!
«І Святога Духа!» —
І лясь бацю з-за вуха!
Ну, вось, цяпер бачу, што поп —
Памагу з ахвотай.
І пад пахі бацю згроб,
Выцягнуў з балота»

[9, с. 410].

В атеистическое советское время данная сказка Коласа на русском языке была замечена и использована в своих целях безбожниками. В письме к С. М. Городецкому от 6 мая 1941 г. белорусский поэт сообщал: «Недавно мне прислали письмо за подписью Ем. Ярославского, сообщают, что мою сказку “Как поп сделался авиатором” они приобщают к серии диапозитивов на тему “Боги в лицах”. Сюда взята сказка Пушкина “О попе и его работнике Балде”, Маяковского — “На кой ляд целовальный обряд”. Просили исправить стихи поэта Градова или же написать свои к диапозитивам» [5, с. 306–307]. Колас не захотел заниматься этим делом, отослав их к Городецкому, пояснив: «Я не смог этого сделать и рекомендовал обратиться к тебе, так как я уверен, что ты прекрасно справишься с этой задачей. Если обратятся к тебе безбожники, то сделай для них, да, кстати, порекомендуй им использовать “Святого Яна” в твоём переводе» [6, с. 306–307].

Переводчиками избранных стихов Якуба Коласа на русский язык наряду с М. Исаковским были Б. Турганов, Рубинштейн, А. Корчагин, С. Родов, Н. Беренгоф, М.-Л. Талов, Ал. Чачиков.

Переписка Я. Коласа и М. Исаковского — строго деловая. Ничего личного, только обсуждение качества перевода и предназначенных для перевода стихов: «Относительно браковки некоторых стихотворений не возражаю. Вот только относительно “долгой курятники” я что-то не помню. Кажется, такого утверждения у меня нет. Подобное выражение могло быть в цикле стихов под общим названием “Калгаснае” (“Колхозное”), именно там, где женщины, обсуждая свою индивидуальную жизнь на частном хозяйстве, могли осудить и свои курятники. Но, впрочем, это не имеет никакого значения, и лучше всего весь цикл о колхозе изъять полностью», — писал Я. Колас М. Исаковскому в самом первом письме (от 5 апреля 1935 г., Минск) [5, с. 125].

Во втором письме Коласа к Исаковскому (от 19 апреля 1935 г., Минск) первый, показывая сговорчивость, согласие с переводом его текста (речь, как мы поняли, идет о стихотворении «Перед судом»), тем не менее мягко возражает: «В принципе ничего не имею против некоторого изменения текста в стихотворении, строфу которого Вы мне любезно прислали. Но может стать так, что потом будут придирааться, когда сравнят оригинал с переводом, где “весніцы” (калитка) превратились в полозья. Если сборник имеет две тысячи строк, то это немножко нехорошо» [5, с. 126]. Впрочем русский поэт не счел нужным обращать внимание на такие «мелочи». Сравним строфу, о которой идет речь, в оригинале и переводе:

Рушыў конік. Зарыпелі
Весніцы гаротна.
Азірнуўся бедны хлопец
Горка і маркотна.
[8, с. 23].

Конь прошел. И заскрипели
По дороге сани.
Посмотрел назад бедняга
Грустными глазами.

Готовя сборник избранных стихов Коласа 1904–1934 гг., отдавая предпочтение публицистическим стихам, где белорусский поэт показывал горькую участь бедняка, нападал на царский режим, на конституцию того времени и т.д., М. Исаковский тем не менее не принимал произведений-агиток типа стихотворения «Молебен», где с большой неприязнью выписан император Николай II и православные священники, молящиеся Богу о даровании

царю наследника: «Относительно “Молебна” скажу, что я выбросил его из сборника стихов, которые подготавливаются для издания на белорусском языке, — объяснял белорусский поэт редактору Исаковскому. — Дело-то в том, что весь сборник избранных стихотворений для издания на русском языке составлял не я — его составлял один наш парень, которому я поручил это дело. Сам подготовить его я не имел возможности — был на съездах. Этот парень затянул работу, и я не имел возможности основательно пересмотреть подобранный материал. Я даже не знаю количества строк сборника» (письмо от 5 апреля 1935 г., Минск) [5, с. 125].

В последних письмах М. Исаковский обращался к Коласу с предложением пополнить сборник стихами, написанными в 1921–1927 годах, на что белорусский писатель ответил, что в этот период почти не писал стихов, а писал «такие вещи, как окончание поэмы “Новая земля”, как поэма “Сымон-музыка”, повести “В полесской глуши”, “В глуби Полесья” и прочее» [5, с. 128–129]. Он предлагал в сборнике дать примечание и указать, почему отсутствуют стихи данного периода. В заметке «От издательства» Исаковский так и сделал. «В сборнике, — отметил редактор, — не имеется произведений, относящихся к периоду с 1917 по 1926 г.

Объясняется это тем, что в указанный период Якуб Колас работал главным образом над крупными эпическими произведениями, как в прозе, так и в стихах. За этот период им написаны повести: “В полесской глуши”, “На просторах жизни” и “В глубине Полесья” и поэмы: “Симон музыка”, “Новая земля” и “На путях свободы”, каждая из которых по объему много больше настоящего сборника, в котором даются в авторизованном переводе лирические произведения Якуба Коласа» [10, с. 3].

Своей книгой избранных стихов Колас был «не совсем удовлетворен», найдя в одном из них досадную опечатку. «Переводы, — писал он Е. Мозолькову, — не все сделаны аккуратно. Большинство переводчиков, кроме Исаковского, отнеслись к переводу недостаточно внимательно» (письмо от 14 января 1936 г.) [5, с. 143].

В 1937 году С. Городецкий переводит стихи Я. Коласа на русский язык, готовя сборник избранных произведений, который выйдет в 1938 г. (Колас Я. Избранные произведения 1906–1936. Лирика. Сатира. Эпос). Автор. пер. с белорус., под ред. С. Городецкого. М.: Гослитиздат, 1938). Одно из стихотворений белорусского автора — «Полюмя» — насторожило М. Исаковского, вызвало подозрение. В мае 1937 г. М. Исаковский отправляет генеральному секретарю СП СССР Вл. Ставскому письмо, в котором упомянутое стихотворение оценено как «явно контрреволюционное». Рус-

ский поэт «выяснил», что «Полюмя» — «это контрреволюционная нацдемовская организация, которая была в свое время разоблачена. И этой-то организации Якуб Колас посвящает стихи, включая их в книгу, которая должна выйти в 1937 году!» Возмущенный М. Исаковский велел С. Городецкому немедленно выбросить стихотворение из книги. А Вл. Ставского просил «принять необходимые меры», указав, что «дело требует расследования». «Не знать о контрреволюционной сущности организации “Полюмя”, — добавлял М. Исаковский в письме к генсеку СП СССР, — Колас не мог. Значит, напрашивается вывод, что сделано это с враждебными целями» [14].

На самом деле тревога русского поэта была напрасной. Коласовское стихотворение «Полюмя», написанное в 1926 году, было посвящено пятилетию журнала «Полюмя» (основан в 1922 году). М. Исаковский просто не разобрался или не захотел разобраться, придумав историю с мифической контрреволюционной нацдемовской литературной организацией, что было таким обычным делом в демонический 1937 год!

18 сентября 1945 года Михаил Исаковский пишет Якубу Коласу письмо (подлинник, текст которого мы сейчас приведем, хранится в личном архиве Якуба Коласа в ГЛИМЯК): «Дорогой Константин Михайлович! Перед тем, как приступить к переводу глав “Новой земли”, я прочел ее и выписал некоторые слова и выражения, значение которых я не знаю вовсе или знаю нетвердо. И так как никакого словаря у меня нет и достать невозможно, то я решил обратиться за помощью к Вам. Может быть, Вы найдете возможным на моем уже списке написать соответствующие разъяснения и вернуть этот список мне. Слова, которые мне в той или иной степени непонятны, я подчеркнул.

Должен Вам сказать, что когда я познакомился с “Новой землей” на белорусском языке, то мне захотелось перевести ее всю от начала и до конца. Конечно, для этого нужно длительное время. Я надеюсь, что смогу это сделать в будущем. Тем более, что Мозольков мне недавно говорил, что в трехлетний план Гослитиздата внесено издание полного собрания Ваших сочинений и что для “Новой земли” в этом издании отводится отдельный том.

Вот, когда план будет окончательно утвержден, тогда я, наверно, и смогу взяться за полный перевод. Сейчас же буду пока переводить те 13 глав, о которых мы условились с Вами и с Сергеем Митрофановичем.

До сих пор для меня неясно — кто будет издавать “Новую землю” в переводе Городецкого и моем? И насколько это твердо?

Жду Вашего ответа, т.к. без разъяснения непонятных мне слов не могу приступить к работе.

Желаю Вам всего хорошего.

Ваш М. Исаковский.

18/IX 1945

Москва, 9, ул. Горького 8, кв. 29»

[13, КП 13428].

В апреле 1949 г. постановлением Совета Министров СССР Якубу Коласу была присуждена Государственная премия СССР второй степени за поэму «Рыбакова хата» (сообщение в газете «Правда» за 10 апреля 1949 г.). Михаил Исаковский не замедлил поздравить белорусского классика довольно пространной телеграммой (оригинал телеграммы от 10 апреля 1949 года, 9.37 утра) найден нами в личном архиве Якуба Коласа. Приведем ее текст: «Дорогой Константин Михайлович От души поздравляю Вас с присуждением Вам Сталинской премии Мне особенно радостно сознавать что Вы один из основоположников белорусской литературы стоите в первых рядах славной советской поэзии и не только не уступаете молодым но ведете их за собой и являетесь примером беззаветного служения родной культуре родному советскому народу Крепко жму Вашу руку Дорогой Константин Михайлович и желаю Вам на долгие годы сил здоровья бодрости духа и новых творческих успехов Исаковский» [13, КП 14 036]. Телеграмма, как видим, красноречиво свидетельствует о том, как высоко ценил русский поэт творчество Коласа, с какой теплотой относился к нему как к человеку. Тем более, что это — одна из нескольких телеграмм Исаковского к Коласу, имеющихся в архиве музея Якуба Коласа.

В нашей работе, на первый взгляд, заметно «выпирает» русский материал: приводится много выдержек из писем (подлинников) Сергея Городецкого белорусскому классику, выявленных нами в личном архиве Якуба Коласа, которые раскрывают неизвестные или малоизвестные стороны жизни талантливого советского писателя России. Полностью приводится письмо российского поэта Михаила Исаковского, с которым Коласа связывали деловые отношения. Но эти обнаруженные нами письма обращены к Коласу, включены в живой, всегда разный диалог с народным писателем Беларуси, умевшим слушать и понимать других.

Переписка и дневники Коласа — правдивая и вместе с тем драматическая повесть о жизни преданного сына Беларуси, о духе времени, нравственной обстановке в стране, о людях, встречен-

ных им на дорогах жизни. О его искренней любви, прочной дружбе и широком творческом сотрудничестве с русскими писателями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бубер, М. Два образа веры / Мартин Бубер. / Сост.: П. С. Гуревич, С. Я. Левит; Пер. с нем. М. И. Левиной и др.; Науч. ред.: П. С. Гуревич и др.; Предисл. Г. С. Померанц. М.: АСТ, 1999.
2. Гинзбург, Л. О психологической прозе / Лидия Гинзбург / Ред. Р. Белло. Ленинград: Художественная литература, 1997. — 443 с.
3. Каласавіны. Асоба Якуба Коласа ў літаратурна-творчым і грамадска-культурным асяроддзі Беларусі: матэрыялы XXIII навук. канф., прысвеч. вывучэнню грамад.-інтэлектуал. акружэння нар. паэта Беларусі Якуба Коласа 3 лістап. 2008 г., Мінск: Выд. цэнтр БДУ, 2009. — 225 с.
4. Каласавіны. Якуб Колас і яго сучаснікі: да вывучэння творчых і асабістых узаемасувязей пісьменніка: матэрыялы XXV навук. канф., 3 лістап. 2010 г., Мінск / склад. Э. М. Камароўская, Г. І. Зайцава. — Мінск: Выд. цэнтр БДУ, 2011. — 228 с.
5. Колас, Я. Збор твораў: у 20 т. Т. 18. Лісты (1908–1942) / Якуб Колас; рэд. тома Т. С. Голуб, М. І. Мушынскі; падрыхт. тэкстаў і камент. Н. В. Дзенісюк [і інш.]; нац. акад. навук Беларусі, Ін-т мовы і літ. імя Я. Коласа і Я. Купалы. — Мінск: Беларус. навука, 2012. — 679 с.
6. Колас, Я. Збор твораў: у 20 т. Т. 19. Лісты (1943–1953) / Якуб Колас; рэд. Тома Т. С. Голуб, М. І. Мушынскі; падрыхт. тэкстаў і камен. А. А. Васілевіч [і інш.]; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т мовы і літ. імя Я. Коласа і Я. Купалы. — Мінск: Беларус. навука, 2012. — 959 с.
7. Колас, Я. Збор твораў: у 20 т. Т. 20. Лісты (1954–1956 і недатаваныя), аўтабіяграфіі, дзённікі, інскрыпты / Якуб Колас; рэд. тома Т. С. Голуб, М. І. Мушынскі; падрыхт. тэкстаў і камен. Н. В. Дзенісюк [і інш.]; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т мовы і літ. імя Я. Коласа і Я. Купалы. — Мінск: Беларус. навука, 2012. — 698 с.
8. Колас, Я. Збор твораў у сямі тамах. Т. 1. Вершы. Апавяданні вершам (1904–1917) / Якуб Колас; рэд. тома П. Глебкі. Мінск: Дзяржаўнае выдавецтва БССР. Рэдакцыя мастацкай літаратуры, 1952. — 552 с.
9. Колас, Я. Збор твораў у сямі тамах. Т. 2. Вершы. Апавяданні вершам (1917–1952) / Якуб Колас; рэд. тома П. Глебкі. — Мінск: Дзяржаўнае выдавецтва БССР. Рэдакцыя мастацкай літаратуры, 1952. — 462 с.
10. Колас, Я. Избранные стихи / Якуб Колас. Перевод с белорусского. / Ред. М. В. Исаковский. М.: Гослитиздат, 1935. — 136 с.
11. Литературная газета. — 1956. — № 25. — 28 февр.
12. Личный архив наследников Якуба Коласа (сына Я. Коласа Д. К. Мицкевича).

13. Личный архив Якуба Коласа // Государственный литературно-мемориальный музей Якуба Коласа, опись 88.
14. НАРБ, ф. 4 п., воп. 21 спр. 1084, л. 78-81; л. 82-83. Великий А., Скалабан В. Письмо из 37-го. Михаил Исаковский // Аргументы и факты (Смоленск). — 1998. — № 4.
15. «...Опасное право быть судимым...по законам немногих». Из архива Сергея Городецкого. Публикация и комментарии В. Енишерлова // Наше наследие. М., 2001. № 56.
16. Правда. — 1956. — № 52. — 21 февр.

Н. В. Яковенко

**«ПОРАЗИТЕЛЬНАЯ СЛИТНОСТЬ ВЫРАЖЕНИЯ»:
ТВОРЧЕСКИЕ И ДРУЖЕСКИЕ КОНТАКТЫ
АРКАДИЯ КУЛЕШОВА И МИХАИЛА ИСАКОВСКОГО
[по материалам переписки поэтов]**

Народного поэта Беларуси Аркадия Кулешова и выдающегося русского поэта Михаила Исаковского объединяла многолетняя дружба и творческое сотрудничество, послужившие сближению и взаимообогащению двух литератур, представителями которых они являлись. Тем не менее, ни белорусское, ни российское литературоведение до сих пор не имеют специальных исследований, посвященных этой теме, что, в свою очередь, определяет новизну, научную значимость и актуальность нашей работы.

Примерно с 10 сентября до 20 октября 1942 года, находясь на Калининском фронте в качестве корреспондента армейской газеты «Знамя Советов», Аркадий Кулешов написал свою знаменитую поэму «Сцяг брыгады» («Знамя бригады»), являющуюся непревзойденным образцом белорусской военно-патриотической лирики и гордостью белорусской литературы.

Сразу же после написания поэмы — 21 октября 1942 г. Кулешов отправил письмо белорусскому поэту Василию Витке, работавшему в то время в Отделе пропаганды и агитации ЦК КПБ редактором массовых изданий для оккупированных районов, с просьбой помочь откомандировать его в Москву для выпуска в свет только что написанного произведения и перевода его на русский язык.

Позже В. Витка сообщил А. Кулешову, что начальник Центрального штаба партизанского движения при ставке Верховного Главнокомандования Пантелеймон Пономаренко отдал приказ отозвать А. Кулешова в Москву.

С ноября 1942 до 5 марта 1943 г. Кулешов находился в Москве. До 20 ноября 1942 г. на квартире Александра Твардовского он читал «Сцяг брыгады» для него, Александра Фадеева, Самуила Маршака и белорусского драматурга и литературного критика Алеся Кучера. Твардовскому понравилась поэма и он отправил ее для пе-

ревода на русский язык Михаилу Исаковскому, находившемуся в то время в г. Чистополе Татарской АССР¹.

Из письма М. Исаковского А. Кулешову от 28 декабря 1942 г. (ф. 411, оп. 1, д. 198, л. 1–2)² известно, что поэма очень понравилась Исаковскому, и он дал согласие перевести ее для журнала «Знамя» с оговоркой, что если даже журнал не примет его условия, он все равно ее переведет.

Михаил Исаковский, в частности, писал автору поэмы: «Перевод мне хочется сделать как можно лучше, как того заслуживает поэма. Для этого мне хотелось бы получить Ваше согласие на некоторую свободу действий. Дело, видите ли, вот в чем. Часто бывает так, что можно то или другое место произведения перевести с дословной точностью. Казалось бы, что всё в порядке, что так и надо. Однако на проверку выходит, что такой перевод по-русски звучит плохо, что стихи получаются какими-то искаженными и пр. В таких случаях я являюсь сторонником того, что переводчик может отойти от мнимой точности и найти свои слова (может быть, не всегда такие, как в оригинале), но зато такие, которые наиболее точно передают авторский замысел и не калечат стиха»³. Это письмо положило начало многолетнему творческому сотрудничеству и дружбы двух известных поэтов.

М. Исаковскому был отправлен первый вариант поэмы, состоящий из 2000 строк, но А. Кулешов продолжал работать над произведением — «сокращались длинноты, дорабатывались слабые места. Когда пришёл перевод, А. Кулешов внес в него поправки. По свидетельству автора, поэма была сокращена против первого варианта примерно на 500 строк»⁴. В 1-м и 2-м номерах журнала «Знамя» за 1943 г. поэма «Знамя бригады» в переводе М. Исаковского была напечатана.

Особенность поэмы «Знамя бригады» в большой степени создает наличие в ней «суровых и щемящих поэтизаций в плане бал-

¹ Голуб, Т. Летapis жыцця і творчасці Аркадзя Куляшова / Т. Голуб. — Выд. 2-е. — Мінск: Беларуская навука, 2014. — 348 с. — С. 95–104.

² Ссылка на материалы Белорусского государственного архив-музея литературы и искусства.

³ Письмо М. Исаковского к А. Куляшову от 28.12.1942 // Белорусский государственный архив-музей литературы и искусства. — Ф. 411. Оп. 1. Д. 198. Л. 1.

⁴ Голуб, Т. Летapis жыцця і творчасці Аркадзя Куляшова / Т. Голуб. — Выд. 2-е. — Мінск: Беларуская навука, 2014. — 348 с. — С. 99.

лад, песен, плачей, народного мелоса...»⁵. Так, песенным стилем, трогательностью и народной образностью выделяются те фрагменты произведения, где его герои вспоминают или посещают родные места, например:

Доўгі след палявых каляін
 Вывеў нас да родных мясцін,
 Да мясцін, дзе з маленства я рос,
 Да сяброў
 Дубоў,
 Да сябровак бяроз.
 Тут навузнік вісеў на сасне, —
 А чаго
 Яго
 Не відно больш мне?
 Дуб стагодні стаяў на лугу, —
 А чаму
 Яму
 «Добры дзень» сказаць не магу?
 Я пазнаць не магу аніак
 Стрэчнай вёскі... Дзе школа? Вятрак?
 Дзе знаёмыя хаты?... Адны
 Сярод поля тырчаць каміны⁶.

А. Кулешов использует фольклорную образность (друзья дубы, подруги березы, столетний дуб на лугу), которая оттеняет и четко подчеркивает трагическую картину сожженной деревни. В переводе М. Исаковского, насколько возможно, сохраняется образность и, что самое главное, передается четкость трагического рисунка:

Скоро нас колея полевая
 Довела до родимого края,
 До сторонки, где жил я и рос,
 До знакомых дубов и берез...
 Здесь скворечник я видел не раз.

⁵ Гісторыя беларускай літаратуры XX стагоддзя : у 4 т. / НАН Беларусі. Ін-т літ. імя Янкі Купалы. — Мінск: Беларуская навука, 2001–2003. — 4 т. — Т. 3. — С. 432.

⁶ Куляшоў А. Сцяг брыгады: на беларускай, рускай і ўкраінскай мовах / А. Куляшоў. — Мінск: «Беларусь», 1970. — 240 с. — С. 72.

Где же этот скворечник сейчас?
Дуб столетний стоял на лугу.
Почему же ему
«Добрый день» я сказать не могу?
Не узнать мне деревни никак:
Где знакомые хаты, ветряк?
Где же школа? Ни школы, ни хат.
Только черные трубы торчат⁷.

Поэма «Знамя бригады» была «голосом сердца, наполненного болью за родную белорусскую землю, плачем по ней и горячей светлой верой в ее силы к борьбе, в ее освобождение»⁸. Особенно проникновенно, с большим эмоциональным накалом этот голос, наполненный лютой ненавистью к врагу и болью за страдания родного края, звучит в конце произведения, одновременно как своеобразный вывод-приговор, обещание-присяга и уверенное утверждение близкой победы:

Я не проста свой дзённік пішу,
А прысуд выношу,
Каб над ворагам здзейсніць пасля, —
Бо чакае ратунку
Заняволеная зямля,
Нашых прагнучы пацалункаў.
Адрываўся ад спраў,
Слёзы, кроў, дым і попел пажараў
Не ў радкі я старанна збіраў,
А ў магутную хмару.
Дышуць полымнай сілай радкі.
Судны дзень набліжаецца.
З хмары
Хутка грозных маланак штыкі
Па варожых галовах удараць.
Няхай слёзы з вачэй — ручаём,
З сэрца — кроў, а з варожае хаты

⁷ Куляшоў А. Сцяг брыгады: на беларускай, рускай і ўкраінскай мовах / А. Куляшоў. — Мінск: «Беларусь», 1970. — 240 с. — С. 148.

⁸ Гніламёдаў У. В. Ад даўніны да сучаснасці: нарыс пра беларускую паэзію / У. В. Гніламёдаў. — Мінск: Мастацкая літаратура, 2001. — 246 с. — С. 137.

Льєцца полымя ноччу і днём
У часы расплаты!..⁹

В переводе на русский язык этот фрагмент поэмы довольно сильно трансформировался, скорее всего — оттого, что точный перевод на русском языке получался «искалеченным» и плохо передавал художественные особенности оригинала, как и объяснял М. Исаковский в цитировавшемся выше письме к А. Кулешову. Тем не менее, прекрасное ощущение «голоса сердца» А. Кулешова позволило переводчику точно передать содержание и эмоциональный накал поэтического выражения, а изменения, внесенные в произведение, были одобрены автором, авторизовавшим перевод:

Нет, пишу я не просто дневник, —
Приговор выношу справедливый.
Я на кровь на людскую глядел,
На пожары, на пепел летучий
И не в строки собрать их хотел,
А в могучую тучу.
Чтоб ответили наши враги
В судный день за свои преступления.
Пусть же пламенем дышат листки!
Пусть же молний разящих штыки
Весь, от первой до этой строки,
Приговор приведут в исполнение!¹⁰

|| 319 ||

Аркадий Кулешов высоко ценил не только поэтические, но и переводческие способности Михаила Исаковского. Так, в 1970 г. в «Литературной газете» в статье «Первооткрыватель», написанной к 70-летию русского поэта, А. Кулешов признался: «Имя Исаковского, большого друга белорусской литературы, особо дорого нам. На его задушевной песенной поэзии училось не одно поколение белорусских поэтов. Он одним из первых начал переводить на русский язык белорусские стихи. Для него в выборе вещи для перевода всегда существовал и существует один непререкаемый авторитет — высокое качество <...> я — автор многих переведенных им стихотворений и поэм, всегда отмечал не только схожесть переводов с оригиналами, но и удивительную естественность и

⁹ Куляшоў А. Сцяг брыгады: на беларускай, рускай і ўкраінскай мовах / А. Куляшоў. — Мінск: «Беларусь», 1970. — 240 с. — С. 82–83.

¹⁰ Там же. — С. 158.

правдивость их слововыражений. Читаются переводы непринужденно и легко. В театре, покоренные хорошим актерским исполнением роли, мы забываем об условности сцены. Нечто подобное происходит с нами, когда мы читаем переводы Исаковского, где полностью преодолены условные фигуры чужого языка, счастливо обойдены подводные рифы оригинала, его звуковых особенностей и свойств. Я всегда буду благодарен Михаилу Исаковскому за то, что он, поэт, давно любимый мною, впервые представил мою поэзию своими переводами широкому советскому читателю»¹¹.

Кстати говоря, исходя из такой же позиции — наиболее точно передать авторский замысел и «не покалечить стиха», А. Кулешов создавал переводы произведений М. Исаковского на белорусский язык. По словам исследователя творчества Аркадия Кулешова Михаила Кенько, «у Исаковского и Кулешова вообще было много близкого между собой. Они оба жили событиями сложных и героических лет, в которые росла и мужала их поэзия, шли близкими путями в творчестве <...> переводы Кулешова с Исаковского чрезвычайно органично сливаются с белорусской языковой стихией, стихи звучат так, как будто были написаны самим Кулешовым, — так удачно найдены слова и выражения, присущие языку перевода. И в то же время переводчик не выходил за пределы творчества Исаковского, не подменял образные средства. Читая переводы Кулешова, нельзя не заметить, насколько стихи Исаковского созвучны мироощущению переводчика, тематике его творчества»¹².

Аркадий Кулешов перевел 17 стихов Михаила Исаковского, лучшие из них позже он включил в четырехтомное и пятитомное собрания своих сочинений и принял активное участие в подготовке к изданию сборника избранных произведений М. Исаковского на белорусском языке, изданный в 1952 г.¹³ Кроме собственных переводов, А. Кулешов включил в него переводы, выполненные А. Русаком, Э. Огнецвет, М. Танком, А. Остапенко, М. Климковичем, П. Бровко, В. Витко и др.

¹¹ Голуб, Т. Летапіс жыцця і творчасці Аркадзя Куляшова / Т. Голуб. — Выд. 2-е. — Мінск: Беларуская навука, 2014. — 348 с. — С. 270.

¹² Кенька, М. П. Майстэрства Аркадзя Куляшова-перакладчыка / М. П. Кенька. — Мінск: Навука і тэхніка, 1983. — 128 с. — С. 65.

¹³ Ісакоўскі, М. Выбраныя творы: пераклады пад рэд. А. Куляшова / М. Ісакоўскі. — Мінск: Дзяржвыд БССР, 1952. — 283 с.

Отмеченные М. Кенько свойства переводческой манеры Аркадия Кулешова наглядно подтверждает переложения на белорусский некоторых стихов Михаила Исаковского.

В свое время приобрела широкую популярность песня на стихи М. Исаковского «Прощание»:

Дан приказ: ему — на запад,
 Ёй — в другую сторону...
 Уходили комсомольцы
 На гражданскую войну,
 Уходили, расставались,
 Покидая тихий край.
 — Ты мне что-нибудь, родная,
 На прощанье пожелай.
 И родная отвечала:
 — Я желаю всей душой —
 Если смерти, то — мгновенной,
 Если раны — небольшой.
 А всего сильнее желаю
 Я тебе, товарищ мой,
 Чтоб со скорою победой
 Возвратился ты домой¹⁴.

|| 321 ||

Стихотворение М. Исаковского в переводе А. Кулешова на самом деле органично звучит на белорусском языке, точно передает авторский стиль, идентичность образных средств, его идею и лирическую наполненность:

Ёсць загад: яму — на захад,
 Ёй — другая старана...
 Разлучала камсамольцаў
 Грамадзянская вайна.
 У паход яны спяшалі,
 Пакідалі ціхі край.
 — Ты мне, родная, што-небудзь
 На дарогу пажадай.

¹⁴ Исаковский М. Чужая земля не нужна. Стихотворения, песни, поэмы, переводы, письма, воспоминания о М. Исаковском / М. Исаковский; сост., вступ. ст. В. Т. Фомичева. — М.: Русский мир, 2000. — 448 с. — С. 76.

І дзяўчына адказала:
 — Я жадаю ўсёй душой —
 Калі смерці, то раптоўнай,
 Калі раны, то малой.
 А яшчэ жадаю, дружа,
 Я табе ўсяго мацней,
 Каб дадому з перамогай
 Ты вяртаўся як хутчэй¹⁵.

Для органического звучания произведения на белорусском языке, с учетом его словообразовательных возможностей и находясь в рамках ритмики и рифмосложения, переводчик нашел удачные аналоги авторским поэтическим высказываниям: «Уходили комсомольцы / На гражданскую войну» — «Разлучала камсамольцаў / Грамадзянскую вайна»; «Уходили, расставались, / Покидая тихий край» — «У паход яны спяшалі / Пакідалі ціхі край»; «А всего сильней желаю / Я тебе, товариш мой» — «А яшчэ жадаю, дружа, / Я табе ўсяго мацней». Очень близкая к оригиналу вариативность на микростилистическом уровне текста обеспечила полное соответствие перевода авторскому тексту. Тот же самое — в переводе короткого лирического стихотворения М. Исаковского «Знать, напрасно это слово...»:

Знать, напрасно это слово
 Ты тогда сказала:
 Обещала, что напишешь,
 И... не написала.
 Знать, напрасно берегу я,
 Что когда-то было:
 Обещала — не забуду.
 А сама — забыла¹⁶.

¹⁵ Исакоўскі, М. Выбраныя творы: пераклады пад рэд. А. Куляшова / М. Исакоўскі. — Мінск: Дзяржвыд БССР, 1952. — 283 с. — С. 81.

¹⁶ Исаковский М. Чужая земля не нужна. Стихотворения, песни, поэмы, переводы, письма, воспоминания о М. Исаковском / М. Исаковский; сост., вступ. ст. В. Т. Фомичева. — М.: Русский миръ, 2000. — 448 с. — С. 84.

Перевод:

Знаць, дарэмна гэта слова
Ты тады сказала:
Абяцала, што напішаш,
І... не напісала.
Знаць, дарэмна берагу я
Ўсё, што сэрцу міла:
Абяцала — не забуду,
А сама — забыла¹⁷.

Тут хорошо подобран эквивалент высказыванию «Что когда-то было» — «Ўсё, што сэрцу міла». Он не просто передает заложенную в оригинале мысль-переживание, но и придает особую мягкость и утонченность лирическому высказыванию. Так же органично и мягко звучит переложение пейзажной лирики М. Исаковского, например, в стихотворении «В заштатном городе»:

Небеса над линией —
чистые и синие,
В озере за мельницей —
теплая вода.
И стоят над озером,
и бредут по линии,
Где проходят скорые
поезда¹⁸.

Перевод:

Даль нябёс над лініяй —
чыстая і сіняя,
За млыном старэнькім —
цёплы плёс ракі.
І стаяць над рэчкай,
і брыдуць па лініі,

¹⁷ Исакоўскі, М. Выбраныя творы: пераклады пад рэд. А. Куляшова / М. Исакоўскі. — Мінск: Дзяржвыд БССР, 1952. — 283 с. — С. 120.

¹⁸ Исаковский М. Чужая земля не нужна. Стихотворения, песни, поэмы, переводы, письма, воспоминания о М. Исаковском / М. Исаковский; сост., вступ. ст. В. Т. Фомичева. — М.: Русский мир, 2000. — 448 с. — С. 58–59.

Дзе праходзяць хуткія
цягнікі¹⁹.

Говоря словами М. Кенько, в переводе А. Кулешова «каждая строка живет самостоятельной жизнью, несет свою нагрузку. В них не встретишь и несоответствия поэтике Исаковского»²⁰. Действительно, абсолютно в манере русского поэта звучат переведенные строки, где «небеса» — «даль нябёс», «мельница» — «старэнькі млын», озерная «теплая вода» — «цёплы плёс ракі».

В Белорусском государственном архиве-музее литературы и искусства в фонде А. Кулешова (фонд № 411, дела № 198–203, 385) хранится 119 документов, касающихся контактов этих двух поэтов. Совсем небольшая часть (несколько единиц) этих документов послужила материалом для книги белорусского текстолога Терезы Голуб «Летапіс жыцця і творчасці Аркадзя Куляшова»²¹.

Проведенная нами работа по выявлению, систематизации, критическому анализу, исторической интерпретации архивных материалов позволила нам внести уточнения в «Летапіс...» и ввести в научный оборот ранее неизвестные историко-литературные факты, касающиеся жизни и творчества А. Кулешова и М. Исаковского.

Так, письмо М. Исаковского по поводу перевода поэмы «Знамя бригады» датируется не 29 декабря 1942 г., как указано в «Летапісе...»²², а 28 декабря того же года. Кроме того в книге Т. Голуб, составленной по ежегодной хронологии от рождения до смерти Аркадия Кулешова (1914–1978), в разделе за 1946 г.²³ не указан факт пребывания поэта в подмосковном санатории «Барвиха», установленный нами на основании письма Михаила Исаковского от 9 июня 1946 г. (ф. 411, оп. 1, д. 198, л. 9), в котором тот сообщает, что у него находятся дымчатые очки А. Кулешова, забытые в «Барвихе», и спрашивает, как их передать владельцу.

Этот факт имеет важное значение потому, что 14 февраля 1946 г. А. Кулешов написал родителям и сестре письмо, в котором

¹⁹ Исакоўскі, М. Выбраныя творы: пераклады пад рэд. А. Куляшова / М. Исакоўскі. — Мінск: Дзяржвыд БССР, 1952. — 283 с. — С. 60.

²⁰ Кенька, М. П. Майстэрства Аркадзя Куляшова-перакладчыка / М. П. Кенька. — Мінск: Навука і тэхніка, 1983. — 128 с. — С. 66.

²¹ Голуб, Т. Летапіс жыцця і творчасці Аркадзя Куляшова / Т. Голуб. — Выд. 2-е. — Мінск: Беларуская навука, 2014. — 348 с.

²² Там же. — С. 99.

²³ Там же. — С. 122–127.

пожаловался, что уже четыре месяца страдает от нервного истощения и спазмов кровеносных сосудов. Судя по тому, что в мае 1946 г. А. Кулешов ушел с должности ответственного редактора газеты «Літаратура і мастацтва», а в июне–июле 1946 г. вместе с женой и детьми отдыхал в несвижском санатории «Беларусь»²⁴, болезнь была очень серьезной. Очевидно, лечение в «Барвихе» А. Кулешов проходил вскоре после увольнения с работы, к которому состоянию здоровья имело отношение.

Серьезные проблемы со здоровьем были и у М. Исаковского. В письме к А. Кулешову от 9 апреля 1945 г. (ф. 411, оп. 1, д. 198, л. 5) он объясняет: «Я бы уже сейчас хотел взяться за перевод (подборки стихотворений А. Кулешова. — Н. Я.), но со мной случилось несчастье: произошло кровоизлияние на дне глаза и я не могу сейчас работать. <...> Поздравляю Вас с премией (речь идет о премии за лучшую детскую книгу, которая была присуждена 21 марта 1945 г. А. Кулешову и переводчику М. Исаковскому за поэму «Цимбалы». — Н. Я.). Хотел это сделать раньше, но не мог. Премия совпала с началом моей болезни, я лежал в постели и просто не имел возможности послать Вам телеграмму. Еще и сейчас я пишу с трудом».

23 сентября 1947 г. (ф. 411, оп. 1, д. 199, л. 9) М. Исаковский сообщил: «Я чувствую себя все же плохо и работаю с большим трудом». Судя по письму от 15 ноября 1947 г. (ф. 411, оп. 1, д. 199, л. 14), хроническое заболевание глаз вынуждало М. Исаковского оправдываться за несделанную вовремя работу по переводу и предлагать А. Кулешову передать свои произведения другому переводчику: «Дорогой Аркадий Александрович, Вы будете правы, если при ближайшей встрече побьете меня. До сих пор я не перевел Ваших стихов и даже приблизительно не знаю — когда смогу перевести. У меня так отвратительны дела со зрением, что не могу ни за что взяться. В довершение всего стоят такие пасмурные, такие темные дни, что хоть пропадай».

Я пишу Вам об этом для того, чтобы Вы сами решили, как поступить дальше. Может быть, для Вас будет лучше, если Вы передадите стихи другому переводчику.

Не обижайтесь на меня за все это. Положение у меня действительно очень тяжелое, и я ничего не могу тут поделать».

Через двадцать лет после совместного отдыха в санатории «Барвиха» Михаил Исаковский написал Аркадию Кулешову:

²⁴ Голуб, Т. Летаніс жыцця і творчасці Аркадзя Куляшова / Т. Голуб. — Выд. 2-е. — Мінск: Беларуская навука, 2014. — С. 124–125.

«Я, к сожалению, всё болею (лежу в больнице уже 4-ый месяц). Вчера был у меня П. У. Бровка — говорили о Вас. А потом, после больницы, я собираюсь ехать в Барвиху, и теперь все вспоминал Вас, вспоминал те далекие годы, когда и Вы, и я были в Барвихе весною совсем еще молодыми. Как неумолимо летит время.

П. У. говорил, что Вы хорошо работаете, хотя и больны. Как говорится, дай вам бог написать еще много-много хороших стихов» (24 декабря 1965 г., ф. 411, оп. 1. д. 202, л. 8).

Историко-литературный интерес представляет переписка двух поэтов по поводу поэмы «Граница». Известно, что 20 декабря 1952 г. А. Кулешов написал письмо М. Исаковскому, в котором сообщил, что отправляет ему экземпляр этой поэмы, считающейся стихотворной повестью, и попросил перевести ее на русский язык. При этом он добавил: экземпляр, «как мне кажется, в основном окончательный. Сократил я около ста строк, но и дописал, как вы увидите, около ста пятидесяти»²⁵.

Нами найдено письмо М. Исаковского к А. Кулешову, датированное 3 февраля 1953 г. (ф. 411, оп. 1, д. 200, л. 5–6), которое, скорее всего, является ответом именно на это обращение белорусского поэта. В нем содержатся не только существенные замечания по поводу текста произведения, информация о процессе перевода и частичной публикации его в «Огоньке», но и сведения, касающиеся жизни самого М. Исаковского. Так, он отмечает: «Я получил Ваше письмо и в нём, наряду со всем прочим, новое начало Вашей “Границы”. Об этом начале я хочу сказать Вам несколько слов.

Конечно, я переведу его. Однако, мне кажется, что это не совсем то, о чем говорил А. Твардовский, когда Вы с ним были у меня. Насколько я помню, он говорил о таком новом начале, которое как бы “оправдало” тот факт, что Вы взялись писать повесть о днях, которые “давно миновали”. Он говорил, примерно, так: надо во вступлении выразить ту мысль, что, мол, хоть это было и давно, но всё же не нужно забывать этого, надо помнить его, ибо это наша история, причём история поучительная и для настоящего времени.

Я выражаю мысль Твардовского не очень точно, схематично, но Вы понимаете, в чём дело.

Ваше же новое начало носит несколько иной характер. В этом начале Вы пишете, что Вам попал в руки старый отрывной кален-

²⁵ Голуб, Т. Летапіс жыцця і творчасці Аркадзя Куляшова / Т. Голуб. — Выд. 2-е. — Мінск: Беларуская навука, 2014. — 348 с. — С. 180.

дарь (издания 1931 года) и Вы, листая его, вспомнили свою юность и вот решили написать.

Однако, это ничего нового не добавляет к тому, что у Вас было написано раньше. Ведь и без него ясно, что речь в повести идёт о начале тридцатых годов, т.е. о событиях, происшедших в дни Вашей юности. В последней главе, например, есть прямое подтверждение данного положения. И я не знаю — стоит ли ещё раз говорить об этом и в начале, говорить в такой форме, в таком значении, как это сказано у Вас. По-моему, новое начало будет уместно лишь тогда, когда в нём Вы раскроете не только внешний (подчеркнуто Исаковским. — Н. Я.) повод (попался в руки старый календарь, вызвавший воспоминания о прошлых днях), давший толчок к написанию повести, но и объясните, так сказать, внутренний идейный смысл Вашей работы (примерно, в том духе, как говорил Твардовский).

Конечно, это лишь моё личное мнение и оно, разумеется, совсем необязательно для Вас. Но всё же я счёл необходимым сказать Вам о нём».

Личное мнение М. Исаковского, так же как и мнение А. Твардовского, всегда было особенно значимым для А. Кулешова. 31 января 1953 г. он написал ещё одно письмо М. Исаковскому, в котором сообщил, что отправляет отдельно переработанные главы «Границы». 11 февраля 1953 г. написал письмо М. Исаковскому с сообщением о том, что отправил ему два варианта одного фрагмента текста этого произведения и высказал свое мнение относительно его содержания²⁶.

В том же цитируемом нами письме от 3 февраля 1953 г. Михаил Исаковский сообщает о себе: «Что касается моего самочувствия, то надо признаться, оно довольно отвратительное. После Минска (надо полагать, М. Исаковский был в Минске в конце января — первых числах февраля 1953 г. — Н. Я.) мне несколько дней было лучше. Я даже побывал на заключительном заседании, посвящённом дискуссии о Маяковском. А теперь опять плохо. Что-то нехорошее делается с сердцем, не говоря уже о других «органах». В поликлинику идти страшно не хочется — опять начнётся волянка со всякими обследованиями и пр. А этого я страшно (зачеркнуто М. Исаковским. — Н. Я.) не люблю. Но все же, наверно, придётся склонить голову перед медициной, хотя я и не очень верю, что из этого что-либо получится».

²⁶ Голуб, Т. Летапіс жыцця і творчасці Аркадзя Куляшова / Т. Голуб. — Выд. 2-е. — Мінск: Беларуская навука, 2014. — 348 с. — С. 181–182.

В письме от 15 марта 1953 г. (ф. 411, оп. 1, д. 200, л. 8) М. Исаковский сообщил о том, что продолжает, по его словам «помаленьку», переводить «Границу» и кратко рассказал о трудностях перевода. Следом за ним было написано еще одно письмо — от 19 марта 1953 г. (ф. 411, оп. 1, д. 200, л. 9), в котором сообщалось о большой творческой загруженности, затрудняющей процесс перевода.

Письмо М. Исаковского от 11 апреля 1953 г. (ф. 411, оп. 1, д. 200, л. 10–11) содержит информацию о ходе работы над переводом и жалобы на большую загруженность работой, несмотря на проблемы со здоровьем. В коротком письме М. Исаковского от 15 июня 1953 г. (ф. 411, оп. 1, д. 200, л. 13) сообщается о внесении правок в текст перевода «Границы».

6 февраля 1954 г. А. Кулешов отправил новый вариант «Границы» с просьбой перевести его для издания произведения отдельной книгой в издательстве «Советский писатель»²⁷. 15 февраля 1954 г. (ф. 411, оп. 1, д. 201, л. 1) М. Исаковский ответил согласием. 25 марта 1954 г. (ф. 411, оп. 1, д. 201, л. 4–5) М. Исаковский написал о необходимости найти сопереводчика, но, насколько можно судить по публикациям и дальнейшей переписке, все же до конца перевел сам. Так, в записке М. Исаковского от 16 сентября 1954 г. (ф. 411, оп. 1, д. 201, л. 6) сообщается о том, что он продолжает заниматься переводом нового варианта «Границы» и о результатах переговоров по поводу ее опубликования.

В начале апреля 1955 г. в Москве увидела свет книга Аркадия Кулешова «Поэмы», в которую вошли «Знамя бригады», «Граница», «Цимбалы», «Дом № 24», «Простые люди», «Только вперед» в авторизованном переводе Михаила Исаковского²⁸.

Таким образом, произведения М. Исаковского и А. Кулешова получили достойное переложение на белорусском и русском языках, благодаря взаимопереводу этих талантливых поэтов, которые в переводческом сотрудничестве, согласно утверждению их общего друга, поэта и переводчика Якова Хелемского, «достигли поразительной слитности выражения» и «черты их давнего внутреннего единства проступили со всей яркостью»²⁹.

²⁷ Голуб, Т. Летапіс жыцця і творчасці Аркадзя Куляшова / Т. Голуб. — Выд. 2-е. — Мінск: Беларуская навука, 2014. — 348 с. — С. 188.

²⁸ Там же. — С. 196.

²⁹ Хелемский, Я. Чистота звучания. Книга о белорусской поэзии и ее друзьях / Я. Хелемский. — Минск, 1988. — 399 с. — С. 258–259.

Вместе с тем исключительную важность для белорусской и русской литератур представляют собой до настоящего времени не введенные в научный оборот изученные нами архивные материалы, касающиеся творческих и личных взаимоотношений Аркадия Кулешова и Михаила Исаковского, поскольку они дают возможность еще больше узнать о жизни и деятельности поэтов, внесших огромный вклад в историю литературы, раскрывают новые страницы межнациональных культурных связей.

Т. П. Борисюк

**КОНЦЕПТ «ТВОРЧЕСТВО»
В ПИСЬМАХ МАКСИМА ТАНКА
К РУССКИМ КОРРЕСПОНДЕНТАМ (1946–1966)**

Народный поэт Беларуси Максим Танк (Евгений Иванович Скурко) имел достаточно активные связи и контакты с российскими писателями, что отразилось и в его переписке с ними, в том числе в плане осмысления доминантного для наследия белорусского автора концепта «творчество».

Из письма от 8.01.1988 мы узнаём, что в газете «Известия» за 6.12.1987 «была опубликована статья Андрея Вознесенского “Совесть мысли”, в которой автор обвинял Белоруссию в неуважительном отношении к памяти Константина Симонова, в отказе провести на Могилёвщине всесоюзные Симоновские чтения». М. Танк как Председатель правления Союза писателей БССР дал подробный отчёт редакции вышеуказанной газеты о том, насколько много и трепетно чтят в нашей стране память К. Симонова и что А. Вознесенский был кем-то неправильно информирован [1, с. 177–178].

21.01.1946 г. датируется письмо М. Танка Б. С. Иринину (наст. Бурштын; 1893–1964), русскому поэту и переводчику. Здесь белорусский поэт высказывает русскому коллеге сожаления о том, что им не удалось встретиться ни в Москве, ни в Минске. Он высоко оценивал перевод Б. С. Ирининым на русский язык своего стихотворения «Сон» оправдывая лексические отступления от оригинала, в отличие от украинского практически дословного пересоздания. Высказывал желание напечатать ирининский перевод на русский язык в минских газетах или русском альманахе. М. Танк признавался русскому другу в проблемах со здоровьем членов своей семьи (его самого, сына и дочери), просил его узнать, есть ли его сборник избранных стихотворений в плане издательства на 1946 год [1, с. 179].

В своём письме ленинградскому другу П. С. Кобзаревскому (наст. Гордон Фавий Залманович; 1909–1970), русскому писателю и переводчику, от 8.04.1948, М. Танк сообщал о высокой оценке его переводов своих стихотворений [1, с. 181], которые он отдал печатать в белорусские периодические издания. Письмо М. Танка от

29.04.1948 содержало просьбу белорусского поэта к ленинградскому товарищу о том, чтобы включили в русскоязычную антологию его стихотворения «Мы вернемся», «В метель», «Зима» в переводе, а также просил прислать статью для <журнала> «Полюмя» об этой антологии [1, с. 182]. В своём письме П. С. Кобзаревскому от 4.05.1948 М. Танк говорил, что перевёл часть поэмы А. А. Прокофьева, просил первого включить в антологию своё стихотворение «Болота в выцветшей одежде», а стихотворение «От дождей» — перевести на русский язык. Белорусский автор уточнял для русского коллеги даты написания (1947) некоторых своих стихотворений, пояснял значение слов «сфагнум», «теодолит», «конвалия», «уроки» в белорусском языке [1, с. 183].

В письме от 20.05.1948 г. М. Танк сообщал П. С. Кобзаревскому, что отдал его материалы в газету «ЛиМ» [1, с. 184]. Далее белорусский автор делился своими мыслями о том, какое оформление сборников он считает удачным, оценивал качество переводов и фотографии авторов в книге А. А. Прокофьева и «Поэты Ленинграда», в антологии белорусской поэзии на русском и украинском языках. М. Танк в письме от 22.08.1948 сообщал о том, что пересылает П. С. Кобзаревскому номера 6 и 7 журнала «Полюмя», второй из них — со статьёй об А. Прокофьеве, чью поэму «Сад» он высоко оценивал, так как там «есть чудесные места, которые оставляют глубокое впечатление» [1, с. 184]. Просил прислать ему переводы его стихотворений, обещал прислать рукопись своего сборника на белорусском языке, который в скором времени должен был быть издан [1, с. 185].

Письмо к П. С. Кобзаревскому от 15.05.1949 содержало сообщение М. Танка о его возвращении из Праги, со Всемирного Конгресса сторонников Мира. В нём белорусский автор просил передать привет Владимиру Лившицу (1913–1978), русскому поэту, чьи произведения он переводил. М. Танк шутил, прося передать привет юбиляру — великому русскому поэту, цитируя в письме тексты двух своих стихотворений, ему посвящённых («В доме Пушкина», «Пушкину»). В письме от 24.05.1949 М. Танк оценивал перевод его стихотворения «В доме Пушкина» В. А. Рождественским как хороший, при этом считав, что оно ритмически стало менее выразительным и высказывал П. С. Кобзаревскому просьбу сохранить ритм оригинала [1, с. 187]. Письмо от 22.08.1949 М. Танка к этому же адресату содержало просьбу передать привет знакомым поэтам Александру Прокофьеву, Николаю Брауну и Андрею Дементьеву [1, с. 187]. Белорусский автор сообщал об окончании своей работы над «Дневником мира», который недавно напечатал в «Звезде», а

также о замысле написать цикл стихотворений о своём путешествии в Польшу и о Татрах, о Поронине, где когда-то жил В. И. Ленин [1, с. 188]. Сообщал П. С. Кобзаревскому о выходе в Москве своей книги и что из «литературной газеты» интересовались, кому дать её рецензировать [1, с. 188].

В письме этому же автору от 9.01.1950 М. Танк делился, что во 2-й и 3-й номерах «Полюмя» планировали напечатать стихотворения А. А. Прокофьева, а в номере, посвящённом годовщине смерти М. И. Калинина, — напечатать статью о нем И. Эвентова [1, с. 189]. В письме от 29.10.1951 М. Танк сообщал о скором выходе в свет его сборника «На камне, железе и золоте», в который вошло более 30 его переводов стихотворений ленинградских поэтов [1, с. 190]. В письме от 24.04.1952 М. Танк просил П. С. Кобзаревского перевести стихотворения «Райком», «На Волге», «Образ вождя», поскольку посчитал переводы этих произведений, выполненные Николаем Горулёвым и Михаилом Ковалёвым, не очень удачными [1, с. 190]. Белорусский автор сообщал, что будет просить Б. С. Иринина прислать исправленные переводы своих стихотворений, после чего планировал авторизовать и дополнить свой сборник стихотворений в переводе на русский язык [1, с. 190].

В письме от 19.06.1952 М. Танк сообщал о своих путешествиях (в Москву, на Нарочь, в Вильнюс), из-за которых у него нет времени писать лирику, и просил пока нигде не печатать его последние стихотворения [1, с. 191]. Главная тема письма от 4.12.1952 — издание сборника М. Танка в Москве в издательстве «ГИХЛ» или «Советский писатель» [1, с. 191–192]. В письме от 21.05.1957 белорусский автор сообщал, что для сборника А. А. Прокофьева, куда тот включал свои переводы стихотворений, в т.ч. М. Танка, он уточнил даты написания некоторых своих произведений, а также даты произведений Максима Лужанина и Якуба Коласа [1, с. 193–194]. Говорилось также о неудачных переводах танковского стихотворения «Ave Maria» Сергеем Городецким и Яковом Хелемским, последний из которых не знал, что белорусское слово «ружанец» — это «чётки» [1, с. 194].

В эпистолярном документе от 28.09.1957 М. Танк делился информацией о своих поездках: произошедшей — в Украину и планируемой — в Китай — и просил передать в издательство, что после поездки в Китай из-за болезни не сможет написать предисловие к сборнику Михася Василька. В письме от 20.12.1957 сообщал о своей поездке в Варшаву. М. Танк поздравлял П. С. Кобзаревского с различными праздниками (в письмах от 23.10.1957, 25.04.1958, 31.10.1958, 28.04.1959, 18.12.1959, 22.04.1960, 29.12.1960 и др.).

Письмо от 17.07.1961 содержало информацию о проф. Кончаре, с которым они познакомились на литературном вечере в Союзе писателей и который писал воспоминания и стихи для журнала «Полымя» [1, с. 198].

Основной темой письма М. Танка от 27.09.1962 можно назвать его радость по случаю встречи в Москве с Николаем Брауном и Александром Прокофьевым, во время которой они вместе отредактировали сборник стихотворений белорусского автора, за что последний просил передать благодарность русским друзьям [1, с. 199]. В эпистолярном документе от 10.06.1964 М. Танк сообщал о своих поездках в Польшу и Украину, об участии в работе Сессии Верховного Совета, в комитетах и на совещаниях, о планах отдохнуть на Нарочи и съездить на декаду в РСФСР, из-за чего не находилось сил и времени на то, «к чему душа лежит», — на поэзию [1, с. 201]. Письмо от 7.01.1965 М. Танка к П. С. Кобзаревскому полно его благодарности Всеволоду Рождественскому, которому писатель хотел бы организовать юбилейную публикацию, а также Марии Комиссаровой (1904–1988) за их переводы белорусской поэзии на русский язык.

В письме от 18.06.1965 М. Танк хотел узнать у П. С. Кобзаревского адрес А. Андреева, одного из переводчиков своих стихотворений на русский язык, чтобы переслать ему за это гонорар [1, с. 202]. Эпистолярный документ от 25.12.1966 затрагивал вопрос об издании книги стихов о Ленинграде и Октябре на русском и белорусском языках, о чём белорусский автор обещал вести переговоры с издательствами, несмотря на то, что издательские планы на 1967 и 1968 гг., по его мнению, уже были утверждены [1, с. 204]. В письме от 26.07.1970 М. Танк пересылал три своих стихотворения П. С. Кобзаревскому с просьбой передать их А. Прокофьеву, чтобы последний их перевёл и напечатал в каком-нибудь журнале [1, с. 208].

Таким образом, из обзора эпистолярия М. Танка к русским писателям за 1946–1966 гг. можно заметить, что он освещал вопросы, которые имели отношение к доминантному для этого автора концепту «творчество»: он прояснял ситуацию ошибочного неуважительного отношения белорусов к памяти К. Симонова, оценивал переводы своих стихотворений русскими авторами (С. Городецким, Н. Горулёвым, Б. Ирининым, П. Кобзаревским, М. Ковалёвым, В. Рождественским, Я. Хелемским), говорил о своих встречах с поэтами (Н. Браун, П. Кобзаревский, проф. Кончар, А. Прокофьев), о своих поездках в различные страны (Китай, Литву, Польшу, Россию, Чехию, Украину), о планах выпуска своих

книг и публикаций в периодических изданиях, о текущей работе и творческих планах, о проблемах со здоровьем, поздравлял, в частности П. С. Кобзаревского, с различными праздниками. Общение с коллегами и единомышленниками из России наполняло творческую деятельность Максима Танка особым смыслом, было психологической и организационной поддержкой, помогало осуществлять международную популяризацию наследия белорусского и русских писателей в их культурном и духовно-психологическом взаимообогащении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Танк, Максім. Збор твораў: У 13 т. — Т. 12. Лісты / Максім Танк; рэд. тома А. У. Бразгуноў; падрыхтоўка тэкстаў і камент.: С. У. Калядка, У. С. Трафімец, А. Р. Шаkun; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т мовы і літ. імя Я. Коласа і Я. Купалы. — Мінск: Беларус. навука, 2011. — 942 с.

Научное издание

Утверждено к печати Ученым советом
Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН

БЕЛОРУССКАЯ ЗЕМЛЯ
В ВОСПОМИНАНИЯХ И ДОКУМЕНТАХ
XIX–XX вв.
Часть 2

Дизайн обложки и макет тома Д. К. Бернштейн
Корректор Е. Н. Сченснович
Компьютерная верстка А. З. Бернштейн

Подписано в печать 16.12.2019

Формат 60×90^{1/16}

Усл.-печ. л. 21,0.

Тираж 200 экз.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт мировой литературы им. А.М. Горького
Российской академии наук
121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
тел. (495) 691-23-01, 690-05-61

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6
Заказ №

ISBN 978-5-9208-0611-6

9 785920 806116

**ИМЛИ
РАН**

**ДВЕ ТЫСЯЧИ
ДЕВЯТНАД-
ЦАТЫЙ ГОД
МОСКВА**